

С. М. Соловьев

ИСТОРИЯ РОССИИ

**АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
ТИШАЙШИЙ**

Annotation

Сергей Михайлович Соловьев – один из самых выдающихся и плодотворных историков дореволюционной России. Его 29-томное исследование «История России с древнейших времен» – это не просто достойный вклад в сокровищницу отечественной и мировой исторической мысли, это практически подвиг ученого, равного которому не было в русской исторической науке ни до Соловьева, ни после. Книга «Алексей Михайлович Тишайший» рассказывает о положении церкви в Западной и Восточной России в XVII веке и о русско-польской войне 1654–1667 годов. Это подарочное иллюстрированное издание будет интересно не только историкам, но и широким кругам читателей.

- [С. М. Соловьев](#)
    -
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
-

С. М. Соловьев

Алексей Михайлович Тишайший

В целях содействия изучению истории книга рекомендована
Российским военно-историческим обществом

Глава первая

Состояние западной России в конце XVI и в первой половине XVII века

Значение религиозной борьбы в Восточной Европе. – Мысль об унии. – Иезуиты: Скарга и Поссевин. – Западнорусские архиереи, аристократия, братства. – Поведение архиереев во Владимире, Луцке, Львове. – Братство Львовское. – Приезд константинопольского патриарха Иеремии в Западную Россию. – Киевский митрополит Онисифор; его свержение и поставление Михаила Рагозы. – Экзарх Терлецкий. – Смуты вследствие распоряджений Иеремии. – Брестский собор 1590 года. – Разрыв Терлецкого с князем Острожским; печальное его положение. – Терлецкий начинает дело об унии. – Переписка Львовского братства с константинопольским патриархом. – Ипатий Потей, епископ владимирский; письмо к нему князя Острожского об унии. – Терлецкий и Потей действуют заодно в пользу унии. – Брестский собор 1594 года. – Поведение Рагозы относительно унии; переписка его с Скуминым. – Переписка князя Острожского с Потеем. – Окружное послание князя Острожского против епископов. – Львовский епископ Балабан отделяется от Терлецкого и Потей, которые отправляются в Рим и от имени всего духовенства западнорусского признают папу главою церкви. – Король старается поддержать дело Терлецкого и Потей на Руси. – Брестский собор 1596 года. – Разделение западнорусской церкви на православную и униатскую и борьба между ними. – Послание Иоанна Вишенского. – Стефан Зизаний и сочинения, против него направленные. – Poleмика по поводу Брестского собора. – Апокризис и его основные положения; Перестрога. – Король в окружной грамоте излагает свой взгляд на Брестский собор. – Движение козаков: Косинский и Наливайко. – Дело

патриаршего экзарха Никифора. – Переписка князя Острожского с папою. – Православные требуют к суду епископов-униатов. – Попытка православных соединиться с протестантами, чтоб вместе защищаться от католиков. – Потей назначен митрополитом после Рагозы и старается исторически доказать законность унии. – Мелетий Смотрицкий и его сочинения. – Речь депутата Древинского на сейме. – Поставление православных архиереев и Советование о благочестии. – Усиление борьбы вследствие поставления православных архиереев. – Иосафат Кунцевич и письмо к нему Льва Сапегы. – Убиение Кунцевича. – Послание папы против православных. – Наказание жителям Витебска за смерть Кунцевича. – Козаки. – Гетман Сагайдачный. – Сочинение Пальчевского о козаках. – Митрополит Иов Борецкий поднимает козаков на защиту православия. – Обращение Иова к Москве. – Торжество поляков над козаками и комиссия на Медвежьих Лозах. – Похождения искателя турецкого престола Александра Ахии. – Восстание козаков под начальством Тараса. – Кисель и его отношения к козакам. – Восстание Павлика и Скидана. – Восстание Острианина и Гуни. – Киевская школа. – Луцкое братство и школа. – Петр Могила. – Отступление Смотрицкого от православия. – Смерть Сигизмунда III. – Требования козаков. – Королевич Владислав старается уладить дело между православными и униатами. – Продолжение полемики между ними. – Петр Могила митрополит и его поведение. – Продолжение гонения на православных. – Переселение в Московское государство.

*И. Эггинк. Великий князь Владимир избирает религию. 1822 г.
Фрагмент*

В самом начале нашей истории мы заметили, что Россия не имеет резких природных границ ни на западе, ни на востоке, и таким образом природа дала русским людям мало помощи при утверждении их народной самостоятельности. Но зато скоро история дала им для этого могущественное средство: Русь приняла христианство, и христианство по восточному исповеданию. Христианство провело резкую черту между русским человеком и соседом его на Востоке, азиатцем, бусурманом, поганым. Христианство запечатлело русского человека окончательно и твердо европейским характером; но, с другой стороны, между русским и соседями их на западе, единоплеменными и чужеплеменными, прошла также резкая нравственная граница, вследствие различия восточного исповедания, принятого русскими, от римского исповедания, к которому принадлежали западные европейские народы. Религиозное различие, которое так могущественно действует в юном народе, составляя обыкновенно в его понятиях основу деления на наших и ненаших, — это религиозное различие взяло под свою опеку младенчествуящую, неразвитую народность русскую, поддержало самостоятельность народную. На Востоке борьба с иноверными азиатскими варварами велась постоянно под религиозным знаменем, с религиозным одушевлением; а когда в начале XVII века растерзанное смутами Московское государство готово было потерять свою самостоятельность, религиозное одушевление, сознание религиозного различия подняло русских людей против польских и литовских людей, заставило их выбрать царя из своих и тем утвердить самостоятельность государства.

Обозревши Смутное время и восстановление спокойствия и самостоятельности Московского государства, Восточной России в царствование Михаила, мы должны обратить теперь наше внимание на Россию Западную, где шла также религиозная борьба, в решении которой должен был принять участие преемник Михайлов. Мы видели, что Западная Россия, вследствие известных недостатков своего государственного развития, не могла сохранить самостоятельности и должна была примкнуть к более сильному государству, Литовскому, а потом, при посредстве Литвы, соединилась и с Польшею. Мы видели

также, что на первых же порах этого соединения оказались большие неудобства вследствие различия исповеданий, когда при Ягайле и некоторых его преемниках польские католики давали себе волю увлекаться религиозною ревностью и теснить восточное русское исповедание. Мы видели, как уже давно подобные попытки имели следствием народную вражду и стремление русских людей оторваться от польско-литовского союза и присоединиться к единой Восточной России. Но до второй половины XVI века попытки эти распространить католицизм между русскими людьми мерами насилия или, но крайней мере, заставить их соединиться с католиками в учении веры, оставаясь при своих прежних богослужебных обрядах и языке богослужебном – попытки эти не были постоянны и сильны, и с течением времени ослабевали все более и более, во-первых, потому, что Ягеллоны хлопотали более всего о тесном неразрывном соединении Литвы и Руси с Польшею посредством уравнивания гражданских прав для народонаселения всех этих стран; но Ягеллоны хорошо понимали, что если бы при этом они воздвигли гонения на русскую веру, стали принуждать русских к унии с католиками, то цель их не была бы достигнута: таким образом, с усилением стремления к унии гражданской между Литвою и Польшею должны были ослабевать попытки к унии церковной, которая могла быть введена между русскими только путем насилия. Во-вторых, католическая ревность очень ослабела во времена перед реформацией, а Ягеллоны всего менее были способны возбуждать эту ревность; следовательно, и поэтому уже попытки к унии должны были прекратиться, и действительно, мысль о ней совершенно исчезла в половине XVI века.

Что же переменяло этот ход дел, так выгодный для Польши? Что воспламенило заснувшую католическую ревность, заставило католическое правительство Польши поднять гонение на веру своих русских подданных? А это, разумеется, должно было повести к тому же, что мы видели и прежде в подобных обстоятельствах: к отторжению русских областей от Польши и к присоединению их к Восточной России.

Наша древняя история имеет более связи с общим ходом европейских событий, чем это кажется с первого взгляда. Великий религиозный вопрос, религиозная борьба, поднятая в Западной Европе реформою Лютера, имела сильное влияние и на судьбы Восточной

Европы – судьбы нашего отечества. Великие события XVII века, как на западе, так и на востоке Европы, совершаются под влиянием религиозных вопросов, религиозной борьбы. На западе с католицизмом борется протестантизм, и вследствие этой борьбы происходит окончательное освобождение и определение народностей, стянутых, закованных до того времени римско-католическими стремлениями к материальному единству; на востоке с католицизмом борется восточное исповедание, охраняющее самостоятельность и народность русского и других восточных славянских племен, и между этими борьбами на востоке и на западе тесная связь. Учение Лютера и его разветвления, как мы видели, быстро распространились в польских владениях; как везде, так и здесь, католицизм, обнаруживая сильное противодействие врагу, выставил свое знаменитое ополчение – иезуитов. Иезуиты благодаря своим ловким приемам осилили протестантизм, больной и слабый разделением; но, осилив протестантизм, иезуиты немедленно обратили внимание на более опасного врага – на старинное, пустившее в народе глубокие корни, исповедание восточное, или русское: против него направлены были теперь усилия иезуитов; против него возбуждены фанатизм католического народонаселения, против него, но их внушениям, действует правительство, отуманенное фанатизмом, не умеющее разобрать собственного интереса, думающее или, по крайней мере, желающее других заставить думать, что уния церковная скрепит унию государственную: надежда основательная только в том случае, если бы эта уния совершилась спокойно, без насилия. Против русской веры направлены иезуитами беспокойные силы школьной молодежи: против нее говорят они проповеди и пишут ученые рассуждения, против нее действуют они в домах и школах, отрывая русскую молодежь от веры отцовской.

В 1577 году знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу: *О единстве Церкви Божией и о греческом от сего единства отступлении*. Две первые части посвящены догматическим и историческим исследованиям о разделении церквей; в третьей части, особенно для нас любопытной, автор говорит, что есть три причины, вследствие которых в русской церкви никогда порядка не будет: 1) женитьба священников, которые пекутся только о мирском, не заботятся о поучении паствы: от этого на Руси вся наука упала и паны оужичились (zchlopieli); 2) язык славянский: греки обманули русских

тем, что не дали им своего языка, но оставили язык славянский, чтобы русский народ никогда до настоящего разумения и науки не дошел, ибо только посредством латинского и греческого языков можно быть doskonaльным в науке и вере. Не было еще на свете и не будет ни одной академии или коллегии, где бы богословие, философия и другие науки на ином языке преподаваться и разуметься могли. С помощью славянского языка никогда никто ученым быть не может, этого языка уже теперь в сущности никто настоящим образом не понимает; нет на свете нации, которая бы им говорила так, как в книгах пишется; своих правил и грамматик он не имеет и иметь не может. У вас, русских, и не слыхать о таких людях, которые бы знали греческий язык, старый и новый, а у нас по всему свету одна вера и один язык: христианин из Индии с поляком может говорить о Боге; 3) унижение духовного сословия, вмешательство светских людей в дела церковные. Скарга прямо говорит об унии, указывает на духовные и мирские выгоды от нее; для унии, по его словам, нужны только три вещи: 1) чтобы митрополит киевский принимал благословение не от патриарха, но от папы; 2) чтоб каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римскою церковью; 3) чтоб признавал верховную власть столицы Римской; что же касается до обрядов церковных, то они остаются по-прежнему. Ту же книгу Скарга перепечатал в 1590 году с посвящением королю Сигизмунду III. Здесь автор говорит, что книжки его многим принесли пользу, многим открыли глаза, и требуется новое издание их; книжек этих уже нет в продаже: скупил их богатая Русь и сожгла. «Дай Боже, – говорит Скарга, – соединить всех еретиков, которых уже не очень много остается, и каждый бы день их убывало, если бы светская власть могла свободно пользоваться своим могуществом и нравами. Труднее обратить русских, которые отзываются предками и стариною». Скарга жалуется, что настоящее правительство не употребляет более того средства, которым прежние короли содействовали обращению русских в католицизм, именно, не допускали их в сенат, прежде чем обратятся. Другой иезуит, известный уже нам Антоний Поссевин, не успевши обратить в католицизм Иоанна Грозного, хлопотал об унии в Западной России, просил о заведении училищ для русских и в Риме и в Вильно: по его мнению, только обративши в латинство Западную Россию, можно было привести к тому же Восточную, или Московскую.

Иезуиты указали на унию, как на переходное состояние, необходимое для упорных в своей старой вере русских. Прямо указаны были и средства к унии, средства насильственные: лишение выгод за упорство в отцовской вере. Что иезуиты смотрели на унию только как на переходное состояние, видно из того же сочинения Скарги, который выставляет на вид пользу от единства богослужебного и ученого языка, тогда как при унии у русских оставался богослужебный язык славянский, а против него так вооружается Скарга. В то время, когда европейские народы, возросши, выпутывались из средневековых пеленок католического, латинского единства, чтобы с помощью родных языков развить свои народности, в то время иезуиты делали дерзкий вызов истории, утверждая, что не будет на свете такой академии или коллегии, где бы науки преподавались на иных языках, кроме латинского и греческого. Против такого оттягивающего европейское человечество назад начала, осуждающего его на вечную неподвижность, должна была теперь начать борьбу Западная Россия – борьбу за веру и народность. Но где же были у нее средства для успешного окончания этой борьбы?

Неизвестный художник. Петр Скарга. XVII в.

Мы видели уже, что во второй половине XVI века западнорусская церковь находилась далеко не в завидном положении. Правительство, принадлежавшее к другому исповеданию, по меньшей мере равнодушное, не могло быть внимательно к ее интересам, любило кормить ее хлебом своих, а не ее служителей, отдавать не только православные монастыри, но и целые епархии в управление людям, не чувствовавшим никакого внутреннего призвания к подобным должностям, из желания наградить не заслуги, оказанные церкви, но заслуги, оказанные государству только. Такие пастыри не могли укреплять паству в вере и нравственности: отсюда ослабление дисциплины церковной, ослабление нравственности низшего духовенства, упадок просвещения. Но если государство становилось во враждебные отношения к западнорусской церкви, отказывалось ее поддерживать, то этим самым вызывало к деятельности начало общественное. Что Скарга считал бедствием для русской церкви, именно вмешательство светских людей в дела церковные, то было необходимо и спасительно для нее: правительство не заботилось о церкви, архиерейство ослабевало – общество должно было принять к сердцу высший интерес свой и обнаружить сильное влияние на дела церковные. Но какие же средства имело западнорусское общество к обнаружению этого влияния, какие силы были в нем, какие соединения сил, союзы? Западнорусское общество в описываемое время представляет нам сильную аристократию, богатые могущественные роды; из них некоторые вели свое происхождение от Рюрика и Гедимины; от них, особенно в начале, русская церковь и народность получили сильную помощь: мы уже видели деятельность князя Константина Острожского, видели также, какую помощь русской церкви в борьбе ее с католицизмом оказал московский выходец, князь Курбский с товарищами. Но потом аристократия западнорусская начала ослабевать в стремлении своем поддерживать русскую веру и народность; средоточие ее деятельности было не на Руси, а в Короне Польской, при дворе, в сенате; аристократия русская составляла часть целой аристократии польской и стремилась приравняться к целому; интересы русские были для нее интересами провинциальными, и потому она скоро охладевает к ним, как ниже ее стоящим; старики еще крепко держались родной старины, но молодые, выхваченные из родной старинной обстановки воспитанием, браками, службою, легко

отвыкали от своего. Но если знатные паны, оказавшие вначале так много помощи русской вере и народности, ослабели впоследствии, то не слабело среднее сословие, городское народонаселение, благодаря крепким частным союзам, среди него образовавшимся, благодаря знаменитым братствам. Мы видели, что братства или братчины, общие всем областям русским, как восточным, так и западным, приобрели особенное значение в общинах более самостоятельных и развитых, следовательно, имели большее значение в Новгороде и Пскове, чем в городах низовых, имели большее значение в городах Западной, Литовской России, где старые общинные формы получили точнейшее определение и скрепление благодаря магдебургскому праву, где цеховое устройство особенно содействовало развитию братчин или братств.

Кроме этой крепкой основы для общей, дружной деятельности, городское сословие, мещанство и потому могло сильнее бороться за веру и народность, что сфера его была теснее, чем у аристократии; сильнее были у мещан местные провинциальные привязанности, ибо не забудем, что русские привязанности были провинциальные в Речи Посполитой Польской; понятно, следовательно, почему мещанские братства, коренившиеся на цеховом устройстве, явились средоточием, к которому стягивалась и шляхта во время борьбы за веру; за братство, за эти крепкие союзы, выработанные городским бытом Западной России, всего сильнее запнулись иезуиты с своею униєю.

Итак, сначала посредством аристократии, потом особенно посредством братств, западнорусское общество боролось за свою веру и народность, против могущественных врагов, поддерживаемых государством: посредством аристократии и братств русское общество имело влияние на дела церковные. Мы видели, что Скарга, с своей точки зрения, видел в этом влиянии мирских людей бедствие для церкви. С такой же точки зрения начали смотреть на дело и некоторые епископы русские, которым более других было тяжело это влияние; но понятно, что, усвоивши себе раз эту точку зрения, епископы легко признали необходимость и законность средства избавить церковь, т. е. самих себя, от этого вмешательства, успокоить церковь, дать ей внешнее благосостояние, легко признавали необходимость и законность унии.

Чтоб иметь понятие о состоянии западнорусской иерархии в описываемое время, взглянем на состояние значительнейших здесь

епархий. Некоторые западнорусские епископии богатством своих земельных владений превосходили восточные: епископии владимирской (на Волыни) принадлежали: укрепленный замок в городе Владимире и несколько дворов, местечко Квасов, шестнадцать селений в поветах Луцком и Владимирском, волость Купетовская, заключавшая в себе местечко Озераны, одиннадцать селений и рыбных ловель, остров Волослав на реке Луге, на котором находился монастырь св. Онуфрия. Епископии луцкой и острожской принадлежали четыре местечка и тридцать четыре селения в поветах Луцком и Владимирском, из них местечки Хорлуп и Жабче были защищены укрепленными замками, с пушками, гаковницами и другим огнестрельным оружием. Легко понять, что такие доходные места, дававшие важное значение и обильное кормление, были предметом искания для многих мирских знатных лиц, которые, добившись их с помощью светской власти, не покидали своих мирских привычек, да и трудно им было покинуть их, если бы даже хотели. Мы видели состояние Польши в описываемое время, видели своеволие сильных, презрение законов, слабость власти государственной; силу должно было отражать силою: не даром же епископские замки были укреплены и вооружены артиллерией; частые столкновения с жадными, сильными и своевольными соседями, иноверцами и потому не поставлявшими за грех поживиться на счет имений схизматического епископа, заставляли последнего беспрестанно являться в суды, обвинять и защищаться, и потому, вместо молитвы и приготовления поучений для паствы, владыка должен был сидеть над выписками из законов. В 1565 году, по смерти епископа Иосифа, явилось двое соперников, желавших завладеть епископией владимирской и брестской: шляхтич Иван Борзобогатый-Красенский и епископ холмский Феодосий Лазовский. Первый, получив королевскую грамоту на епархию, завладел епископским замком, где посадил сына своего Василия. Но король Сигизмунд-Август в то же время дал жалованную грамоту на владимирское епископство Лазовскому. Последний явился во Владимир с вооруженной силой, потребовал у Василия Красенского сдачи амка, получил отказ, начал добывать замок приступами и, наконец, овладел им. Король, по жалобе Ивана Красенского, послал дворянина своего звать Феодосия на суд; дворянин явился к епископу в соборную церковь Владимирскую и объявил ему приказ королевский. Феодосий отвечал,

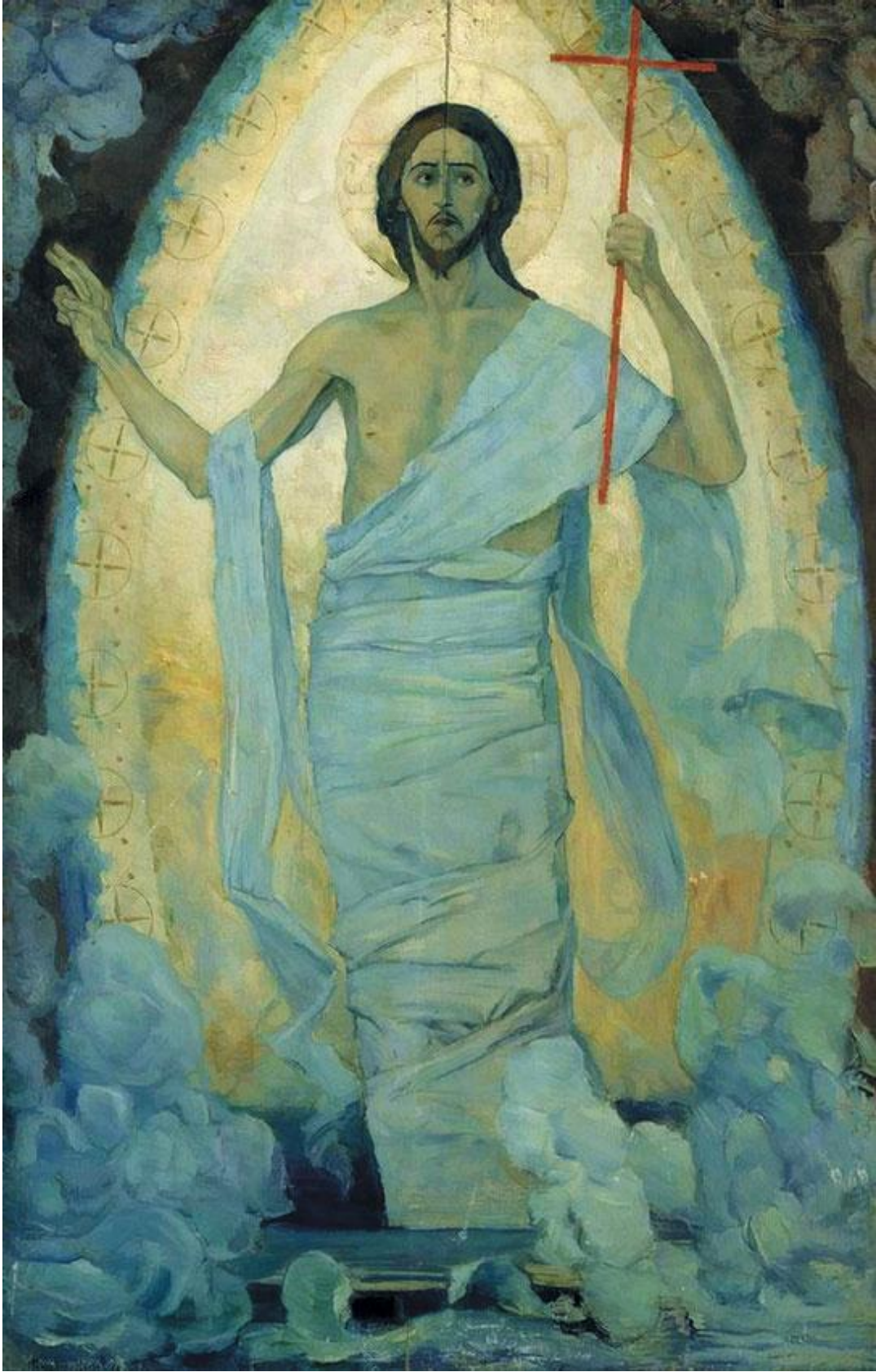
что не поедет на суд, бросился с посохом на слуг Ивана Красенского, велел своим людям бить их и топтать ногами в соборной церкви, наконец, выгнал их из замка, сказавши: «Если бы здесь был сам Борзобогатый, то я велел бы изрубить его в куски и бросить псам». Этот поступок Феодосия показывает нам, с каким человеком имеем дело; утвердившись в своей епархии, он вел себя как и другие сильные паны; и на него, как на других, подавались жалобы, что он с толпою вооруженных слуг наезжал на имения соседних владельцев, производил разбои и грабежи на большой дороге; в глубокой старости он совершенно вверился зятю своему Дубницкому, войту владимирскому, который расточал церковную казну, разорял церковные имения, крал жалованные грамоты. Но мы должны рассматривать поведение Феодосия Лазовского в связи с условиями времени, не должны прилагать к нему требований нашего времени и общества. Феодосий принадлежал к числу людей сильных характером, общество же не могло выставить никаких препятствий тому, чтобы эта сила не выражалась незаконным образом; общество терпело Феодосия, и Феодосий, когда страсти его утихли, вспомнил, что «при жизни было много бито, граблено, а под конец надобно душу спасти», и сделал следующее распоряжение: выделил из церковных имений местечко Озераны и одиннадцать селений, назначил доходы с этих имений на украшение соборной церкви Владимирской, на учреждение при ней богадельни и школы для детей; часть доходов назначена была на содержание двух проповедников; в школе положено иметь двух бакалавров: один должен был учить греческому, а другой славянскому языку. Феодосий выпросил у Стефана Батория позволение передать управление владимирской епархией архимандриту Киево-Печерского монастыря Мелетию Хребтовичу-Богуринскому, но при этом Феодосий пользовался доходами епархии до самой смерти своей, случившейся в 1588 году, и тогда епархия владимирская перешла в полную власть Хребтовича.

Между тем Иван Борзобогатый-Красенский, лишенный Феодосием епархии владимирской, получил от короля епископию луцкую и острожскую, по смерти Марка Жоравинского, который с 1561 до 1567 года управлял епархией луцкой, не посвящаясь в духовный сан. Красенский хотел было подражать своему предместнику, но киевский митрополит Иона сильными мерами заставил его посвятиться в 1571

году под именем Ионы. Новый епископ с своими детьми и родственниками распорядился церковными имениями как своею собственностью, отдал местечко Жабче в приданое за дочь; сыновья епископские грабили церкви, разгоняли монахов; наконец Иона поссорился с Баторием, не любившим своеволия, и умер баннитом. По смерти его в 1585 году переведен был на луцкую епископию Кирилл Семенович Терлецкий, епископ пинский и туровский, человек также дворянского происхождения, умный, образованный, ловкий и деятельный, способный управлять епархией по тогдашним условиям, но далеко не способный быть достойным епископом. Он нашел луцкую епископию в самом жалком положении вследствие грабежей Красенского и его родственников, должен был вооруженною рукой отнять у последних Жабче, лично хлопотал в судах о неприкосновенности церковных имений и прав; войско епископское всегда было наготове для отражения врагов.

Третьею западнорусскою епархией, которая обращает на себя особенное внимание в конце XVI века, была львовская в Галицкой, или Червонной Руси. Епископом здесь в это время был Гедеон Балабан, сын львовского же епископа Арсения. Получивши кафедру как бы по наследству, Гедеон считал себя еще в большем праве, чем другие его товарищи, смотреть на нее как на собственность неотъемлемую, но этот епископ-собственник встретил себе сильное сопротивление в братстве Львовском. Во время посещения Львова антиохийским патриархом Иоакимом в 1586 году львовские мещане, ктитория храма Успения Богородицы, упростили его благословить их на устройство братства. Между братством, получившим широкие права, и между епископом Гедеоном, ревнивым к своей власти, тотчас же начались столкновения; дело дошло до константинопольского патриарха Иеремии, тот взял сторону братства и в ноябре 1587 года писал Гедеону: «Мы судили, истинно испытали и нашли в тебе убийцу и ненавистника добру; не смей ничего говорить против Львовского братства, на котором Бог почивает и славится, и если услышим, что ты возбраняешь дела благия, то будешь отлучен, а потом и другому церковному наказанию подвергнешься». Это грозное послание понудило Гедеона стать на точку зрения Скарги, убедиться, как вредно вмешательство мирян в дела церковные, убедиться, что уния с господствующею церковью освободит владык от унижения мирской цензуры; он сблизился с

католическим львовским епископом и в 1588 году изъявил ему желание принять унию.

М. Нестеров. Воскресение Христа. 1922 г.

В таком состоянии находилась западнорусская церковь, когда в 1589 году посетил ее константинопольский патриарх Иеремия, возвращавшийся из Москвы. Мирские люди не замедлили подать ему сильные жалобы на церковные беспорядки, виною которых были епископы порочные и нерадивые. К числу последних принадлежал главный пастырь, митрополит киевский, Онисифор Девочка, к которому в 1585 году православные галицкие дворяне прислали с сейма следующую любопытную грамоту: «Великому несчастью своему приписать должны мы то, что во время вашего пастырства все мы страшно утеснены, плачем и скитаемся, как овцы, пастыря неимущие. Хотя вашу милость старшим своим имеем, однако ваша милость не заботитесь о том, чтоб словесных овец своих от губительных волков оборонять, нисколько не заботитесь о благочестии. С жалобой на великие несправедливости, нам сделанные, мы приехали на сейм в Варшаву, в надежде на ваше обещание явиться туда же, чтоб вместе бить челом королю, защищать права и вольности закона нашего греческого. Но ваша милость не хотите исполнять своих обязанностей, не хотите быть деятельным при таких великих бедах, больше которых не было и не будет. Во время вашего пастырства вдоволь всякого зла в законе нашем случилось, насилия святыни, замыканье св. тайн, запечатание церквей святых, запрещение звонить, выволакивание от престола из церквей Божиих попов как злодеев, запрещение мирским людям молиться в церквах: таких насилий не делается и под ногайскими царями, и все это делается в пастырстве вашей милости. Но этого мало: рубят кресты святые, захватывают колокола в замок, отдают их в распоряжение жидам, а ваша милость листы свои открытые против церкви Божией жидам на помощь даешь. Из церквей делаются костелы иезуитские, имения, церкви Божией данные, теперь к костелам привернуты. В монастырях честных, вместо игуменов и братьи, игумены с женами и детьми живут и церквами святыми владеют; из больших крестов маленькие делают; что было дано к Божией чести и хвале, из того святотатство сделано: из вещей церковных делают себе пояса, ложки и сосуды, из риз саяны, из епитрахилей брамы. Но, что еще хуже, ваша милость поставляешь один епископов без свидетелей и без нас, братьи своей, что и правила запрещают, вследствие чего

негодные люди становятся епископами и на столицах с женами своими живут без всякого стыда и детей родят. И других, и других, и других бед великих и нестроения множество! Наставилось епископов много, на одну епархию по два: от того и порядок погиб. Мы по обязанности своей вашу милость остерегаем, молим и просим: Бога ради, вспомни святых предшественников своих, архиепископов киевских, и возревнуй благочестию их, а на нас не прогневайся: жаль нам души и совести вашей, за все ответ Господу Богу должны вы отдать».

Онисифор, по приезде Иеремии, должен был оставить митрополию, и на место его патриарх поставил в митрополиты известного уже нам архимандрита минского Михаила Рагозу, по представлению христианства, т. е. всех православных Западной России. Любопытно, что при посвящении Михаила Иеремия произнес следующие многозначительные слова, обращаясь к окружавшей знати: «Если он достоин, то по вашему глаголу буди достоин, если же недостоин, а вы его достойным выставляете, то я чист, вы узрите». Из этих слов ясно видно все значение мирских людей при избрании Рагозы, причем патриарх выделил совершенно свою волю; мирские люди представили ему незначительного, ему вовсе неизвестного архимандрита, и патриарх уступил их желанию, снявши с себя всю ответственность. Вглядываясь внимательнее в характер и поведение Рагозы, можно понять, почему выбор мирских людей пал на него: в новом митрополите мирские люди искали именно такого пастыря, который не был бы похож на тогдашних западнорусских епископов, не похожих вообще на епископов. Михаил был человек благочестивый, скромный, сравнительно безукоризненной нравственности, далекий от дел насилия, но, к сожалению, с этими достоинствами частного человека, монаха и епископа Михаил не соединял других достоинств, необходимых для западнорусской церкви в то бурное время: не соединял твердости и энергии, был слаб, боязлив, вследствие чего должен был играть такую жалкую, двоедушную роль во время дела об унии.

Как бы то ни было, Михаил был избранник мирских людей и потому должен был держать их сторону, сторону братств. Патриарх действовал в том же смысле. В Вильне 1589 года он издал окружную грамоту епископам о низвержении из сана священников двоеженцев и троеженцев, с выговором, что пинский епископ Леонтий утаил таких в

своей епархии. В грамоте этой патриарх говорит, что он слышал от многих благоверных князей, панов и всего христианства и сам глазами своими видел, как позволялось священнодействовать двоеженцам и троюженцам. Тогда же Иеремия благословил учредить братство в Вильне у церкви Св. Троицы, которое обязывалось раздавать милостыню по госпиталям, тюрьмам и нищим по улицам два раза в год – на Светлое Воскресенье и на Рождество Христово; обязывалось в школе даром учить детей братских и других убогих сирот языкам: русскому, греческому, латинскому и польскому; для науки школьной содержать людей ученых, печатать книги церковные и школьные на языках греческом, славянском, русском и польском. Иеремия же подтвердил новые постановления и права Львовского братства: 1) Не быть другому общественному училищу во Львове, кроме училища братского, в нем одном учить православных детей священному писанию, славянскому и греческому языкам. 2) Братство имеет право печатать не только церковные книги: часословы, псалтири, апостолы, минеи, триоди, требники, синаксари, евангелия, метафрасты, торжественники, хроники или летописцы и прочие богословские книги, но и другие нужные для училища, именно грамматику, пиитику, риторику и философию. 3) Священника, избранного братством к церкви Успения, епископы львовские должны благословлять без всякой отговорки и противоречия; братство же и удаляет от должности священника, если он станет жить неприлично.

Но, согласившись на поставление Рагозы по представлению мирских людей, Иеремия, спустя немного времени, в знак ласки и благоволения своего, дал старшинство над всеми епископами, экзаршество – должность, старшую в духовных делах, – епископу луцкому, Кириллу Терлецкому, видя в нем мужа искусного, ловкого и ученого. Экзаршество, или наместничество патриаршее, состояло в том, что Терлецкий имел право исправлять всех епископов, блюсти за порядком между ними, негодных извергать. Что побудило Иеремию на установление такой важной должности подле митрополичьей, отнять у митрополита почти все значение и передать епископу луцкому? Успели ли Терлецкий разными средствами подбиться к патриарху, представить ему неспособность Рагозы, опасную силу мирских людей, выразившуюся при назначении Михаила, свою собственную обиду при этом? Действительно ли патриарх, признавая неспособность Михаила в

такое опасное и бурное время, спешил облечь властью своего наместника – человека более ловкого и деятельного? А быть может, и сами мирские люди, знатные паны, видя, что обидели Терлецкого, обойдя его митрополией и не желая лишиться помощи такого деятельного и ученого человека, содействовали или, по крайней мере, нисколько не мешали назначению его экзархом? Источники не отвечают на эти вопросы, и потому, оставя все предположения в стороне, заметим только, что назначение Терлецкого экзархом было странно и вредно.

Смуты начались еще прежде, чем патриарх успел выехать из пределов Западной России. Терлецкий наговаривал патриарху на других епископов, Мелетий владимирский уличал Терлецкого в насильственном поступке с посланцем патриаршим; Иеремия послал сказать митрополиту, чтобы созвал собор для решения этих дел и заплатил ему, патриарху, пятнадцать тысяч аспр (250 талеров) за поставление, ибо если бы Рагоза должен был за этим поставлением ехать в Константинополь, то дороже бы ему стало; митрополит, недовольный патриархом, который поставил его митрополитом, давши всю власть другому, подчиненному епископу, отвечал посланному: «Не обязан я ничего давать патриарху, и собора теперь созвать не могу». Митрополит был недоволен учреждением экзархата в пользу Терлецкого; Терлецкий был недоволен тем, что, несмотря на звание экзарха, не пользовался полною доверенностью патриарха, который велел созвать на него собор; Геден Балабан львовский был сильно недоволен тем, что патриарх подтвердил права ненавистного ему братства; тем же самым должны были быть недовольны все вообще епископы, которых ставили под цензуру мирских людей. Между привилегированным Братством Успенским во Львове и другими – непривилегированными, меньшими братствами встала рознь: в 1590 году четверо граждан львовских с другими потаковниками своими, принадлежа к братствам Никольскому, Федоровскому и Богоявленскому, соединились с епископом Геденом и стали вооружаться против Успенского братства и его школы, уговаривая многих не посещать ее. Митрополит Михаил, заступаясь за Успенское братство, отлучил их от церкви.

В таком положении находились дела, когда в июне 1590 года созван был собор в Бресте, на котором присутствовали митрополит Михаил, Мелетий Хребтович, епископ владимирский, Кирилл

Терлецкий, епископ луцкий, Леонтий Пельчинский – пинский, Дионисий Збируйский – холмский, Гедеон Балабан – львовский; были приглашены также Адам Потей, каштелян брестский, и все крилошане соборные. Отцы рассуждали о великих притеснениях, которым подвергается православная церковь, о великом нестроении в духовенстве, о разврате, несогласиях, непослушании и бесчинствах между некоторыми христианами. Для предотвращения подобного нестроения и своевольств, для установления порядка, для рассуждения о школах, науках, госпиталях и других благочестивых делах отцы постановили собираться ежегодно в Бресте Литовском в июне 24 числа; кто не явится на собор, должен заплатить 50 коп грошей литовских на общие потребности духовные; кто поставит причиною отлучки болезнь, тот, приехавши на собор следующего года, должен присягнуть, что действительно был болен; если же кто и на другой год не приедет и присяги не даст, тот будет лишен епископии. Архиереи обязались привозить на собор всех архимандритов, игуменов, протопопов и других пресвитеров, в св. писании знающих; обязались не позволять, чтоб простые люди держали монастыри; обязались не вступаться в чужие епархии, не ставить недостойных пресвитеров под пенею ста коп грошей литовских; кто же не заплатит, тот подпадает проклятию. На соборе явилось семеро депутатов Львовского братства (из них двое греков) с жалобой на епископа Гедеона, который не исполняет постановлений патриарших относительно братств Львовского и Рогатинского, уже после уговора и примирения своего с ними. На эти жалобы Гедеон отвечал одно: «Братство не хочет воздавать мне надлежащей епископской чести, потому я и сержусь на него». Но собор решил дело в пользу братства: так как Гедеон никогда не соглашался благословлять священников для братства, почему церковь братская бывала без службы к соблазну христианам, то братство передано в непосредственную зависимость киевского митрополита, который и благословляет священников братских, братством избранных.

М. Нестеров. Покров Богоматери. 1914 г.

После собора Кирилл Терлецкий занемог и поехал в Сендомир лечиться; потом пришла весть, что он при смерти. Тогда один из урядников замковых острожских, Боровицкий, по давнему обычаю, вошел в дом епископа и захватил его пожитки. Но Терлецкий выздоровел и, возвратясь из Сендомира, обратился с жалобой к князю Острожскому в надежде на большую любовь этого вельможи к себе. Но Боровицкий пользовался также сильным расположением князя, вследствие чего успешно защищался, и когда Терлецкий уехал из Острога, то Боровицкий стал обносить его перед князем и так успел очернить Кирилла, что князь вместо прежней любви стал оказывать презрение к нему. Легко понять теперь положение луцкого епископа, разладившего с самым могущественным вельможею своей епархии и столпом православия! С одной стороны, разлад с своими в лице самого сильного из своих, с другой – поднимается ожесточенное преследование от чужих. Секретарь королевский Мартын Броневский напал с толпою вооруженных людей на церковное владение Фалимичи, завладел ерковным и епископским имением; староста луцкий, Александр Семашко, сделавшийся из православных католиком, наложил подать за вход в соборную луцкую церковь; в апреле 1591 года, в Страстную субботу и Светлое воскресенье, Семашко велел впустить в замок, где находилась церковь, только одного епископа с слугою, без духовенства, почему в соборной церкви не было в эти дни богослужения, а епископ два дня не пил и не ел, между тем как пьяный Семашко в притворах соборной церкви заводил танцы и игры и приказывал гайдукам своим стрелять в купол и крест церковный.

В июне, по приговору, епископы съехались на собор в Брест, определили жаловаться королю, что урядники и землевладельцы Великого княжества Литовского вступаются в дела духовные, судят священников, разводят браки. Но Терлецкий с некоторыми товарищами решился избавиться от всех бед, грозящих как от своих, так и от чужих, прямым средством, на которое давно уже было указано иезуитами – унию. Король Сигизмунд получил следующую грамоту: «Мы, нижеподписавшиеся епископы, желаем признавать пастырем нашим и главою наместника св. Петра святейшего папу римского, от чего ожидаем великого умножения хвалы Божией в церкви Его святой; но,

желая быть в повиновении у святейшего отца папы, мы желаем, чтоб оставлены были нам все церемонии, службы и порядки, какие издавна церковь наша св. восточная держит, и чтобы его королевская милость вольности нам грамотами обеспечил, и артикулы, которые нами будут поданы, утвердил; а мы обязуемся быть под властью и благословением отца папы, и лист этот с подписью наших собственных рук и приложением печатей дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу луцкому и острожскому. Подписали: Кирилл луцкий, Геден львовский, Леонтий пинский и Дионисий холмский».

Только в январе 1592 года король отвечал на жалобу митрополита запрещением светским лицам вмешиваться в дела духовные, и только 18 марта написан был привилей королевский согласным на унию епископам: «Мы, государь, им самим, епископам, пресвитерам и всему духовенству церкви восточной и религии греческой обещаемся сами за себя и за потомков наших, что если бы кто-нибудь из патриархов и митрополитов наложил на них клятву, то эта клятва им и всему духовенству их ни в чем не будет вредить; обещаем ни по каким обвинениям и клятвам не отнимать у них епархий и другим при жизни их не отдавать; обещаем приумножить к ним ласку нашу, придавая им и каждому, кто склонится к унии, свобод и вольностей в той же мере, в какой имеют их и римские духовные, что обещаем и другими привилеями нашими утвердить». В это время между православными еще ничего не было известно о замысле Терлецкого с товарищами; по крайней мере Львовское братство, продолжая борьбу с своим епископом, в грамоте к патриарху от 6 февраля 1592 года еще ничего не говорит об этом. В этой грамоте братство пишет: «Беспрестанными бедами томит нас Геден, епископ львовский, людей разделил и на братство наше вооружил, приказал всем под клятвою отвращаться от нас; монастырь св. Онуфрия, ставропигион наш ктиторский, под благословением митрополита находящийся, пограбил, игумена обесчестил. На соборе показали мы грамоту вашей святыни об этом монастыре и священнике нашего братского храма, которого архиепископ (т. е. митрополит Михаил) под благословение свое принял, а епископ проклиняет. Мы жаловались на епископа на соборе, но бесчинного ради собора не было о том суда, на будущий собор отложили. Архиепископ с епископами утвердили, чтобы вперед

священники братств Львовского и Виленского были под благословением архиепископским и под защитою всего собора, но епископ, по древнему своему противлению, и теперь противится, и всюду между всяких чинов людьми клеветает, что мы не можем ни церкви строить, ни школы заводить. Поэтому отпустили мы дидакалов (учителей) Кирилла в Вильну, Лаврентия в Брест, другие по иным местам разошлись, а Стефан здесь живет; священники лучшие, ради гонения епископского, разошлись в иные страны, а двоеженцы водворились везде. Епископы холмский и пинский с женами живут и, видя это, двоеженцы смело литургисают. Сильно смущается церковь и вспять возвращается; люди знатные, в различные ереси впадшие, хотевшие прежде возвратиться к своему правоверию, теперь не хотят; хулят церковное бесчиние, и все люди единогласно вопиют: «Если не устроится церковь, то вконец разойдемся, отступим под римское послушание и будем жить в покое безмятежном». Некоторые неправду сказали твоему святительству, будто у нас есть люди, не почитающие св. икон: нет таких ни в братстве нашем, ни в целом городе. Дело вот как было: когда архиепископ наш (Михаил) был здесь в Галиции, то в городе Рогатине нашел икону: вместо Спасова образа написан Бог отец с сединами; то же и в Галиче. Архиепископ велел эту икону вынести из церкви и написать Спасово изображение. Но Гедеон, епископ львовский, по уходе архиепископа, велел в Галиче икону невидимого Бога отца в церкви выше всех икон поставить, и подписал имя иконе: «Ветхий денми», и, уча народ, обвинял архиепископа в иконоборстве. На Воскресение Христово какой-то хлеб, называемый пасха, по старому еретичеству приказывает освящать; пятницу празднуют, и на другой день Рождества Христова пироги приносят в унижение Богородицы (так называемый полог Богородицы, по нашему на зубок). Все это велит епископ по старому держать и не соблазняться прещениями твоего святительства. Сообщаем твоему святительству и радостные вести: в Вильне братство размножается. Федор Скумин (Тышкевич), воевода новгородский, и пан Богдан Сапега, воевода минский, со многими чиновными людьми вступили в братство церковное и утвердили единство свое с братством Львовским, дабы вместе промышлять об общей пользе. Кроме того, пан Адам Потей, каштелян брестский, сенатор королевский, заложил в Бресте чин братства Львовского».

Как же удивилось Львовское братство, когда вскоре после этого враг его Гедеон объявил грамоту патриаршую, в которой приказывалось изъять монастырь св. Онуфрия из-под власти митрополита. В сентябре братство писало патриарху: «Не знаем, как это случилось? От зависти ли бесовской, или от клеветы злохитрых людей, или потому, что ты забыл прежнюю свою грамоту?» Тут же, обличая непорядки церковные, братство впервые донесло патриарху о замысле насчет унии: «Прежде всего да ведает твоя святыня, что у нас так называемые святители, а лучше сказать, сквернителю вопреки иноческому обету с женами невозбранно живут; некоторые многобрачны святительствоуют, другие с блудницами детей прижили. Если такие святители, то простые священники и подавно. Когда митрополит на соборе обличил священников и требовал, чтобы они отказались от священства, то они отвечали: «Пусть прежде святители откажутся от своего святительства, послушают закона, тогда и мы их послушаем. Епископы похитили себе архимандритства и игуменства и ввели в монастыри родню свою и урядников мирских; имения все церковные пограбили, иночество испразднили, коней и псов в монастыри ввели. Многие же утвердили совет предаться римскому архиерейству с сохранением закона греческой веры, и римский папа послал одного иерея своего с приказанием по всем церквам своим квасным хлебом службу совершать в знак соединения церквей; иезуит виленский Петр Скарга напечатал книги о вере своей и о греческом заблуждении и королю вручил. Люди рассудили, что может Христова вера под римскою властью правомерно исповедаться, как и сначала было: потому что безначалие во многоначалии нашем обретается, законы отеческие попораны, и ложь православием лицемерствующих учителей покрыла церковь».

Братство не могло еще, не умело назвать епископов, решившихся на унию: так осторожно и тайно действовали они; понятно, что в таком важном деле они должны были действовать медленно, и потому не нужно искать причину этой медленности в каком-нибудь внешнем обстоятельстве. Львовское братство писало патриарху, что у многих укореняется мысль о необходимости подчиниться римскому престолу, как о единственном средстве избавиться от безначалия и беспорядков, господствовавших в русской церкви; но сделать решительный, открытый шаг к этому подчинению было крайне трудно и опасно. Терлецкий один не мог на это решиться; Терлецкому одному трудно

было действовать, приобретать сообщников: как мы видели, он лишился дружбы князя Константина Острожского. Но скоро явился человек, который занял место Терлецкого в расположении князя Константина: в начале 1593 года, по смерти владимирского епископа Мелетия, епархию эту получил Ипатий, в миру Адам Потей, тот самый сенатор и каштелян брестский, о благочестивой ревности которого упоминало Львовское братство в письме к патриарху. Потей явился достойным своего нового сана, явился «великим подвижником, воздержником, постником, чутким охранителем прав церковных и ни в какое дело светское не вступающим». Но бывший каштелян был мало сведущ в догматических подробностях восточного исповедания, был равнодушен к вопросу о различии церквей и тем легче мог быть склонен к унии. Терлецкий взялся за это дело. «На ласку князя Острожского полагаться опасно, – говорил он Потее, – ко мне был ласков, а теперь презирает. Патриархи будут часто ездить в Москву за милостынею, а едучи назад, нас не минуют; Иеремия уже свергнул одного митрополита, братства установил, которые будут и уже суть гонители владык: чего и нет, и то взведут и оклеветают; удастся им свергнуть кого-нибудь из нас с епископии: сам посуди, какое бесчестье! Господарь король дает должности до смерти и не отбирает ни за что, кроме уголовного преступления, а патриарх по пустым доносам обесчестит и сан отнимет: сам посуди, какая неволя! А когда поддадимся под римского пану, то не только будем сидеть на епископиях наших до самой смерти, но и в лавице сенаторской засядем, вместе с римскими епископами, и легче отыщем имения, от церквей отобранные».

Ф. Солнцев. Архимандрит и иеромонах. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Не знаем, кто первый начал разговор об унии, Потей или князь Острожский; знаем, что 21 июня 1593 года князь писал владимирскому епископу следующее письмо: «Всякий человек должен стараться о том,

чтобы быть размножителем и любителем хвалы Божией. И я, по причине многочисленных мирских занятий моих, хотя не мог посвятить всего себя заботам об умножении хвалы Божией, однако, по христианской обязанности, с давнего времени было у меня желание, и теперь не слабеющее, но более и более распаляющееся, желание найти способ к тому, чтобы церковь Христова, всех церквей начальнейшая, в первобытное состояние прийти могла. Но, как вижу, достойное создается достойными и честное совершается честными. Так и мне или несчастье воспрепятствовало, или собственное недостойнство мое не допустило положить начало доброму делу. Однако св. писание говорит: «Сила Божия в немощи совершается», и потом: «От человек невозможное Богу возможно». Опираясь на эти слова, незадолго перед тем, не славы ради житейской, Бог весть, но сетуя о падении церкви Христовой; не терпя наругания еретиков и отступников, дерзнул я с легатом папы римского, Поссевином, советовать и гадательствовать о некоторых нужных речах писания святого, не сам, но чрез своих старших и пресвитеров; но Богу не угодно было, не знаю, на пользу нам или во вред. И так случилось тогда, как было угодно богу. И теперь, не имея возможности прекратить заботы о церкви Божией, имея намерение для здоровья, своего телесного отправиться в те страны, недалеко от которых живет папа римский, предлагаю хлопотать там о соединении церквей, если бы было на то произволение Божие, если бы вы, духовные, на будущем соборе вашем нашли способы к прекращению внутренней брани в церкви Божией. По моему мнению, ваша милость епископ владимирский, согласившись с преосвященным отцом архиепископом и епископами, с позволением и грамотою его королевской милости, должны ехать к великому князю московскому и вместе с великим князем и духовенством земли тамошней посоветоваться, порассказать им, какое гонение, преследование, поругание и уничижение народ здешний русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит, просить их, как единоверцев, стараться о том, чтобы больше церковь Христова такой смуты, а народ русский такого гонения и озлобления не терпели. Усердно прошу вашу милость, как ласкового господина и приятеля, особенно же теплого тщателя в любви веры Христовой, стараться из всех сил на соборе, чтоб положить начало если не соединению, то, по крайней мере, улучшению жизни народной. Ибо известно всем вашим милостям, что люди нашей

религии упали нравственно, что господствует в них леность и нерадение к благочестию: не только не исполняют они обязанности своей христианской, не защищают церковь Божию и веру свою старинную, но еще сами многие, насмехаясь над нею, разбегаются по разным сектам. Если ваши милости стараться об этом не будете, то сами знаете, кто повинен будет ответ дать, ибо вы вожди, наставники и пастухи паствы Христовой. Но отчего же размножились между людьми леность, нерадение и отступление от веры? Оттого, что нет учителей, нет проповедников слова Божия, нет наук, нет проповедей; от этого наступило истощение хвалы Божией в церкви его, наступил голод слушания слова Божия, началось отступление от веры и закона. Дошло до того, что нет ничего, чем бы могли мы утешиться в законе своем. Имеем право сказать словами пророческими: «Кто даст голове нашей воду и очам нашим источник слез», чтоб могли мы оплакивать упадок, истощение веры и закона своего день и ночь? Все ниспроверглось и упало, со всех сторон скорбь, сетование и беда, и если дальше так пойдет, то Бог весть, что с нами наконец будет!» При этом письме князь приложил и собственноручные статьи, на которых он бы желал унии: 1) Оставаться нам вполне при всех обрядах, какие церковь восточная держит. 2) Чтоб паны римляне церковей наших и имуществ их на свои костелы не брали. 3) Чтоб после унии не принимали они тех из наших, которые бы захотели быть католиками: не принуждали бы наших к католицизму, особенно при браках, как то обыкновенно делают. 4) Чтоб духовенство наше в таком же почете было, как их, чтобы митрополит и владыки в раде и на сеймиках место имели, хотя и не все. 5) Нужно переслаться с патриархами, чтоб и они склонились к унии, чтоб нам единым сердцем и едиными устами Господа Бога хвалить. 6) Нужно послать к московскому и к волохам, чтобы согласиться с ними вместе на унию; всего лучше, по моему мнению, в Москву послать отца епископа владимирского, а к волохам львовского. 7) Нужны также исправления некоторых вещей в церквях наших, особенно касательно вымыслов людских. 8) Необходимо иметь нам ученых пресвитеров и проповедников добрых, ибо, по недостатку просвещения, великая грубость в нашем духовенстве умножилась.

Практический смысл Потоя и Терлецкого должен был внушать им, что требования князя неисполнимы, что церковь восточная греческая и восточная русская, или московская, не признают папу главою своею, а

без этого уния невозможна; что по-пустому, следовательно, будет ехать и в Москву, и к волохам; что дело не может решиться путем соборов, но только решительным шагом со стороны нескольких влиятельных лиц, которые своим примером могут увлечь народ, наскучивший тяжелым положением церкви. Не прошло года после собора 1593 года, как 21 мая 1594 года Терлецкий, вместе с соборным духовенством, явился в уряд луцкий и объявил, что по воле и промыслению бога, в Троице славимого, и по усердному старанию и побуждению короля, его милости, и панов сенаторов, духовных и светских, совершилось давно желанное соединение и восстановилась братская любовь между церквами восточною и западною, с признанием святейшего папы римского верховным пастырем и наместником апостольским, что для утверждения этого соединения и для изъявления покорности папе, он, Терлецкий, вместе с владимирским епископом Потеем отправляется в Рим, по приказанию короля, и что для издержек на это путешествие отдано в залог церковное имение Водиради.

Ф. Солнцев. Священник и дьякон перед началом литургии. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Наступало обычное время собора – 24 июня; приехал в Брест митрополит Ми хаил, приехал Потей, Терлецкий. На другой день по приезде митрополита службы не было, только говорил проповедь о пастырях владыка владимирский Потей на текст: «Аз есмь пастырь добрый». После проповеди владыка спросил предстоявших, хорошо ли он говорил или нет? Все отвечали: «Хорошо!» Но вот послышался один голос из толпы: «Владыко против себя читает». В церкви встало смятение, порицателя схватили и поставили пред собором, где он сказал Потее: «Ты нас добру учишь, а сам дурно делаешь: малых ребят неразумных в попы ставишь и от них по осьми коп берешь». После этих слов волнение еще более усилилось: порицателя Потеева били, мучили и наконец посадили в богадельню на цепь. На третий день после заутрени велели звонить на собор, собрались отцы в церковь, отворили царские врата, зажгли свечи, поставили налой на амвоне, положили Евангелие разогнутое. Митрополит сел на особом месте, владыки особенно, архимандриты особенно, потом архидиаконы, протопопы, игумены, священники, братства на особом месте; были и паны, но немного; слышали, что римляне будут. После молитвы о ниспослании св. духа собор начался; стали подавать жалобы: братства подали жалобу на владыку львовского Балабана; Потей жаловался на него же; братство Виленское и Львовское положили свое право братское; потом подавались грамоты от многих панов к митрополиту и ко всем владыкам с жалобами. Наступил вечер и разошлись обедать. Но вот явилась грамота от гнезненского архиепископа-примаса, который напоминал митрополиту, что собор никакой законной силы иметь не может, ибо всякие съезды, сеймы и соборы запрещены в отсутствие короля, находившегося тогда в Швеции. На этом основании ограничили только делами судными, подтвердили права братства, и Гедеон Балабан, за насилие Львовскому братству, низвержен с епископии. Гедеон протестовал против собора, опираясь на его незаконность, Терлецкий также отрекся от участия в незаконном соборе, и 2 декабря 1594 года явился акт соединения владык для принятия унии. Владыки указывают на уклонение многих людей в ереси, как на следствие того, что они, русские, порознились с панами римлянами, порознились дети одной матери, и потому не могут помогать друг другу. Моля Бога о соединении веры, они, владыки, не старались об этом потому, что смотрели на старших, дожидались, чтоб

те постарались о соединении церквей. Но надежда на старших ослабевает все более и более, потому что они, будучи в неволе ногайской, если б даже и хотели, то не могут ничего сделать. «Вследствие этого, по наитию св. духа, видим мы, – пишут владыки, – что людям большие препятствия к спасению без единства в церкви Божией, а в этом единстве предки наши всегда были; одного старшего пастыря первопрестольника, именно святейшего папу римского, признавали, и пока это продолжалось, всегда порядок и великое умножение хвалы Божией в церкви бывали и еретикам трудно было ереси рассеять, когда же много старших и первопрестольников настало, то теперь ясно видим, до какого несогласия церковь Божия пришла. Итак, не желая взять на свою совесть погибель душ людских, умыслили мы соединиться для святого дела, чтоб, как прежде, едиными усты и единым сердцем славить отца, сына и св. духа, с братьями нашими милыми панами римлянами, будучи под единым видимым пастырем церкви Божией. Обещаемся пред Господом Богом, все вообще и каждый особенно, искренно и старательно, средствами приличными и других братьев наших духовных и весь народ приводить к единству церковному, а для сильнейшего побуждения к тому даем друг другу эту грамоту». Подлинник грамоты подписан только Ипатием владимирским и Кириллом луцким. Надобно было уговорить митрополита; к нему отправился Терлецкий, и Рагоза дал ему следующие статьи для представления коронному гетману Замойскому: «Вследствие несогласия между самими нашими старшими, патриархами, вместе с некоторыми другими епископами я хочу признать первенство святейшего папы римского, сохранивши в целости все обычаи и обряды церкви нашей восточной. Просить пана гетмана, чтоб король обеспечил нас своей грамотою, дабы я, митрополит, на митрополии своей во всякой чести и уважении до смерти своей в покое жил, дабы я имел место в раде и все права наравне с духовными римскими. Если будут принесены на нас какие-нибудь грамоты неблагословенные от патриархов, то не должны иметь никакого значения. Чтоб монахи из Греции больше в панстве королевской милости не бывали и в неприятельскую землю московскую не пропускались. Чтоб переходящих людей с грамотами к нам от патриархов не пускали, потому что мы их считаем шпионами». Написали и наказ, что должен был говорить королю уполномоченный от епископов посланник: «Видя в старших

наших, патриархах, великие нестроения и нерадение о церкви Божией и законе святом, видя их неволю, видя, что вместо четырех патриархов сделалось восемь, видя, как они там живут на своих патриаршествах, как один под другим подкупается, как церкви соборные утратили, и, сюда к нам приезжая, никаких диспутиаций с иноверными не чинят, только поборы с нас берут, и, набравши откуда ни попало денег, один под другим там в земле поганской подкупаются – видя все это, мы, епископы, не желая долее оставаться в таком безнравстве и под таким их пастырством, единодушно согласившись (под верным ручательством, если его королевская милость захочет хвалу Божию под единым пасторством расширить и дать нам с нашими епископиями, церквами, монастырями и всем духовенством такие же вольности, какими пользуются духовные римские), хотим приступить к соединению веры и пастыря единого, главного, которому самим искупителем мы вверены, святейшего папу римского пастырем своим признать; только просим, чтоб государь обеспечил нас своею грамотою и утвердил навеки нижеписанные артикулы: 1) Чтоб церкви главные, епископии наши остались навеки нерушимо в своих набоженствах и церемониях. 2) Владычество и церкви русские, монастыри, имущества, пожалования и все духовенство должны оставаться навеки в целости, по стародавнему обычаю, под властью, благословением и жалованием епископским, во всяком послушании обычном. 3) Все дела церковные, служба Божия, церемонии и обряды остаются ненарушимыми и отправляются по старому календарю. 4) Чтоб был нам на сейме почет и место в раде, дабы, находясь под благословением святейшего пастыря римского, мы тешились и веселились. 5) Чтоб проклятие патриархов нам не вредило. 6) Чтоб монахи из Греции, которые приезжают сюда грабить нас и которых мы признаем шпионами, никакой власти больше над нами не имели. 7) Чтоб уничтожены были все привилегии, данные патриархами братствам, и другие, ибо чрез них размножились разные секты и ереси. 8) Каждый новый епископ посвящается митрополитом киевским, а митрополита посвящают все епископы, с благословения папы римского и без всякой платы. 9) Чтоб все эти артикулы королевская милость подтвердил нам своими грамотами, одною на латинском, а другую на русском языке. 10) Чтоб и святейший папа также подтвердил эти артикулы. Собственноручно подписались: «Ипатий владимирский,

Кирилл луцкий, Михаил перемышльский, Гедеон львовский, Дионисий холмский».

Но Терлецкий хитрил, скрывался от Потей, с которым соперничал, хотел один заправлять всем делом, и потому, когда съехался с Потеем в Торчине у католического луцкого епископа Бернарда Мацеевского, то не сказал, что открыл все дело митрополиту и получил от него статьи к Замойскому. Вследствие этого Потей в январе 1595 года написал Рагозе: «Знайте, что уже все епископы сговорились приступить к соединению с панами римлянами, и думаем, что это уже известно и кому-нибудь набольшему. Когда я об этом имел разговор с князем-бискупом луцким, то он просил меня и владыку луцкого (Кирилла Терлецкого), чтоб мы привели к тому вашу милость, как старшего, указывая от того немалые выгоды для церкви Божией. Я говорил с князем о великих обидах, которые мы терпим не только от них, католиков, но и от своих; говорил, что нет в нас согласия, старшего своего митрополита ни за что почитаем, против него бунтуем, на грамоты и проклятия его не обращаем внимания, и прямо старшего над собою иметь не хотим. Он мне отвечал: «Знаю я все это, но отчего же это так делается? Оттого, что порядка между вами нет, ваши патриархи об этом не заботятся; только за тем сюда приезжают, чтоб вас грабить и несогласие между вами сеять, грамоты на грамоты выдавая, но когда в унии будете, тогда все иначе пойдет: старший будет иметь высшее значение, все его слушать и бояться должны будут». Говорилось дальше о том, чтоб приступить к унии без насилия совести и вере нашей; не позабыли поговорить и о месте в раде и на все получили удовлетворительный ответ и обещание помогать. Говорилось и о том, что ваша милость хотя бы и хотел привести дела в порядок, но средств не имеет по причине обеднения старшей епархии киевской; киевский князь-бискуп отвечал: «Это последнее дело; будем хлопотать, чтоб стол митрополичий, для приобретения подобающего ему значения, получил хорошее содержание» – и указал сам на монастырь Печерский. «Пристойнее, – сказал он, – управлять им митрополиту киевскому, чем тамошним пьяницам монахам». Он требовал, чтоб мы ехали к вашей милости и обо всем с вами договорились. «А когда вы согласитесь, – сказал он, – то от самого папы будут к вам послы с приглашением к унии, и синод от короля будет назначен; там, на этом синоде, будем с вами трактовать, что прежде всего уладить то, в чем не сходимся; также обеспечим вас в

том, что вы сохранить желаете, как относительно веры, так и церемоний ваших». С тем мы и расстались, что обещались ехать к вашей милости, и потому прошу, сделайте милость, дайте знать, где вас можем найти... На патриарха никто не хочет обращать внимания, а нам головою стены не пробить, когда от них никакой помощи не имеем. Ради бога, не презирай этим делом, прикажи нам к себе приехать и переговорить. Бог знает и сами видим, что с нами делается, видим, что наши старшие не только нам, но и себе помочь не могут, только тут на ссоры присылают, выдавая грамоты на грамоты, а порядка нет. Видел я у луцкого владыки грамоту канцлера коронного, в которой пишет, что король желает с вашею милостью видеться; в грамоте говорится, чтоб и он, владыка луцкий, также ехал к королю, но он обещал мне не ездить, прежде чем с вами увидимся. Грамоты этой моей, покорно прошу, никому не показывай, потому что я вверяюсь вашей милости, как старшему пастырю».

Но Рагоза решился хитрить, скользить между двумя опасностями, не разрывать ни с теми, ни с другими, выжидать, откладывая решение до последней крайности. Кроме приманок, выставленных Потеем, усиления власти, умножения доходов, выгодна была уния для Рагозы, не ладившего с патриархом, который, как говорят, еще недавно подвергнул его временному запрещению; страшно было не приступить к унии, желаемой, поддерживаемой королем: не простит ему правительство нерасположения или равнодушия к ней. Но, с другой стороны, затевали унию одни епископы без совета с мирянами, с Острожским, Скуминым и остальною знатью, с братствами, а Михаил был избранником мирян. Получивши письмо Потее, он написал Скумину (20 января 1595): «Милостивый пан! Стараясь давать знать вашей милости, как столпу церкви нашей, обо всех новостях, касающихся церкви и меня, извещаю о новой новости, предками нашими и вашею милостию не слыханной; посылаю и копию с письма, присланного ко мне отцами епископами о предприятии их приступить к унии, чтоб вы сами из него увидали, в чем дело, и прислали мне поскорее свое мнение; я же сам собою до этого дела и не думаю приступать, боясь для церкви нашей подступу и прелести». Но в то время, как митрополит хитрил, Терлецкий хитрил и Потей еще хлопотал о тайне, решительный шаг сделан был во Львове тамошним епископом Гедеоном, положение которого, как мы видели, было

тяжелее всех. Он созвал у себя собор из архимандритов, игуменов, монахов и белого духовенства, которые объявили (28 января 1595 г.), что, по примеру верховнейших пастырей русских, признают церковь римскую правдивою и власть над всею вселенной имеющею и присягают не отступать от святейших первопрестольников римских, проклиная тех, кто отступит, и усердно просят митрополита и епископов кончить без отлагательств такое спасительное дело. Дело грозило пойти вразброд: Балабан действовал сам по себе, Терлецкий действовал также сам по себе, митрополит проводил Потей, назначил ему свиданье в Новогрудке, но, не подождавши его здесь, уехал в Слуцк. Потей решился ему написать в другой раз (11 февраля): «Ваша милость на мое письмо не дали мне никакого ответа, теперь и сам не знаю, что дальше будет? А не надобно было вашей милости пренебрегать делом. Ради бога, прошу, дай мне знать верно о своем намерении, потому что я и доброе и худое за вашу милость терпеть готов и ни в чем от вашей милости не отступлю. Там вашей милости легче между своими, а мы тут в зубах: захотят кого съесть и съедят. Не знаю, писал ли я в первом листе к вашей милости, что видел у луцкого владыки грамоту канцлера коронного, в которой пишет, что король желает с вами видеться. Если поедешь к королю, то заезжай ко мне: очень нужно! Когда я спрашивал отца владыку луцкого, зачем он едет к королю, тот отвечал под присягою: «Не знаю, зачем меня требуют, потому что у меня нет там никакого дела, ни своего, ни чужого. А теперь, без меня, должно быть вследствие другой грамоты, был у канцлера и в Краков поехал. Бог знает, что это такое? Одно знаю, что при дворе говорят обо мне так: «На кого мы надеялись, тот хуже всех». Оттого королевских и канцлерских грамот ко мне нет, и сеймиковых грамот не послано, а у луцкого все есть. Ради бога, похлопочи, чтоб нам в последних не остаться. А с Востока понапрасну чего нам надеяться? Из новостей, которые я к вашей милости посылаю, увидишь, что с нашими там делается. Если теперь нельзя нам с тобою видеться, то, ради бога, постарайся разослать пригласительные грамоты к собору на Иванов день (24 июня), потому что теперь особенно нужно нам съехаться всем; ради бога, прошу, отвечай мне обо всем на письме; не бойся: напишешь ко мне – это все равно, как если бы камень в море бросил; я дам тебе знать, какие новости будут в Польше».

Неизвестный художник. Ипатий Потей. XVII в.

Действительно, Терлецкий опередил всех: он съездил к королю и привез от него к Потее следующую грамоту (от 18 февраля): «Узнали мы сильное желание и добрую мысль вашу к соединению церкви Божией греческой с вселенскою римскою, как издавна под властью одного пастыря, святейшего папы римского, бывало. Это желание и намерение ваше не только хвалим, но и с благодарностью принимаем, усматривая, что это дело духа святого и от Бога начало свое берет, который, как сам в Троице единый, так и церковь свою святую и веру христианскую в единстве и согласии иметь хочет, и одного пастыря в ней поставил, которому не только овечек своих, то есть простой народ, но и барашков, то есть всех духовных, епископов, пресвитеров, дьяконов и всех других слуг церковных, пасти поручил. Желаем и напоминаем, чтобы вы приводили к концу это предприятие свое доброе и блаженное. Господь Бог Вседержитель, от которого исходит всякое благо, будет в помощь и стократную мзду готовит вам за это в царстве своем небесном. А мы, принявши вас в оборону нашу королевскую, всегда к вам ласковым и милостивым паном быть хотим и святейшему папе римскому особенно старание ваше засвидетельствуем; только медлить с этим делом не годится: надобно как можно скорее к концу его приводить, о чем пространнее говорить с вами поручили мы епископу луцкому, которому во всем верьте». Терлецкий действовал свободно, не связываясь никакими отношениями: вражда с князем Острожским порвала связь его с могущественными мирянами, столпами церкви. В ином положении находились Потей и Рагоза, которые должны были вести переписку с этими вельможами, защищать пред ними свое поведение, скрывать истину. Князь Острожский писал Потее, что Терлецкий был в Кракове и действовал там от имени епископов, согласившихся на унию. Потей отвечал (17 марта): «Я узнал о том, что отец владыка луцкий был в Кракове, но не слышал я, свидетельствуюсь Господом Богом, чтоб он ездил от кого-нибудь в посольстве, и не думаю, чтоб он ездил от кого-нибудь с каким-нибудь посольством, а постановлять что-нибудь между собою нам и не снилось. Разве мы того не видим, что хотя бы мы все епископы согласились на унию, а все христианство не позволило; то это был бы только тщетный труд и бесчестье нам у овечек наших, и не годилось бы. нам такое дело оканчивать или начинать тайно без собора и ведомости всей братьи нашей младшей, ровных слуг в церкви Божией,

и прочего христианства, особенно ваших милостей, панов христианских». Но Острожский прислал второе письмо в таком тоне, что нельзя было более скрываться, причем упрекал Потей в нерадении о порядке церковном, указывая на протестантов, как на образец в этом деле. Потей рассердился и отвечал (25 марта): «Не отвечая ничего на широкое писание вашей милости, покорно благодарю за предостережение. Считаю унию полезною не для своей корысти и возвышения, а для умножения хвалы Божией, и не такую разумею унию, чтоб нам нужно было переделаться совсем в иной образ, но такую, при которой бы мы оставались в целости, только исправивши то, в чем нет истины, а держимся по одному упрямству. Дал бы Господь Бог, чтоб и все те жили согласно, которые больше нашего значат. Но видя, что делается, всю надежду теряем, ибо те (патриархи), хотя бы и рады, не могут, а мы можем, но не хотим, и только Бога обманываем, молясь о соединении веры. Не дивись же, что реки исчезли, когда источники высохли, не дивись, что ни у них, ни у нас не только науки, но и порядка нет. Припоминаешь ты мне соборы брестские, что на них постановлено о школах, типографиях и других делах, церкви Божией потребных, и ничего не исполнено; отвечаю: хотя все это постановлено и не в мое архиерейство, однако никому не дал бы я упредить себя в таком добром и благочестивом деле, не пожалел бы и остального убогого своего имения, в котором я уже не малый ущерб детям своим сделал, продавши два имения, не пожалел бы я ничего, лишь бы шло добрым людям, а не таким ветреникам, которые только за доходами бегают; так теперь в Бресте школу разорили сами профессора, которые убежали в Вильну на сытные пироги, а тут все покинули без всякой важной причины, к бесчестию и сожалению убогого христианства, на поругание от противников наших. Сам знаешь, как это все трудно устроить и вам, панам великим, а куда уже нам, калекам, среди волков живущим! И церемонии церковные запрещают порядочным образом отправлять; много мог бы писать вашей милости, что делается в моей епископии брестской, какое притеснение терпят христиане в некоторых местах. Еще бы человек тем утешался, что крест этот терпеливо сносят, а то отпадают не по одному, толпами, видя нашу слабость, и Бог ведает, с кем останемся. Что касается новостей краковских, то, на мой взгляд, они неверны, а если бы даже и верны были, то не примешивайте сюда меня, ибо не только о кардинальстве или митрополии не думаю, но

часто плачусь на себя и за то, что епископом сделался, плачусь и на того (на князя Острожского), кто меня уговорил к этому, особенно видя, что на свете делается. О бланкетах ни о каких не ведаю, никому их ни на что не давал. Но и я кой-что знаю и вернейшее, и если б можно было поверить бумаге, то указал бы вашей милости, что краковские новости неверны. Если кто сам себя за святого выдает, а нас порочит, то нет ничего тайного, что бы не сделалось явно. Знаю о себе только то, что я ничего не начинал, но если все пойдут за чем-нибудь добрым без вреда совести, то я бы не хотел позади оставаться. А что мне изволишь указывать на порядок иноверцев, то пусть он будет наилучший, но если не на правом основании, то все сором будет: и школы их, и типографии, и множество проповедников. От плодов их познаются: иное сверху кажется красиво, а внутри полно смраду и червей. Как сам я их не жалею, так и вашу милость предостерегаю: лучше соединяться с правдивыми хвалителями бога, в Троице единого, нежели с явными неприятелями сына Божия».

Сильнее протестовал против всякого участия своего в унии Рагоза, который в марте 1595 года послал князю Острожскому любопытное известие о невинности Гедеона Балабана: «В то время, как я обращал все внимание на обнажение этого скрытного фальша, случилось очень кстати, что в монастыре Слуцком нашел я владыку львовского, от которого, думаю, не встанет этот пожар, вредный церкви нашей восточной и всему православному народу. Он ничего не знает о предприятии других епископов, совершенно противен их злomu умыслу, присягу в том на Евангелии дал и обещал сторожить, что будет делаться в этом отношении в Польше и обо всем давать знать мне и вашей княжой милости. Вследствие этого счел я нужным уничтожить определение духовного суда, против него выданное. Особенно вашей княжой милости, как православному оку церковному, всяким способом надлежит выведывать об унии; остерегайтесь также этого змея райского и лисицы хитрой, о котором я вам говорил (Терлецкого)». Но иное, как видно, о Балабане писал Михаил к другому столпу церкви – Скумину, который отвечал ему 10 мая: «Утешило меня ваше письмо, известившее меня о вашем добром здоровье, но опечалило то, что вы пишете о делах церковных. И слепой видеть может, что всему причиною несогласие братское с владыкою львовским. Пусть справедливый судия крови и душ неповинных взыщет на тех, кто тому причиною. По совести,

главным виновником можем признать патриарха нашего константинопольского, который такую смуту грамотами своими сюда внес, потому что владыка львовский, будучи в крайнем томлении от братства, не только должен был броситься на такое отщепенство, но думаю, что и врага душевного рад был бы на помощь взять. Если это сделалось по воле божией, то будет продолжаться, если же нет, то скоро отменится. Об этом я теперь мудрствовать не хочу; и что теперь с этим делать и как делу помочь – ваша милость спрашивает моего совета, но Бог сердцевидец знает, что в этом деле совета никакого дать не могу: боюсь одного, чтоб ваше сопротивление не было тщетным. Причин тому вижу много, но бумаге поверять не хочу. Желал бы я очень с вашею милостию видеться и поговорить».

Скумин отказывал в совете, а Терлецкий и Потей действовали в Кракове у короля, выхлопотали для Михаила все то, за что он хотел продать свою церковь папе и, возвратившись в Литву, потребовали свидания у митрополита, который и назначил это свидание в Кобрине 18 мая, но обманул опять. Тогда Потей и Терлецкий написали ему следующее письмо (20 мая): «Исполняя волю и письменный приказ вашей милости, как старшего нашего, приехали мы в Кобрин в пятое воскресенье по Пасхе, но не дождавшись ни вашей милости, ни посланца никакого от вас, не зная причины, почему ваша милость не изволил приехать, должны были мы разъехаться. Теперь мы посылаем к вашей милости и в письме своем не благодарим вас за то, что вы презираете не столько нами, братьями своими, сколько кой-кем набольшим, который знает об этом нашем съезде. Вспомните, с чем вы нас отправили и как там благодарно было принято, ибо все, чего хотел, в руках своих имеешь: привилегии, грамоты, банницею на печерского архимандрита Никифора Тура. Удивительно нам, что вы, сами об этом просивши, теперь пренебрегаете, презираете ласкою, вам предложенною. Если бы мы знали, где вы находитесь, то сами поехали бы к вам, но мы не знали, куда нам к вам ехать, а потому просим, бросивши все, приехать как можно скорее к нам в Брест, как для своих дел, которые не терпят отлагательства, так и для общих, если же не придешь, то нас погубишь, да и сам не воскреснешь, потому что это не с своим братом шутить».

Но митрополит не поехал, взял себе шестинедельный срок и опять написал Скумину (14 июня): «Послал я к вам слугу своего Григорья со

всеми делами, о которых я получил теперь верные известия, то есть, что епископы луцкий, львовский, перемышльский, холмский, пинский согласились на унию церковную, на послушание папе и на новый календарь, тому уже года четыре, на что и грамоту королевскую у себя имеют; и владыка владимирский также согласен на это. Грамоту королевскую, грамоту, в которой епископы выразили свое согласие на унию, и условия их я послал к вашей милости. Звали и меня для этого на днях в Брест, и грамота королевская ко мне была, но я без воли и совета вашей милости и собратии моей и позволения общего на это дело не решился, но взял себе на размышление шесть недель и, давши знать об этом вам и пану воеводе киевскому (князю Острожскому), обещал дать им ответ. Если б я согласился на унию, то король обещает за это большую ласку, за несогласие же – немилость и притеснение всему христианству; надобно будет оставить митрополию; новый митрополит уже готов – Терлецкий. Хотел бы я при всяких вольностях матку нашу церковь оставить, а не под ярмом каким-нибудь, только условия должны быть обеспечены грамотами». Скумин прислал страшный ответ, страшный не угрозами, не жестокими словами, страшный как бесхитростный ответ скромного, честного человека, не имеющего стремлений выставляться на первый план: «Изволили вы меня уведомить о том, что началось от владык, в Короне Польской епископии свои имеющих, а началось то, пишете вы, без вашего соизволения. Но я получил известие от двора королевского, что после сейма краковского были у короля послы от всего нашего духовенства, показали королю письменное позволение вашей милости и грамоты верящие. Теперь вы у меня спрашиваете совета, что тут делать? Но трудно советовать о том, на что уже согласились и королю подали и утвердили; совет мой тут был бы напрасен, на смех. Надобно было бы, по правде, прежде всего знать об этом людям нашего благоверия, и без ведома всех к таким великим и новым делам не приступать: вот почему я теперь совета моего вашей милости давать не могу, да и один в таком великом деле не сумею дать совета; придется мне, овце стада Христова, пастырства вашей милости, итти за пастырями своими, а ваша милость должны знать, куда нас ведете, и за нас отчет давать будете».

Сильнее Скумина высказывал гнев свой на епископов князь Острожский, к которому Потей должен был писать умиловительное письмо (от 16 июня): «Если я так долго вашей милости ничего не

писал, то причина тому одна та, что никаких верных известий еще у себя не имел, хотя в это время люди рассеяли о нас неверные слухи, будто мы уже к римской вере во всем пристали, мшу служить и опресноки употреблять согласились. Правда ли все это, сам ты, как пан мудрый и богобоязливый, рассудить можешь. Ибо если частному человеку, который только об одной своей душе печется, надобно хорошенько подумать, как бы душе своей вреда не причинить, то еще больше тем, которым не только свои, но и других людей души от Бога поручены, надобно стараться, чтоб не сделать чего-нибудь противного совести своей и людской. Итак, не извольте всему верить, хотя я и знаю, что немало слухов неверных до ваших благочестивых ушей о некоторых из нас доносят, будто мы постановляем что-то противное вере и церкви нашей; и хотя еще ничего не постановлено, не только злого, но и доброго, однако мы так несчастны, что нас за отщепенцев и еретиков выдают и не допускают заботиться и думать о церкви Божией и ее покое, смотрят подозрительно на съезды наши и другие дела, церкви нужные. Удивительное дело! Всем еретикам всяких сект вольно съезжаться, порядок в соборищах своих устанавливать, наконец, не только против веры христианской, но и против религии Божией и превечной хвалы едиnorodного сына Божия сочинения выдавать и людей христианских от старой веры и хвалы Божией к своим проклятым ересям обращать; а нам, горьким епископам, которые неразрывное преемство имеют от Христа и апостолов, нельзя о церкви Божией промышлять и советоваться, чтоб не только нам самим можно было церкви свои и веру православную в целости удержать, но и потомкам нашим что-нибудь доброе на будущее время справить, особенно имея еще благочестивых господарей и панов, патронов веры нашей, между которыми вашу княжескую милость за главное светило религии нашей без всякой лести признавать должны. Но где бы ваша милость, как пан и защитник наш милостивый, должен был нам помогать и побуждать ко всему доброму, тут, как слышно, немилостиво и неласково нас вспоминаешь. Но если отложивши гнев, внимательно рассмотришь дело, то думаю, что и сам нам будешь помогать. На что мы соглашаемся, то вашей милости на письме посылаю, причем и сам охотно был бы, чтоб вашей милости объяснить, для чего это делаем, помня увещанье вашей милости, присланное мне в Брест, чтоб мы старались о соединении с римскою церковью и чтоб это соединение

было без нарушения веры и религии нашей. Дай Бог, чтоб ваша милость и теперь, сохраняя то же желание, помог нам в этом деле. Униженно и слезно прошу: не увлекайся гневом, но спокойным и умиленным смыслом прочитай условия унии; увидишь, что в них нет ничего нового, кроме календаря; но календарь не есть догмат веры, а только церемония, которую без нарушения совести церковь Божия может отменить».

Неизвестный художник. Константин Острожский. XVII в.

В ответ на это князь Константин 24 июня выдал грозное для епископов окружное всем православным послание: «От преименитых благочестивых родителей смолоду воспитан я был в наказании истинной веры, в которой и теперь, Божией помощью укрепляем, пребываю; известился я Божией благодатию и уверился в том, что кроме единой истинной веры, в Иерусалиме насажденной, нет другой веры. Но теперь злохитрыми кознями вселукавого дьявола самые главные истинной веры нашей начальники, славою света сего прельстившись и тьмою сластолюбия помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополит с епископами, в волков претворились, святой восточной церкви отвергшись, святейших патриархов, пастырей и учителей наших вселенских отступили, к западным приложились, только еще кожею лицемерия своего, как овчиною, закрывая в себе внутреннего волка, не открываются, тайно согласившись друг с другом окаянные, как хриstopродавец Иуда с жидами, умыслили всех благочестивых с собою в погибель вринуть, как самые пагубные и скрытые писания их объявляют. Но человеколюбец Бог не попустил вконец лукавому умыслу их совершиться, если только ваша милость в любви христианской и повинности своей пребудете. Дело идет не о тленном имении и погибающем богатстве, но о вечной жизни, о бессмертной душе, которой дороже ничего быть не может. Так как многие из обывателей здешней области, святой восточной церкви послушники, меня начальником православия в здешнем краю считают, хотя сам себя считаю я не большим, но равным каждому, в правоверии стоящему, то, из боязни, чтоб не взять на себя вины пред Богом и пред вами, даю знать вашим милостям о предателях церкви Христовой и хочу с вами заодно стоять, чтоб с помощью Божиею и вашим старанием они сами впали в те сети, которые на нас готовили. Что может быть бесстыднее и беззаконнее их дела? Шесть или семь злонравных человек злодейски согласились, пастырей своих, святейших патриархов, которыми поставлены, отверглись, и считая нас всех правоверных бессловесными, своевольно осмелились от истины отрывать и за собою в пагубу низвергать! Какая нам от них польза? Вместо того, чтоб быть светом миру, они сделались тьмою и соблазном для всех. Если татары, жидаы, армяне и другие в нашем государстве

хранят свою веру ненарушимо, то не с большим ли правом должны сохранить свою веру мы, истинные христиане, если только все будем в соединении и заодно стоять будем? А я, как до сих пор служил восточной церкви трудом и именем своим в размножении священных книг и в прочих благочестивых вещах, так и до конца всеми моими силами на пользу братий моих служить обещаю».

Острожский действовал не одними посланиями: скоро от епископов-униатов отделился один, тот самый, который прежде всех начал думать об унии – Гедеон Балабан львовский. Современники, как мы видели из письма Скумина, смотрели на Гедеона, как на человека, доведенного до крайности борьбою с братством, готового заключить союз с врагом, лишь бы только выйти из своего тяжелого положения. Когда отстранялась эта причина, эта борьба, то Гедеону легко было покинуть дело унии, ибо он не был так связан с ним, как были связаны Терлецкий и Потей. Краковскими поездками и обязательствами пред королем. Еще в начале июня он приезжал к князю Острожскому с просьбою помирить его с братством; князь обещал, а с Гедеона взял обещание склонить на свою сторону Михаила перемышльского и открыто действовать против унии. 1 июля князь Острожский был во Владимире; в его присутствии и в присутствии других знатных лиц Балабан явился в уряд гродский и объявил, что на двух съездах он, вместе с другими епископами, дал Кириллу Терлецкому четыре бланковых листа с своими печатями и подписями для того, чтоб написать на них к королю и сенаторам жалобы на притеснения, претерпеваемые русскою церковью. Но теперь дошла до него, Балабана, весть, что владыка луцкий написал на бланкетах что-то другое, написал какое-то постановление, противное религии, правам и вольностям русских людей. Вследствие чего он, Балабан, протестует против всякого такого постановления, потому что оно составлено в противность правилам и обычаям православной веры, правам и вольностям русского народа, без ведома и дозволения патриархов, без духовного собора, и также без воли светских чинов, как знатных старинных фамилий, так и простых людей православной веры, без согласия которых епископы ничего делать и решать не могут. Князь Острожский немедленно написал Львовскому братству увещание примириться с Гедеоном, а Кирилл Терлецкий немедленно подал жалобу королю, обвиняя Гедеона Балабана в клевете; львовский

епископ был потребован к королю на суд, а между тем школьный учитель Стефан Зизаний, перешедший из Львова в Вильну, волновал православных этого города известиями об унии, поднимал их против епископов-предателей. «Великую войну вел с римлянами Зизаний, – говорит летописец, – не только на ратушах и при рынке по дорогам, но и посредине церкви святой». Митрополит, отвергая слухи о своем участии в деле унии, писал (16 июля) виленским священникам, чтоб они, и особенно Зизаний, не смели рассевать подобных слухов между христианами. Но православные жители Вильны требовали выхода из этого смутного положения, и единственный выход, по их мнению, был собор; вместе с Скуминым они послали просить князя Острожского, чтоб выхлопотал у короля позволение на собор, на котором бы миряне съехались с епископами. Таким образом, поступок епископов, сговорившихся на унию, необходимо поднимал вопрос: могут ли одни епископы постановлять о делах церковных, или должны делать это с согласия мирян – вопрос первой важности во всей полемике об унии. Православные, подозревая епископов, должны были настаивать на право мирян участвовать в делах церковных – право, которое было так резко выставлено в патриаршем постановлении о братствах – должны были настаивать на созвании собора и на право участвовать в нем мирянам; епископы же и католическое правительство, выставляя резкое отделение овечек от барашков, как выражался король Сигизмунд в приведенной выше грамоте, должны были всеми силами противиться собору, от которого нельзя было ждать ничего доброго для унии. Православные ждали на собор из Константинополя экзарха патриаршего, протосингела Никифора; король предписал пограничным старостам, чтоб они не пропускали в Литву послов патриарших (28 июля), и в тот же день написал к князю Острожскому с увещанием не препятствовать делу унии, причем прямо высказался против собора: «Не считаем нужным, чтоб был для этого какой-нибудь съезд, о котором сами епископы ваши нас просили, потому что дела, относящиеся к душевному спасению, подлежат власти их пастырской, а мы должны повиноваться решению пастырей, которых Дух Господень дал нам в вожди. Притом же на этих съездах дело более затрудняется, чем к доброму концу приходит». В тот же день король послал похвальную, поощрительную грамоту трусливому, колеблющемуся митрополиту, с убеждением, чтоб он, не оглядываясь ни на что, не

опасаясь никаких угроз ни от кого, стоял при своем предприятии и доводил его до конца. Вслед за тем Сигизмунд выдал грамоту, в которой обеспечивал митрополита и всех епископов-униатов от проклятий патриаршеских и утверждал за ними все те права, которые имело и латинское духовенство; о месте в раде обещал говорить на сейме с панами и чинами Речи Посполитой; обещал выдать универсалы и мандаты против всех, кто будет противиться унии; обещал, что в имениях королевских монастырей и церковей русских не будут обращать в костелы латинские, но отказался обещать то же самое в шляхетских имениях; утвердил, что братства должны быть в послушании у митрополита и других епископов; давал право заводить школы греческого и славянского языка, устраивать типографии, но с тем, чтоб в них не печатать ничего противного римской церкви.

Сильное сопротивление унии, обнаружившееся между русскими, заставляло правительство торопить Потей и Терлецкого, чтоб ехали в Рим бить челом папе о принятии под свою власть русской церкви. Потей, который при личном свидании успел умиловить князя Острожского представлением дела так, что оно началось и кончится не иначе, как по мысли его, князя, не иначе, как вследствие соборного решения, писал к Острожскому от 23 августа: «Не дождавшись никакого приказа от вашей милости, вижу, что время, назначенное для путешествия нашего в Рим, приближается. Как избавиться от этого путешествия – не знаю: одна надежда на вашу милость, что вы письмом своим удержите короля, и он велит нам ехать уже после собора». Еще сильнее вооружался против этого путешествия Рагоза, который вопреки королевской грамоте продолжал бояться и оглядываться в разные стороны. 19 августа он писал Скумину, по-прежнему отрицаясь от намерения поддаться римской церкви: «Трудно мне было бы сделать это на старости лет: надобно было бы снова родиться, снова приняться за ученье; не зная по-латыни, не умел бы я с капланами римскими у одного алтаря служить. Кто об этом старается, тот пусть добывает себе и место в раде и ласку королевскую. Я, грешный человек, хотел бы иметь место с сынами Зеведеовыми, а не между людьми гордыми и суемудрыми. Что касается нового календаря, то была о нем речь между нами, потому что для людей ремесленных очень тяжело следовать старому: но мы не иначе хотим что-нибудь сделать, как составивши собор со всеми вашими милостями. Ведь одна ласточка весны сделать

не может, так и я сам собою ничего начать не могу. Слух до меня дошел, что отцы владыки владимирский и луцкий, бывши у короля, получили позволение ехать в Рим; я послал уговаривать их, чтоб они покинули это намерение свое, из-за которого в нашем народе христианском надобно ждать большого волнения, а пожалуй и кровопролития. Но своевольного мне трудно удержать». 1 сентября митрополит выдал окружное послание духовенству и мирянам, в котором объявлял, что не мыслил и не хочет мыслить о попрании своих прав и веры, об отступлении от своего исповедания, о презрении рукоположения патриаршего: «Стойте твердо при святой восточной церкви, не позволяйте себе колебаться как тростинка ветром бурливым, а я обещаю при ваших милостях до смерти своей стоять». А между тем 24 сентября король Сигизмунд объявил всенародно о соединении церкви восточной с западной; объявил, что пастыри русской церкви и великое множество светских людей соединились с римскою церковью; выражал желание, чтоб все, отвергавшие прежде унию, последовали за своими пастырями; наконец, объявил об отправлении русских епископов в Рим. Эти епископы, Терлецкий и Потей, выехали из Кракова в конце сентября и приехали в Рим в ноябре. На третий день они приняты были папою Климентом VIII в частной аудиенции и подали письма от короля и некоторых сенаторов. «Папа, – так писали они сами, – принял нас, как ласковый отец деток своих, с несказанною любовью и милостию. Мы живем недалеко от замка его святости, во дворце, искусно украшенном обоями и снабженном всем нужным. Съестные припасы отпускаются нам, по милости папы, в изобилии; мы жили шесть недель в Риме, но его святость все еще не хотел дать нам торжественной аудиенции, говоря: «Отдохните хорошенько после дороги». Наконец, вследствие наших настоятельных просьб, нам назначена была аудиенция 23 декабря, в большой зале, называемой Константиновою, в которой папа принимает наивысших духовных особ. Здесь его святость изволил заседать во всем своем святительском маестате и при нем весь сенат, кардиналы, арцибискупы и бискупы; особо сидели послы французского короля и других государей; по обоим сторонам залы сидели высшие сановники, сенаторы и великое множество панов духовных, князей римских и шляхты. Когда мы были введены в это собрание, то, поцеловав ноги его святости, отдали епископскую грамоту. Эту грамоту прочел довольно внятно ксендз

Евстафий Волович, но никто не понимал по-русски, исключая наших панов поляков и панов литовских, которых здесь не мало. Мы имели наготове перевод на латинском языке, и как только Волович прочитал грамоту по-русски, тотчас она была прочтена по-латыни. А по прочтении его святость чрез одного подкомория своего говорил к нам речь весьма чудную, изъявляя благодарность за воссоединение наше и за приезд, и обещал нам сохранить все наши церковные обряды неприкосновенными и утвердить их навеки. Мы сами от себя, от имени отца митрополита и всех епископов, прочитали обещание: я, епископ владимирский, читал по-латыни, а я, епископ луцкий, по-русски. Затем мы принесли присягу на святом Евангелии от лица всех епископов и сами от себя, и подписали ее своими руками. Его святость приказал нам подойти к себе поближе, хотя мы и то близко к нему стояли, и наклонившись к нам истинно по-отечески, сказал несколько слов, между которыми были следующие: «Не хочу господствовать над вами, но хочу немощи ваши на себе носить» и проч. На другой день, т. е. 24 декабря, накануне Рождества Христова, его святость сам служил вечерню в новом костеле св. Петра с великим множеством духовенства; здесь и мы, по благословию его святости, были во всем облачении нашем».

Неизвестный художник. Папа римский Климент VIII. XVII в.

В короли был избран Владислав, а митрополитом православным, теперь уже законным в глазах правительства, явился Петр Могила, о котором вот что рассказывает в своей летописи православный шляхтич Ерлич: «Петр Могила вел себя благочестиво, трезво, хорошо, постоянно хлопотал о целости церкви Божией; но не без того, чтоб не был он охотником и до славы мира сего. При вступлении на престол короля Владислава Могила был отправлен на коронацию уполномоченным от митрополита Исаии Копинского и всего духовенства, потому что сам митрополит не мог ехать по причине болезни; Могила выхлопотал себе королевскую грамоту на митрополию, поехал во Львов, посвятился там у волошского митрополита и владык; возвратившись в Киев, отобрал митрополичьи имения, свергнул митрополита Исаию и отрешил священников, им поставленных; мало того: выгнал больного старика из Михайловского монастыря в одной власянице, и тот должен был окончить жизнь в большой бедности. Потом, уже будучи митрополитом, из-за денег, с вооруженным отрядом и пушками напал на Николаевский Пустынный монастырь; игумен убежал, а монахов Могила велел бить плетью до тех пор, пока они не объявили, где у них спрятаны деньги и серебро. Выгнанные из Пустынного монастыря монахи одни обратились в унию, другие бродили без пристанища по разным местам. Некоторых монахов печерских, заковавши в кандалы, отсылал к козакам как униатов. Вражда у него с этими монахами пошла из-за школы, для которой Могила выгнал монахов Троицких, гошпитальных, слепых и хромых; Арсения, игумена этого Троицкого монастыря, слепого, так били, что чрез несколько недель умер». Этот рассказ, если вполне справедлив, показывает нам, что общество во времена Могилы было то же самое, какое мы видели во времена Красенских и Лазовских, ибо допускало такие же явления, допускало, что люди, сильные характером, богатые материальными средствами, знаменитые трудами своими для блага общего, не разбирали средств, когда дело шло о достижении их целей. При таком состоянии общества, разумеется, мы не имеем прав предполагать, чтобы соглашение между православными и униатами успокоило православную церковь, чтоб сильные враги ее удерживались от желания дать ей почувствовать свою силу. В Луцке в 1634 году, 24 мая, когда духовенство католическое шло

с св. тайнами, человек сто иезуитов, слуг коллегиума их, учеников и разных ремесленников, с саблями, кортиками, ружьями, а иначе с кольями и камнями, ворвались во двор православной братской церкви, в комнаты духовных лиц и богадельню, начали отбивать и ломать церковные двери. Видя, что дверей, крепко запертых внутри, выбить нельзя, побежали на колокольню и начали звонить; когда на звон прибежало еще более фанатиков, то они ворвались в церковь, опрокинули подсвечники, скамьи, посрывали ковры. Другие же, бегая по церковному двору с палками, саблями и другим оружием, разогнали побоями мальчиков из училища, били и мучили бедных людей в богадельне, стариков и старух; палками и камнями отвечали тем духовным людям, которые вышли было из своих келий для увещания их; били чем попало всякого, лишь бы только был русский, разбили два сундука и забрали из них деньги; перебили окна, побили двери, сорвали крышку и ушли. Киевские иезуиты, которых коллегиум находился на Подоле, не могли равнодушно смотреть на процветание православного коллегиума при Могиле и потому начали внушать православным, что в этом коллегиуме наставники все неправославные, что, получив окончательное образование в академиях римских, польских и немецких, они заразились там различными ересями и потому преподают пауки не на греческом языке, как бы следовало православным, а на латинском. Сильвестр Коссов, один из тогдашних наставников училища, издал в 1635 году в защиту своих товарищей книгу под заглавием *Exsegesis*, в которой говорит: «Это было такое время, когда мы, исповедовавшись, ждали: вот шляхта станет начинять нами днепровских осетров, или одного станут отправлять на тот свет огнем, а другого – мечом. Наконец сердцеведец, видя невинность нашу и великую потребность народа русского в полезных науках, разогнал облако ложных мнений и осветил сердца всех так, что увидали в нас истинных сынов восточной церкви. После этого обыватели города Киева и других округов стали не только наполнять наши *Horrea Apollinea* детьми своими, как муравьями, в большем числе, чем прежде при наших предшественниках, но и величать наше училище Геликоном, Парнассом и хвалиться им». Могила хотел, чтоб школьное образование распространилось и в Москве: в 1640 году он просил царя Михаила построить в Москве монастырь, в котором бы старцы киевского Братскою монастыря учили детей боярского и простого чина грамоте греческой и славянской. В

1640 году Петр Могила, созывая собор, объявил в повестке, что собор созывается вследствие наступившего великого гонения. Московский отъезжник Павел Солтыков бил челом королю, чтоб позволили ему в Смоленске построить православную церковь св. Бориса и Глеба, и объявил: «Если не позволят нам устроить в Смоленске благочестивую церковь, то нам, всей шляхте православной веры, из Смоленска и из Дорогобужа, от мала до велика, ехать туда, где православная вера свободна». Несмотря на эту угрозу, церковь строить не позволили, и больше всех вооружал короля и панов на православие недавний униат, смоленский архиепископ Андрей Золотой-Квашнин, который дал присягу, что в Смоленске, Дорогобуже, Чернигове и Стародубе всех православных приведет в унию. Монахи и монахини целыми монастырями выезжали в Москву; так, в 1638 году приехал прилуцкого Густинскою монастыря игумен Василий с 70 братьями, прилуцкого Покровского монастыря игуменья Елисавета с 35 старицами. Но мы видели, что кроме монахов и монахинь, в Москву бежали и козаки. Потоцкий писал Конецпольскому в декабре 1638 года: «Неоднократно писал я к вам, прося припомнить его королевскому величеству, чтоб он пресек путь этим своевольникам в Москву, потребовал от царя выдачи всех бежавших туда изменников, ибо известно, что вор не украдет, если ему некуда спрятаться; я не сомневаюсь, что эта выдача положит предел своевольствам». Конецпольский в 1639 году писал королю: «Дал мне знать пан комиссар, что Гуня, который начальствовал своевольниками против войска вашего, с несколькими другими начальными людьми и 300 лошадей ушел к Остринину в Москву. Если мы не воспротивимся этим побегам, то нечего надеяться покоя на Украине, когда своевольство будет иметь такое близкое убежище». Царь Михаил, как мы видели, не выдал козаков; не выдаст их, как увидим, и преемник Михайлов, к деятельности которого теперь обращаемся.

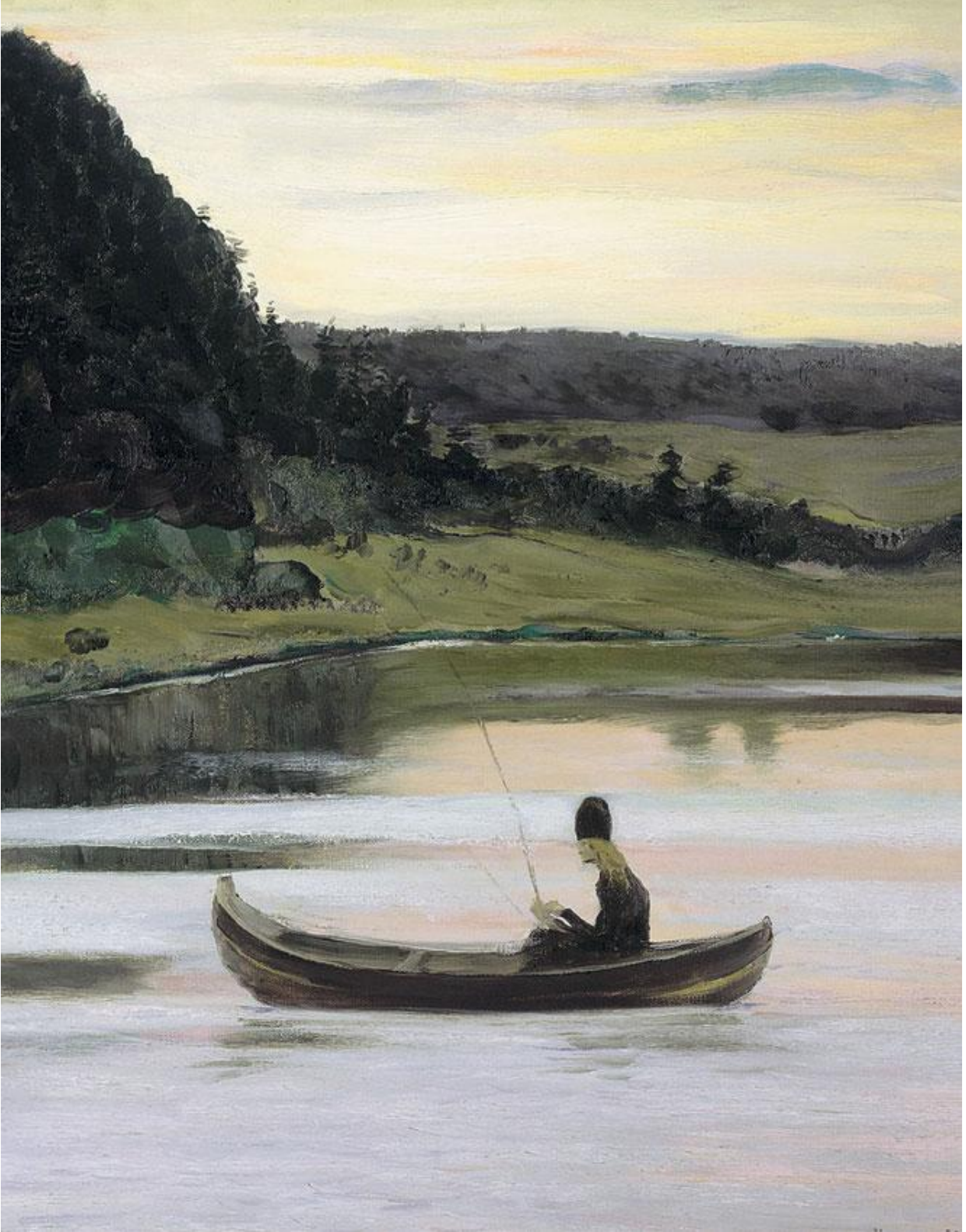
Неизвестный художник. Царь Алексей Михайлович. XVII в.

В апреле 1632 года умер король Сигизмунд III. В то самое время, как покойник лежал на парадной постели в шапке, похищенной из

московской царской казны, и в тот самый день (18 июня), как униатский киевский митрополит Иосиф Вениамин Рутский служил при теле королевском обедню на славянском языке, сенат слушал посольство от козаков, которые просили: 1) права подавать голос при избрании королевском, ибо и они составляют часть республики: при этом послы объявили, что все козачество подает голос в пользу королевича Владислава; 2) просили, чтоб греческая религия оставалась в покое от униатов; 3) чтоб число войска их и жалованье ему были увеличены. Им отвечали, что действительно они составляют часть республики, но такую, как волосы или ногти в теле человеческом; когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут; так и козаки: если их немного, то они могут служить защитой республике, но когда размножатся, то возникает опасность, чтобы русские крестьяне не встали против панов. Православные и протестанты требовали уничтожения тех стеснений, которым подвергались они при покойном короле. Но меры Сигизмунда произвели свои действия: успела образоваться сильная сторона католических ревнителей, которые не хотели никаких уступок в пользу диссидентов. Реакция системе Сигизмундовой всего сильнее обнаруживалась в семействе покойного короля, в старшем сыне его Владиславе, за которого недаром козаки подавали свой голос. Владислав принял на себя труд согласить униатов с православными, но пять часов сряду понапрасну толковал с ними: обе стороны разошлись еще с большею ненавистью друг к другу. Владислав, однако, не отставал от своего предприятия, и, наконец, при его посредничестве, обе стороны согласились на следующие пункты: 1) быть двум митрополитам: униатскому и православному; 2) в полоцкой епархии быть двум архиереям: полоцкому униатскому и Мстиславскому православному; епархии львовская, луцкая, перемышльская и монастырь Киево-Печерский уступаются православным. Борьба, кончившаяся этими уступками, не обошлась без полемических сочинений: православные для исторического подтверждения своих требований издали в 1632 году Синописис, или собрание прав и привилегий, данных королями польскими народу русскому, и потом дополнение к этому Синописису (*Supplementum Synopsis*); униаты отвечали в том же году сочинениями: 1) Права и привилегии королей польских, данные обывателям Короны Польской и Великого княжества Литовского, находящимся в единении с римскою церковию; 2) Святое

единение церквей восточной и западной. В сочинениях этих они старались доказать, что уния существовала в русской церкви со времен св. Владимира. В 1633 году униаты издали сочинение под заглавием: *Exorbitancye Ruske*, в котором перечисляются все насильственные поступки православных против униатов, а именно: «11 августа 1600 года Ипатия Потя, митрополита киевского, хватил негодяй саблей по шее, убить не удалось, но у левой руки отсек два пальца. 1618 года в Выдубецком монастыре православные схватили униата архимандрита Антония Грековича и утопили в Днепре. В 1622 году в Шарограде протопопа униатского убили, в Киеве войта и священника: на Подгоре униатского монаха Антония Буцкого в Светлое воскресенье убили при церкви; наконец, в 1623 году убили Кунцевича; король долго не верил, чтобы это сделали его подданные, думал, что пограничные москали».

М. Нестеров. Молчание. 1903 г. Фрагмент

Но в то время как поднятая Могилою киевская школа приготавливала новых поборников русской веры, православные русские лишились самого сильного из прежних ратоборцев своих, Мелетия Смотрицкого. После убиения соперника своего, Иосафата Кунцевича, Мелетий, обвиняемый как участник в этом деле, как поджигатель народа, отправился на Восток для точнейшего изучения восточной веры и церкви, как говорил он сам; но вместо большей привязанности к бедствующей церкви, которой страдания он так сильно описывал прежде в своем Френосе, Мелетий возвратился на родину с убеждением, что восточная церковь заражена протестантизмом. В 1628 году он издал свою защиту путешествия на Восток (*Apologia peregrinacij do stron wschodnich*), где изложил свой новый взгляд на восточную церковь и предлагал православным русским принять унию. В том же году на киевском православном соборе он должен был отречься от своих мнений и просить прощения; но как только уехал из Киева, то написал протест (*Protestatia*) против собора, где объявил, что принужден был только силою отказаться от своих убеждений, искренних и правильных. Против апологии возражал православный протопоп Андрей Мужилковский в сочинении *Antidotum* (1629); Смотрицкий ответил в том же году книгою: *Exethesis*, которая со стороны православных вызвала *Апологию погибель* (от греч. *apollimi* – погибаю, а не от *apologeo* – защищаю).

Но в то время, как Потей и Терлецкий целовали ноги у папы и в Риме торжествовали воссоединение русской церкви, выбивая медаль с надписью: *Ruthenis receptis*, в это время виленское белое духовенство писало Скумину: «Так как люди православия греческого уразумели, что митрополит и епископы подкапывают нашу веру и в неволю ее отдают без ведома своих старших и нас меньших, всего духовенства, без ведома вас, наших милостивых панов, и всех православных христиан, сами вчетвером или впятером все дело делают, то мы, все духовенство греческого православия, протестовали пред Богом и всем народом христианским, что мы о таком отступлении от своих старших патриархов не мыслили, не знали и не соглашались на него». В начале 1596 года назначен был большой сейм в Варшаве. Православное дворянство, собиравшееся для предварительных совещаний на провинциальных сеймиках, дало своим депутатам наказ просить короля: 1) чтоб епископы, отступившие от православной веры, лишены

были сана; 2) чтоб поставлены были епископами лица православного исповедания, согласно с постановлением 1573 года и с жалованными грамотами прежних королей, подтвержденными присягою самого короля Сигизмунда III. Но мы видели, что король обязался Потею и Терлецкому защищать их, и потому, естественно, он не мог принять просьбы депутатов. Тогда депутаты и князь Острожский торжественно объявили королю, сенату и всему сейму, что они и весь народ русский не будут признавать Терлецкого и Потея своими епископами, не будут признавать их власти в своих имениях и не будут подчиняться их духовному суду. Сверх того депутаты написали протест, в котором изложены были обиды и притеснения, претерпеваемые православным народом русским, и в последний день сейма поручили прочитать этот акт в присутствии короля Мартыну Буховецкому, писарю воеводства Познанского; но сейм не позволил читать протеста: Буховецкий, заглушенный криками, принужден был удалиться, протестовав против такого насилия. Тогда князь Острожский записал в акты варшавского сейма протест, изложив преступные действия Терлецкого и Потея и объявив твердую решимость противодействовать их намерениям. В таком же смысле депутаты православного дворянства подали два протеста для внесения в книги гродские радзиевские; из актов книг извлечены были засвидетельствованные копии протестов и разосланы по воеводствам. Король, со своей стороны, в исполнение прежних обязательств, дал Терлецкому подтвердительную жалованную грамоту на епископию луцкую: в этой грамоте король ручается за себя и за своих преемников, что Кирилл Терлецкий будет епископом луцким и острожским в течение всей своей жизни; утверждает за ним все имения епископии луцкой и обещает оборонять его против всех недоброжелателей, которые осмелились бы лишить его епископского сана или отнять у него церковные имения (21 мая 1596 года). Вслед за тем, 29 мая 1596 года, король издал манифест православным своим подданным о совершившемся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя и уверял, что Терлецкий и Потей не привезли из Рима никаких новостей: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковию под послушание одному духовному пастырю.

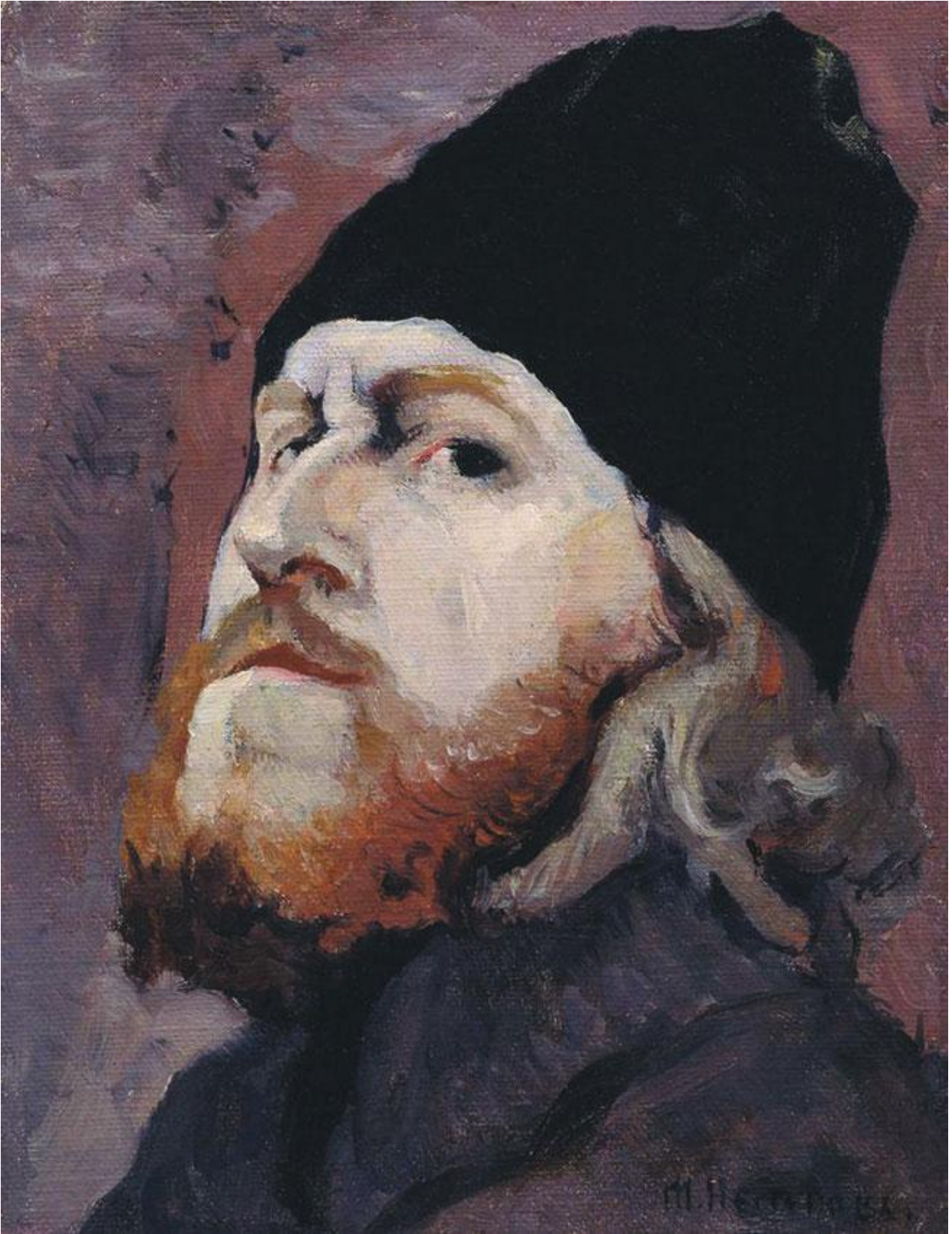
Епископы не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете». Так как дело было кончено, воля королевская прямо высказана, уния объявлена делом правительства, то последним актом долженствовал быть собор, на котором решительно должно было обозначиться положение русской церкви, должны были обозначиться для правительства друзья и враги его. В том же манифесте король приказывал митрополиту Михаилу созвать собор в обычном месте, в Бресте, где Терлецкий и Потей должны были подробно рассказать о своей поездке в Рим. Приезд на собор дозволен был всем подданным православного исповедания, и каждый должен был приезжать как можно скромнее, не привозя с собою ненужной толпы. Присутствовать на соборе позволялось только католикам и православным, за исключением протестантов.

В первых числах октября 1596 года съехались в Брест: грек Никифор, экзарх константинопольского патриарха, долженствовавший заступить его место на соборе, митрополит Михаил с семью русскими епископами, множеством архимандритов, игуменов и священников; из мирских людей князь Константи́н Острожский с сыном и многие другие; из католиков приехали три бискупа, Петр Скарга и трое светских вельмож, послы королевские: Николай Христоф Радзивилл, воевода троцкий, Лев Сапега, канцлер литовский, и Дмитрий Халецкий, подскарбий. 6 октября должно было начаться заседание собора, но сейчас же образовались два враждебных стана, которые не соединились в одно общее заседание в одном месте, в церкви, как обыкновенно бывало. О митрополите, который должен был распорядиться как хозяин, не было ни слуху, ни духу. Православные должны были собраться в большом частном доме, и засели – духовные своим колом, имея посреди себя евангелие, светские – особым колом с своим маршалком. После обычных молитв владыка львовский, Гедеон Балабан, первый начал речь на русском языке; иеродиакон Киприан тут же переводил ее на греческий язык. Гедеон говорил, что он и все собравшиеся хотят стоять и помирать за восточную веру, и, по их мнению, митрополит с своими владыками поступил незаконно,

отрекшись от повиновения патриарху. Положено было послать за митрополитом и униатскими епископами, но те не явились; Рагоза отвечал, что подумает с Католическими епископами и потом приедет на собор; собор ждал его до вечера и не дождался. На другой день опять послали звать митрополита с товарищами и получили ответ: «Напрасно нас ждете: мы к вам не придем». На третий день третье посольство, на которое получен ответ: «Что сделано, то сделано; хорошо ли, дурно ли мы сделали, поддавшись римской церкви, только теперь уже переделать этого нельзя». Тогда на вопрос экзарха: когда и как Рагоза с товарищами начал хлопотать об унии, киевопечерский архимандрит Никифор Тур отвечал: «Патриарх Иеремия, узнавши о беззакониях Рагозы, отлучил его от церкви, грозя, если не исправится, конечным низложением; он и задумал отступить, и отступил». Обратились к мирским людям, сравнили наказания, данные послам от всех областей – везде нашли одно требование: не отступать от восточной церкви. В это время дали знать собору, что в том же доме, в небольшой комнате, Скарга истощает свое красноречие, чтобы убедить князя Острожского и сына его в правде унии. Экзарх Никифор сказал: «Пусть Скарга придет на собор и спорит с людьми учеными; зачем в углу старается убеждать людей, в богословии несведущих?» Но Скарга не пришел на собор. На четвертый день, 9 октября, выдан был декрет соборный: митрополит и владыки: владимирский, луцкий, полоцкий, холмский и пинский лишаются архиерейского сана, потому что без ведома своего старшего задумали соединение церквей, которое может быть решено не пятью или десятью владыками, а вселенским собором; потом, означенные митрополит и епископы, будучи позваны на собор к ответу, не явились и ответа не дали. В тот же день митрополит с епископами-униатами выдал декрет о лишении сана и проклятии епископов и сообщников их, отвергших унию.

Так совершилась уния, или, лучше сказать, разделение западнорусской церкви на православную и униатскую. Так как православные, отвергнув унию, прямо поступили против воли правительства, покровительствующего последней, то этим, разумеется, еще более ухудшили положение своей церкви. Тяжелое положение продолжалось и тогда, когда правительство начало выслушивать жалобы православных и давать постановления в их пользу, ибо, при возбужденном фанатизме, при безнарядье и своеволье, частные

люди, особенно люди сильные, мало обращали внимания на решение правительства; всего более должно было терпеть за православие сельское народонаселение, находившееся во власти панов католиков или, что еще хуже, отступивших от православия. Но это тяжкое положение, борьба с господствующею церковью, борьба с врагом, сильным не одними материальными средствами, возбудили нравственные силы западнорусского населения. Противники действовали пером, писали против православия; православным нужно было защищаться, отвечать им уже и для того, чтоб удержать своих при решении не отступать от восточной церкви; чтоб защищаться успешно и чтоб иметь средства назидать своих и отвратить от себя вражий упрек в недостатке просвещения, надобно было умножать и улучшать школы, поднимать народную нравственность.

М. Нестеров. Голова монаха. Этюд к картине «Душа народа». 1914 г.

Восток не был так слаб, как предполагали враги его. Послышался сильный обличительный голос с Афона, от тамошнего русского инок Иоанна Вишенского: «Тебе, в земле Польской живущему всякого возраста и чина народу русскому, литовскому и польскому, в разных сектах и верах пребывающему, сей глас в слух да достигнет. Извещаю вас, что земля, по которой ногами вашими ходите, на вас перед Господом Богом плачет и вопиет, прося творца, да пошлет серп смертный, как некогда на содомлян, желая лучше пустою в чистоте стоять, нежели вашим безбожием населенною и беззаконными делами оскверненною быть. Ибо где теперь в Польской земле вера, где надежда, где любовь? Где правда и справедливость суда? Где покорность, где евангельские заповеди? Где апостольская проповедь, где светские законы? Где хранение заповедей Божиих? Где непорочное священство? Где крестonosное житие иноческое? Где благоговейное и благочестивое христианство? Зачем именем христианским называть себя бесстыдно дерзаете, когда силы этого имени не храните? О, окаянная утроба, которая таких сынов на погибель вечную породила! Ныне в Польской земле вместо евангельской проповеди, апостольской науки и святого закона, ныне поганские учителя, Аристотели, Платоны и другие им подобные мошкарники и комедийники во дворах Христа Бога владеют. Вместо веры, надежды и любви, безверие, отчаяние, ненависть, зависть и мерзость обладают. Покайтесь все, покайтесь, да не погибнете двоякою погибелию! Турки некрещеные честнее пред Богом в суде и правде, нежели крещеные ляхи; а вы, православные христиане, не скорбите: Господь с вами и я с вами; имейте веру и надежду на Бога жива; на панов же ваших русского рода, на сынов человеческих не надейтесь – в них нет спасения: они от живого Бога и от веры в него отступили. Да будут прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себе из мест святых поделали, сами с слугами своими и приятелями в них телесную и скотскую жизнь провождают; на местах святых лежат, гроши собирают с доходов, данных богомольцам Христовым, дочерям своим приданое готовят, сыновей одевают, жен украшают, слуг умножают, кареты делают, лошадей сытых и одношерстных запрягают; а в монастыре иноческого чина нет, вместо бдения, песнопения и молитвы, псы воют. Владыки безбожные, вместо правила, книжного чтения и поучения в

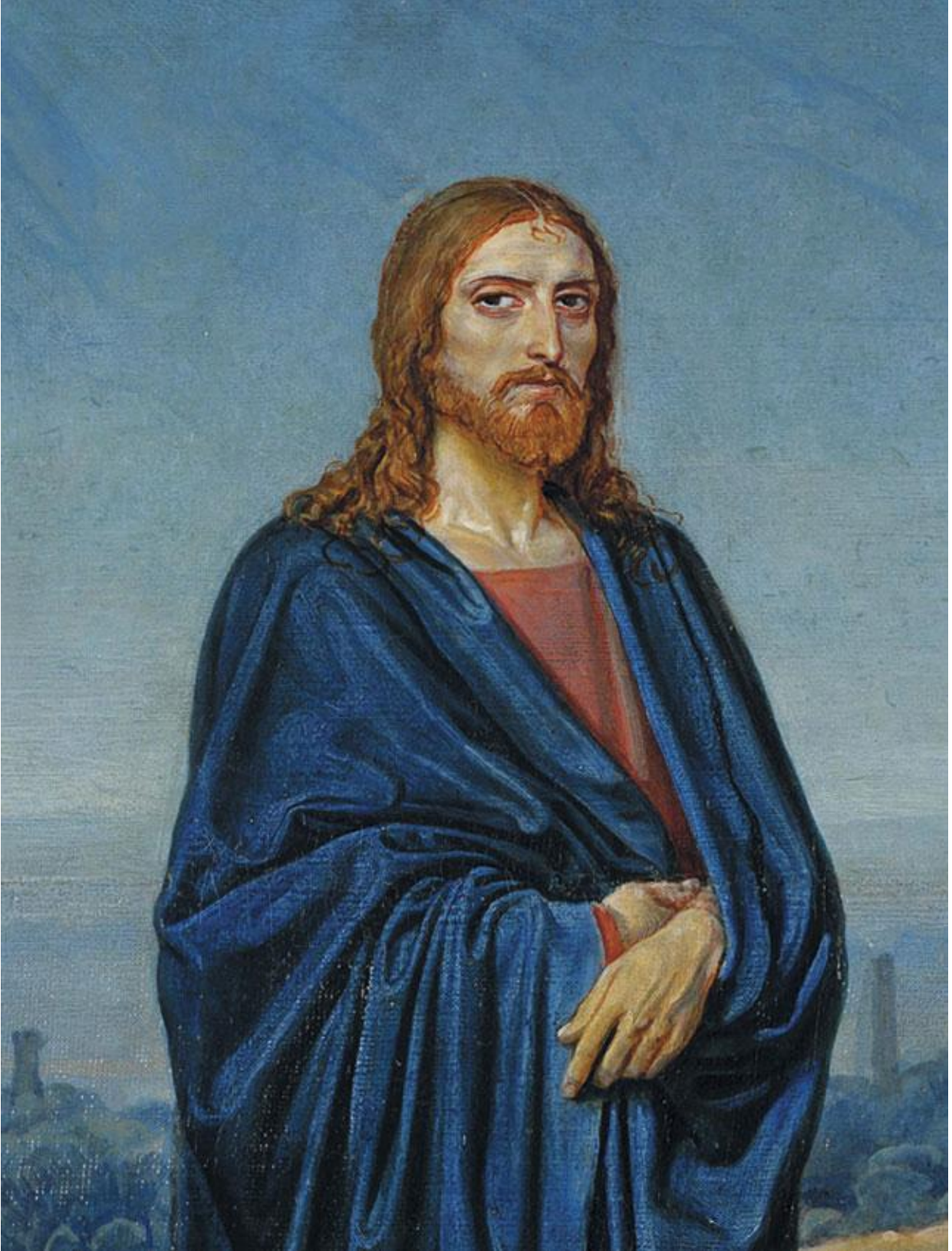
законе господни, день и ночь над статутом сидят, и во лжи весь век свой упражняются». Тот же Иоанн писал к Рагозе, Потее и Терлецкому по поводу унии: «Спросил бы я вас, что такое труд очищения? Но вам и не снилось об этом; не только вы этого не знаете, но и ваши папы иисусоругатели, так называемые иезуиты, о том не пекутся и ответа дать не могут. Покажите мне, соединение церквей сплетающие! Который из вас прошел первую ступень подвижничества? Не ваша ли милость веру делами злыми наперед еще разорили? Не ваша ли милость воспитали в себе похоть лихоимства и мирского стяжания? Насытиться никак не можете, а все большею алчною и жаждою мирских вещей болеете. Покажите мне, соединение церквей зиждущие! Который из вас, в мирской жизни будучи, шесть заповедей Христовых сам собою исполнил? Не ваша ли милость эти шесть заповедей не только в мирском чину разорили, но и теперь в духовном беспрестанно разоряете? Сами как идолы на одном месте сидите, а если и случится этот труп обидолотворенный на другое место перенести, то на колеснице бескорбно переносите, а бедные подданные день и ночь на вас трудятся и мучатся. Где вы больным послужили? Не ваша ли милость больных из здоровых делаете, бьете, мучите, убиваете? Постучись в лысую голову, бискуп луцкий! Сколько ты во время своего священства человеческих душ к Богу послал? Его милость, каштелян Потей, хотя и каштеляном был, но только по четыре слуги за собою волочил, а теперь, когда бискупом стал, то больше десяти начтешь; также и его милость митрополит, когда простою рагозиною был, то не знаю, мог ли держать и двоих слуг, а теперь больше десяти держит».

В послании к князю Острожскому и ко всем православным христианам Иоанн Вишенский пишет: «Потому дьявол против славянского языка борьбу такую ведет, что язык этот плодоноснейший из всех языков и Богу любимейший, потому что без поганских хитростей и руководств, каковы грамматика, риторика, диалектика и прочие коварства тщеславные дьявольские, простым прилежным читанном, безо всякого ухищрения к Богу приводит, простоту и смирение зиждет и духа святого подъемлет, в злоковарну же душу не внидет премудрость. Латинская злоковарная душа, ослепленная и насыщенная поганскими тщеславными и гордыми догматами, Божия премудрости, разума духовного, смирения, простоты и беззлобия вместить никак не может. Охраняйте, православные, детей своих от

этой отравы; теперь вы явно пострадали, когда на латинскую и мирскую мудрость разлакомились. Разве не лучше тебе изучить Часословец, Псалтырь, Октоих, Апостол и Евангелие с другими церковными книгами, быть простым богоугодником и жизнь вечную получить, нежели постигнуть Аристотеля, Платона, философом мудрым в жизни сей называться и в геенну отойти. На священническую степень по правилу святых отец да восходят, а не по своему желанию, не ради имени и панства сан восхищают; не принимайте того, кто сам наускаивает, королем назначается без вашего избрания; изгоняйте и проклинаяте такого, потому что вы не в папу крестились и не в королевскую власть, чтоб вам король давал волков и злодеев, ибо лучше вам без владык и без попов, от дьявола поставленных, в церковь ходить и православие хранить, нежели с владыками и попами, не от Бога званными, в церкви быть, ей ругаться и православие попирать. Вы пастыря себе так избирайте: прежде назначьте несколько особ, от жития и разума свидетельствованных, потом определите день и пост, сотворите бдение в церкви и молитесь Богу, да даст вам и откроет пастыря, которого жребием искушаете; Бог милостивый моления вашего не презрит, вам пастыря даст и объявит; после этого уже обращайтесь к светской власти, к королю, чтоб подтвердил вам владыку, если же не захочет подтвердить, то увидите, как оглохнет и пропадет, потому что поставлен суд правый судить, а не прелестям своей веры потворствовать; только обратитесь к Богу истинно, все вам чудотворно устроит. Праздничные ярмарки, что вы зовете соборами, очистите, как в Жидичине и в горах св. Спаса; коляды уничтожьте, потому что не хочет Христос, чтоб при его рождестве дьявольские коляды совершались; щедрый вечер из городов и сел в болота загоните, пусть там с дьяволом сидит. Волочельное по воскресении из городов и сел выволокши, утопите; уничтожьте на Юрьев день дьявольский праздник, когда выходят в поле плясками и скаканием дьяволу жертву приносить; пироги и яйца надгробные отмените; купала на Иванов день утопите и огненное скакание отсекайте; Петр и Павел молят вас, да потребите качели, на день их устроаемые на Волыне и Подоле». Возражая епископам униатам, жаловавшимся, что патриарх Иеремия в братствах простых людей над епископами поставил. Вишенский пишет: «Как вы духовными, и не только духовными, но и верными называться можете, когда брата своего, в единой купели крещения верую и от

единой матери благодати наравне с вами породившегося, подлейшим себя считаете? Пусть будет холоп, сыромятник, седельник, портной, но вспомните, что брат вам ровный во всем, ибо во едино триепостасное Божество крестился».

Мы видели, как сильно волновал Вильну своими проповедями Стефан Зизаний, вооружась против католицизма и унии. Рагоза отлучил его от церкви за ересь, а православные епископы, на Брестском же соборе 8 октября, объявили его невинным, равно как и двоих священников братских, отлученных вместе с Зизанием: «Так как сам митрополит в послушании у церкви восточной не хотел быть, то и клятву свою на этих священников положил ни за что другое, как только за книжку, сочиненную на костел римский». Труды Зизания вызвали опровержение со стороны католиков: явилась книжка под заглавием: «Kakol, ktory rozsiewa Zyzani». Но Зизаний в 1596 году издал слово (казанье) св. Кирилла, патриарха иерусалимского, об антихристе: из этого сочинения выходило, что время антихристово есть время унии. На книжку Зизания в том же году явился опять католический ответ: *Plewę Stephanka Zuzaniej*. Как образчик полемического тона и остроумия времени приведем несколько слов из этой книжки: «В недавнее время Зизаний привез в Вильну на торг множество куколю фальшивой науки и хотел продавать его вильнянам за настоящую пшеницу. Но вильнян предостерегли от измены, и Зизанию торг запрещен. Давши покой куколю, взялся он за плевелы, желая на них попробовать счастья, написал новую книжку, не куколя, а плевел исполненную. Но как плевелы от первого дуновения ветра разлетаются по воздуху, так и все, что он в этих книжках написал, одним духом каждый сдунуть может. Чтоб это легче можно было сделать, он написал книжку двояким языком: по-русски и по-польски, дабы иметь больше свидетелей своей глупости».

С. Иванов. Явление Христа народу. 1857 г. Фрагмент

Но понятно, что самая сильная полемика должна была возгореться по поводу Брестского собора. В 1597 году явилось два описания этого собора с двух противоположных точек зрения: православное Ekthesis или краткое описание того, что делалось на поместном синоде в Бресте Литовском; католическое описание собора было сочинено знаменитым Скаргою, который согласно с основным своим взглядом утверждал, что собор незаконен, что законно только то, что постановлено митрополитом и епископами, т. е. уния, ибо миряне не имеют никакого права вмешиваться в дела церковные, а должны повиноваться беспрекословно своим пастырям. Опровержением книги Скаргиной явился со стороны православных знаменитый *Апокризис албо отповедь на книжки о съборе берестейском, именем людий старожитной релее греческой, через Христофора Филалета (псевдоним)*. Понятно, что автор Апокризиса должен был ударить со всею силою на основной взгляд Скарги о невмешательстве мирян в дела церковные. Приведши известные нам грамоты, в которых Рагоза и Потей клянутся ничего не предпринимать без ведома мирских людей, автор Апокризиса указывает, что и сами эти духовные не разделяли мнение Скарги и сами себя осудили, поступивши вопреки клятвенным обещаниям. «Положим, – говорит автор Апокризиса, – что владыки имели право объяснить член символа веры: «Верую во едину соборную апостольскую церковь» так, что под эту церковь должно разуметь римскую; но они обязаны были как можно скорее дать знать об этом новом истолковании своей пастве, тем более, что, по словам Скарги, вера в римскую церковь есть необходимое условие спасения; владыки виноваты в том, что в то время, как они медлили объявить о новом спасительном члене веры, многие люди, не зная его, умерли, лишены спасения». Скарга приводит свидетельства Ветхого завета о том, что рассуждение о делах духовных принадлежит одному духовенству; автор Апокризиса возражает, что Моисей был светский человек, однако установил весь порядок богослужения, и как это случилось, что Господь Бог не иерею Аарону, а светскому человеку Моисею дал право распоряжаться делами богослужения? Но если бы и действительно в Ветхом завете рассуждение о вере принадлежало одним иереям, то это слабый довод, ибо велика разница между иудейством и христианством: в иудействе одно колено левиино к служению иерейскому было

избрано, а в христианстве все люди, кровию Христовою от грехов омытые, царями и иереями Богу Отцу учинены; там одна часть народа хвале Божией служила, в одном Иерусалимском храме: здесь все люди христианские, на каждом месте, во всякий час, на хвалу Христову посвящены, чтобы, едят ли, пьют ли, другое ли что делают, все во славу Божию делали, чтобы не только духом, но и телом славили Бога, будучи членами Христовыми. Скарга написал, что иереи и духовные, которых Бог приказал слушаться, заблуждаться не могут, и потому светские должны слушаться их во всем, в той надежде, что хотя бы и заблудились, за духовными идучи, будут оправданы пред Богом, который повелел им слушаться заблуждающих. «Спрашиваю, – возражает автор Апокризиса, – за что же Моисей побил три тысячи человек, поклонявшихся тельцу, слитому первосвященником Аароном? Спрашиваю: что Скарга думает о первосвященнике Урии, который, вместе с царем Ахазом, идолам жертву приносил? Спрашиваю: что понимает о иереях времен Христовых: почему же апостолы их не слушались? Почему вере или неверию их не последовали? Оставляя примеры ветхозаветные, спрашиваю: когда епископ Авксентий Медиоланский был арианом, когда Диоскор Александрийский еретичествовал вместе с Евтихием, когда еретичествовали Несторий и Македоний, епископы константинопольские, то принадлежавшие к их епархиям были ли обязаны последовать их учению? И если последовали, то будут ли оправданы пред Богом? А если будут, то как же писание говорит, что каждый свое бремя понесет, и когда слепой слепого водит, то оба в яму впадают? Если мирские люди обязаны во всем повиноваться пастырям своим, то не погрешили и немцы кельнские, которые, по примеру архиепископа своего, сделались лютеранами; и мы не грешим, слушаясь владыки львовского и перемышльского, которые говорят, что папа вовсе не наивысший правитель церкви, и если бы луцкий владыка потуречился (что дело возможное, смотря по его нравственности), то овцы его были бы оправданы перед Богом, когда бы сделались магометанами? Конечно, историк Брестского собора тряхнет на это головою; так пусть же знает, что для предохранения от заблуждений не на титулы духовные надобно смотреть, а на что-нибудь другое; не всегда и не во всем надобно духовенство слушать». Мы привели эти строки для показания взгляда и приемов автора Апокризиса; что же касается до подробного разбора и

оценки его книги, то это предоставляем церковным писателям. Вслед за Апокризисом написано было православным львовским священником изложение хода дела об унии, под заглавием: «Перестрога, зело потребная на потомные часы православным христианам». Сочинение это заключает в себе любопытные подробности, но тяжело для историка по смешению событий вследствие отсутствия хронологии.

Апокризис раздражил сильно католиков: это видно по тону, в каком было написано возражение на него под заглавием *Antirrthesis* (1600 года). Автор Антиррезиса для борьбы с сильным противником должен был прибегнуть к отчаянному средству: ко лжи и брани. «Автор Апокризиса, – говорит он, – наполнил свою книгу таким множеством непристойных и ложных вещей, что и сам дьявол, из ада вылезши, не мог большей неправды сочинить, как этот Христофор Филалет в своих книжках написал; поистине, каждый может назвать его *diawolofor* и *philopseudis*, а не *Christum ferens, et amator veritatis* (т. е. не носителем Христа, что значит Христофор, и не любителем истины, что значит Филалет, а носителем дьявола и любителем лжи).

Сам король в окружной грамоте своей к русскому народу счел за нужное вооружиться против поведения православных на Брестском соборе: «Митрополит, – пишет король, – с епископами, остальным духовенством и многими другими людьми веры греческой русской, сошедшись на месте обычном, в соборной церкви св. Николы, начал дело, как следует, молитвою, и три дня разбирал дело, справляясь с св. писанием, с правилами св. отец, призывая братским призывом к себе Михаила Копыстенского, епископа перемышльского, и Гедсона Балабана львовского, и других товарищей их, которые сначала сами добровольно приступили к унии и нам, господарю, дали знать об этом, а теперь, по наущению людей упорных, покинувши старшего своего архиепископа, митрополита и братью свою владык, покинувши храм Божий, место святое, на котором обязаны были сходиться с старшим своим, и ни разу, во все продолжение собора, в церкви Божией не ставши, захотели соединиться с анабаптистами, арианами, богохульниками и с другими старыми еретиками, неприятелями и поругателями веры православной – русской. Кроме того, взявши себе в товарищество шпионов и изменников наших, какого-то Никифора и других греков, чужестранцев, в божнице еретической засели, злостью и упорством, фараоновым сердцем окаменелым поступали и дела, им не

принадлежащие, делать осмелились, против своего начальства, против нас, господаря, и против Речи Посполитой, от церкви Божией отлучились, тайком заговоры и протесты составляли, к бланкетам печати и руки свои прикладывали, других людей разных, к собору не принадлежавших, к рукоприкладству приводили и силою подписываться заставляли, и, написавши что-то на этих бланкетах, по государствам нашим рассылать осмелились». Увещевая последовать примеру митрополита, принять унию, и извещая о проклятии Копыстенского и Балабана, король запрещает считать их владыками и иметь с ними сообщение, запрещает правительственным лицам противиться постановлениям Брестского собора, признавшего унию, и приказывает карать противников.

Итак, с православными велено было поступать как с преступниками, гонение на них было узаконено. Но указ королевский не мог быть приведен в исполнение во всей силе: наказывать за противление унии пришлось бы слишком многих, целый народ, и некоторые из этих многих были очень сильны, а правительство было очень слабо. В то время, как Сигизмунд приказывал преследовать православных и награждал епископов-униатов, князь Острожский уговорил Балабана и Львовское братство прекратить свои тяжбы на год, в продолжение которого обе стороны обещали князю оборонять заодно православную веру.

Но в то самое время, как Западная Россия волновалась униєю, в ней обнаружилось явление, которое должно было иметь решительное влияние на исход борьбы. Мы видели, что оба государства Восточной Европы: Московское и Польское одновременно должны были начать неприязненные отношения к усилившимся на окраинах их козакам, которые вели себя одинаково, как на востоке, так и на западе. Величая себя сберегателями государств, они не ограничивались несколько пограничною стражею, но, по своему хищническому характеру, которого они не скрывали, объявляя, что если им не нападать на соседей, то жить нечем – по этому характеру своему, козаки нападали на соседей и тогда, когда государству это было вредно, нападали морем на турецкие владения и вовлекали оба государства, и особенно Польское, в опасную вражду с Турциею. Понятно, что Польша должна была всеми силами хлопотать о том, чтоб отнять у козаков возможность вредить государству. По заключении мира с Турциею, по которому

Польша обязалась удерживать козаков от нападений на турецкие владения, на сейме 1590 года было определено, чтоб коронный гетман обозрел и привел в известность края, обитаемые козаками, дал бы им старшего, ротмистров и сотников из польской шляхты, чтоб козаки присягнули в верности республике, не отправлялись за границу ни водой, ни сухим путем без позволения коронного гетмана, не принимали польских беглецов, и чтоб козаков было определенное число, внесенное в гетманский список. Два комиссара отправились с сейма для постоянного пребывания между козаками, для наблюдения за исполнением сеймового решения. Понятно, что козаки не могли спокойно покориться этому решению; в 1592 году, под начальством какого-то Косинского, в числе 5000 человек, напали они на Подолию и опустошали владения князя Острожского и других панов. Князь Константин выслал войско, которое поразило Косинского под городом Пяткою, недалеко от Тарнополя; впоследствии Косинский был окружен и убит на дороге в Черкасы. В 1595 году, или около этого времени, запорожский гетман Григорий Лобода опустошил Украину; на Волыни князь Константин Острожский успел уладиться с ним: Лобода отправился в дунайские княжества против турок, Острожский двинулся на Полесье; но в это время от войска Лободы отделился Наливайко с толпою в 1000 человек и занял Острополь, имение Острожского; не знаем, как разделался князь Константин с этим гостем; но знаем, что после Наливайко вторгнулся в Белоруссию, овладел Слуцком. 30 ноября 1595 г. Наливайко уже с 2000 козаков вступил в Могилев на Днепре; запылала дома, лавки, острог; девяносто домов превращено было в пепел; козаки грабили, убивали жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Против разбойников двинулся литовский гетман Радзивилл с 14 000 литвы и 4000 татар. Наливайко, заслышав о приближении Радзивилла, вышел из Могилева и огородился возами; из этого козацкого укрепления отбивался он целый день от Радзивилла, отбил его и ушел к Быхову. Литва гналась за козаками, но ничего им не сделала, только сама грабила. Коронный гетман Жолкевский писал королю в 1596 году: «Страшно вспомнить, до чего дошло это своевольство; какое забвение величия королевского, замыслы о разрушении Кракова, об истреблении шляхетского сословия!» Наконец Жолкевскому удалось поразить и взять в плен Наливайку при Лубнах в урочище Солонице. Наливайко был казнен в Варшаве в 1597 году.

Подозревали Острожского в сношениях с Наливайком; говорили, что и Лобода, с ведома князя, опустошал Украину; по этому случаю Острожский писал зятю своему, Радзивиллу, воеводе виленскому: «Полагаюсь на Бога, который спасет не только от подозрения, но и от смерти».

Государство, по-видимому, восторжествовало над козаками; но это государство носило в себе глубокие раны, которые растревались все более и более; то была слабость правительства, которое не имело возможности удерживать людей сильных от насилия, удерживать войско, которое, не получая жалованья, страшно грабило: так, во время войны с Наливайком, чего не взяли козаки, то побрали солдаты; то была религиозная борьба вследствие унии, гонение, которому подверглись православные; то было тяжкое состояние, в котором находилось низшее земледельческое сословие; сельские веча, или копы, не очень сильные, как мы видели, и во второй половине XVI века, все более и более теряют свое значение в XVII, мужи сходатаи уступают власть свою помещикам. Помещик или помещица, с несколькими приятелями, иногда в присутствии священника, производят суд и расправу. Крестьяне, присланные околичными селениями, присутствуют безмолвно, соглашаясь с распоряжениями помещика и его приятелей. Некоторые помещики вовсе запретили своим крестьянам ходить в народные сельские собрания и принимать участие в копных судах. Помещики и управляющие их еще в 1557 году получили право казнить своих слуг и крестьян смертию; мало того: отдавая имения свои в аренду жидам, давали им право брать себе все доходы, судить крестьян без апелляции, наказывать виновных и непослушных, по мере вины, даже смертию. И вот крестьяне, или хлопы, как их называли на юго-западе, бегут в козаки, и Жолкевский жалуется на замыслы об истреблении шляхетского сословия. В Московском государстве козаки воспользовались смутою и, чтоб удобнее бороться с государством, выставили знамена мнимых сыновей и внуков Иоанна IV; но здесь с окончанием смуты кончилось и царство козацкое. Иначе было в государстве Польском: здесь козаки, ратуя за свои интересы с государством, могли благодаря унии связать свое дело с делом священным, народным, выставить религиозное знамя.

Неизвестный художник. Николай Зебжидовский, воевода краковский. XVII в.

1597 год начался возмутительным процессом экзарха патриаршего Никифора, которого, как уже мы видели, король в своей грамоте называл шпионом. В имении гетмана Замойского схвачен был слуга князя Острожского, который ехал в Валахию покупать лошадей для князя, и нашли у него письма, которые дал ему греческий монах Пафнутий, ехавший в Москву. В этих письмах найдены были жесткие выражения против поляков, и вот ими воспользовались для обвинения Никифора, на которого сердились за Брестский собор; объявили, что письма писаны им, а не Пафнутием. Несмотря на то, что сам Никифор и прокуратор его, или адвокат, блистательно доказали всю нелепость обвинений, Никифора не хотели освободить от суда. Старик князь Острожский, оскорбленный этим делом, в котором хотели задеть столько же и его, сколько Никифора, говорил длинную речь королю, припоминал заслуги предков и свои собственные, припомнил, что, несмотря на вражду свою с Замойским, он был с ним заодно на стороне Сигизмунда при избрании королевском, за что король оказал ему большую милость, посадивши одного его сына по правую свою сторону в сенате, а другого по левую, и таким образом утешил его старость. Но теперь неприятель его, Замойский, гонит слуг его; людей добрых, невинных на вольных дорогах хватает, деньги отбирает, мучит, желая нанести на него какое-нибудь бесчестье; на духовных его нападает, изменниками их выставляет. «А ваша королевская милость, видя насилие над нами и нарушение прав наших, не обращаешь внимания на присягу свою, которую обязался не ломать прав наших, но умножать и расширять. Не хочешь нас в православной вере нашей держать при правах наших, на место отступников-епископов других дать, позволяешь этим отступникам насилия делать и проливать кровь тех, которые не хотят идти за ними в отступничество, грабить их, из имений выгонять. За веру православную наступаешь на права наши, ломаешь вольности наши и, наконец, на совесть нашу налегаешь: этим присягу свою ломаешь, и если прежде что-нибудь для меня сделал, то последнею немилостию своею все ни во что обращаешь. Не только сам я, сенатор, терплю кривду, но вижу, что дело идет к конечной гибели всей Короны Польской, потому что теперь никто уже не обеспечен в

своим правом и вольности, и в короткое время настанет великая смута. Предки наши, сохраняя государю верность, послушание и подданство, взаимно от него милость, справедливость и защиту получали. На старости лет затронули у меня самые дорогие сокровища: совесть и веру православную. Видя смерть перед глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь; поручаю вам отца Никифора, а крови его на страшном суде Божиим искать буду; прошу Бога, чтоб уже больше не видать мне такого ломанья прав». Кончивши свою речь, Острожский встал и, опираясь на руку одного приятеля, пошел из королевской комнаты; приятель напоминал ему, что надобно подождать ответа королевского. «Не хочу!» – отвечал старик и продолжал путь; тогда король послал за ним зятя его, виленского воеводу Радзивилла, с просьбою вернуться. «Уверяю вас, – говорил Радзивилл, – что король принимает участие в вашей печали и Никифор будет освобожден». Но раздраженный старик отвечал: «Пусть себе и Никифора съест!» – и вышел из дворца. Упрямство гордого магната, действительно, погубило Никифора; он умер в заточении в Мариенбурге, которому скоро суждено было увидеть в стенах своих других, более знаменитых узников. Говорят, будто недостаток в пище ускорил смерть Никифора.

Наконец, Острожский помирился и с Замойским, заклятым врагом своим, но не хотел мириться с делом Потей и Терлецкого. Тщетно сам папа лстивыми словами склонял его к унии: в самых почтительных выражениях благодарил Острожский святого отца за ласковое письмо, давал знать, что он сам старался об унии, но в то время, когда он употреблял средства, которые всего скорее могли повести к желанной цели, вдруг некоторые духовные, без общего совета, дело, начатое только и далеко не оконченное, поспешили представить его святейшеству, и этим произвели такую смуту, что больше народу впало в ересь, чем присоединилось к столице апостольской. «Мы готовы на соглашение, – пишет Острожский, – но в этом деле унии заключается множество сторон. Не сомневаюсь, что ваше святейшество отложите дело до дальнейшего времени, когда отцы греческие (с которыми я буду сильно хлопотать об этом) охотно приступят к соединению, ибо знаем, что ваше святейшество преимущественно имеете в виду всеобщее примирение и успокоение: знаем, что, отдавая каждому свое, как римской, так и греческой церкви, и соединяя обе, как две дочери великого царя, ни у одной не отнимете их особенностей. Думаю, что и

самому творцу будет приятно, когда в мире водворится покой и когда это дело проистечет вместе и от наивысшего бискупа римского и от патриархов восточных».

Считая Потея и Терлецкого виновниками смуты, нарушителями доброго дела, православные не переставали требовать их к суду, и король наконец принужден был, хотя по форме, исполнить их требование. В январе 1598 года Сигизмунд послал Потею и Терлецкому приказание явиться на сейм и оправдаться от обвинений послов воеводства Волынского в том, что они, епископы, назвавшись послами от всех православных христиан веры греческой, ездили в Рим к отцу папе и отдались под его власть именем всех обывателей, тогда как последние им никогда ничего не поручали и ни о чем не сговаривались; таким образом, епископы явились послами непосланными; кроме того, осмелились делать это не порученное им дело без воли патриархов, своих старших; потом осмелились на синоде Брестском, соединившись с ксендзами римскими (общение с которыми запрещено правилами св. отец), осмелились людей добрых, несогласных на их отпадение, от церкви отлучать. Потей отвечал пред королем в смысле известном и приятном Сигизмунду: «Новое и неслыханное дело! Овечки на пастыря жалуются, тогда как пастырь должен на них жаловаться тебе, пану верховному, который обязан непослушных карать и в послушание приводить, по апостолу: «Невежду страхом спасти». Теперь, наоборот, мои овечки на меня жалуются и пастырем меня не признают. Но не ваша ли королевская милость утвердили меня на епископии владимирской, которую я, покинув звание сенаторское, решил принять, подвигнувшись слезными просьбами князя Острожского; не вашей ли королевской милости было угодно, по смерти митрополитовой, назначить мне митрополию? А кто же у нас в панстве вашей королевской милости такие должности без важной причины у кого отнимает? Разве у того, кто за какое-нибудь преступление жизнь и честь теряет. Но, кажется, мы ничего такого не сделали, за что бы нас надобно было казнить смертию; так за что же у нас отнимать достоинства наши духовные? Только за то, что мы возобновили дело, давно утвержденное, наивысшему пастырю Христовой церкви послушание отдали и от патриархов уклонились, потому что от них никакой утехы, науки и порядка иметь не могли. Только за шерстью и молоком к нам ездили или посылали, а вместо покою волнение и меч

между детьми вкидывали. Новые, неслыханные и канонам противные братства людям простым дали, изъемя их из-под власти епископской и давая им власть, принадлежащую епископам. Это хлопство с простоты своей такое могущество себе приписывает, что ни епископов, ни панов своих слушать не хочет. Не имеем ли право бегать такого пастыря, который сам в неволе и нам ничем помогать не может».

Неизвестный художник. Николай Тарановский. XVII в.

Король, разумеется, должен был убедиться речью Потей; но не убедились ею православные и отвечали ему: «Бесстыдный язык! Не можете говорить доброе, будучи злыми. Что вы говорите о благочестивых патриархах и учителях своих, как неверные поганцы? Вы мудры на злое, а чтоб разуметь доброе, не уведали истины, как говорит пророк. Не послано ли пророков во все времена? Не присылали ли и патриархи к вам учителей, во все времена уча вас? Мало ли грамот присылали к вам патриархи во все времена, о многих делах, и сами к вам приходили? Вы говорите: «Когда пришел патриарх, то сделал какое-то братство, попов и проповедников наставил». Но и Христос то же самое сделал: архиереев обличивши и людей к себе собравши и учеников, из среды их учителей поставил. Так и патриарх: обличивши митрополита киевского, Онисифора двоеженца, и осудив Тимофея Злобу, архимандрита супрасльского, за убийство, митрополита Михаила посвятил и грамотами окружными всюду злость каждого обличил и на суд приготовил. Что же еще больше ему было делать? Школу греческую кто заложил, как не греки и не патриарх сам? Грамматике греческой и с славянским письмом не Арсений ли, митрополит елассонский, во Львове, от патриарха приехавши, учил два года? И когда грамматику через учеников своих напечатал, то в типографии греческого и славянского письма размножилось, чего никогда в русском народе не бывало. Русские, как окрестились, не учились, только церкви строили, которые им злые соседи зараз позапустошили, людей данями обложили, великих панов своими науками и способами различными от церкви отторгли, весь народ в убожество привели; зато теперь школы во всех городах закладываются, госпитали и церкви строятся. По приказу вселенского патриарха двоеженцев выведено, ереси выкляты, исповедники установлены, соборы духовные собирались, суды сужены, злых карали, владыкам негодным от мест своих отказаться велено. А вы что сделали? Одного патриарха антиохийского во Львове бить приказали, другому вселенскому патриарху, Иеремии, домой ехать велели, боясь, чтоб он вас, как преступников, не наказал и от мест не отставил; вы сами на себя могли определение выдать, как жида, говоря: «Злых зле погубить, а виноград предаст иным делателям, иже воздадут ему плоды во времена своя». Уже секира при корени древа лежит; не умолит

садовник господина своего, чтобы не посекал неплодного дерева, пока обложит его навозом до будущего года: уже всему час. А теперь каждый владыка в своей епископии попов двоеженцев и многоженцев, блудников, убийц имеет, сами владыки людей убивают (о чем свидетельства найдешь в книгах судных), церкви и монастыри разбивают, имущества монастырские вместе с монастырями своим приятелям дают, монахов женят, монахинь замуж выдают. А потом, тайком сговорившись, к папе утекли». Не получая управы от католического правительства, некоторые из православных решились соединиться с протестантами, также притесняемыми, чтоб этим союзом заставить правительство исполнить следующие требования: «Власть древняя константинопольского патриарха нарушается, ни мы с ним, ни он с нами чрез грамоты и послов сообщаться не имеем права; пусть все патриаршие декреты, а особенно декрет, выданный в Бресте на отступников, остаются в своей силе. Митрополита нашего отступника и с ним владык королевская милость защищает и из-под власти патриаршей изъемлет; и нам его королевская милость приказывает их, против совести нашей, слушаться: так, если уже король не хочет исполнить относительно их соборного определения, то пусть даст нам другого митрополита. Во всех городах, в цехах каждого ремесла папезники людей греческой веры до равной с собою чести и вольности не допускают и великие насилия чинят ремесленники-папезники; новые привилегии у легата себе выхлопывают против людей греческой веры, а король их подтверждает. Братства церковные королевская канцелярия повсюду выставляет нарушителями покоя, чести и вольности городской недостойными, от чего эти братства несносные терпят беды, особенно в Вильне: так чтобы братства, как и вся наша религия, оставлены были в покое. Попов и проповедников братских, и тех, кто их слушает и в церковь братскую ходит, митрополит-отступник проклиняет, а король банитует. В 98 году, на самое Светлое воскресенье, иезуиты делали великое насилие над церковью братства Виленского. Мандаты разные и грамоты окружные на братства выданы и некоторые из братьев, по немилости пана канцлера (Сапеги), к смертной казни присуждены были, если бы не сам Бог и пан воевода виленский Радзивилл (протестант) не защитили: так пусть эти мандаты уничтожат и пан канцлер с братством помирится. В монастыре св. Троицы алтарь братский митрополит-отступник, а дом,

где братство собиралось, пан канцлер отняли. Бурмистры на несколько человек из братства церковного сделали протестацию на ратуше, нам и потомкам нашим очень вредную, за то, что мы ездили в Брест на синод духовный. Все эти обиды делают нам папезники для того, чтоб духовную патриаршескую власть и благословение патриарха над нами уничтожить и к папскому послушанию нас подбить. Вследствие этого, их милостям, панам евангеликам, надобно крепко соединиться вместе с нами и стоять за наши обиды, а нам за их, обороняя вольности. В знак доброго расположения их к нам, просить их, чтобы они не оказывали послушания папе и покинули его новый календарь, с нами старый никейский держали по-старому (ибо паны прусаки и все немцы держат его вместе с нами), чтоб вместе обороняться от насилий в праздники господни». Таков был наказ, данный представителям, отправлявшимся на съезд с протестантами, назначенный в Вильне в мае 1599 года. Из православных здесь был князь Константин Острожский, Юрий Сангушко и двое незначительных духовных особ; архиереи львовский и перемышльский отказались участвовать в съезде. Со стороны протестантов были виленский воевода, князь Николай Христофор Радзивилл, брестокуявский воевода Андрей Лещинский и другие знатные люди. Протестанты хотели было начать дело о соглашении вероучения, но православные не хотели об этом и слышать; ограничились унией политической, написали договор, но между православными нашлось мало охотников подписать его, и съезд остался без следствий.

В том же 1599 году, по смерти Михаила Рагозы, митрополитом киевским был утвержден Ипатий Потей, первым делом которого было вооружиться на Стефана Зизания, не перестававшего проповедовать в Вильне против унии. Потей велел запечатать церковь в братском Троицком монастыре за то, что монастырь держал у себя Зизания. Старый товарищ последнего, Юрий Рогатинец, писал к нему из Львова успокоительное письмо: «Пишешь, что запечатали вам церковь именем Ипатия; не слушайте и не злоречьте Ипатия, в отчаянии его приводя на худшее, откуда возрастает ярость, а не Божие строение. Это не новость в церкви Божией: запечатали архиереи с римлянами гроб Христов, но силы его не удержали; и Ирод убивал младенцев Христа ради, но принял конец свой, как и другие Божии противники, которые властью панства своего церкви Божией противились. Пишешь, что

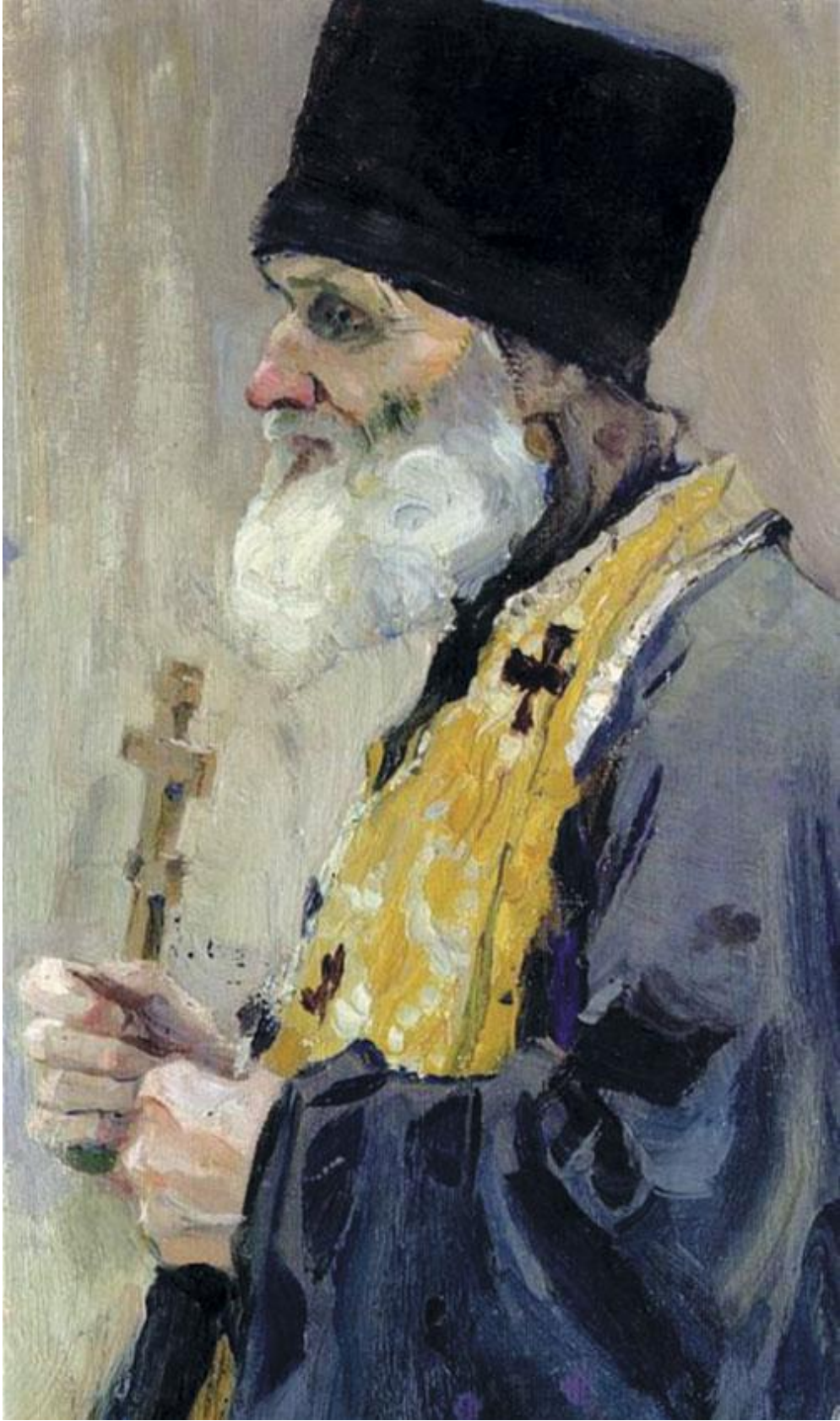
Ипатий написал какие-то разговоры русского с ляхом, в которых говорится, что мы, в бытность нашу в Вильне, отделившись от них, соединились с лютеранами. Это ошибка, ибо мы не держим дружбы ни с какими еретиками. А что слышно обо мне, что сношусь с Ипатием и письмами друг друга обсыпаем, то скажу прямо: часто разговариваю я со всякими противными людьми, не держа стороны их, но поступая по овечьему незлобию, мудрости змеиной и целости голубиной, как Христос научил, что ясно видно из разговора и письма моего к сыну Потееву, Яну; копию с этого письма посылаю вам». Из письма Юриева видно, что вражда между Львовским братством и епископом Гедеоном продолжалась: «Посылаю копию и другого сочинения моего, которое написал теперь на погребение племянницы своей Анастасии, умершей под мучительством балабановским; увидите, какое согласие имеем с Балабаном». Когда князь Острожский приезжал во Львов, то Балабан не показывался ему на глаза.

Князь Константин продолжал свое старое дело: по смерти александрийского патриарха Мелетия осталось сочинение против схизматиков и еретиков; князь немедленно стал хлопотать, чтоб издать его по-гречески и по-русски, для чего послал ко Львовскому братству за наборщиками и литеррами греческими. Потей не был также празден: в июне 1605 года он явился в виленской ратуше и объявил, что нашел в церкви кривской старинную рукопись с описанием Флорентийского собора и с грамотою к папе Сиксту IV от киевского митрополита Мисаила, архимандритов печерского и виленского, также от великих княжат и панов русских в 1476 году. Грамота эта была издана им в том же 1605 году, как доказательство давнего существования унии на Руси. Книжка Потей была встречена насмешками православных, которые в 1607 году выхлопотали сеймовое определение, чтоб чины и имения духовные раздавались русским людям шляхетным и прямо греческой веры; чтоб отправление богослужения их было свободно; чтоб духовные власти не соединяли в одном лице двух должностей и пользований; в 1609 году вытребовали, чтоб ни униаты православным, ни православные униатам не делали утеснения и раздражения, в противном случае виновные подвергаются пене в 10 000 злотых. Но раздражение не могло уменьшиться, когда в 1610 году явилось сочинение Мелетия Смотрицкого, скрывавшегося под псевдонимом Теофила Ортолога: «Плач восточной церкви» (Threnos to jest lament

jedyney powszechnej Apostolskiej wchodniej Cerkwie). Самое название показывает, что автор всего более хотел возбудить сочувствие к несчастному положению восточной церкви, готовой принимать гонение.

Скарга в том же году написал против этой книги: «Предостережение Руси насчет жалоб и воплей Теофила Ортолога» (Na treny y lamenty Theophila Orthologa do Rusi przestroga); в 1612 году вышло новое опровержение книги Смотрицкого в так называемой «Паригории, или утолении плача» (соч. Мороховского); а в 1617 году вышла книга виленского униатского архимандрита Леона Креузы: «Оборона единства церковного» (Obrona jednosci cerkiewnej), где автор старался доказать, что уния существовала прежде и в последнее время униаты поступали законно. Не уменьшалось раздражение, не уменьшались и притеснения, которых, по крайней мере, по-видимому, не одобряло правительство; но на правительство мало обращалось внимания. На сейме 1620 года депутат волынский, Лаврентий Древинский, говорил такую речь: «В войне турецкой ваше королевское величество едва ли не большую часть ратных людей потребуете от народа русского греческой веры, того народа, который, если не будет удовлетворен в своих нуждах и просьбах, то может ли поставить грудь свою оплотом державы вашей? Как может он стараться о доставлении отечеству вечного мира, когда дома не имеет внутреннего спокойствия? Каждый видит ясно, какие великие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов – там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят, мужья с женами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не самому Богу обида и неужели Бог не будет за это мстителем? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мертвое тело погребать, к больному с тайнами Христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят погребсти тело благочестивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят

потому только, что не униаты; простаками и невежами, из которых иной не знает, что такое правосудие, места наполняют в поношение стране русской. Деньги у невинных православных безо всякой причины исторгают. Главная причина зла заключается в том, что ваше королевское величество изволите назначать на высшие саны духовные людей, не зная их происхождения. Кто не знает, что теперь епископом полоцким сын сапожника, сделавший себе шляхетскую фамилию Кунцевич? Перемышльский владыка Шишка сын пастуха, и теперь родной его дядя в холопах у киевского воеводы. И владимирский владыка сын львовской мещанки Стецковой. Холмский владыка Покость сын виленского купца, обвиненный в покраже сукна, так что если б не спас его монашеский клобук, то давно был бы на виселице. Такая-то польза от унии, что в двадцать лет не могут униаты доставить кого-нибудь из природного шляхетства в епископы! Вот и теперь дали нам в Луцк Почаповского, правда, шляхтича, но по летам недостойного не только епископского, даже и дьяконского сана: не можем называть его отцом, потому что и двадцати лет ему нет. Все это неустройство происходит от того, что принимают посвящение не от законного пастыря; отступили они от патриарха константинопольского, которому искони в этом государстве духовная власть принадлежала. Уже двадцать лет на каждом сеймике, на каждом сейме горькими слезами молим, но вымолить не можем, чтоб оставили нас при правах и вольностях наших. Если и теперь желание наше не исполнится, то будем принуждены с пророком возопить: «Суди ми Боже и рассуди прю мою!»

М. Нестеров. Священник. Этюд к картине «Душа народа». 1912 г.

Сейм определил подтвердить конституцию 1607 года, чтоб впредь раздавать духовные должности и доходы людям прямой греческой веры. Но для приведения в исполнение этого решения православные не хотели дожидаться, пока перемрут все униатские владыки, и когда приехал в Западную Россию известный уже нам иерусалимский патриарх Феофан, то они просили его поставить им на все епархии православных епископов, что и было исполнено. Тут-то, имея своих епископов, православные в 1621 году издали правила, которыми хотели руководствоваться при бедственном состоянии своей церкви, издали так называемое «Советование о благочестии». «Все доброе, – говорится в этом советовании, – должно начаться прежде всего от самих глав, т. е. митрополит, епископы и все духовенство да отвергнут сперва всякую злобу и грех от самих себя. Епископы должны проповедовать правую веру, покаяние и благочестивые дела, обходя дома благородных; также посылать учеников своих, способных учить в церквах, а не дожидаться того, чтоб к ним приходили, кланялись и что-нибудь приносили. Как сами епископы, так и поставленные и посланные от них во всех церквах и на всех местах пусть открыто и явственно поучают, что вера восточной церкви, которую мы ныне исповедуем, есть истинная и спасение в ней несомненное, а в латино-римской церкви и в других соборщах, от нее происшедших, как истинной веры нет, так и спасения достигнуть невозможно. Веру, догматы и обряды церкви восточной должны они во всем хвалить и одобрять, а другие отрицать и обличать, впрочем, духовно и рассудительно, не злореча, но приводя места писания, сильные примеры и доказательства, и это обнародовать посредством письма. В иереи посвящать достойных, разумных и несомненных ревнителей благочестия, даром, а не из корысти, которой, ни самим от себя, ни через своих наместников, не требовать ни под каким предлогом, ни чрез какие намеки о своих нуждах и недостатках. Возбуждать и приготавливать к святому мученичеству как самих себя, так и сердца народа. Писать и печатать в защиту благочестия книги; противникам возражать письменно, но только с совета других, ибо у наших разномыслие, а у противников убеждение в своих верованиях и злоба в сердцах на нас. С отступниками-униатами не сообщаться и народу на исповеди то же внушать; а обращающихся в православие

принимать только на степень кающихся. Учреждать соборы. Чтоб в церквах каждый воскресный день и праздник была проповедь. Учреждать по городам школы. Учреждать братства. Нужно и то нам принять во внимание, что Ипатий Потей, Рагоза и другие их единомышленники были не малые головы; несмотря на то, предки наши, и многие из них весьма простые, дерзали обличать их безбоязненно: то же прилично делать и всем православным. Так как св. апостол Андрей есть первый архиепископ константинопольский, патриарх вселенский и апостол русский, на киевских горах стояли ноги его, очи его Россию видели и уста благословили, и семена веры он у нас посеял, то справедливым и богоугодным будет делом возобновить торжественно и нарочито его праздник. Воистину Россия ничем не меньше других восточных народов, ибо и в ней просветителем был апостол. Послать к константинопольскому патриарху за благословением, помощью и советом; послать и на святую Афонскую гору, чтоб вызвать и привести преподобных мужей русских, в том числе блаженных Киприана и Иоанна, прозванием Вишенского, и прочих там находящихся, процветающих жизнью и богословием. Предстоит также духовная потребность и русских, искренне расположенных к добродетельной жизни, посылать на Афон, как в школу духовную. Если нельзя обращать самих папистов и дружину их или исчадие, т. е. ариан, евангеликов и лютеран, то по крайней мере всеми силами стараться отыскивать всех тех русских, которые от восточной церкви и от нас отступили. К этому обязываются архиереи ради спасения души, ибо отступники шляхта сильно вредят нам и соблазняют невинных».

В то время, как православные, получивши своих архиереев, составляли такую программу для их деятельности, понятно, как должны были взволноваться униаты, особенно архиереи их, увидав подле себя опасных соперников. Чтоб ослабить новую тесную связь православных с греческою церковью, начали разглашать, что православные хотят изменить Польше, готовы передаться туркам. Мелетий Смотрицкий, посвященный Феофаном в епископы полоцкие, написал в защиту своих сочинение под заглавием «*Verificatio niewinności*». Униаты отвечали сочинением «*Sowita vina*» и посланием к монахам Духова Виленского монастыря. Надобно заметить, что знаменитое Виленское братство вследствие унии разделилось: Троицкое братство осталось за униатами и очень ослабело, потому что

большая часть братьев, не захотевших принять унии, устроили себе новое братство при монастыре св. Духа, и сильная борьба началась между обоими братствами. Духово братство издало защиту верификации (*Obrona werificaciej od obrazu Majestaty etc.* 1621). Здесь защищается постановление, чтоб епископы не брали своих мест от светской власти; постановление это выставляется правом русской церкви, при котором русские соединились с поляками как равные с равными; право это подтверждено королями. Защищается положение, что митрополит и епископы должны поставляться патриархом константинопольским, который на Русь имеет право, канонами вселенских соборов подтвержденное. *Obrona* оканчивается так: «О насилии наша сторона не мыслит: Господу Богу и справедливому королевскому декрету дело свое поручает. Научились мы в церкви Божией терпеть насилие, не производить его. Изгнания наших из рады городово́й, из цехов, лишение вольности право не допустит. Не думай, что с падением вашей унии права в отчизне нашей и справедливость света упасть должны: Теренциев дурень Тразон думал, что когда он упадет, то и небо с ним вместе упасть должно. Если б так начали делать, как ты говоришь, то это повело бы не к успокоению Руси, но к отнятию покоя, сделало бы русских изгнанниками из отчизны. Тогда отплатила бы Литва русскому народу, а Польша греческому (от которых светом веры христианской просвещены, как в отделе шестом доказано), как злой сын доброй матери за хорошее воспитание, воткнувши нож ей в сердце». В упомянутом шестом отделе говорится, что Святополк моравский, принявший греческую веру от Мефодия, обратил в христианство Буривою чешского и жену его Людмилу, а через чешскую княжну Дубровку принял православие и Мечислав польский; в Литве Олгерд, женатый на двух русских княжнах, принял русскую веру и сыновей своих в ней окрестил. Так религиозная полемика повела к историческим розысканиям.

Но одною книжною борьбою не ограничились. Когда патриарх Феофан поставил в Полоцк епископом Мелетия Смотрицкого, то почти все жители перешли на его сторону; тогда униатский полоцкий владыка Иосафат Кунцевич, человек страстный, фанатик, решился поддержать себя и унию средствами отчаянными, которые вызвали ему сильный упрек со стороны канцлера литовского, Льва Сапеги; Сапегу нельзя заподозрить в пристрастии к православию, но он прежде всего видел

неполитичность мер Кунцевича с братиею. «Бесспорно (писал Сапега Кунцевичу 12 марта 1622 года), что я сам хлопотал об унии и покинуть ее было бы неблагоприятно; но мне никогда на мысль не приходило, чтоб вы решились приводить к ней такими насильственными средствами. Уличают вас жалобы, поданные на вас в Польше и Литве. Разве неизвестен вам ропот глупого народа, его речи, что он лучше хочет быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение своей вере? По словам вашим, только некоторые монахи епархии Борецкого (нового православного киевского митрополита) и Смотрицкого и несколько киевской шляхты противятся унии; но просьба королю подана от Войска Запорожского, чтоб Борецкого и Смотрицкого в их епархиях утвердить, а вас и товарищей ваших свергнуть; и на сеймах мало ли у нас жалоб от всей Украины и от всей Руси, а не от нескольких только чернецов! Поступки ваши, проистекающие более из тщеславия и частной ненависти, нежели из любви к ближнему, обнаруженные в противность священной воле и даже запрещению республики, произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже всеистребительным пожаром. От повиновения козаков больше государству пользы, чем от вашей унии, почему и должны вы соображаться с волею короля и с намерениями государственными, зная, что власть ваша ограничена и что покушение ваше на то, что противно спокойствию и пользе общественной, может по справедливости почестся оскорблением величества. Если бы вы посмели сделать что-нибудь подобное в Риме или Венеции, то вас бы научили там, какое надобно иметь уважение к государству. Пишете об обращении отщепенцев: надобно стараться об этом обращении, чтоб было едино стадо и один пастырь; но при этом надобно поступать благоразумно, сообразоваться с обстоятельствами времени, как в таком деле, которое зависит от свободного желания, особенно в нашем отечестве, где не прилагается изречение: *понуди внити*. Что касается до опасности жизни вашей, то каждый сам причиную беды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безрассудно своему стремлению. Я обязан, говорите вы, последовать епископам. Вы обязаны подражать св. епископам в терпении, благочестии, в показании добрых примеров. Прочтите жития всех благочестивых епископов: не сыщете в них ни жалоб, ни объявлений, ни исков, ни судебных свидетельств. А у вас суды,

магистраты, трибуналы, ратуши, канцелярии наполнены позвами, тяжбами, доносами; но этим не только не утвердится уния, но последний в обществе союз любви расторгнется. Долг мудрого испытать все способы благоразумия прежде, нежели взяться за оружие. Не писать колких писем к начальству, не отвечать с угрозами так, как вы делаете: апостолы и другие святые никогда так не поступали. Говорите, что вольно вам неуниатов топить, рубить: нет, заповедь Господня всем мстителям строгое сделала запрещение, которое и вас касается. Пишете, что на сейме укоряют не только унию, но и все благочестивое римское духовенство; но кто тому причиною? Когда насилуете совести людские, когда запираете церкви, чтоб люди без благочестия, без христианских обрядов, без священных треб пропадали, как неверные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, от короля полученными, то дело обходится и без нас; когда же, по поводу этих беспутств, в народе волнение, которое надобно усмирять, то нами дыры затыкать! Поэтому противная сторона и думает, что мы с вами составили заговор для притеснения народной совести и для нарушения общего покоя, чего никогда не бывало. Довольно и того, что вы с нами в унии, которую бы вы и берегли для себя, и в звании, в которое призваны, оставались бы спокойно, а не подвергали бы нас общенародной ненависти, самих же себя опасности и порицанию. Вы требуете, чтобы не принимающих унию изгнать из государства: да спасет Бог наше отечество от такого величайшего беззакония! Давно в этих областях водворилась святая римско-католическая вера, и, пока не имела она подражательницы благочестия и повиновения Св. Отцу, до тех пор славилась миролюбием и могуществом как внутри, так и вне государства; но теперь, приняв в сообщество сварливую и беспокойную подругу, терпит, по ее причине, на каждом сейме, в каждом собрании многочисленные раздоры и порицания. Кажется, лучше и полезнее было бы для общества разорвать с этою неугомонною союзницей, ибо мы никогда в отечестве своем не имели таких раздоров, какие родила нам эта благовидная уния. Христос не печатал и не запирает церквей, как вы это делаете. «Имеют, – говорите, – священников благочинных! Но недостаточно, что вы их сами хвалите: собственная хвала всегда подозрительна. Надобно, чтоб иноверные видели добрые дела и последовали стезям их. Но я слышу, каких вы священников рукополагаете! Таких, от которых церкви

больше разорения, чем созидания. Печатать и запира́ть церкви и ругаться над кем-либо ведет только к пагубному разрушению братского единомыслия и взаимного согласия. Покажите, кого вы приобрели, кого уловили своею суровостию, строгими мерами, печатанием и запира́нием церквей? Вместо того, откроется, что вы потеряли и тех, которые в Полоцке у вас в послушании были. Из овец сделали вы их козлищами, навели опасность государству, а может быть, и гибель всем нам, католикам. Вот плоды вашей хваленой унии, ибо если отечество потрясется, то не знаю, что в то время с вашею униєю будет! Вы ссылаетесь на предписание верховного пастыря: но если бы святой отец видел, какие, по причине вашей унии, происходят в отечестве нашем неурейства, то, без сомнения, соизволил бы на то, чему вы так упорно противоборствуете. Король приказывает церковь их в Могилеве распечатать и отпереть, о чем я, по его приказанию, к вам пишу, и если вы этого не исполните, то я сам велю ее распечатать и им отдать; жидам и татарам не запрещается в областях королевских иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви! Вы говорите: «Справедливо ли будет оказывать такое снисхождение для неизвестного будущего спокойствия!» Отвечаю: не только справедливо, но и нужно, потому что неминуемо родится в обществе неурейство, если будем делать им еще большие притеснения в вере. Уже гремят везде слухи, что они хотят навсегда разорвать с нами всякий союз. Что касается полочан и других крамольников против вас, то, может статься, они и в самом деле таковы, но сами вы побудили их к возмущениям. Новгород Северский, Стародуб, Козелец и многие другие города уния от нас отторгнула; она главная виновница тому, что народ московский от королевича устраняется, как это очевидно из русских писем, присланных к нашим вельможам, и потому не желаем, чтоб эта пагубная уния вконец нас разорила».

Д. Бернини. Папа римский Урбан VIII. 1632 г.

Опасения Кунцевича за свою жизнь сбылись: в ноябре 1623 года он был умерщвлен жителями Витебска. Легко понять, какое пятно это печальное событие положило на православных, которые до сих пор могли говорить: «О насилии наша сторона не мыслит». Легко понять, что противники поспешили воспользоваться поражением, которое жители Витебска нанесли своей стороне, поспешили разнести по католическому миру весть о мученичестве Кунцевича. Правительство, как правительство, обязано было поступить строго с убийцами и без всяких других побуждений, не нуждаясь в увещаниях папы, который вопреки мнению Льва Сапегги побуждал действовать совершенно в духе Кунцевича; вот письмо Урбана VIII к королю от 10 февраля 1624-года: «Враги наши не спят, день и ночь отец вражды плевелы сеет, дабы в вертограде церковном терние произрастало вместо пшеницы. Следует и нам с не меньшим прилежанием исторгать ядовитые корни и обрезать бесполезные ветви. Иначе все страны заглохнут, и те из них, которые должны быть раем Господним, станут рассадниками ядовитых растений и пастбищами драконов. Как легко это может случиться в России, научают настоящие бедствия. Непримирымый враг католической религии, ересь схизматическая, чудовище нечестивых догматов, вторгается в соседние провинции и, хитро прокравшись в совещания козацкие, вооружившись силами храбрейших воинов, осмеливается защищать дело сатаны и грозить гибелью православной истине. Восстань, о царь, знаменитый поражениями турок и ненавистью нечестивых! Прими оружие и щит и, если общее благо требует, мечом и огнем истребляй эту язву. Дошла до нас весть, что там устраиваются схизматические братства, издаются новые законы против униатов; пусть королевская власть, долженствующая быть защитой веры, сдержит такое святотатственное буйство. Так как нечестие обыкновенно презирает угрозы, наказаниями не вооруженные, то да постарается твое величество, чтоб лжеепископы русские, стремящиеся возбуждать волнения и господствовать в козацких кругах, достойное такого дерзкого поступка понесли наказание. Да испытает силу королевского гнева факел мятежа и вождь злодеев, патриарх иерусалимский, и своим бедствием сдержит дерзость остальных. Хотя это и кажется делом трудным, однако чего не преодолет благочестие, покровительствуемое небом и вооруженное королевскою властью?

Известный Никифор грек, который, сделавшись оруженосцем дьявола и знаменосцем мятежей, возбудил столько бурь против русских униатов, запертый, наконец, в вечную темницу, примером своим показал, что преступление не только отвратительно само по себе, но и губительно по своим следствиям. Если дерзость схизматическая часто будет видеть подобные примеры, то не так будет выситься и научиться бояться Господа отмщений. Вследствие этого просим, твое величество, защищай это дело всею своею ревностию и властью, и прежде всего позволь униатским епископам иметь свободный доступ ко дворцу и в советы королевские, и чтоб они ни в чем не были ниже остальных епископов». В то же время Урбан писал об убийстве Кунцевича: «Кто даст очам нашим источник слез, чтоб могли мы оплакать жестокость схизматиков и смерть полоцкого архиепископа?.. Где столь жестокое преступление вопиет о мщении, проклят человек, который удерживает меч свой от крови! Итак, могущественнейший король! Ты не должен удерживаться от меча и огня. Да почувствует ересь, что за преступлениями следуют наказания. При таких отвратительных преступлениях милосердие есть жестокость». Папа не довольствовался письмами к королю: он писал ко многим епископам и светским лицам, требуя гонения на православных епископов, грозя бедою, которая произойдет от связи их с козаками.

Лев Сапега, недавно бывший обличителем Кунцевича, теперь должен был принять на себя председательство в комиссии, назначенной для суда над убийцами Кунцевича. Комиссары приехали в Витебск, окруженные войсками, пешим и конным, из боязни козаков, к которым жители Витебска обратились с просьбою о помощи. В три дня комиссия кончила свое дело: два бурмистра и 18 других горожан погибли на плахе; имения их были конфискованы; около ста горожан, спасшихся бегством, приговорены к смерти, и имения их также конфискованы; город потерял все свои привилегии; ратуша была разрушена; колокола, в которые били в набат, поднимая народ против епископа, были сняты; две православные церкви разрушены. Униатский митрополит киевский, Иосиф Рутский, извещая об этом кардинала Бандина, так оканчивает свое письмо: «Великий страх после этого напал на схизматиков; начали понимать, что когда сенаторы *хотят* приводить в исполнение приказы королевские, то не боятся могущества козацкого».

Итак, имя козаков в устах у папы, у митрополита униатского; вместо Острожских и Тышкевичей козаки являются главными защитниками православия. Мы видели, как дурно кончилось козацкое дело в конце XVI века. После этого мы встречаем в западнорусских летописях известия о таких поступках козаков, которые, конечно, не могли снискать им любви остального народонаселения. Так, летопись говорит под 1601 годом: были в Швеции козаки запорожские, числом 4000, над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Козаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили, и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар. Под 1603 годом: были козаки запорожские, какой-то гетман, именем Иван Куцка, с 4000 народа, брали приставство с волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей коп 50, жита мер 500 и т. д. в том же году, в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своеволие: что кто хочет, то и делает; приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил козакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть; все люди плакали, Богу-Создателю молились, чтоб таких своевольников истребил навеки.

Звание гетмана козацкого успел приобрести в это время известный уже нам Петр Конашевич Сагайдачный, шляхтич по происхождению, человек очень умный, искусный полководец; чтоб избежать ссор с правительством, т. е. с панами, он старался отделить дело козацкое от дела простонародья. «Конашевич, – говорит один летописец, – всегда в миру с панами жил, зато козакам и хорошо было, только попольство очень терпело». Кроме того, Сагайдачный служил хорошую службу польскому правительству на войне, ходил под Москву на помощь к Владиславу, дрался с турками и татарами; козаки его играли главную роль в знаменитой Хотинской битве (1621 года), где Польша была спасена от нашествия султана Османа, которое, как мы видели, должно было соединиться и с московскою войною. Но это был последний подвиг Сагайдачного: получив тяжкую рану, он удалился в Киев и умер здесь в следующем 1622 году. Служа королю польскому, живя всегда в

миру с панами, Сагайдачный счел не бесполезным для себя объявить свою службу и царю московскому. В марте 1620 года явился в Москву посланец Сагайдачного, атаман Петр Одинец с товарищами, и говорил: «Прислали их все запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему, великому государю, служить головами своими по-прежнему, как они служили прежним великим российским государям и в их государских повелениях были и на недругов их ходили, крымские улусы громили. Теперь они также служат великому государю, ходили на крымские улусы, а было их с 5000 человек, было им с крымскими людьми дело по сю сторону Перекопи под самую стеною; татар было на Перекопи с 7000 человек, а на заставе с 11 000; Божию милостию и государевым счастьем татар они многих побили, народ христианский многий из рук татарских высвободили; с этою службою и с языками татарскими присланы они к государю: волен Бог да царское величество, как их пожалует, а они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его царской милости к себе ныне и вперед искать хотят». Думный дьяк Грамотин, похваливши их за службу, сказал: «Здесь в Российском государстве слух было понесся, что польский Жигимонт король учинился с турским в миру и в дружбе, а на их веру хочет наступить: так они бы объявили, как польский король с турским, папою и цесарем? А на их веру от поляков какого посяганья нет ли?» Черкасы отвечали: «Посяганья на нас от польского короля никакого не бывало; с турским он в миру, а на море нам на турецких людей ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаем, и на Крым нам ходить не заказано. На весну все мы идем в Запорожье, а царскому величеству все бьем челом, чтоб нас государь пожаловал как своих холопей». Царь послал Сагайдачному 300 рублей легкого жалованья и писал в грамоте: «Вперед мы вас в вашем жалованьи забвенных не учиним, смотря по вашей службе; а на крымские улусы ныне вас не посылаем, потому что крымский Джанибек-Гирей царь на наши государства войною не ходит, и наши люди также крымским улусам вреда никакого не делают».

В. Суриков. Стреляющий козак. Этюд к картине «Покорение Сибири Ермаком». 1895 г.

Несмотря, однако, на то, что Сагайдачный умел жить в миру с панами, полного примирения с козаками в государстве не было и сильно занимал вопрос, нужно ли оставить козаков, или надобно их уничтожить? Мы видели, что этот вопрос был поставлен в договоре, заключенном русскими тушинцами под Смоленском с королем Сигизмундом; в 1617 году заключен был мир с турками, по которому поляки обязались не допускать козаков до плавания по Черному морю. Но козаки днепровские, точно так же, как и донские, не могли не громить турецких кораблей, иначе им негде было достать себе зипунов. Благодаря козакам мир с Турцией не мог быть надежен; поэтому опять поднялся вопрос: быть или не быть козакам? В 1618 году известный публицист польский, Пальчовский, признал нужным издать книжку: *О козаках – уничтожить их или нет?* Автор дает ответ отрицательный; по его мнению, истребить козаков *бесчестно, бесполезно и невозможно*. *Бесчестно*: ибо это значит исполнить требование неприятеля турка, истребить христиан, тогда как Украина при дворах европейских считается единственною оградой христианства. *Бесполезно*: если не будем иметь соседями козаков, то будем иметь соседями турок и татар: что лучше? *Невозможно*: еще при короле Стефане хотели истребить козаков, да отложили намерение за невозможностью, а тогда козаков было гораздо меньше, чем теперь. Если кто скажет, что можно, немецких рыцарей уничтожили же, то отвечаю: «с немецким орденом Польша боролась 200 лет, пока его уничтожила; кто будет советовать начать двухсотлетнюю борьбу с козаками для их уничтожения, того надобно подвергнуть остракизму».

По смерти Сагайдачного, усилившиеся волнения религиозные, борьба униатских епископов с православными, усилившееся гонение на православных, убийство главного гонителя Кунцевича – все это выдвигало козаков на первый план, как защитников православия, тем более, что православная западнорусская церковь получила теперь в лице митрополита Иова Борецкого правителя энергического, не похожего на Онисифора Девочку и Михаила Рагозу. Борецкий понимал смысл того крика народного, который так беспокоил Льва Сапегу: «Лучше в неволю турецкую, чем терпеть такие притеснения!» Но

Борецкий не хотел идти в неволю турецкую: у него были под руками козаки, у него была еще Москва в виду. В конце 1624 года встало волнение в Киеве; войт Федор Ходыка да мещанин Созон вздумали печатать церкви православные; митрополит сейчас же дал знать об этом в Запорожье гетману Коленику Андрееву и всему войску; гетман прислал в Киев двоих полковников, Якима Чигринца да Антона Лазаренка, велел им в окольных киевских городах собраться с тамошними козаками и идти в Киев для оберегания веры христианской; полковники исполнили поручение, явились в Киеве в 1625 году после Крещенья, распечатали церкви и схватили Ходыку с теми мещанами, которые умышляли вместе с ним против православия.

Разумеется, такое распоряжение не могло обещать ничего хорошего Борецкому со стороны польского правительства, и вот в феврале 1625 года приехал в Москву от киевского митрополита луцкий епископ Исакий с просьбою, чтоб государь взял Малороссию под свою высокую руку и простил козакам их вины. Бояре отвечали Исакию: «Как видно из твоих речей, мысль эта в самих вас еще не утвердилась, укрепленья об этом между вами еще нет; про козаков ты сказал, что их столько не будет, чтоб стоять против поляков одним без помощи, и говоришь, что теперь Запорожское Войско идет на весну морем на турок: так теперь царскому величеству этого дела начать нельзя. А если вперед вам от поляков в вере будет утеснение, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви Божии и вас всех от еретиков в избавленьи видеть». Исакий отвечал: «У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государевою рукою быть хотим, об этом советоваться между собою будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, то нам кроме государской милости деться некуда. Если митрополит, епископы и Войско Запорожское прибегут к царской милости и поедут на государево имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя деться негде»

Распоряжения козаков в Киеве и вмешательство их в дела крымские, где они поддерживали хана, враждебного туркам, жалобы султана по этому случаю – все это заставило гетмана польского Станислава Конецпольского, в конце сентября 1625 года, вступить в Украину с 30 000 своего войска и с 3000 немцев цесарских. Между

русскими пошел слух, что Конецпольский пришел козаков уменьшить и, уменьша козаков, веру римскую в Киеве и во всех литовских городах ввести. В Каневе и Черкасах поляки много козаков побили и места их козацкие разорили. Выступив из Черкас, Конецпольский стал обозом в десяти верстах ниже Крылова; по ту же сторону Днепра стали обозом и козаки, пришедшие из Запорожья, и городовые, тысяч с 20, с полковниками Дорошенком, Измаилом, Олифером да с Пырским, что у них был гетманом в Запорогах. Гетманство дано было Измаилу. 26 октября произошел у них бой с поляками; последние одолели, козаки отступили и расположились над Куруковым озером, где поляки должны были их снова добывать с большою для себя потерей: несколько знатных людей у них погибло, убито было множество лошадей. Но потеря козаков была еще значительнее; они не видели более возможности держаться, свергнули Измаила, выбрали в гетманы Михайлу Дорошенка и вступили в переговоры с Конецпольским. Комиссия, собравшаяся под председательством Конецпольского в урочище Медвежьей Лозы, объявила козакам следующие обвинительные пункты: 1) Непослушание их республике обнаружилось в частых походах на море, навлекших на Польшу войну турецкую: козаки выходили в море в то самое время, когда знатный посол польский, пан конюший коронный, обещал от них покой султану. 2) Войско Запорожское ссылается с Москвою, с которою у Польши верного мира нет, одно кратковременное перемирие; козаки дают московскому титул царский; ссылаются с Шагин-Гиреем крымским без ведома республики; заключили союз с ним и людей на помощь ему посылали. 3) Козаки принимают к себе людей духовных (например, иерусалимского патриарха), разных обманщиков, которые называются цариками турецкими, господариками волошскими. 4) Вопреки власти королевской козаки сажают других митрополитов и владык при жизни старых. 5) Подданные шляхты и державцев, отказавшись от послушания господам своим, с помощью козаков нападают на последних, как на злодеев, землю себе берут, пожитки и доходы у людей заслуженных отнимают. 6) Недавно на Киев напали, войта, человека доброго, и попа своей религии невинно умертвили, иных в тюрьму посажали и на поруки отдали, имение отняли; на монастырь киевский неприятельски напали, землю у него отняли и хутор на ней поставили; наместника подвоеводского обесчестили. Разных чинов

людям, духовным, светским, горожанам и жидам неслыханные обиды сделали. Из этих обвинений вытекали следующие требования: 1) Чтобы выданы были на казнь все те, которые начальствовали в походах против турок во время посольства конюшего коронного, также все те, которые были виновниками убийств киевских, богуславских, корсунских и наездов на дома шляхетские. 2) Чтоб те, которые ездили послами в Москву, под присягою показали, с чем туда ездили, и грамоты, полученные от московского, отдали в руки комиссарам. 3) Чтоб объявили, куда девали царика Ахию? 4) Чтоб сожгли челны в присутствии посланцев комиссарских. 5) Чтоб с тех пор ни один козак запорожский ни Днепром, ни Доном не выходил в море. 6) Так как в козаки бегают подданные от панов своих, ремесленники от ремесел и своевольством своим чернят славу козацкую, то король не позволяет увеличивать число козаков. Имена всех козаков и дома, где в каком месте живут, должны быть написаны на одном реестре и за рукою старшего отосланы в казну королевскую. 7) Козаки должны повиноваться тому старшине, которого, по воле королевской, гетман коронный даст им из их же среды. На этот раз гетман утверждает Дорошенка. 8) Козаки не должны вмешиваться в управление староствами. 9) Козаки, обвиненные в насилиях людьми разных чинов, должны быть немедленно преданы суду. 10) Козак, обвиненный в чем-нибудь, судится сотниками, в присутствии подстаросты; если козак жалуется не на козака, то последний судится подстаростою, а сами козаки между собою судятся своим судом. 11) Козаки не должны сноситься с иностранными государями, постановлять с ними что-либо и вступать к ним на службу.

Козаки отвечали на обвинения: 1) Люди, начальствовавшие в походе против турок в бытность конюшего коронного у султана, еще до срока выданы и отосланы на сейм для наказания. А так как нам жалованье королевское, обещанное на прежних комиссиях, не доходило, то мы должны были сами о себе промышлять. 2) В Москву посылали мы по давнему обычаю, чтоб московский не переставал присылать нам казну. Что же касается до сношений с Шагин-Гиреем, то волна прибила к крымскому берегу товарищей наших, шедших с Дону для добычи; этих голодных людей Шагин-Гирей взял к себе в службу и потом прислал к нам со всеми христианами, сколько их там отгромили; притом Шагин-Гирей обязывался заключить мир с королевством

Польским, и нам казалось, что не должно было откладывать такого дела. 3) О патриархе и других духовных король давно знает, мы и духовные наши пред ним оправдались. 4) Относительно приезда цариков турецких, московских и господариков волошских мы себя виноватыми не считаем, потому что искони вольно всякого титула людям за Пороги приезжать и отъезжать. 5) Мы обязаны взыскать людей, обвиненных в наездах и грабежах. 6) Относительно войта киевского, попа и других отвечаем: видя, что делается в княжестве Литовском, на Белой Руси, на Волыни и Подоле, какие притеснения терпят церкви нашей старой религии греческой, как не позволяют духовным нашим отправлять в них богослужение, выгоняют их из приходов, отдают во власть униатам, остерегаясь, чтоб и нам того же не было, видя, что, по поводу этого попа, войт в Киеве не только церкви печатает, доходы отнимает, но и митрополита и нас ругает, видя все это, могли ли мы терпеть? Отдаем на рассуждение ваших милостей. 7) Земля, взятая у монастыря киевского, принадлежала церкви св. Василия, а не ему. 8) В Корсуне и Богуславе была месть за тиранское пролитие крови христианской. 9) Царик Ахия как пришел неведомо откуда, так и ушел неведомо куда. 10) Мы готовы сжечь челны, как скоро получим за них вознаграждение. 11) Паны урядники, получая подарки, позволяли всякому уходить к нам: вот и набралось к нам множество народу из ремесленников; но теперь мы охотно отделим от себя всех неспособных к войне». Комиссия постановила, что вперед козаки будут повиноваться только тому старшему, которого утвердит король и коронный гетман; если этот старший не будет исполнять своих обязанностей, то козаки должны принести жалобу королю и коронному гетману и просить смены старшего; то же должны делать и по смерти старшего. Но если б козацкое войско находилось в дальнем расстоянии от короля или гетмана, то козаки могут избрать старшего из среды себя и вручить ему правление до тех пор, пока король и коронный гетман одобряют избранного. Окончивши комиссию, Конецпольский пошел в Бар; паны, бывшие с ним, разъехались по своим имениям; вместо себя на Украине гетман оставил полковника Казановского с 15 000 войска, которое разместилось в Василькове, Треполе, Оржищах, Стайках, Хвостове, Киеве. Дорошенко с польскими комиссарами ездил по козацким городам, разбирал козаков; по городам козаки слушались Дорошенка, потому что лучшие люди из них пристали к нему; но

которых оставляли от козачества, те думали посылать бить челом царю Михаилу Федоровичу, чтоб государь пожаловал, велел им помощь дать своими государевыми людьми на поляков, а они, козаки, станут служить государю и города литовские будут очищать на государево имя, чтоб им православной веры не отбыть.

В. Суриков. Перс. 1902 г.

Но козаки после поражения от Конецпольского были слишком слабы для какого-нибудь важного предприятия. Это поражение отняло у Иова Борецкого надежду произвести посредством козаков восстание православного народонаселения Турции во имя искателя турецкого престола, выдававшего себя князем крови султанской и вместе христианином греческого исповедания. Мы видели, что польские комиссары толковали с козаками о каком-то царике Ахии. В конце 1625 года явились в Москву из Запорожья козак Иван Гиря с товарищами и македонянин Марк Федоров, посланные к царю Михаилу от Александра Ахии, который выдавал себя за турецкого царевича, сына султана Магомета; Александр рассказывал, что он вывезен из Турции матерью своею, гречанкою Еленою, был у императора, у герцога флорентийского, у короля испанского и теперь приехал поднимать запорожских козаков против турок, прислал просить помощи и у государя московского. Александр писал Михаилу, что будущею весною хочет идти посуху и морем в землю Греческую, где ожидает его большое войско из православных болгар, сербов, албанцев и греков; всего войска 130 000. Думный дьяк Грамотин отвечал посланным, что государь желает Александру царевичу всякого добра, чтоб сподобил его Бог отцовского государства достигнуть, а помочь ему не может, потому что Александр царевич теперь живет в Литовской земле у запорожских черкас, которые послушны польскому королю, а польский король государю недруг, и помочь через чужое государство нельзя; да и грамоты теперь царское величество к Александру царевичу послать не соизволил потому, что если литовский король доведется, что Александр царевич ссылается с царским величеством и помощи просит, то король не сделал бы Александру царевичу какой помешки; а для любви царское величество посылает Александру царевичу на 1000 рублей соболей, лисиц и бархатов золотных. В декабре 1625 года путивльский воевода дал знать в Москву, что в Запорожье собралось было с Александром козаков тысяч с тридцать; но как скоро пришла к ним весть, что гетман Конецпольский с поляками идет на них к Киеву, то меж козаками сделалась рознь и разошлись они из Запорожья по литовским городам, начали собираться против гетмана Конецпольского. 1 сентября царевич Александр с своими людьми сам-пят из Запорожья поехал в Литовскую землю и приехал в Киев, где митрополит Иов держал его тайком от поляков в Архангельском монастыре и одел его в

монашеское платье, потому что Конецпольский везде велел его сыскивать накрепко; а в ноябре Иову удалось отправить его тайно в Московское государство, велевши ему, едучи до Путивля, сказываться купецким человеком. Когда в Москве узнали, что Александр в Путивле, то государь велел боярам подумать об этом деле. Бояре рассуждали: «Это дело новое, небывалое! Если царевича Александра принять, то не поднять бы на себя турецких и крымских людей? Неведомо, с каким умыслом царевич Александр приехал в Путивль: убежал ли от поляков или нарочно ими прислан, чтоб государя с турецким поссорить? Взять Александра и отдать его турецкому султану за вечный мир, чтоб султан запретил крымцам нападать на государевы украины, – опасно, чтоб тем Бога не прогневать, человека христианина на смерть отдавши. Праведные судьбы Божии никому не известны: что, если он прямой султана Магомета сын и крещен в православную христианскую веру прямо и был во многих государствах и нигде ему зла не сделали! Если его отдать, то Бога бы не прогневать, греков и всех тех, которые на Александра надеются, не оскорбить и от турецкого в конечном разоренье не привести; да чтоб от пограничных государей укоризны не было, что человека христианина отдали в поганские руки». 17 декабря указал государь и бояре приговорили послать в Путивль дворянина и привезти Александра в Мценск, где его и оставить до времени, а для береженья послать 10 человек стрельцов. Приставам патриарх Филарет наказал: если Александр станет проситься в церковь, то вы бы его в церковь пускали, а стоять ему в трапезе, которая не освящена, а если станет проситься в церковь, то вы ему отговаривайте, что ему в церковь ходить в хохле нельзя, потому что он теперь сделал себе хохол и называется поляком, а в Российском государстве поляков в церковь не пускают. Александр бил челом, чтоб государь отпустил его к донским козакам, а оттуда он пойдет на Дунай, в Волошскую землю и Болгарию и иные страны, которые признали его государем, и чтоб государь велел донским козакам помочь ему; если же государь на Дон отпустить его не велит, то велел бы отпустить к немцам через Новгород или Архангельск, чтоб ему можно было пройти к флорентийскому князю. Государь велел ему отвечать, что на Дону живут козаки, люди вольные, и царского повеленья мало слушают; притом же их мало, большой войны турецкому они не сделают, да с турецкими султанами у него, царя, братство, любовь и ссылка, и потому Александра отправили за границу

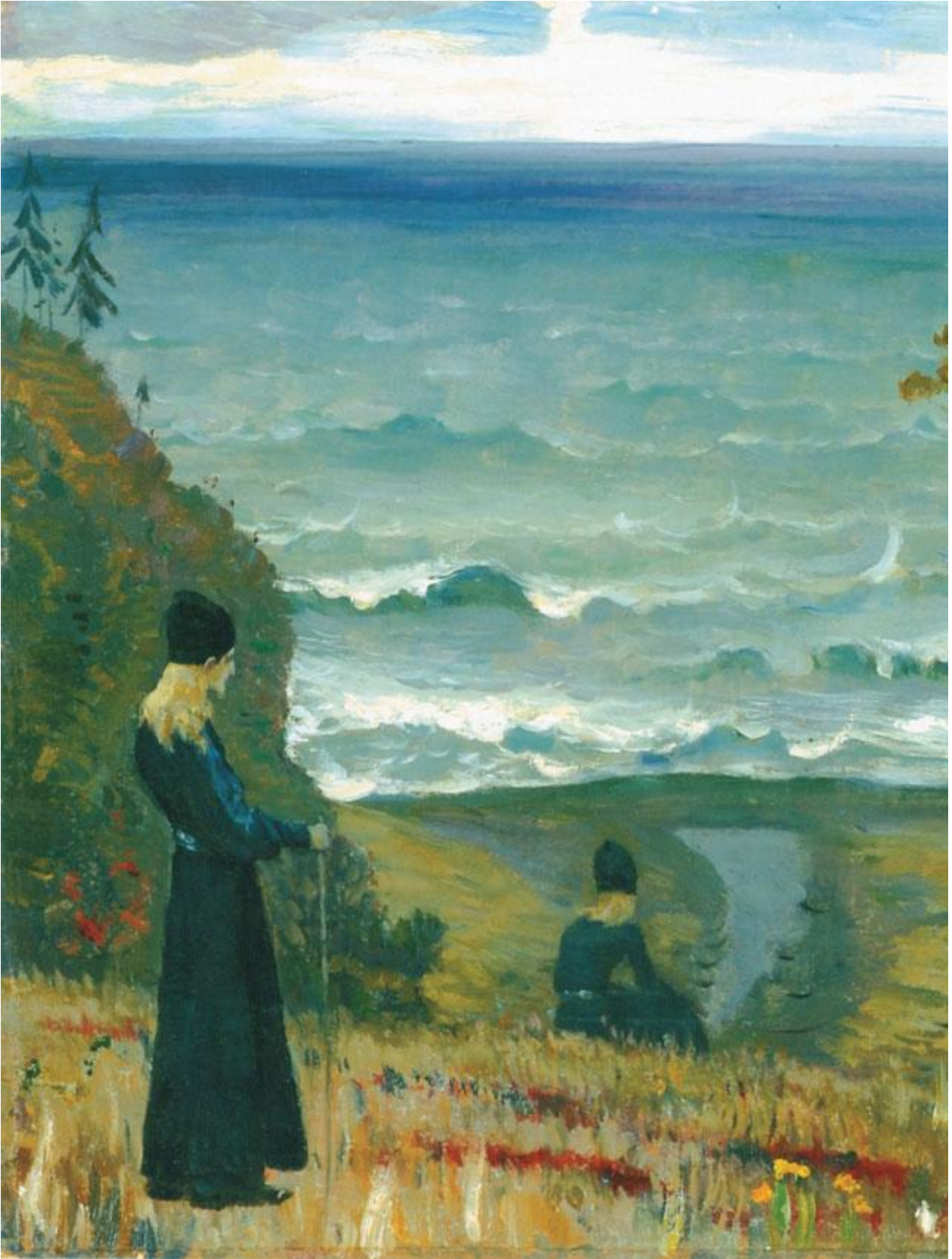
через Архангельск. Но в 1637 году Александр опять явился в Россию и присылал на Дон грамоту, в которой звал к себе донцов и запорожцев в Чернигов. Чем кончились его похождения, неизвестно.

Между тем и реестровые козаки под начальством Дорошенка мало оказывали расположения исполнять условия, предписанные на Медвежьих Лозах: запорожские чайки (лодки) являлись на Черном море. В начале 1626 года крымский хан напал на Украину. Поляки потребовали от Дорошенка, чтоб он с козаками и нарядом шел к ним в сбор; Дорошенко пошел было, но в городе Больших Прилуках явился к нему посол от хана и напомнил, что у козаков с татарами мир, скрепленный присягою, и потому козакам нельзя идти к полякам на помощь. Дорошенко возвратился назад; мало того: запорожцы с гетманом Олифером передались хану и вместе с ним ходили войной на Польшу. В 1627 году король прислал к Дорошенку дворянина своего с приказанием, чтоб козаки были все готовы на весну идти против шведского короля. Гетман собрал в Каневе раду, и на этой раде козаки королевскому посланцу отказали: «Против шведского короля нам нейти, потому что король польский и паны радные пожитки всякие у нас отняли, на море нам ходить не велят, мы от этого оскудели, на службу против шведского короля нам подняться нечем». И послали они к королю и к панам радным посланцев своих просить, чтоб им, козакам, вперед быть в десяти тысячах, и король бы им прислал денег и сукна на десять тысяч.

Дорошенко погиб в Крыму в 1628 году, принимая участие в тамошних междоусобиях; на его место был поставлен Григорий Черный, который, однако, своею преданностью полякам и, как говорят, принятием унии не понравился козакам. В 1630 году правительство расставило войска свои в киевском округе; в народе пошел слух, распущенный, как говорят, Петром Могилою, архимандритом киево-печерским, что войска идут для истребления козаков и веры православной. Козаки взволновались, убили своего старшего Григория Черного и на его место провозгласили Тараса. Конецпольский двинулся против них и сошелся под Переяславлем. Исход этой войны в большей части известий, как малороссийских, так и польских, представляется загадочным: козаки берут верх над Конецпольским и, несмотря на то, выдают ему Тараса, которого поляки казнят в Варшаве. Известный нам путивлец Гладкий так рассказывал дело: «Гетман Конецпольский

осадили козаков в Переяславле. У польских людей с черкасами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков побивали, а на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд взяли, многих поляков в обозе побили, перевозы по Днепру отняли и паромы по перевозам пожгли. После этого бою гетман Конецпольский с черкасами помирился, а приходил он на черкас за их непослушанье, что они самовольством ходят под турецкие города и всем войском убили Гришку Черного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им из них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольского польских и немецких людей и черкас лучших, которые от черкас пристали к полякам, 8000, а черкас было 7000». Из этого известия можно принять для объяснения дела одно только обстоятельство: присутствие лучших черкас в польском войске; вероятно, эти лучшие черкасы повернули дело так, что Тарас был выдан и чернь не получила никаких выгод от своего восстания. Уже в 1631 году козаки переменили Арандаренка и выбрали на его место Ивана Петрижицкого-Кулагу. Козаки не переставали громить турецкие берега Черного моря; султан собрал было войско на Польшу вместе с Москвою: но неудача последней под Смоленском заставила и его помириться с Польшею; при заключении мира польское правительство обязалось совершенно изгнать козаков с днепровских островов. Для этого коронный гетман Конецпольский в 1635 году построил на Днепре, ниже Самары и Князева острова, крепость Кодак; но в том же году козаки, возвращаясь с моря под начальством Сулимы, разорили крепость. Сулима был схвачен с помощью реестровых козаков и казнен. Но в следующем году началось волнение на Украине. Здесь со стороны польского правительства впервые является действующее лицо, с которым часто будем встречаться впоследствии, Адам Кисель, подкоморий черниговский. Кисель был русский родом, член одной из тех знатных фамилий, которые сохранили еще старую русскую веру. Вследствие этого обстоятельства Кисель тянул к Руси, к русскому народу, был врагом унии; но, с другой стороны, будучи знатным и богатым землевладельцем на Украине, он смотрел на народонаселение своих земель совершенно панскими глазами и сильно не сочувствовал козакам, которые, являясь защитниками православия, прежде всего были союзниками хлопства: в козаки бежали хлопы, не хотевшие жить

в крестьянстве, а этого пан Кисель не мог сносить хладнокровно. Таким образом, он находился всегда между двух огней, а польское правительство нарочно посылало его всегда комиссаром, посредником при столкновениях своих с козаками, как русского и православного. В августе 1636 года взволновались козаки в Переяславле, выведенные из терпения насилиями воеводича русского, они решились идти на Запорожье и оттуда на море. Старшина не бунтовала; Кисель, комиссар от правительства у козаков, оставался при ней. Наконец козаки пришли к старшине и начали кричать, что в мае высланы им деньги и в августе еще не привезены; кричали, что правительство их притесняет. Кисель уговорил их подождать четыре недели и немедленно написал об этом королю (6 августа), давая знать, что действительно козакам делаются притеснения во многих местах. Написал и гетману Конецпольскому (25 августа); в этом письме Кисель говорит, что он заметил три вещи в козацком войске неразумном: 1) любовь к религии греческой и к духовенству этой религии, хотя козаки в религиозном отношении похожи более на татар, чем на христиан; 2) сильнее на них действует страх, нежели милость; 3) хищничество. Вследствие этого он, Кисель, уговорил митрополита послать двух духовных особ с увещанием к козакам не восставать против республики. Старшин, прибавляет Кисель, должно удерживать дарами, а чернь – страхом.

М. Нестеров. На озере. 1922 г. Фрагмент

Весною 1637 года новое волнение: комиссары королевские приехали к козакам, чтоб отдать им жалованье и взять присягу; но чернь объявила, что не хочет давать присягу, хочет идти на Запорожье. Комиссары стали уговаривать козаков, грозили, что они подвергаются опасности, что республика изгладит их имя, что она скорее согласится видеть на Днепре диких зверей и пустыню, чем мятежную чернь. «Настоящее ваше действие, – говорили комиссары, – может быть началом своеволия, но своеволие не будет его следствием; вы можете идти на Запорожье, но оставите здесь жен и детей, да и сами долго на Запорожье жить не можете, принесете опять свои головы под саблю республики; изменить же и уйти в другое место напрасно грозитесь, ибо Днепр – ваша отчизна, в другом месте такой не найдете. Дон нечего и сравнивать с Днепром. Как рыбе без воды, так козакам без Днепра быть нельзя, а чей Днепр, тому и козаки должны принадлежать всегда». Козаки расплакались, услышавши о Днепре. Старший, или гетман Томиленко, которого комиссары называют простяком, но трезвым и скромным, отказался от должности, но его выбрали снова, положили не изменять республике и присягнули.

Но спокойствие было минутное; Кисель писал, что дела плохи на Украине, ибо козаки – зверь без головы (*Bellua sine capite*), стадо без пастуха. По его мнению, непременно должен быть на Украине начальный человек, чтоб гасить пожар, могущий произойти от первой искры. Обязанность его – предотвращать столкновения между козаками и правительственными лицами, укрощать волнение в самом начале; он должен платить деньги, должен иметь власть бунтовщика вычеркнуть из списков, должен иметь денежные средства, которые дадут ему возможность приобретать приверженцев, приверженцы эти должны составлять оппозицию бунтовщикам. «Надобно, – пишет Кисель, – чтоб у старшины козацкой оставалось только имя старшинства, а действительная власть была бы у этого человека, каким бы он именем ни назывался». Несмотря, однако, на неудовольствия и волнения между козаками, восстания не было на Украине; оно вспыхнуло на Низу; предводителем был Павлик, или Павлюга, который, вышедши тайно из Запорожья, взял силою артиллерию из Черкас; тогда, что только было гультайства (бездомовников) на Украине, выпищиков, могильников, будников, овчаров, особенно из имений князя Вишневецкого и из-за

Днепра, все это встало и собралось. Реестровые козаки, упрекая старшего своего, Томиленка, в послаблении своеволию, собрали раду, свергнули его и выбрали Савву Кононовича. Новый гетман начал действовать в духе избравших его и правительства: стал уговаривать восставших прекратить восстание; тогда Павлик и другой начальник восставших, Скидан, явились в Переяславле, созвали раду и, воспользовавшись своим большинством, убили Савву Кононовича. Они не хотели прямо вдрог разрывать с правительством и потому написали Конецпольскому с просьбою, чтоб правительство не сердилось на них; выставляли Кононовича человеком неспособным к гетманству, чужеземцем, москалем. Конецпольский отвечал им: «Повинуйтесь старшему, которого вам даст король, а не тому, кто сам на себя возьмет это достоинство; сожгите все челны и воспрепятствуйте морским набегам: тогда возвратите к себе милость королевскую». Условия не понравились Павлику и его козакам. 11 октября 1637 года явился универсал, призывавший русских к восстанию, здесь говорилось, что неприятели народа русского и веры старожитной греческой, ляхи, идут на Украйну с тем, чтоб войско и подданных королевских, княжеских и панских истребить, жен и детей в неволю забрать. Ляхи действительно явились под начальством брацлавского воеводы Потоцкого и встретились с козаками под Кумейками 8 декабря. Козаки, несмотря на отчаянную храбрость, потерпели поражение; около 3000 их пало в таборе; ни один не просил помилования, только и слышен был голос, что надобно помереть одному на другом; если же поляк падал с лошади, то козаки сбегались и рвали труп на куски. Ночью Павлик и Скидан ушли, но Потоцкий утром нагнал их при Боровице, окружил и начал обстреливать. Адам Кисель предложил козакам выдать Павлика и других зачинщиков восстания, поручившись, что король не будет мстить им. Козаки выдали Павлика и Томиленка, но Скидану удалось уйти. По выдаче Павлика, козаки выбрали было себе другого старшего, но Потоцкий объявил им, что они все потеряли бунтом; старшему велено положить булаву, бунчук и печать, все старые полковники отставлены, даны новые. Старшим назначен Ильяш Караимович. Но кроме главного войска, находившегося с Павликом, был еще отряд козацкий под предводительством Кизименка, который взял Лубны, вырубил шляхту и монахов бернардинских, трупы последних отдал собакам; но и Кизименко попался Потоцкому, который велел посадить

его на кол, «ибо (пишет Потоцкий из Нежина 8 января 1638 года) напрасно возить их в Варшаву на зрелище: лучше пусть понесут здесь казнь, где злодействовали». Но Павлик с четырьмя товарищами были казнены в Варшаве, несмотря на протест Киселя. Главный город Терехтемиров у козаков отняли; гетманам дано приказание искоренить всех козаков, которые будут противиться сеймовому определению, а это определение состояло в том, чтоб сделать новый набор козацкого войска, в числе шести тысяч, с назначенными от правительства офицерами.

Но этот сеймовый декрет мог быть исполнен только после новой отчаянной борьбы, которая дорого стоила полякам. В апреле 1638 года вспыхнуло новое восстание в Запорожье под начальством Острина, мстившего за отца, замученного поляками; Скидан явился также на сцену подле Острина; большая часть реестровых козаков с своим старшим Ильяшем сражались на стороне поляков против козаков Остриновых. Эта война замечательна тем, что восставшие козаки смотрят за левый берег Днепра, на московскую сторону, как на безопасное убежище в случае неудачи. Приготавливается мало-помалу то дело, на которое указал Иов Борецкий. Острин, поразивший поляков под Голтвою (5 мая), но потом разбитый под Жолниным (13 июня), ушел в московские владения, куда еще прежде вывез жену. Но бегство Острина не отняло духа у козаков: они выбрали себе другого старшего, Гуню, укрепились на устье реки Старицы, впадающей в Днепр, и отбивались до последней крайности от неприятеля, превосходившего их числом и артиллерией; наконец, вынужденные недостатком продовольствия, козаки объявили, что будут повиноваться сеймовому приговору. Поляки, с своей стороны, обещали не преследовать их, когда будут расходиться по домам, но не сдержали обещания. В конце года козакам было повешено, чтоб они собрались на урочище Маслов Брод слушать решение короля и Речи Посполитой. Это решение состояло в том, что козаки лишались права избирать старшин; назначен был им комиссар от правительства, Петр Комаровский, с правом назначать полковников; главным городом козацким, местопребыванием комиссара, объявлен Корсунь.

Правительство приказало возвратить козакам их прежние земли, которыми они владели наследственно; но польский гетман Потоцкий с товарищами, назначенными для улажения дела, объявил, что этот пункт

никак не может быть приведен в исполнение, потому что, по случаю выпавших снегов, нельзя различить ни столпов пограничных, ни насыпей, ни ручьев, ни дорог, ни болот, и потому земли трудно разделить. В присутствии Потоцкого и других комиссаров козаки должны были снова присягнуть в верности королю и республике; все оружие было свезено в средину; хоругви, булавы и все доспехи были повергнуты к ногам комиссаров, представителей Польши; тяжкие вздохи раздались среди козаков при этом унижительном для них обряде. Потоцкий принял эти вздохи за признак глубокого раскаяния.

«С этого времени всякую свободу у козаков отняли, тяжкие и необычные подати наложили, церкви и обряды церковные жидам запродали, детей козацких в котлах варили, женам груди деревом вытискивали». Это говорит летописец малороссийский; но вот что говорит польский: «В 1640 году, в месяце феврале, татары крымские всю страну около Переяславля, Корсуня и обширные имения князей Вишневецких вдоль и поперек опустошили, людей и скот забравши, и возвратились домой безо всякой погони, потому что козацкой стражи более не было. Такую выгоду получила республика от уничтожения козаков, а все оттого, что старосты и паны в Украине хотели увеличить свои доходы, жидов всюду ввели, все в аренду отдали, даже церкви, ключи от которых у жидов были: кому нужно было жениться или дитя окрестить, должен был заплатить за это жиду-арендатору».

Одновременно с этою борьбою козацкою, кончившеюся так неудачно, западно-русское народонаселение продолжало другими средствами вести борьбу за веру и народность свою. Борьба была так сильна со стороны православных, что униаты в январе 1624 года предложили им соглашение, в основании которого должно было быть учреждение патриаршества по примеру московского. Но соглашения не последовало, потому что прежде всего нужно было определить отношение нового патриарха к унии, к папе. Православные все более и более увеличивали свои нравственные средства для борьбы с унией. Еще с 1594 года в Киеве при братстве Богоявленской церкви существовала школа. В 1614 году пожар истребил училищный дом; тогда в 1615 жена мозырского маршала Лозки, Анна Гугулевичевна, пожертвовала место и, несколько строений для братской школы, монастыря и гостиницы для православных странников духовного звания. В 1617 году основано было братство Луцкое; в 1619-м шляхта

Волынского воеводства дала мещанам луцким грамоту, которою передала им надзор и попечение за делами братства, «потому что, – говорит шляхта, – мы в городе вообще не живем и, по отдаленности, не часто бываем, и потому поручаем надзор и возлагаем труды на младших господ братьей наших, господ мещан луцких, с тем, чтоб они во всем ссылались на нас, как на старших; а мы, как старшие младшим, должны им помогать, за них заступаться на каждом месте и в каждом деле».

В 1625 году поступил в монахи Киево-Печерской лавры Петр Могила, сын молдавского воеводы, и в 1626 был уже сделан архимандритом ее. Могила на свой счет отправил несколько молодых людей, монахов и мирян, за границу, во львовскую, римскую и другие академии. Когда они через четыре года возвратились на родину, то Могила вознамерился открыть при лаврском больничном монастыре училище. Тогда братство богоявленское начало просить его не заводить нового училища, а соединить его с старым братским, причем гетман Иван Петрижицкий со всем Запорожским Войском клятвенно обязался защищать братское училище от всех неприятелей и притеснителей, хотя бы то стоило крови; шляхта обязалась ежегодно избирать из среды своей старост для попечения об училище; митрополит Исаия Копинский, преемник Борецкого, от лица всего духовенства предложил Могиле титул старшего брата в богоявленском братстве, опекуна и смотрителя и защитника братского училища. Могила согласился, и средства братского училища сильно увеличились.

Глава вторая

Царствование Алексея Михайловича

Характер молодого царя. – Морозов и Чистой. – Окончание дела королевича Вальдемара и Лубы. – Отпуск Стемповского. – Извет на Нащокина. – Самозванцы: Ивашка Вергуненок и Тимошка Акундинов. – Распоряжение относительно Крыма. – Переговоры с Польшею о союзе против Крыма. – Посольства Стрешнева в Польшу и Киселя в Москву. – Печальное состояние народа в Московском государстве; тяжесть налогов; стремление отбывать от податей. – Женитьба царя на Милославской. – Ропот на отца царицы, Милославского, на Траханиотова и Плещеева. – Мятеж в Москве. – Судьба Морозова. – Никон. – Деятельность правительства после мятежа. – Уложение. – Меры против закладчиков, против табаку; изгнание англичан из внутренних областей. – Мятеж в Сольвычегодске, в Устюге. – Замыслы недовольных в Москве; новые обвинения против Морозова. – Мятежи во Пскове и Новгороде. – Никон в Москве; он отправляется в Соловки за мощами св. Филиппа. – Письмо к нему царя. – Никон – патриарх.

Новый царь добротою, мягкостию, способностию сильно привязываться к близким людям был похож на отца своего, но отличался большею живостью ума и характера и получил воспитание, более сообразное своему положению. Воспитателем его, как мы видели, был боярин Борис Иванович Морозов, проведенный при нем безотлучно тринадцать лет. Молодой Алексей сильно привязался к своему воспитателю, и так как он тотчас по смерти отца лишился и матери (царица Евдокия Лукьяновна скончалась 18 августа 1645 года), то влиянию Морозова на государя и государство не было другого соперничающего влияния. Морозов был человек умный, ловкий, по тому времени образованный, понимавший новые потребности государства, но не умевший возвыситься до того, чтоб не быть временщиком, чтоб не пользоваться своим временем для своих частных

целей. Самое сильное влияние на дела после Морозова имел думный дьяк Назар Чистой, бывший прежде купцом в Ярославле. Что касается характера этого человека, то припомним из истории предшествовавшего царствования дело его с голштинскими послами, которое выставляет не в очень выгодном свете бескорыстие Чистого. Морозов и Чистой пользовались, как говорят, советами известного нам иностранного заводчика Виниуса: первый пример иностранца, получившего влияние на государственные дела.

В самом начале царствования можно было видеть, что правление находится в крепкой руке человека, умеющего распоряжаться умно и с достоинством, немедленно были решены два тяжелых дела, оставшиеся от предшествовавшего царствования: дело королевича Вальдемара и Лубы.

17 июля королевич был у нового государя с поздравлением; Алексей Михайлович начал речь о крещении, но королевич по-прежнему отвечал решительным отказом; в тот же день королевич и послы датские прислали государю челобитные об отпуске. В августе месяце отправлен был в Данию гонец Апраксин с грамотою, в которой царь Алексей извещал короля Христиана о своем восшествии на престол, уверял, что хочет быть с ним в доброй братственной дружбе и любви, и объявлял о скором отпуске королевича Вальдемара и послов. И действительно, 17 августа королевич и послы были у государя на отпуске; Вальдемару объявили, что так как он не захотел соединиться верою с государем, то, согласно с его просьбою, его отпускают назад к королю – отцу с честью, как был принят. Королевич отправился и из Вязьмы писал государю, благодарил за великую любовь и сердечную подвижность, какие царь Алексей Михайлович всегда ему оказывал и теперь оказал в том, что отпустил его и послов королевских со всякою честью; в заключение просил пожаловать Петра Марселиса. Когда Апраксин приехал в Данию, то там уже знали об отпуске королевича из Москвы. Король, принимая грамоту, о здоровье государевом не спрашивал, к руке гонца не позвал и к столу не пригласил, ответную грамоту прислал с секретарем к гонцу, несмотря на возражение Апраксина, который требовал, чтоб сам король отпустил его. В грамоте своей король писал: «Хотя мы имеем сильную причину жаловаться на неисполнение договора о браке сына нашего с вашею сестрою, но так

как отец ваш скончался, то мы все это дело предаем забвению и хотим жить с вами в такой же дружбе, как жили с вашими предками».

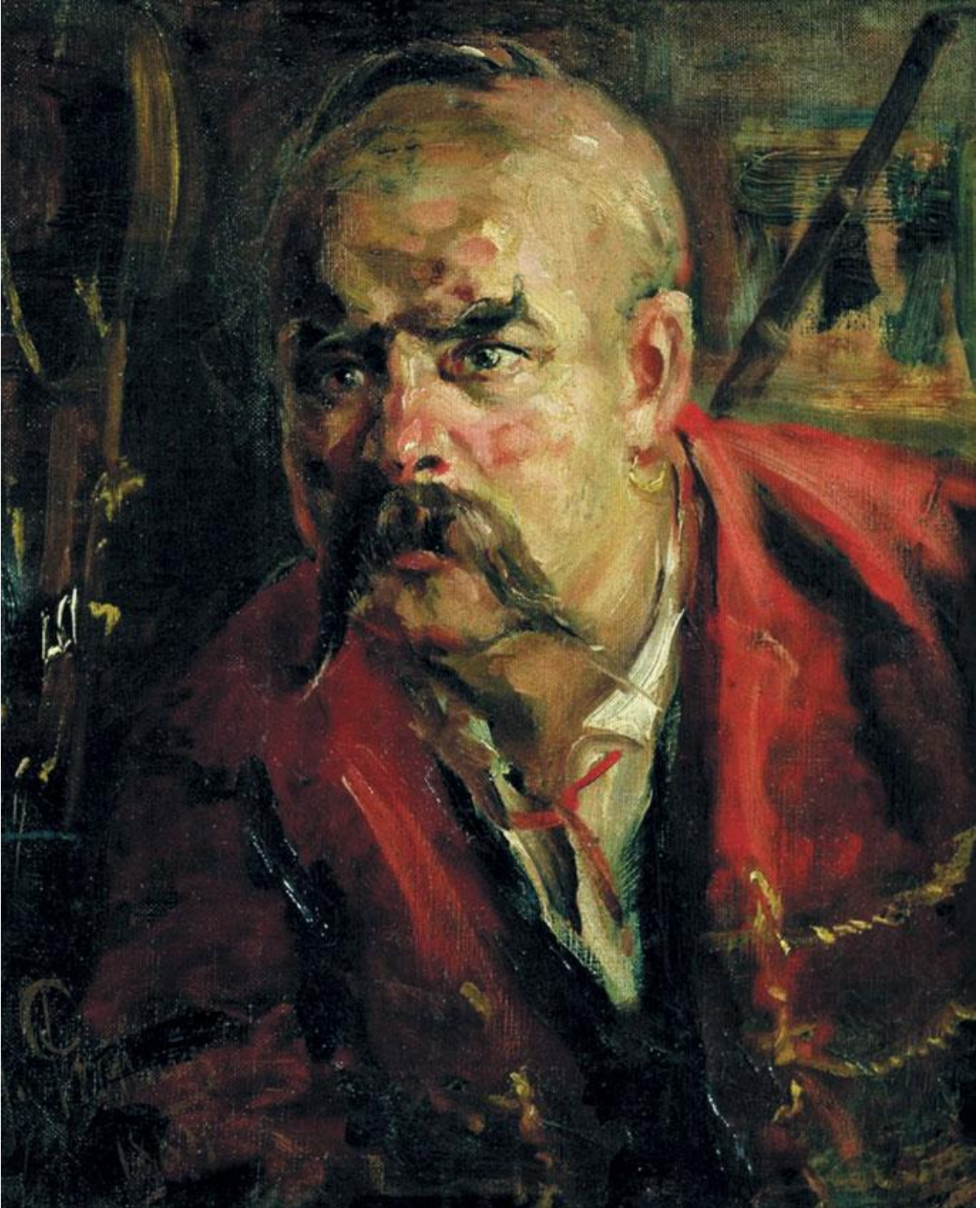
Еще на имя царя Михаила польский король Владислав прислал грамоту, в которой просил царя отпустить в Польшу королевича Вальдемара и давал обязательство, что датский король не начнет ссоры по поводу задержания сына его в Москве; в другой грамоте король, свидетельствуя невинность Лубы, обязывался не признавать прав ни его, ни других подобных людей на Московское государство и преследовать их, а для большего укрепления притиснул к грамоте свою печать. Позади у подлинного листа было написано: «Крепость его царскому величеству от его королевского величества». Такую же грамоту прислали и паны радные. Но бояре в ответе подняли старые жалобы, что титулы пишут несправедливо: где надобно писать: государю псковскому, там пишут: царю псковскому; где надобно: самодержцу, там пишут: самодержцы; вместо югорскому – игорскому. «Такое новое дело, – говорили бояре, – чинится со стороны королевского величества мимо вечного докончанья, неведомо какими обычаями, как будто к нарушенью братской дружбы и любви; самодержец у нас один, другого нет, и так писать «самодержцы» непригоже». Потребовали от посла обязательства, что тот, кто так писал, будет казнен без пощады. Посол отвечал, что донесет королю; король будет скорбеть и велит наказать этих людей. Потом бояре жаловались на порубежные разбои и на воровские слова; посол отвечал, что король велит наказать и за это. Тогда бояре спросили: «Если в такой же вине объявится шляхтич или иной кто честный или думный человек, то надобно ли и его также наказывать?» Посол отвечал, что надобно. Бояре сказали на это: «Сам ты, великий посол Гаврила, как ехал от датского королевича Вальдемара Христианусовича, то говорил при приставах ссорные речи, говорил, что вы еще не устали и сабли ваши не притупились русских людей сечь. Так полномочным послам делать и говорить непригоже и стыдно; а сабли ваши русским людям не страшны». Посол отвечал, что не запирается, сказал он эти слова с сердца, потому что в это время побии стрельцы двоих литовских людей, и видел он их в крови; сыску никакого об этом не сделано; а сказал он это с сердца, подпивши; сделалось это от вина. Посол домогался союза против татар; ответа не было.

23 июля Стемпковский представился новому царю и говорил длинную речь об изменчивости человеческой жизни. «Свежий образец этой изменчивости, – говорил он, – имеем в блаженной и бессмертной памяти о великом государе царе Михаиле Федоровиче, который счастливо царствовал над подданными своими 32 года, владел ими в святости и праведности, успокоил монархию свою от ближних и дальних соседей, видел ее цветущею, изобилующею покоем, в этом покое с подданными должен был пребывать, и вдруг с престола своего от такой славы и богатства переносится в пещеры земные». В заключение посол, от имени королевского, поздравил нового государя с восшествием на престол, объявил, что король готов будет оказывать и ему ту же любовь братскую и přátельство. Думный дьяк отвечал именем царским, что государь хочет быть с королем в крепкой братской дружбе и любви и в соединении во всем по тому, как в вечном докончаньи написано.

В доказательство этого желанья Луба был отпущен, причем Стемпковский договорился именем королевским и панов радных, что Луба к Московскому государству причитанья никогда иметь не будет и царским именем называться не станет; жить будет в большой крепости; из Польши и Литвы ни в какие государства его не отпустят; кто вздумает его именем поднять смуту, того казнить смертию; все это написать в конституцию на будущем сейме и прислать царю утвержденную грамоту за королевскою рукою и печатью; также прислать утвержденье панов радных и послов поветовых. Посол должен был также дать записку, что литовские купцы не будут более приезжать в Московское государство с вином и табаком. Стемпковский просил, чтоб на обе стороны агентам быть и королевский агент в Москве польских и литовских купцов будет судить во всем и от всякого дурна унимать; в этом ему отказали на том основании, что в вечном докончанье об агентах не написано, но согласились называть короля *наияснейшим*. Посол просил, чтоб государь позвал его обедать, ибо в противном случае будет ему чести меньше, чем прежним послам. Ему отвечали, что обедать нельзя по причине недавней кончины царя Михаила. Посол возражал, что великие московские послы были в Польше после кончины королевы и, несмотря на то, обедали у короля; ему отвечали, что это две вещи разные: у царя умер отец, который один, а жену можно взять другую и третью, печаль по жене продолжается

только до нового брака. Посол объявил, что будет дожидаться до сорочин царя Михаила, а если царь и на это не согласится, то пусть напишет в ответном письме, почему посол не обедал, чтоб ему перед своею братьей бесчестья не было. Перед отъездом Стемпковского случилось происшествие, которое показывает, на что могли решаться тогда люди из свиты посольской, надеясь на безнаказанность: разбойник Яким Даниловец с товарищами на дороге между Москвою и Новгородом убили пять человек, пограбили у них меха, принадлежавшие одному голландскому купцу, и отвезли их в Старицкий уезд, в село Молочино; дворецкий Стемпковского, поляк Самойла, уговорился с этими разбойниками ехать из Москвы в Молочино, взять там пограбленные меха и отвезти их за рубеж в Литву, где он должен был отдать разбойникам по цене половину денег, а другую половину брал себе за услугу. Действительно, Самойла выехал из Москвы, взяв царскую грамоту на проезд в Вязьму, и вместо Вязьмы отправился в Молочино; но на Зубцовской заставе его с разбойниками поймали и отослали к Стемпковскому с требованием, чтоб он заплатил голландцу деньги за покраденное и казнил своего дворецкого смертью; но посол ничего этого не сделал.

Илья Репин. Запорожец. Этюд к картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». 1884 г.

Прекращалось дело о Лубе; но самозванцы не прекращались. В 1646 году явился такого рода извет: «Царю государю бьет челом и извещает сирота твой государев Мишка Иванов, сын Чулков, на Александра Федорова сына Нащокина, а прозвище на Собаку, что хочет тот Александр крестное целованье порушить, а тебе, праведному государю, изменить, хочет отъехать со всем своим родом в иную землю, а называет себя царским родом, и хочет быть тебе, государю царю, супротивен. Как Федор Иванов, сын Нащокин, у царя Василья Ивановича Шуйского царский посох взял из рук, так теперь Александр Нащокин хвалится тем же своим воровским умышленьем на тебя, праведного царя, и Московским государством, твоею царскою державою смутить». Спросили во всех приказах у подьячих: такая попись у них бывала ли и теперь есть ли в делах, в отписках из городов и в челобитных? Все подьячие сказали, что такой пописи нет и не было. Это дело тем и кончилось; но явились два самозванца в Турции.

В начале 1646 года московские послы, стольник Телепнев и дьяк Кузовлев, живя в Кафе, узнали, что приехал в Кафу из Царя-града святогорского Спасского монастыря архимандрит Иоаким. Послы отправили немедленно переводчика повидаться с архимандритом и порасспросить его, что в Царе-граде делается. Архимандрит рассказал следующее: «Был он во Крыму, и там в жидовском городке объявился неведомо какой человек, а называют его московским царевичем Димитриев сын Долгоруких; человек этот за ним, архимандритом, присылал и говорил ему, будто он московский царевич, и просил у крымского царя рати, чтоб с нею Московского государства достигнуть, и крымский царь его манит, рати ему не дает и к султану его не отсылает; да говорил тот человек ему, архимандриту: «Возьми у меня грамоту и поезжай с нею по украиным городам и в Калугу: этой грамоты послушают, а как достигну Московского государства, то пожалую тебя калужскими доходами». Послы добыли и другие известия: пленный малороссийский козак из города Полтавы, Ивашка Романов, рассказывал: «Я того вора, что называется Димитриевым сыном, знаю, родина его в городе Лубне, козачий сын, зовут его Ивашка Вергуненок, отца у него звали Вергуном; по смерти отца своего он, Ивашка, мать свою в Лубне бил, и мать сбила его от себя со двора, и он, Ивашка, из Лубен пришел в Полтаево и приказался ко мне, жил у меня и служил в работе с год, и когда я ушел из Полтаева города на Дон, Вергуненок

остался в Полтаеве, а потом из Полтаева пришел на Северный Донец под Святые горы, и там, живучи, водился с запорожскими и донскими козаками, с Донца пришел на Дон, жил на Дону с полгода, начал воровать и за воровство его много раз бивали; после того он пошел в поле сам-четверт с пищалями гулять, свиней бить, и их на Миусе татары в полон взяли, тому лет шесть, и продали его в Кафу жида, и сказался вор жида, будто он московского государя сын, и жид стал его почитать. Когда вор в Кафе у жида сидел, сделал себе признак: дал русской женщине денег, чтоб она выжгла ему между плечами половину месяца да звезду, и то пятно многим полоненикам он, Вергуненок, показывал и говорил, будто он царский сын, и как он Московского государства достигнет, то станет их жаловать, и русские люди, тому его воровству поверя, к нему, вору, на жидовский двор ходили, есть и пить носили. Сведаль про вора крымский царь, прислал за ним и взял в Крым, тому года с три, и приказал его в Крыму беречь жидам, и жида его в Крыму кормят и берегут и держат его в крепости в железах». Таким образом открылось, кто был этот царевич, о котором дали знать из Константинополя еще царю Михаилу.

В Крыму нашли послы одного вора, в Константинополе двоих: у визиря на дворе объявились два русских человека: один называется сыном царя Василья Ивановича Шуйского, прислан из Молдавии господарем Васильем и говорит, что служил царю Михаилу Федоровичу в подьячих. Визирь его спрашивал, для чего он про себя в Москве не объявил, и вор отвечал, что не объявил, боясь казни, и отъехал служить в Литву; но литовский король пожаловал его не по достоинству, и он отъехал в Молдавскую землю. Визирь спросил, хочет ли он бусурманиться? И вор отвечал: «Если султаново величество пожалует меня по достоинству, то я побусурманюсь». А другого вора прислал царь крымский. Послы отправили толмача и подьячего проведывать: вор, присланный из Крыма, по приметам оказался тот самый, о котором слышали в Кафе; о другом же воре подьячий сказал, что он его знает, бывал в Новой Чети подьячим, Тимошкою зовут Акундинов, родиною вологжанин, стрелецкий сын, дворишко и жену свою сжег и с Москвы бежал безвестно, а после объявился в Литве, назывался князем Тимофеем Великопермским, да тут же с Тимошкою на визирином дворе Новой же Чети молодой подьячий Костка, и называется тимошкиным человеком.

Послы дали знать визирю, что у него на дворе скрываются воры, чтоб он речам их не верил и розыскал подлинно. Визирь велел позвать Тимошку; русский переводчик и толмач, присланные Телепневым, стали его уличать; но вор с ними не захотел говорить и сказал визирю, чтоб велел поставить перед собою самих послов. Визирь отвечал ему: «Ведь и послы будут говорить те же речи» – и спросил у переводчика: «Сколько тому лет, как царя Василья не стало?» Переводчик отвечал, что тому мало не сорок лет, а этому воришке и тридцати нет. Перед визирем стоял турок, старый человек, и стал говорить: «В царственных книгах у нас написано, что царь Василий умер тому тридцать семь лет назад». Визирь Тимошку выслал вон и сказал переводчику: «Это человек лукавый, многие у него речи переменные, много запрашивает и султану много сулит; а вот тот, что из Крыму прислан, думаю, что прямой он государский сын, и крымский царь писал, что он про него сыскивал русскими людьми и те сказали, что он прямой сын царя Дмитрия, а отца его убил Урак-Мурза». Переводчик отвечал: «Урак-Мурза убил не царя Дмитрия, такой же был вор, Петрушкою (?) звали». Визирь сказал: «Объявите послам, что то дело не их, присланы они не за тем, им до этого дела нет».

Пришли к послам тайно известный нам Зелфукар-ага да архимандрит Амфилохий и объявили: «Вор Тимошка говорит визирю, чтоб султан дал ему ратных людей и велел идти с ним на московские украины, русские люди против него стоять не будут, все добьют ему челом, сулит султану Астрахань с пригородами. Визирь против его речей промолчал...» Послы начали говорить Зелфукар-аге и архимандриту, как бы воров достать? Те отвечали: «Визирю одному такого дела не сделать, разве вам доступить их большою казною? Только не потерять бы казны даром, потому что люди здесь неоднословы; лучше всего бросьте это дело: волочась, так и пропадут, либо по городам дальним их разошлют в службы или на каторги в греблю отдадут, а если вы об них станете промышлять, то вы их пуще вздорожите и поставят вправду то, как они называются». Архимандрит говорил также, что вор Тимошка подал визирю грамоту, и его, архимандрита, позвали эту грамоту переводить; в грамоте написано, будто он сын царя Василья, и когда отца его в Литву отдали, то он остался полугоду, отец приказал беречь его тем людям, которые ему впрямь служили, и они его вскормили, а когда сделался царем Михаил

Федорович, то велел ему видеть свои царские очи и дал ему удел – Пермь Великую с пригородами; там ему, в Перми, жить соскучилось, он приехал в Москву, и государь велел его посадить за пристава; но те люди, которых царь Василий жаловал, освободили его и выпроводили из Москвы; Василий, воевода молдавский, его ограбил, снял с него отцовский крест многоценный с яхонтами и изумрудами и много другого добра и хотел его убить, так же как убил прежде брата его большого, и, убив, голову и кожу отослал в Москву, а московский государь велел кожу эту накласть золотыми и дорогими камнями и отослать к воеводе Василью в благодарность.

В октябре 1646 года архимандрит Амфилохий дал знать послам, что вор, присланный из Крыма, посажен в Семибашенный замок, а вор Тимошка пожаловался визирю на него, архимандрита, будто он на посольский двор ходит и про всякие вести послам объявляет. Визирь грозил за это Амфилохию, что посадит его на каторгу; архимандрит велел сказать послам, чтоб присылали к нему людей своих ночью, люди эти будут у него ночевать и он будет отпускать их рано, до свету. Причиною этих строгостей была весть о движениях русских войск под Азов; послов начали держать взаперти, и в ноябре старший из них, Телепнев, умер. Товарищ его, Кузовлев, писал государю, что вор Вергуненок заперт в Кожаном городке, который стоит на Черноморском гирле, версты за три от Царя-града; заперли его для того: дана была ему воля ходить куда хочет, а он начал пить и с бусурманами драться; Тимошку Акундинова от визиря с двора свели, велели ему жить позади визирева двора, а есть к нему присылают от визиря. Но скоро Кузовлеву стало не до Тимошки: пленный донской козак объявил на пытке, что на Дону у козаков в Черкасском приготовлено 300 стругов, да на Воронеже, Ельце и в других украинских городах к весне готовят пятьсот стругов, и по государеву указу в тех стругах идти козакам морем под Крым и крымские улусы. И вот 27 января 1647 года визирь Азем-Салих-паша вытребовал к себе у посла переводчиков и держал к ним такую речь: «Только донские козаки в Черное море выйдут, и султану про то донесется, а я султану добрые слова говорил; и то все мне поставится в ложь: и быть мне в опале или даже без головы, а послу и вам живым не быть; и за летошнюю ссору едва устояли: велел было султан вас всех побить, а если я останусь жив и сделается со мною что-нибудь нехорошее, то я посла вашего и вас на рожнах

изжарю; скажите эти мои слова послу, чтоб подумал, как мне и ему и вам беды избыть. Всего скорее избудет из беды, если пошлет от себя наскоро гонцов на Дон, чтоб козаки на море не ходили, а я гонцов велю проводить до Азова». Кузовлев отвечал, что козакам давно заказано ходить на море, но самому султанову величеству известно, что донские козаки – воры-изменники – и прежде государевых указов не слушались, и теперь козачьего воровства на после спрашивать нечего. Визирь прислал сказать Кузовлеву: «Этими речами тебе не отговориться; только появятся козаки на море, хотя и немного, сожгу тебя в пепел; если хочешь жив быть, посылай гонцов». Кузовлев отвечал прежде, что посылать ему гонцов непригоже; ни в каких государствах над послами бесчестья не бывает, и в Цареграде над послами никогда того не бывало, что теперь делается: запирают, со двора не пускают, корму не дают и назад к своему государю не отпускают неведомо для чего. Визирь приутих и, при личном свидании, говорил Кузовлеву: «Только будут донские козаки на море, и нам с тобою будет худо, двое нас с тобою на обе стороны доброе дело делаем, и худо и добро нам будет во всем вместе; помощь козакам от вас: если б вы им не помогали, то им бы делать было нечего, давно бы пропали». Визирю действительно пришлось худо: его казнили. Донские козаки гуляли по Черному морю, появлялись под Трапезунтом и Синопом. Тимошке Акундинову соскучилось в Константинополе, где на него не обращали никакого внимания; он побежал в Молдавию, но на дороге его схватили, привезли в Константинополь и хотели учинить ему жестокое наказание, но вор обещал обусурманиться и перед визирем бусурманскую молитву проговорил, обрезанье же упросил отложить; его освободили и чалму надели, но Акундинов, нарядясь в греческое платье, побежал в другой раз с русским пленником на Афонскую гору; его опять поймали и хотели казнить, но он по-прежнему обещал обусурманиться; на этот раз его обрезали и отдали под стражу. Со стороны самозванцев в Цареграде московское правительство могло быть покойно; но султан требовал, чтобы царь свел донских козаков из Черкасского городка и посылал крымскому царю посылку по-прежнему. Царь отвечал о донцах по старине, что они государского повеленья не слушают; о хане отвечал, что для дружбы с султаном начаты сношения с крымцами, но если хан опять клятве своей изменит, то ему уже больше терпеть не будут.

*А. Васнецов. Спасские ворота Китай-города в XVII в. 1922 г.
Фрагмент*

Эти слова не были пустою угрозою: московское правительство решилось не спускать более крымцам, которые в конце 1645 года поздравили нового царя вторжением в московские области. Разбойники встретили московских воевод в Рыльском уезде при Городенске и, после бою, по шли домой тою же дорогою, какую пришли. Весною 1646 года в Москве положили предпринять наступательное движение: государь приказал князю Семену Романовичу Пожарскому собрать в Астрахани тамошних жителей, ногайских мурз, черкесов, идти на Дон, соединиться там с воеводою Кондыревым, который должен был прийти из Воронежа, и вместе идти под Азов. Кондырев в украинских городах набрал 3000 вольных ратных людей на помощь донским козакам. Крымцы предупредили русских, напали на донских козаков, но были отражены с уроном.

В то же время с Польшею шли переговоры о союзе против Крыма. В январе 1646 года отправлены были к королю Владиславу великие и полномочные послы: родственник царский боярин Василий Иванович Стрешнев и знакомый нам окольный Степан Матвеевич Проестев, для поздравления короля с новым браком на Людовике-Марии Мантуанской и для подтверждения Поляновского мира. 10 марта послы представились королю, который по болезни лежал на постели, обложенный подушками. Послы протестовали, зачем король против государева имени не встал и поднять себя не велел; тогда король подозвал к себе послов близко к постели и говорил: «Памятуя вечное dokonчание и свое государское утверждение с отцом великого государя вашего, царем Михаилом Федоровичем, желаю брату своему, царю Алексею Михайловичу, многолетнего здоровья и счастливого пребывания; чести государя вашего остерегать я всегда должен выше своей собственной чести, но встать мне или подняться никак нельзя, потому что сильно я болен, руками и ногами не владею, и не только встать, и приподняться никак не могу; Бог видит, что делается это не хитростью, если же хитростью, то отними у меня Бог и руки и ноги; можно вам, великим послам, и самим видеть, как я болен». Послы удовольствовались, и от короля отправились к молодой королеве, которая, к их удовольствию, спрашивала о здоровье государевом стоя. В ответе с панами радными послы подняли старые дела об ошибках в царском титуле, указали и на новую обиду: межевой судья Абрамович прислал к царскому величеству лист, и в том листе написано невежливо

отом, тогда как царь к королю и король к царю в грамотах пишут без ота, послы требовали по-прежнему виновным в больших винах казни смертной, а в малых – наказанья жестокого: этим бы король показал его царскому величеству свою братскую дружбу и любовь; требовали, чтоб король велел о царском титуле записать в сеймовую конституцию, чтоб вперед виновных в умалении титула карать горлом без всякого оправданья. Потом послы перешли к другому делу: «Ведомо великому государю нашему учинилось, что на общего христианского неприятеля и гонителя, на турецкого султана Ибрагима, учинился упадок большой от венциан ратным его людям, разоренье и теснота, людей его осадили в Критском острове немцы, и те осадные люди помирают голодом и безводицею, из Царя-града помощи послать им нельзя. Ибрагим султан велел сделать сто каторг новых и начал думать, какими пленными гребцами наполнить эти каторги, и послал к крымскому царю гонца с грамотою, чтоб шел без всякого мешканья на Московское, Польское и Литовское государства и набрал полону на новые каторги: так теперь время великим государям христианским на крымского поганца для обороны веры христианской восстать; теперь время благополучное. Наш великий государь сильно думает о соединении с вашим великим государем на поганых агарян. Он послал для оберегания своих украин большое войско под начальством бояр князя Никиты Ивановича Одоевского и Василья Петровича Шереметева; если же татары пойдут на королевские украины, то великий государь, для братской дружбы и любви к королю, велел воеводам своим помогать ратным людям королевским. И вы бы, паны радные, сами о том думали и короля на то наводили, чтоб его королевское величество для избавы христианской в нынешнее благополучное время велел отпереть Днепр и позволил днепровским козакам с донскими козаками вместе крымские улусы воевать, а к гетману своему послал бы приказ, чтоб он с своими ратными людьми на Украине был готов и с царскими воеводами обо всяких воинских делах ссылался, как им против крымских татар стоять, в каких местах сходиться». Паны отвечали: «Мы вседушно этому ради и просим всемогущего Бога, чтоб обоих великих государей соединеньем их государские руки над бусурманами высились. Что же касается до ошибок в титуле, то объявляем по истинной правде искренними сердцами, что ошибки делались без хитрости, потому что дьячки пишут, не зная русской речи, всеильный Бог свыше зрит, что

прописки делаются без хитрости: несмотря на то, король велел вызвать виновных на сейм, а сами знаете, что ни королю, ни нам не только шляхтича, но и простого человека без сейма карать нельзя». Послы отвечали, что королю пригоже было давно так учинить; при этом послы указали панам королевскую грамоту, где на подписи в титуле вместо *самодержцу* написано *самодержцы*. Паны сказали на это: «Мы вам объявляем, что на нашем польском языке *самодержцы* и *самодержцу* одно слово, и бесчестья тут его царскому величеству никакого нет и ошибки также нет». Послы отвечали: «Как вам, паны радные, не стыдно это говорить: не только вам рассудить и выразуметь это можно, и простой человек легко рассудит: написать и сказать *самодержцу* – это будет к одному лицу, а если написать *самодержцы* – это будет ко многим лицам; на всех великих государствах Российского царства самодержец один, другого нет и вперед не будет. До сейму этого дела откладывать не годится, потому что у людей, которые пишут титул мимо посольского договора, велено честь и именье отнимать и смертью казнить по королевскому указу и сеймовому уложению». Паны: «Клянемся Богом, что на польском языке «самодержцы» и «самодержцу» одно и то же, а если по-русски не так, то мы вперед будем остерегаться накрепко; да вперед бы нашему государю к царскому величеству в грамотах писать по-польски, также и из порубежных городов ссылочные листы писать по-польски: так ошибок вперед не будет». Послы: «Издавна повелось, что грамоты королевские к великому государю пишутся белорусским письмом, и теперь, мимо прежних обычаев, по-польски писать не годится, да у порубежных воевод и переводчиков нет».

Упрашивая послов, чтоб они оставили дело об умалении титула царя Михаила, ибо не должно преследовать за вины, сделанные против покойного уже государя, и, обещаясь строго наказывать за ошибки в титуле государя царствующего, паны обратились к более важному делу – о союзе против крымцев, объявили, что король послал приказ гетману Потоцкому ссылаться с царскими воеводами для береженья от прихода поганцев; и в прошлую зиму гетман готов был дать помощь московским воеводам, но помешали лютые морозы. Королевское величество желает, чтоб этим летом стать только по Украине и уберечь ее от поганцев, а дальнейшее большое дело отложить до другой поры, потому что и днепровским запорожским козакам вскоре на море выйти

нельзя, все их челны пожжены и теперь им новых чаек делать нельзя: король думает, что татар лучше воевать в то время, когда султан разошлет их на свою службу. Запорожским козакам позволить идти на Крым вместе с донскими королю без сейма никак нельзя, потому что у Польши с Турциею вечный мир. Наконец дело дошло до Лубы. Послы объявили, что великий государь, не желая крови, для прошения брата своего короля, отпустил Лубу в Польшу; но везде, едучи дорогою, в Минске и других местах, назывался он царевичем московским по-прежнему; говорил, что посылали его в Москву для осведомления, и будто великий государь признал его прямым сыном Расстриги. Посол Стемповский обязался, что Луба будет содержаться в большой крепости; но он не только на воле, но еще король сделал его при своей пехоте писарем и жалованье ему дает: так королевское величество и вы, паны радные, по посольскому договору велели бы Лубу казнить смертью при нас, послах, за то, что он не перестает называться царевичем московским». Паны отвечали: «Если сыщете, что Луба действительно называется царевичем московским, то будет казнен смертью; но мы вам говорим правду, что Луба отдан для береженья королевской пехоты капитану Яну Осинскому, приставлены к нему гайдуки и держат его с большим береженьем, а королевского жалованья и уряду ему никакого не дано». Тогда послы потребовали, чтоб паны дали утвержденье, согласное с записью Стемповского. Паны обещали дать утвержденье от короля и от себя, но отказались дать утвержденье от послов поветовых. Что же касается до союза против Крыма и до Путивльских городищ (Недригайловского, Городецкого, Каменного, Ахтырского, Ольшанского), обещанных в московскую сторону, то паны объявили, что для этого будут в Москве особые послы королевские: Путивльских городищ потому нельзя уступить сейчас же, что они необходимы для войны против Крыма. Послы отвечали: «Это со стороны вашего государя делается мимо всякой правды; вашу неправду Бог свыше зрит и государю нашему в правде будет помощник; а царское величество Путивльских городищ и земель в королевскую сторону никогда не велит уступить и за свое прямое стоять будет». Паны, с своей стороны, сильно жаловались на переэыв крестьян из-за литовского рубежа в московскую сторону: это, по их словам, была самая большая обида.

Стрешнев возвратился в Москву с подтверждением Поляновского договора и записи Стемпковского о Лубе; а летом 1646 года приехал в Москву полномочный королевский посол, каштелян киевский Адам Свентолдич Кисель, и говорил царю такую речь: «Великое королевство Польское с великими княжествами своими и великое государство Русское, как два кедра ливанские от одного корня, создала десница Вседержителя Господа от единой крови славянской и от единого языка славянского народа; свидетельствуют о том греческие и латинские летописцы и историки, особенно истинный свидетель есть сам язык, обоим великим государствам, как единому народу, общий и непрменный. Поэтому вам, великим государям, и нам всем, обоим великих государств жителям, от единой славянской крови происходящим, свидетельствуют слова, духом святым реченные: «Коль добро и коль красно еже жити братии вкупе!» Сему богодухновенному указанию последствуя, блаженной памяти великий государь царь Михаил Федорович укрепил союз вечного братства с великим государем паном моим. С того времени звезда смутного разрыва, кровопролития и междоусобной брани погасла; наступило и сияет незаходимое солнце вечного мира, дружбы и любви братской; хотя оно и помрачилось преселением от земных в небесная великого государя Михаила Федоровича, о котором король пан мой плакал как о брате; но когда Господь дал вашему царскому величеству престол и скипетры отеческого царства, то король пан мой скорбь свою пременял в радость, и помраченное солнце опять просияло. Так как ваше царское величество с наследием царства наследие братской любви к пану моему королю чрез послов своих объявить произволили, то и его королевское величество братскую свою любовь вашему царскому величеству отдает и через меня такими словами поздравляет: «Радуйся Божнею милостию, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец! Радуйся великого государя моего брат, великих государств и великого союза братской любви наследник! Живи многолетно и счастливо на великом государстве; по долгих же временах, летах и веку да даст тебе Господь благословение отеческое увидеть, и также наследника царствию своему узревши, преселения от земных в небесная со всякою радостью ожидать!»

А. Васнецов. Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII века. 1922 г. Фрагмент

Кроме цветов красноречия, Кисель обнаружил исторические познания: предложил царю Алексею Михайловичу и боярам его деление славянской истории на три периода: 1) счастливый, когда славяне чрез соединение сил своих по всему свету славились; Рим старый и Рим новый свидетельствуют о делах храбрости славянской; 2) век несчастный, век междоусобной брани, когда славяне, разлучившись друг от друга, многообразным разорением и кровопролитием братскую любовь растерзали; в это время многими вотчинами народов наших чужие народы и ногайские овладели: где крест святой Владимир принял, в Херсоне или в Корсуне, там теперь Перекопъ и орда татарская живет; где были седалища половцев, пожертых и с именем своим потребленных саблею предков наших, там ныне крымская водворилась орда, междоусобными несчастными войнами обоих великих государств наших умноженная. 3) Теперь Божию милостию третье время настало: время вечного союза и братской любви величеств ваших и обоих государств, как бы возвращение в первый чин единокровия и единокровные любви.

После цветов красноречия начались переговоры и обнаружилось терния. Кисель требовал: если в грамоте будет ошибка в царском титуле, то такой грамоты не принимать, отсылать ее назад, отчего писавшему будет большое бесчестье. Бояре отвечали: «Ты пан радный и человек знающий, а написал то, чего и простому человеку помыслить стыдно и от Бога страшно. Вам, панам радным, надобно охранять вечное докончание, а вы государскую честь ставите как будто ни во что, виноватых без казни и наказания хотите оправдать; если грамот не принимать, отсылать их назад, то почему можно будет виноватого сыскать и чем его обличить?» Кисель: «Я об этом говорил и писал не сам от себя, по наказу от короля и Речи Посполитой; король и вся Речь Посполитая рассуждали, как бы эти прописки в титуле уничтожить, потому что в Московском государстве это почитают за великую вину, а у нас и к королю полного титула не пишут, добрый человек делает хорошо, а глупый – глупо, и приговорили грамот не принимать: как увидят, что грамот не принимают и исполненья по ним никакого нет, то поневоле научатся писать исправно». Бояре: «Дивно нам, что они во столько лет не могут научиться писать; сами вы, паны радные, своих людей дураками называете, что не могут научиться; поганые

бусурманы, и те государево именованье пишут справчиво, и из немецких государств никогда никакой описки не бывает». Кисель: «Если царскому величеству это не угодно, то можно иначе сделать». Определили: казнить за прописки в титуле.

Кисель настаивал на том, чтоб перебежавших крестьян отдавать назад: «Они у нас государство пустошат; какая это будет братская любовь, что беглых пашенных крестьян принимать; теперь ольшанские мужики подстаросту убили и перешли в сторону царского величества: разве это не досада нам от них?» Бояре: «У царского величества стольника честного человека Ивана Волкова люди его убили и перебежали в королевскую сторону, об них писали, чтоб отдать, но не отдали; также и в государеву сторону перешли черкасы многие, но назад их не просили, и о том ни слова не бывало». Кисель: «Черкасы — люди вольные, где хотят, тут живут, а крестьяне пашенные — невольники». Бояре: «В вечном dokonчанье о перебежчиках не написано: так этого не надобно и начинать». Кисель: «Что наперед было, того я не спрашиваю: а теперь бы сделать вновь и укрепить, чтоб перебежчиков не принимать, а если принимать, то это будет противно Богу, противно братской любви и соединенью; теперь у Конецпольского, Вишневецкого и других перебежало в царскую сторону с 1000 человек, а у нас у троих тысяч с пятнадцать; хорошо ли будет, если мы своих мужиков станем у вас брать и побивать: если хотите наших крестьян к себе брать, значит не хотите нас с собою в дружбе видеть. Поветовые послы говорили королю, что от них начали крестьяне бегать и чтоб король приказал мне об этом написать в наказ первую статью». Бояре: «Чего в вечном dokonчаньи не написано, того вновь начинать не надобно; со стороны царского величества из Брянской и Комарицкой волости и с Лук Великих крестьяне пашенные многие перебежали и теперь беспрестанно бегают в королевскую сторону. В нынешнем году перебежал в королевскую сторону брянчина Колычова крестьянин Артюшка и, пришедши назад из-за рубежа, своего помещика рогатиною заколол; по царскому указу убийцу отослали к Мстиславскому воеводе для казни, а в царскую сторону его не взяли. Ты, великий посол, благочестивой христианской веры и за нее поборатель, а эти мужики пашенные такой же благочестивой веры, живут они у вас за людьми разных вер, и если их отдавать назад, значит, отдавать католику или лютеру на мученье: христианское ли это дело?»

Бедный крестьянин, будучи в такой неволе, и веры своей отбудет». Кисель: «Мужики что знают? О вере у них никакого попечения нет; бегают оттого, что не хотят пану своему и малого оброка заплатить. Побежит мужик в дальние города, то пану еще не так досадно, потому что он его не увидит, а то убежит и станет жить близко в порубежных местах, и, смотря на своего мужика, всякому досадно. Так договориться бы, чтоб в порубежных местах крестьян перебежчиков не держать; а если погонщик застанет беглеца на рубеже, то может его взять». Но бояре именем царским решительно отказали ему в этой статье. И дело о союзе против Крыма также не подвинулось. Кисель требовал уговориться о том, где и как союзным войскам сходиться для отпора татарам. Бояре отвечали: «Если с обеих сторон ратным людям стоять в степи долгое время без дела, то ратные люди изнуждаются, а крымцы, узнавши о соединении наших войск, не придут. Лучше так сделать, чтоб, соединясь, идти на Крым прямо». Но Кисель объявил, что шляхта на сейме не захотела войны с турками, которые никакого повода к войне не подают; так надобно от татар обороняться. Бояре говорили: «Теперь бы что-нибудь крымским татарам послать немного, чтоб их поплошить, а в то б время, года в два или три, изготовиться и идти на них в Крым. Для обереганья Украйны царские войска будут стоять в пограничных городах, и если татары пойдут на Польшу, то эти войска будут помогать польским войскам и ходить за татарами до Днепра, а если татары пойдут на царские украйны, то польские войска должны помогать русским; быть с обеих сторон стоялым служивым людям по 5000 человек, а смотря по вестям, и больше». Кисель отвечал, что если московские войска будут ходить только до Днепра, то помощи никакой от них не будет, потому что по сю сторону Днепра татары у поляков никогда не бывают, ходить бы московским войскам за Днепр до Черного шляха, а поляки будут ходить на помощь к русским до Белгорода. Бояре говорили, что если ходить за Днепр, то не поспеть. Кисель объявил, что у гетманов польских есть лазутчики в Крыму, которые сейчас дадут знать, если хан станет подниматься. Наконец, положили, что гетманы с воеводами будут ссылаться и татар чрез свои земли не пропускать, заодно против врагов стоять; если же от них объявится большая вражда, то великие государи уговорятся, как действовать; теперь же оба государя будут поступать с крымцами по давнему обычаю, чтоб никакого повода ко вражде им не подать.

Таким образом, новому правительству московскому не удалось уговорить поляков к наступательному союзу против крымцев, потому что поляки боялись крымскою войною затронуть Турцию, которая, по близости границ, была для них гораздо опаснее, чем для Москвы. Для последней, впрочем, важен был и оборонительный союз против разбойников.

А. Васнецов. Москва. Конец XVII века. 1902 г.

Но в то время, как дела внешние шли успешно, внутреннее состояние Московского государства было далеко не удовлетворительно: народ томился под тяжестью налогов, купечество было бедно вследствие той же причины, вследствие физических бедствий — неурожая и скотского падежа, наконец, вследствие дурного состояния правосудия. Но купцы по-прежнему всего более обвиняли в своей бедности и разорении купцов иностранных: в 1646 году они подали новому царю жалобу: «После московского разоренья, как воцарился отец твой государев, английские немцы, зная то, что им в торгах от Московского государства прибыль большая, и желая всяким торгом завладеть, подкупя думного дьяка Петра Третьякова многими посулами, взяли из Посольского приказа грамоту, что торговать английским гостям у Архангельского города и в городах Московского государства 23 человекам; а нам челобитье их встретить и остановить в то время некому было, потому что все были разорены до конца и от разоренья, бродя, скитались по другим городам. И как взяли они, немцы, грамоту из Посольского приказа, то и начали приезжать в Московское государство англичан человек по шестидесяти и по семидесяти и больше, построили и купили себе у Архангельского города, на Холмогорах, на Вологде, в Ярославле, на Москве и в других городах дворы многие и амбары, построили палаты и погреба каменные и начали жить в Московском государстве без съезду; у Архангельского города русским людям свои товары перестали продавать и на русские товары менять, а начали свои всякие товары в Москву и в другие города привозить: который товар будет подороже, и они его станут продавать, а который товар подешевле и походу на него нет, так они его держат у себя в домах года по два и по три, и как тот товар в цене поднимется, тогда и продавать станут. А русские товары, которые мы прежде меняли на их товары, теперь они покупают сами, своим заговором, рассылают покупать по городам и в уезды, закабаля и задолжа многих бедных должных русских людей, и закупа те товары, русские люди привозят к ним, а они отвозят в свои земли беспошлинно; а иные русские товары они, английские немцы, у Архангельска продают на деньги голландским, брабантским и гамбургским немцам, весят у себя на дворе и возят на голландские, брабантские и гамбургские корабли

тайно и твою, государеву, пошлину крадут; всеми торгами, которыми искони мы торговали, завладели английские немцы, и оттого мы от своих вечных промыслов отстали и к Архангельскому городу больше не ездим. Но эти немцы не только нас без промыслов сделали, они все Московское государство оголодали: покупая в Москве и в городах мясо и всякий харч и хлеб, вывозят в свою землю. А как придут корабли к Архангельску, то они товаров своих на кораблях досматривать не дадут; а если бы их товары таможенные головы и целовальники досматривали во всех городах, так же как и у нас, и пошлины с них брали, то с них сходило бы пошлин на год тысяч по тридцати рублей и более. У них в жалованной грамоте написано, что грамота дана им по прошению их короля Карлуса; но они, англичане, торговые люди, все Карлусу королю неподручны, от него отложились и бьются с ним четвертый год. Английские гости, Мерик с товарищами, которым было велено, по вашему государскому жалованью и по просьбе Карлуса короля, ездить в Московское государство торговать, ни разу не бывали, а ваше государево жалованье продают иным закупням, и с жалованною грамотою приезжают немцы новые, которые вашим государевым жалованьем не пожалованы. Да они же, немцы, привозят всякие товары хуже прежнего; да они же стали торговать не своими товарами; прежде английские немцы торговали чужими товарами тайно, а теперь начали торговать явно. Гамбургские, брабантские и голландские немцы промыслом своим и дав многие посулы и поминки вопреки государеву указу с товарами своими в Московское государство приезжают каждый год, показывая по городам ваши государевы жалованные грамоты, а грамоты эти взяли они из Посольского приказа ложным своим челобитьем и многими посулами и поминками у думных дьяков Петра Третьякова и Ивана Грамотина, а иные немцы ездят и без грамот. Давыд Николаев, купя на Москве двор и поставя палаты, торгует и продает всякие товары на своем дворе врознь, как и в рядах продают, без вашего государского указа и без жалованной грамоты. Да немцы же, живя в Москве и в городах, ездят через Новгород и Псков в свою землю на год по пяти, шести и десяти раз с вестями, что делается в Московском государстве, почем какие товары покупают, и которые товары на Москве дорого покупают, те они станут готовить, и все делают по частым своим вестям и по грамоткам, сговорясь заодно; а как приедут торговать на ярмарку к Архангельскому городу, то про всякие товары

цену расскажут, заморские товары, выбрав лучшие, закупают все сами на деньги и на русские товары променяют и, стоворясь между собою заодно, наших товаров покупать не велят, а заморским товарам цену держат большую, чтоб нам у них ничего не купить и вперед на ярмарку не ездить; и мы товаренки свои от Архангельского города везем назад, а иной оставляет на другой год, а которые должны людишки, плачучи, отдают товар свой за бесценок, потому что им держать его у себя нельзя, люди должны, и от того их умыслу и заговору мы ездить к Архангельскому городу перестали, потому что стали в великих убытках, а твоим государевым пошлинам год от году все больше и больше недобор. Да немцы же Петр Марселис и Еремей Фелц, умысля лукавством своим, откупили ворвань сало, чтоб твои государевы торговые люди холмогорцы и все поморские промышленники того сала, мимо их, иным немцам и русским людям никому не продавали, а себе берут они у торговых людей в полцены, в треть и в четверть, потому что мимо их никому покупать не велят, и оттого многие люди холмогорцы и все Поморье, которые ходят на море бить зверя, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчина, город Архангельский и Холмогорский уезд и все Поморье, пустеет; а когда этим салом позволено было торговать с разными иноземцами и всяких чинов людьми, то с этого сального торгу собирали таможенных пошлин тысячи по четыре и по пяти и больше; торговые люди этим промыслом кормились и были сыты, а теперь от этих откупщиков твои пошлины пропали, многие люди обнищали и податей не платят, и уезды поморские запустели, от этого промысла теперь не соберется и двухсот рублей в год. А их немецкое злодейство к нам мы тебе, праведному государю, объявляем. При державе отца твоего ярославец торговый человек Антон Лаптев ездил с товаром через Ригу в Голландскую землю, в Амстердам, с соболями, лисицами и белками, чтоб те товары испродать, а их товаров в их земле закупить. Проехал он, Антон, их немецкие три земли, а они, немцы, стоворясь и согласившись заодно, у него ничего не купили ни на один рубль, и поехал он из немецкой земли на их немецких кораблях с ними, немцами, вместе к Архангельскому городу, и как скоро он сюда приехал, то у него те же немцы купили все его товары большою ценою. Московские торговые люди, которые в то время были на ярмарке, немцам начали говорить в разговорных речах: какая это правда, что государя нашего торговый человек заехал с

товарами в ваше государство, и вы у него, сговорясь, товару не купили, его чуть с голоду не поморили, и, торговав у него в своей земле соболи и лисицы самую дешевою, половинною ценою, здесь купили большою ценою? А в Московском государстве иноземцы торгуют, по милости государя нашего, многие люди всякими товарами повольно, а заговоров у нас, торговых людей, никаких нет, и такой неправды мы не посмеем вам сделать, по милости государя нашего к вам: вам бы следовало, за милость государя нашего, также правду чинить и торговать безо всякой хитрости. И немцы нам отвечали: для того мы у Антона Лаптева товару не купили, чтоб иным русским торговым людям ездить в наши государства было неповадно; а если в наших государствах русские люди станут торговать, как мы у вас, то мы все останемся без промыслов, так же оскудеем, как и вы, торговые люди: мы и персидских купцов точно так же от себя проводили, и вам бы поставить себе и то в большую находку, что мы Антона Лаптева с голоду не уморили. Так-то, государь, они над нами насмеваются! Да в прошлом 1645 году из приказа Большой казны продано было немцам 900 пудов с лишком шелку-сырцу, а по уговору взято было с них по 77 ефимков за пуд; мы, зная, что прежде немцы у корабельной пристани твой государев шелк-сырец покупали прежде всех товаров ценою большою, били челом с ними о торгу, и по твоему государеву указу дан нам торг, и мы в торгу с ними сделали тебе, государю, прибыли сверх той цены, по которой отдан был им шелк, с восемь тысяч ефимков; но когда мы этот шелк послали на ярмарку к Архангельскому городу, то немцы, сговорясь между собою, шелку у нас не купили ни одной гривенки, и говорят: «Мы сделаем то, что московские купцы настоятся в деньгах на правеже, да и впредь заставим их торговать лаптями, забудут перекупать у нас товары! Милостивый государь! пожалуй нас, холопей и сирот своих, всего государства торговых людей: воззри на нас, бедных, и не дай нам, природным своим государевым холопам и сиротам, от иноверцев быть в вечной нищете и скудости, не вели искони вечных наших промыслишков у нас, бедных, отнять». Просьба не была исполнена. Не исполнялась она и при царе Михаиле, но тогда не на кого было жаловаться; теперь же при молодом государе всеми делами заведовал Морозов, известный привязанностью к иностранцам и иностранным обычаям, и хотя Виниус, по свидетельству иностранцев, более хотел добра русским, чем своим, однако русские

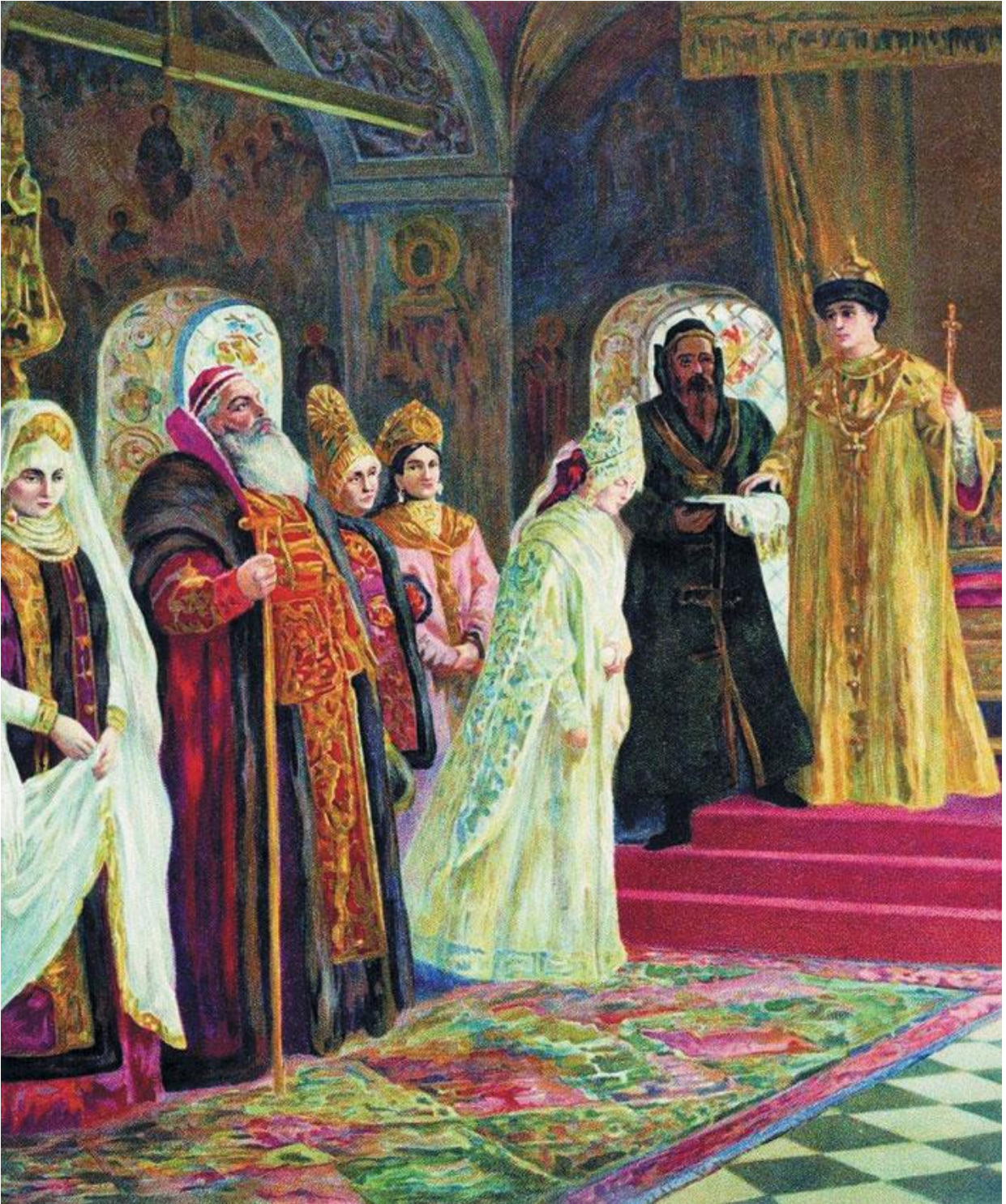
смотрели иначе на дело. Этот упрек от иностранцев Виниус, вероятно, заслужил за то, что и на иностранные товары, не исключая английские, наложена была двойная пошлина «для пополнения ратных людей». При этом правительство утешало иностранцев тем, что они воротят свои деньги, возьмут их с русских же людей, возвысив цену своим товарам.

Но кроме иностранных немецких заговоров, жители московских городов беднели оттого, что многие стремились выйти из общины, из желания отбыть общинных повинностей: «В марте 1648 года новгородские посадские люди били челом, что после разоренья в Новгороде осталось посадских людей немного, разбрелись, а иные померли, и вновь не прибыло ни одного человека, из оставшихся выбраны к денежным сборам, в таможенную избу, в отхожие и иные многие городовые царские службы, а люди все бедные и скудные, и вперед к царским делам выбрать будет из них некого; кроме того, в Новгороде и в Новгородском уезде многие козаки, стрельцы, митрополичьи, монастырские и всяких чинов нетяглые люди торгуют всякими товарами, сидят в лавках и отхожими торговыми многими промыслами промышляют и у посадских тяглых людей промыслы отняли, а мирского тягла с ними не платят, служб не служат, живут в *пробылях*, иные посадские люди, избывая подати, стали в стрельцы и козаки, во всякие чины, у митрополита живут в приказных и крестьянах, отчего Новгород в конечном запустенье; а которые тяглые дворы с большими угодыями, теми дворами владеют всяких чинов *белые* (не тяглые) люди, и с этих тяглых дворов и мест никаких податей не платят, и за эти дворы тягло и службы ложатся на остальных посадских людей». Вследствие этой челобитной правительство приказало наложить на всех этих избывальщиков государственные службы и подати и, между прочим, предписало: «Если поповы, дьяконовы, дьячковы и слуг монастырских дети или сами попы, дьяконы и дьячки торгуют большими промыслами и в лавках сидят, то всех их взять в посад и в тягло обложить; козакам, пушкарям и стрельцам, которые торгуют большими торгами не менее пятидесяти рублей, быть в посаде в службе и в тягле с посадскими людьми вместе; а которые в посаде жить не захотят, а торгуют многими товарами не меньше пятидесяти рублей, тем служить без государева денежного жалованья; а которые торгуют меньше пятидесяти рублей, тем служить с денежным жалованьем, но без хлебного».

Между крестьянами существовало то же стремление отбивать от податей во вред общине: по указу царя Михаила чердынцы, посадские и уездные выборные люди, Чердынский уезд расписали в сошное письмо, в полшесты сохи, дворами, кому с кем ближе; но после этой сошной росписки уездные многие лучшие крестьяне, заговором, родом и племенем и семьями, по воеводским подписным челобитным, отписывались от средних и младших людей сошным письмом, по станам, в мелкие выти дворами же, а не по данному окладу, и пред средними и младшими людьми в тягле живут в великой льготе; а средним и младшим людям перед ними стало тяжело, не в мочь и, оплачивая их, обнищали и одолжали великими долгами; вследствие этого еще царь Михаил приказал лучшим крестьянам всякое тягло тянуть и сибирские отпуски отпускать с средними и младшими вместе, заодно, в свал, а не по сошной развытке, считаться и складываться на посаде по животам и промыслам, чтоб никто ни за кого лишнего не платил, и вперед лучшим людям от средних и младших не отписываться. Но этой царской грамоты некоторые люди не послушали и учинились сильны, воевод подкупили, и от их насильств многие посадские люди и уездные крестьяне разбрелись врознь, а сильные люди жили во льготе. Царь Алексей повторил приказание отца своего.

Таким образом, видим, что и между посадскими и между крестьянами сильные люди старались быть сильнее общины, и кто не был силен сам по себе, тот закладывался за сильного, чтоб под его покровительство не тянуть вместе с миром. И между служилыми людьми сильные продолжали разорять слабых, переманивая от них крестьян. Дворяне и дети боярские били челом, что они разорены без остатка от войны и от сильных людей, бояр, окольных, ближних людей и властей духовных, просили урочные годы отставить, а отдавать им беглых крестьян по писцовым книгам и выписям, во всякое время, как только они своих крестьян проведуют. Но десятилетний срок не был отменен для отыскивания старых беглецов; обещано отставить урочные годы на будущее время, когда крестьяне и дворы их будут подвергнуты строгой переписи: «Как крестьян и бобылей и дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки и без урочных лет». Но на перепись явились новые жалобы: некоторые написали в сказках крестьянские и бобыльские дворы не все сполна, и для утайки при переписке из двух и

из трех дворов переводили людей в один двор и несколько дворов в один двор огораживали, ворота у этих дворов одни делали, крестьянские и бобыльские дворы людскими, жилые пустыми писали, деревни и починки обводили. Потом сделана была еще уступка мелким служилым людям: в 1647 году десятилетний срок для отыскивания беглых был заменен пятнадцатилетним. Таким образом продолжалась борьба между интересом крупных и интересом мелких землевладельцев, но как скоро раз уже сделано было прикрепление в интересе мелких землевладельцев, то долго нельзя было останавливаться на урочных годах.

К. Маковский. Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем. 1887 г.

Посадские и крестьяне старались избыть от податей, потому что подати были действительно тяжки. Чтоб помочь как-нибудь злу,

придумали средство. 18 марта 1646 года наложена была новая пошлина на соль, прибавлено на всякий пуд по две гривны: «А иные мелкие поборы, – говорит указ, – со всей земли и прежние соляные всякие пошлины и проезжие мыты указали мы везде отставить, и порухи вперед в соляной продаже нигде никому не быть. А как та соляная пошлина в нашу казну сполна сберется, то мы указали во всей земле и со всяких людей наши доходы, стрелецкие и ямские деньги сложить, а заплатить те стрелецкие и ямские доходы этими соляными пошлинными деньгами, потому что эта соляная пошлина всем будет равна; в избылых никто не будет и лишнего платить не станет, и всякий станет платить без правежу. А стрелецкие и ямские деньги собираются неровно, иным тяжело, а иным легко, и платят за правежом с большими убытками, а иные и не платят, потому что ни в разряде в списках, ни в писцовых книгах имен их нет, и живут все в уезде в избылых; также иноземцы, которые получают наше жалованье и кормовые деньги, и торговые люди иноземцы все станут платить наравне с тягловыми людьми. А торговым людям возить эту соль во все города и уезды без мыту и безо всякой пошлины, и продавать им везде, где кто захочет, применяясь к прежней цене, а лишней много цены на соль не накладывать и заговоров в соляной продаже никому нигде не делать, чтоб всяких чинов людям тесноты и лишних убытков не было». Любопытно здесь признание правительства, что нет средств у него против избылых людей, которых ни в разряде, ни в писцовых книгах нет; любопытно желание ввести такой налог, который бы не допускал правежа; наконец любопытно, как правительство утешает русских людей тем, что иностранцы подчинятся этому налогу наравне со всеми. Но такое беспристрастие к иностранцам не могло задобрить многих ревнителей старины, когда они из того же указа узнали, что употребление табаку, богомерзкой травы, принесенной иностранцами, травы, за которую при царе Михаиле резали носы, позволяется правительством с тем только, что продажа ее делается монополиею казны. Пошлина на соль была уничтожена в начале 1648 года, но табак остался. Морозов сократил также дворцовые расходы, отославши известное число придворных слуг и уменьшивши жалованье у остальных. Понятно, что этою мерою он не приобрел себе приверженцев.

В начале 1647 года царь задумал жениться; из 200 девиц выбрали шесть самых красивых, из этих шести царь выбрал одну: дочь Рафа, или Федора, Всеволожского; узнавши о своем счастье, избранная, от сильного потрясения, упала в обморок; из этого тотчас заключили, что она подвержена падучей болезни, и несчастную вместе с родными сослали в Сибирь, откуда уже в 1653 году перевели в дальнюю их деревню Касимовского уезда. Так рассказывает одно иностранное известие; русское известие говорит, что Всеволожскую испортили жившие во дворце матери и сестры знатных девиц, которых царь не выбрал. Другое иностранное известие упрекает в этом деле Морозова, которому почему-то не нравились Всеволожские и который метил на двух сестер Милославских: одну хотел сосватать царю, а другую – себе и таким образом обеспечить себя от соперничества с новыми родственниками царскими. Из официальных известий мы имеем один только отрывок из дела: из этого отрывка узнаем, что обвинен был Мишка Иванов, крестьянин боярина Никиты Ивановича Романова (двоюродного брата царского), в чародействе, в косном разводе и в наговоре в деле Рафа Всеволожского. Понятно, что на основании одного иностранного известия нет никакого права обвинять Морозова. По всем вероятностям, подозрение на него пало вследствие того, что через год, 16 января 1648 года, царь женился на Марье, дочери Ильи Даниловича Милославского, а через десять дней после того Морозов женился на сестре царицы, Анне Ильиничне. Зная пристрастие Морозова к иностранцам, зная, что царь уже раз решился на измену старому обычаю, продолжив время траура по отцу на целый год вместо сорока дней, многие, как говорят, опасались, что по случаю свадьбы царской приняты будут иностранные обычаи и произойдут перемены при дворе. Опасения не оправдались, иностранные обычаи не были введены, тем не менее брак царский имел следствием сильное неудовольствие народное.

Илья Данилович Милославский был очень незначительного происхождения и выведен в люди дядею своим, знаменитым дьяком Грамотиным. Милославский воспользовался своим новым положением, чтоб нажиться; особенно стали наживаться родственники его, окольниковые, судья Земского приказа Леонтий Плещеев и заведовавший Пушкарским приказом Траханиотов; поднялся сильный ропот, начались сборища у церквей, и решились наконец подать просьбу государю на

Плещеева; но окружавшие царя брали просьбы у народа и всякий раз представляли дело в ином виде, отчего просители не получали удовлетворения. Тогда народ решился изустно просить царя. 25 мая 1648 года, когда государь возвращался от Троицы, толпа схватила за узду его лошадь и просила Алексея отставить Плещеева, определивши на его место человека доброго. Царь обещал, и довольный народ стал расходиться, как вдруг несколько придворных, друзей Плещеева, стали ругать народ, мало того: въехали на лошадях в толпу и ударили несколько человек нагайками. Народ расвирепел, камни посыпались на обидчиков, которые принуждены были спасаться бегством во дворец, толпа кинулась за ними, и тут, чтоб остановить ее, повели на казнь Плещеева! Но народ вырвал его из рук палача и умертвил. Морозов вышел было на крыльцо с увещеваниями от имени царского, но в ответ на его увещание послышался крик, что и ему будет то же, что Плещееву; правитель должен был спасаться бегством во дворец, дом его разграбили, убили холопа, который хотел защищать господское добро; жене Морозова сказали, что если бы она не была царская свояченица, то изрубили бы ее в куски; сорвали с нее дорогие украшения и бросили на улицу; потом убили думного дьяка Чистого, хотели было сделать то же и с богатым гостем Шориным, обвиняя его в возвышении цены на соль, но он успел выехать из города; дом его разграбили, вместе с домом князя Никиты Одоевского, князя Алексея Михайловича Львова и других вельмож. На другой день, после полудня, вспыхнул страшный пожар и продолжался до полуночи: погорели Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбат, Чертолье и все посады; уняли пожар, вспыхнул новый мятеж. Отряд служивых иностранцев двинулся защищать дворец; немцы шли с распущенными знаменами, с барабанным боем; москвичи дали им дорогу, кланялись и говорили, что у них к немцам никакой недружбы нет, знают, что они люди честные, обманов и притеснений боярских не хвалят. Когда немцы расположились стражею около дворца, то царь выслал к народу двоюродного брата своего, Никиту Ивановича Романова, зная любовь к нему народную. Никита Иванович вышел с шапкой в руках и сказал, что царь обещает выполнить желание подданных и увещевает их разойтись, чтоб можно было ему выполнить обещание. Народ отвечал, что он не жалуется на царя, а на людей, которые воруют его именем, и что он не разойдется до тех пор, пока ему не выдадут Морозова и

Траханиотова. Никита Иванович отвечал, что оба скрылись, но что их отыщут и казнят. Народ разошелся. Траханиотова действительно схватили подле Троицкого монастыря и казнили; Морозова отправили подальше, в Кириллов-Белозерский монастырь, и между тем начали хлопотать, как бы успокоить народное раздражение против него. Царь приказал угостить стрельцов вином и медом; тесть его Милославский позвал к себе обедать москвичей, выбрав из каждой сотни, угощал их несколько дней сряду. Места убитых немедленно были замещены людьми, которые слыли добрыми. Наконец царь, воспользовавшись крестным ходом, обратился к народу с такою речью: «Очень я жалел, узнавши о бесчинствах Плещеева и Траханиотова, сделанных моим именем, но против моей воли; на их места теперь определены люди честные и приятные народу, которые будут чинить расправу без посулов и всем одинаково, за чем я сам буду строго смотреть». Царь обещал также понижение цены на соль и уничтожение монополий. Народ бил челом за милость; царь продолжал: «Я обещал выдать вам Морозова и должен признаться, что не могу его совершенно оправдать, но не могу решиться и осудить его: это человек мне дорогой, муж сестры царицыной, и выдать его на смерть будет мне очень тяжело». При этих словах слезы покатались из глаз царя; народ закричал: «Да здравствует государь на многие лета! Да будет воля Божия и государева!» По другим известиям, сделано было так, что сам народ просил о возвращении Морозова.

Трудно определить время, когда происходили все эти хлопоты относительно Морозова; мы знаем верно одно, что август месяц Морозов находился еще в Кириллове монастыре, ибо 6 августа царь писал туда следующую грамоту, из которой видно, как он был привязан к Морозову и как боялся народного озлобления против него: «Ведомо нам учинилось (пишет царь), что у вас в Кириллове монастыре в Успенъев день бывает съезд большой из многих городов всяким людям; а по нашему указу теперь у вас в Кириллове боярин наш, Борис Иванович Морозов, и как эта наша грамота к вам придет, то вы бы боярина нашего, Бориса Ивановича, оберегали от всего дурного и думали бы с ним накрепко, как бережнее – тут ли ему у вас в монастыре в ту ярмарку оставаться или в какое-нибудь другое место выехать. Лучше бы ему выехать, пока у вас будет ярмарка, а как ярмарка минуется, и он бы у вас был по-прежнему в монастыре до нашего указа;

и непременно бы вам боярина нашего Бориса Ивановича уберечь; а если над ним сделается что-нибудь дурное, то вам за это быть от нас в великой опале». Но царь этим не удовольствовался: вверху и сбоку грамоты, на белых местах и частию между верхних строк собственною рукою приписал: «И вам бы сей грамоте верить и сделать бы и уберечь от всякого дурна, с ним поговоря против сей грамоты, да отнут бы никто не ведал, хотя и выедет куда, а естли сведают, и я сведаю, и вам быть казненым, а естли убережете его, – так, как и мне, добро ему сделаете, и я вас пожалую так, чего от зачяла света такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему, приятелю моему». По возвращении своем Морозов не был правителем, как прежде, но был одним из самых близких людей к государю и употреблял свое влияние для приобретения всеобщего расположения, помогая каждому, кто к нему обращался. Пишут, что в теле Морозова, истощенном тяжкими болезнями, подагрой и водяною, велика еще была сила разума и совета, за которым царь часто приезжал на дом к больному во всех важных делах.

Э. Лиснер. Соляной бунт. 1938 г.

Э. Лиснер. Медный бунт. 1938 г.

Морозов по крайней мере, по-видимому, сошел с первого плана в мае 1648 года; но скоро на этом плане начало обозначаться другое лицо, духовное: то был Никон.

В страшный 1605 год, когда для Московского государства началась смута, в мае месяце, в селе Вельманове, или Вельдеманове, Княгининского уезда, в 90 верстах от Нижнего, у крестьянина Мины родился сын, названный Никитою. Не знаем, великие и страшные события, происходившие в малолетство Никиты, врезались ли в его памяти, восстание родной области за веру и государство произвело ли впечатление на малютку; но имеем полное право допустить, что ближайшие семейные явления должны были подействовать на образование его характера: горе ждало его в семье, а горе всего лучше закаляет природы, способные к закалу. Младенцем лишился Никита матери, отец дал ему мачеху, а мы знаем, что такое была мачеха в древней русской семье. Мачеха Никиты не была исключением: малютка терпел от нее большие притеснения, не раз жизнь его находилась в опасности. Никита имел случай выучиться грамоте, а это было тогда

верным средством для худородного человека выйти на вид. Обилие нравственных сил, энергия не могли позволить Никите долго оставаться в той среде, где он родился; воображение молодого человека воспламенялось предсказаниями о дивной судьбе: и христианские монахи, и мордовские колдуны пророчили ему или царство, или патриаршество. Грамотность влекла пытливого юношу к книгам, книги были исключительно духовные, они увлекли Никиту в монастырь Макария Желтоводского; но отсюда он был вызван снова в мир: просьбы родственников убеждали его жениться, а грамотность и таланты дали ему священническое место на 20-м году от рождения. Молодой священник сильно выдавался вперед между товарищами, и московские купцы презвали его в столицу.

Троих малюток имел священник Никита Минич и похоронил всех; приход и безчадная семья стали для него тесны. Он уговорился с женой разойтись; она постриглась в московском Алексеевском монастыре, он ушел на Белое море, в Анзерский скит, где переименовал имя Никиты на Никона. Неспособность сдерживать себя, страсть к обличениям высказались в монахе Никоне и не дали ему ужиться с братиею; он оставил Анзерский скит и поселился в Кожеезерском монастыре (новгородской епархии Каргопольского уезда). Здесь он нашел себе лучших ценителей в братии и в 1643 году был избран в игумены. Новый игумен Никон также скоро выдался вперед, как прежде священник Никита; слава об нем пошла далеко, достигла Москвы, и когда Никон в 1646 году явился в столице по делам монастырским, то молодой царь Алексей Михайлович обратил на него особенное внимание и по впечатлительности и религиозности своей скоро подчинился влиянию знаменитого подвижника. Никон остался в Москве; он был посвящен в архимандриты Новоспасского монастыря и каждую пятницу должен был являться к заутрени в придворную церковь, чтоб потом беседовать с царем. Никон не мог ограничиться одними душеспасительными разговорами: он тотчас же стал печаловаться за утесненных, вдов, сирот, и царь поручил ему это печалование, как должность, челобитчики шли к Никону в монастырь, другие встречали его на дороге во дворец и подавали просьбы. В смутный 1648 год Никон был посвящен в митрополиты новгородские.

Между тем в Москве, после мятежа, молодой царь усердно занимался устранением того, что возбуждало жалобы, исполнением

данных обещаний. 16 июля 1648 года государь советовался с патриархом Иосифом и со всем священным собором и говорил с боярами, окольными и думными людьми: которые статьи написаны в правилах св. апостол и св. отец и в градских законах греческих царей и пристойны эти статьи к государственным и к земским делам, и те бы статьи выписать; также прежних великих государей указы и боярские приговоры на всякие государственные и земские дела собрать и справить со старыми судебниками; а на которые статьи в прошлых годах в судебниках указа не положено и боярских приговоров нет, те статьи написать и изложить общим советом, чтоб Московского государства всяких чинов людям, от большого и до меньшего чина, суд и расправа были во всяких делах всем равны. Указал государь все это собрать и в доклад написать боярам: князю Никите Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольному князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьякам Гавриле Леонтьеву и Федору Грибоедову. Для этого своего государева и земского великого царственного дела указал государь, по совету с патриархом, и бояре приговорили: выбрать из стольников и из стряпчих, из дворян московских и жильцов, из чина по два человека; также из дворян и детей боярских всех городов взять из больших городов, кроме Новгорода, по два человека, а из новгородцев с пятины по человеку, с меньших городов по человеку, из гостей трех человек, из гостиной и суконной сотен по два человека, из черных сотен и слобод и из городов и посадов по человеку, добрых и смышленных людей, чтоб государево и земское дело со всеми этими выборными людьми утвердить и на деле поставить, чтоб все эти великие дела, по нынешнему государеву указу и соборному уложению, впредь были чем нерушимы. Выборные, между прочим, били челом: «На Москве и около Москвы, и в городах, где прежде бывали выгоны для скота, устроены патриаршие, монастырские, боярские и других чинов людей слободы и пашни на государевой искони вечной выгонной земле, в посадах и слободах живут закладчики и их дворовые люди, купили себе и в заклад побрали тяглые дворы и лавки и погреба каменные, торгуют всякими товарами, своею мочью и заступленьем (тех, за кого заложились) откупают таможи, кабаки и всякие откупы, и от этого они, служилые и тяглые люди, обнищали и одолжали и промыслов своих многие отбыли; искони, при прежних государях, на Москве и в городах всего

Московского государства ничего этого не бывало, везде были государевы люди: так государь пожаловал бы, велел сделать по-прежнему, чтоб везде было все государево». Государь пожаловал и указал: «На Москве и около Москвы, по городам на посадах и около посадов на слободах всем торговым, промышленным и ремесленным людям быть за нами в тягле и службе с иными нашими тяглыми людьми наравне, а за патриархом, монастырями, боярами и за всяких чинов людьми, в слободах на посадах и около посадов никаким торговым, промышленным и ремесленным людям быть не велено, чтоб в избылых никто не был». Продажа и сеяние табаку были запрещены в том же 1648 году, а в следующем 1649 году исполнено и давнее желание купцов: издано царское повеление: «Вам, англичанам, со всем своим именем ехать за море, а торговать с московскими торговыми людьми всякими товарами, приезжая из-за моря, у Архангельского города; в Москву же и другие города с товарами и без товаров не ездить. Да и потому вам, англичанам, в Московском государстве быть не довелось, что прежде торговали вы по государевым жалованным грамотам, которые даны вам по прошению государя вашего английского Карлуса короля для братской дружбы и любви; а теперь великому государю нашему ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти: за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось».

Но в то самое время, как правительство удовлетворением разных требований спешило отнять поводы к волнениям, мятежи вспыхнули на отдаленном севере, где и в предшествовавшее царствование мы виде ли восстания на воевод. Летом 1648 года в Сольвычегодск отправлен был Федор Приклонский для сбора с посада и уезда 535 рублей ратным людям на жалованье. Правил он деньги, как после показали сольвычегодцы, большим немерным правежем. У городских и сельских жителей был обычай умерять эти немерные правежи тем, что складывались и приносили чиновнику известную сумму, чтоб только уже больше не правил и отправлялся в Москву; так поступили сольвычегодцы и с Приклонским: собрали со всего уезда, по мирскому приговору, 20 рублей и отнесли к Приклонскому с тем, чтоб он уже больше денег не брал ни с посада, ни с уезда. Но в то же самое время приезжают из Москвы и рассказывают, что в Москве нашли управу на людей и посильнее Приклонского, который сбирал деньги на Морозова,

а этого изменника больше нет. Сольвычегодцев взяло раскаяние: за что же они заплатили Приклонскому двадцать рублей! Надобно воротить мирские деньги! И вот 21 июня уездный староста Богдан Шулепов да площадной подьячий Давид Хаминов отправились к Приклонскому и вытребовали у него деньги назад. Но этим дело не кончилось: мужик горлан Хаминов, воспользовавшись удобным случаем, стал на первом плане. «Будет тебе то же, – кричал он Приклонскому, – что было от нас воеводе Федору Головачеву и воеводе Алексею Большову: будет и тебе смертное убийство!» Вышедши от Приклонского со двора, Хаминов закричал ясаком, и толпа осадила дворы воеводы и Приклонского и стерегла их всю ночь. На другой день Приклонский отправился на съезжий двор, но и туда явилась толпа, человек со 100 или больше, под начальством тех же Хаминова и Шулепова и начала кричать Приклонскому: «Деньги-то ты собираешь на изменника воровски!» В толпе раздались голоса приезжих из Москвы: «Деньги он собирает на изменника!» Эти слова послужили уликою; толпа ринулась в избу; отняла у Приклонского государев наказ, казну, все бумаги, иные передрали, бросились на самого Приклонского, прибили, поволокли улицею и перекинули на тот двор, где он стоял; имение его захватили. Очнувшись, Приклонский ушел сперва на двор к князю Шаховскому, а потом в соборную церковь и заперся в палатке у церкви; но толпа явилась и туда, крича, что надобно убить Приклонского. К счастью его, вступилась в дело мать Федора Строганова, вдова Матрена: церковь была строгановского строения, и потому Матрена приказала людям своим, чтоб не выдавали Приклонского народу. Когда наступила ночь, он ушел в лодке рекою Вычегдою.

Устюге в это время был воеводою Михайла Васильевич Милославский; всеми делами у него заправляли подьячие Онисим Михайлов да Григорий Похабов. Михайлову устюжане, посадские и уездные люди, поднесли 260 рублей в почесть, с сошек; но потом также, как видно, по вестям из Москвы, денег стало жаль, начали думать, как бы их взять назад. Крестьянин Онисим Рошкин с товарищами несколько дней ходил к подьячему просить денег; подьячий не расставался с ними; ходили и к воеводе, чтоб тот уговорил подьячего отдать деньги, – все напрасно. Наступило 8 июля; в Устюг сошлось много народа из окрестностей к празднику св. Прокопия, устюжского чудотворца. У посадских и крестьян только и речей было, что об этих 260 рублях. На другой день праздника, 9 июля, толпа крестьян сидела в съезжей избе, в судебне, у земских судеек, и приговорили взять непременно деньги у Онисима Михайлова. В это время является в судебню кузнец Моисей Чагин и кричит земским судьям: «Есть ли у вас промысел такой, чтоб у Онисима взять деньги?» Ему отвечали: «Хорошо взять, да как? Подьячий не отдаст!» «Не отдаст, так убить его до смерти!» – закричал Чагин. Возражение послышалось, как видно, от земского судьи Волкова, потому что Чагин бросился к нему, схватил за руки и за грудь и поволок из избы, а товарищи Чагина, Васька Шамшурницын и Шурка Бабин, толкали Волкова в шею и били. Вытащив Волкова на площадь, начали его водить по ней из стороны в сторону; ухватили и земского судейку Игнатьева, но он вырвался и вместе с товарищем, ружным старостою Мотоховым, бросился на воеводский двор и рассказал Милославскому, что делается в земской избе и на площади. Воевода в это время пировал с своим подьячим Онисимом Михайловым; услышав недобрые вести, он поехал на площадь, чтоб унять *гиль* (мятеж); но *гилевщики*, оставя Волкова, принялись за воеводу, схватили его и повели к нему на двор; но здесь уже успел побывать Чагин с товарищами: ворота выломали, на дворе сени, клетки и чуланы, все разломали, имение разграбили, схватили подьячего Онисима Михайлова, убили и бросили в реку. Та же участь грозила и воеводе: гилевщики стали требовать у него, чтоб выдал другого подьячего, Похабова; Милославский клялся, что не знает, где подьячий; тогда воеводу поволокли было к реке, но почему-то смиловались, удовольствовались тем, что заставили Милославского, жену его и тещу поцеловать образ с клятвою, что у них нет Похабова. Между тем набат

гудел по всему городу, и пять дворов было разграблено: посадских людей Меркурья Обухова, Дмитрия Котельникова, Василья Бубнова, Григорья Губина и подьячего Похабова, который спасся бегством. Церковный дьячок Игнашка Яхлаков носил бумагу согнутую и говорил во весь мир, что пришла государева грамота с Москвы, велено на Устюге 17 дворов грабить.

Только 4 августа в Москве узнали об устюжских происшествиях и отправили для розыска стольника, князя Ивана Григорьевича Ромодановского, с 200 стрельцов; Ромодановский приехал в Устюг 7 сентября. Чагин с двумя товарищами, Игнашкою Яхлаковым и Ивашкою Белым, не заблагорассудили дожидаться его приезда и разбежались. Начался розыск, пытки.

Повесили крестьянина Федьку Ногина, который признался, что напустил Чагина завести мятеж и убить подьячего Михайлова; повесили Терешку мясника и Ивашку, прозвищем Солдата, которые признались, что убили Михайлова; у Солдата на пытке вынули из-под пяты камень, и Солдат признался, что учил его в тюрьме ведовству разбойник Бубен, как от пытки оттерпеться, наговаривал на воск, а приговор был: «Небо лубяно и земля лубяна, и как в земле мертвые не слышат ничего, так бы он не слышал жесточи и пытки». Повесили также Ивашку Шамшурницына.

Ромодановский загостился в Устюге. 23 декабря земский судейка Сенька Мыльник, по велению мирских людей, бил челом государю от всех устюжан, что Ромодановский пытал невинных людей и посадские люди бегут розно; мирские люди дали Ромодановскому 600 рублей да подьячему Кузьме 100 рублей, но и это не помогло. По этому челобитью, в январе 1649 года, приехал в Устюг другой следователь, стольник Никита Алексеевич Зюзин, и спросил Ромодановского: зачем он до сих пор к государю не писывал? Ромодановский отвечал: «Послал я обыски и пыточные речи и статейный список января 10, а до того времени не посылал, дожидался для обыска из волостей многих крестьян; многие посадские люди и волостные крестьяне учинились сильны и государеву указу непослушны, к обыскам из волостей не поехали, а которые небольшие люди и были и те в обысках и сказках своих государю лгали». Зюзин обратился к устюжанам: те вычли, что кроме 600 рублей Ромодановскому и людям его малыми статьями, в подносах харчевого и денег и пивных варь на приезд и на праздники и в

иные дни вышло на 111 рублей 22 алтына 2 деньги; деньги эти на мирской расход заняли у сборщика Семена Скрябина из сибирского запаса 650 рублей, да в Архангельском монастыре 100 рублей, а кабала писана в 200 рублях; деньги эти мирские люди *разрубили* (разложили) и собирают по сохам. Подьячий Куземка Львов в допросе сказал: «Земские судейки приносили ко мне в мешке деньги не по один день, и я им отказывал, принять не хотел и то им говорил, что они подьячему Онисиму Михайловичу дали денег 200 руб лей и за то убили, и я боюсь от них того же, но судейки мне говорили, чтоб мне те деньги взять у них не от дела, в почесть, для государева многолетнего здоровья, да и то мне говорили, что я в Москве разграблен и погорел, и я деньги у них взял; деньги эти за их печатью и сколько денег не знаю; когда я деньги брал, то говорил им, что деньги эти я объявлю на Москве, отдам их в государеву казну в Посольском приказе». Люди Ромодановского объявили, что господин их взял деньги, но сказал при этом, что деньги объявит в Москве; что князь несколько раз отказывался принять и взял, когда они принесли после именин царевича Дмитрия Алексеевича и сказали: «Возьми для государя царевича». Сам Ромодановский показал то же, но судейки показали, что они отнесли сперва сто рублей, 22 сентября, а потом 550 рублей, 19 октября, а не 27, как показал князь; кроме того, явилось множество показаний, что Ромодановский брал взятки с тюремных сидельцев.

Между тем в Москве имя Морозова продолжало быть в устах недовольных. Мы видели, что по всеобщей жалобе были приняты меры против закладчиков; но тут закладчики, лишённые своего выгодного положения, стали вымещать злобу на том же Морозове. 17 января 1649 года на подворье к коломнитину Ивану Пестову пришел старый закладчик боярина Никиты Ивановича Романова Савинка Корепин и начал говорить: «Когда я был за боярином Никитою Ивановичем, то мне было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мне худо; сделали это бояре Борис Иванович Морозов да Илья Данилович Милославский и от этого их промыслу ходить нам по колена в крови, а боярам Морозову, Милославскому и друзьям их быть побитыми камнями». Пестов на это сказал ему: «Что ты, мужик, такие непристойные речи говоришь: только государь изволит, и мы вас всех побьем». Корепин отвечал: «Мы вас всех из изб побьем из пищалей, а холопы ваши все с нами будут». Тот же Савинка был у Пестова 18 января и говорил:

«Государь молодой и глядит все изо рта у бояр Морозова и Милославского, они всем владеют, и сам государь все это знает, да молчит; Морозов делает умыслом, будто он теперь ничем не владеет и дал всем владеть Милославскому. Боярина князя Якова Куденетовича Черкасского хотели сослать и подводы под него были готовы, но не сослали его, боясь нас, для того, что мир весь качается; как его станут посылать, и боярин Никита Иванович Романов хочет выехать на Лобное место и станет миру говорить, и мы за него всем миром станем, а бояр Морозова и Милославского побьем; да и тем у нас достанется, которые руки прикладывали (вероятно, к просьбе о возвращении Морозова); а побивать мы станем не все сами: есть у нас много ярыжек, которые у нас живут, от них и почин будет; в этом заводе все с нами, да и стрельцы, которые рук не прикладывали, с нами же. Выедут на Лобное место бояре: Никита Иванович Романов, князь Яков Куденетович Черкасский, князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, князь Иван Андреевич Голицын, пристанут к ним стрельцы и всякие люди и станут побивать и грабить Морозова, Милославского и других». Государь велел всем боярам ехать к пытке, пытать Корепина накрепко и однолично доискаться подлинно. Савинка с пытки показал, что говорил спьяну сам собою; прибавил, что зимою о Николине дне сидел он у боярина Никиты Ивановича Романова на дворе в конюшне, тут же с ним сидели колодники в боярских делах: Афонка Собачья Рожа да унженцы, человек с десять, и он с ними говорил те же речи и они о том же говорили, что быть замятие кровопролитию и грабежу. Савинку казнили смертью. Стрелец Андрюшка Калинин в расспросе сказал: «Слышал часа за полтора до вечера, января 4, от стрельца Андрюшки Ларионова: был он, Андрюшка, у боярина князя Якова Куденетовича Черкасского и слышал от князя Якова и от племянника его, князя Петра, что приходили к ним четыре человека стрельцов и сказали: «Быть замятие в Крещенье, как государь пойдет на воду». На пытке Ларионов сказал, что все это он затеял сам, от князя ничего не слышал; у него вырезали язык и сослали.

Слышалось на Морозова и другого рода обвинение. Мы видели, что в это время в Москве чувствовалась потребность в науке, за которую естественно было обратиться к малороссиянам, потому что у них было уже распространено школьное образование. Сильною любовью к просвещению отличался в Москве постельничий царский

Федор Михайлович Ртищев. Недалеко от Москвы, по Киевской дороге, на берегу реки он выстроил монастырь (Андреевский), куда перезвал из малороссийских монастырей монахов тридцать человек, с тем чтоб учили желающих грамматике славянской и греческой, риторике и философии и переводили книги. Обязанный днем быть во дворце, Ртищев целые ночи просиживал в Андреевском с учеными монахами. Но эта новизна некоторым не понравилась. Весною 1650 года Иван Васильевич Засецкий, Лучка Тимофеев Голосов да Благовещенского собора дьячок Костка Иванов сошлись у монаха Саула и шептали между собою: «Учится у киевлян Федор Ртищев греческой грамоте, а в той грамоте и еретичество есть». Обратясь к дьячку, Голосов говорил: «Извести благовещенскому протопопу (духовнику царскому), что я у киевских чернецов учиться не хочу, старцы недобрые, я в них добра не познал; теперь я маню Федору Ртищеву, боясь его, а вперед учиться никак не хочу, кто по-латыни научится, тот с правого пути совратился. Да и о том вспомяни протопопу: поехали в Киев учиться Перфилка Зеркальников да Иван Озеров, а грамоту проезжую Федор Ртищев промыслил; поехали они доучиваться у старцев киевлян по-латыни, и как выучатся и будут назад, то от них будут великие хлопоты; надобно их воротить назад; и так они всех укоряют и ни во что ставят благочестивых протопопов Ивана и Степана и других». Дьячок Костка отвечал на это: «Мне и поп Фома говорил: «Скажи, пожалуй, как быть? Дети мои духовные Иван Озеров да Перфилий Зеркальников просят в Киев учиться». Я ему говорил: «Не отпускай, Бога ради, Бог на твоей душе это взыщет»; а Фома говорит: «Рад бы не отпустить, да они беспрестанно со слезами просят и меня мало слушают и ни во что ставят». Потом трое ревнителей правого пути начали шептать про Морозова: «Борис Иванович держит отца духовного только для прилики людской, киевлян начал жаловать; а это уже известное дело, что туда уклонился к таким же ересям».

В Москве попытки недовольных раздуть мятеж против Морозова и Милославского во имя Романова и Черкасского были уничтожены в самом начале; но когда, по-видимому, все успокоилось, опять на северо-западной границе в толпе народной послышалось несчастное имя Морозова, и мятеж в самых широких размерах запылал во Пскове и Новгороде.

*К. Маковский. Поцелуйный обряд (Пир у боярина Морозова).
1895 г. Фрагмент*

По Столбовскому миру с обеих сторон условились выдавать перебежчиков, но в продолжение несколько десятков лет из уступленных Швеции русских областей перебежало в московские пределы множество народу; шведское правительство требовало их выдачи, исполнить это требование в глазах московского правительства значило отдать православных христиан в люторскую веру; благочестивый царь никак не мог решиться взять на свою душу такой грех, и потому положено было выкупить перебежчиков. Часть выкупных денег, именно 20 000 рублей, была отдана в Москве шведскому агенту Нумменсу, который с ними и отправился на Псков к шведской границе. В то же время в зачет выкупной суммы велено было отпустить из псковских царских житниц 11 000 четвертей хлеба в Швецию. Но мы видели, как дурно смотрели на иностранцев везде в Московском государстве и особенно во Пскове. В царствование Михаила во Пскове ограничивались одними жалобами, занесенными в летопись; со времени же событий в Москве 1648 года пошла молва, что молодой царь окружен людьми недоброжелательными, что Морозов дружит немцам ко вреду русских. И вот в феврале 1650 года во Пскове узнали, что едет швед, везет из Москвы большую казну и что велено во Пскове отдавать хлеб шведам. 24 февраля, на маслянице, пришла к воеводе Собакину государева грамота о хлебной отдаче; народ узнал о грамоте, стал волноваться, и 27 числа человек 30 из меньших статей пришли к архиепископу Макарию бить челом, чтоб он уговорил воеводу не отдавать хлеба, пока от них челобитье будет к государю.

Макарий послал за Собакиным, который тотчас приехал к архиепископу и, узнав, в чем дело, объявил, что должен исполнить государев указ в точности и отдаст хлеб немедленно, а они пусть посылают челобитчиков к государю от себя, мимо его. Потом воевода счел своею обязанностью сделать псковичам внушение, чтоб они не в свои дела не вмешивались, начал им говорить с сердцем, зачем они пришли на архиепископский двор толпою, называл их кликунами — название очень нехорошее во Пскове после событий Смутного времени. Тогда один из псковичей начал Собакина укорять: «Ты, Никифор Сергеевич, пускаешь немцев в город (в крепость, куда не велено было

пускать иностранцев) на пир к Федору Емельянову». Собакин отвечал: «Ну так что ж? Пускаю, не запираюсь; а для того велел я немцев пустить к Емельянову, что он болен, из двора не выходит, а у него у немцев заторговано на государя золотых много». Начался спор сильный, и воевода, кликнув подьячего, велел ему переписывать имена псковичей, тут бывших; те бросились бежать из кельи вон, и на дворе, где стояла толпа народу, начался шум; бывшие у архиепископа кричали народу: «Вы нас привели на такой шум бить челом, а воевода станет на нас писать государю, что шумом приходили, и нам за то будет опала!» Пошумев, разошлись и условились собраться на другой день потолковать.

28 февраля собрались на площади у всегородной избы много всяких чинов людей; начали кричать, что не надо давать хлеба возить из Кремля; но посадские лучшие люди и старого приказа стрельцы стали говорить с большою силою, что самовольством ничего не надобно делать, нельзя государеву указу противиться, а если в хлебе скудость, то надобно бить челом государю. Толпа начала стихать, и лучшие люди стали расходиться по домам, как вдруг прибежали стрельцы от Петровских ворот и закричали: «Едет немец, везет казну из Москвы!» Толпа кинулась к указанному месту. Нумменс с приставом Тимашевым действительно ехал в это время по загородью, Великою рекою к немецкому гостиному двору, на Завеличье; но когда поровнялся с Власьевскими воротами, то из них вышла толпа народу и бросилась на него: одни хотели тут же убить Нумменса ослопами, другие тащили к проруби, третьи спрашивали: как ему казна на Москве дана? Нумменс рассказывал все дело, как было, и стал просить, чтобы дали ему повидаться с гостем Федором Емельяновым. Это роковое имя человека ненавистного, друга немцев, подлило масла в огонь; раздались крики: «Пытать немца! Пытать Федора!» Взяли казну, отвезли ее к съезжей избе, откуда отправили на подворье Снетогорского монастыря и заперли ее там, запечатавши; Нумменса отвезли ко всегородной избе, осматривали его там всем миром, забрали все бумаги и потом отвели на Снетогорское подворье, где приставили к нему сторожей: пять человек попов, пять человек посадских людей да двадцать человек стрельцов. Пошли к Емельянову; тот скрылся, но жена отдала государеву грамоту, присланную к мужу ее; грамоту стали читать во весь мир; она оканчивалась словами: «А сего бы нашего указа никто у вас не ведал».

Эти слова возбудили еще большее волнение; стали кричать: «Грамота тайная к Федору прислана, а государю про то неведомо!» Слыша шум, набат, беготню по улицам с оружием, воевода Собакин прискакал на площадь и стал говорить псковичам, что им до государевой казны дела нет. Ему отвечали: «Воля государская: если казна послана из Москвы с государева ведома, то можно было с нею ехать и городом, а не по загородью». Собакин поехал к архиепископу, и спустя час явился на площадь Макарий с священниками, с иконою св. Троицы и стал уговаривать народ; но у мирских людей была одна речь: «Воля государева, а хлеба нам из Кремля немцу до государева указа не отдавать». 1 марта гилевщики собрались на площадь, выбрали между собою начальных людей: площадного подьячего Томилку Васильева Слепого, стрельцов Прошку Козу, Сорокоума Копыто. Начальники эти стали распоряжаться: велели привести Нумменса, поставили на площади два огромных чана и стали на них с Нумменсом, чтоб всему народу было видно. Несчастливого шведа снова допрашивали, а, чтоб язык у него был развязнее, подле него стояли палачи с кнутьями; читали во весь мир бумаги, взятые у Нумменса; потом все эти бумаги перед всем миром положили в коробки, запечатали и поставили на Снетогорском подворье, а ненужные письма отдали Нумменсу. После третьего марта волнение начало утихать: положили отправить челобитчиков к государю в Москву.

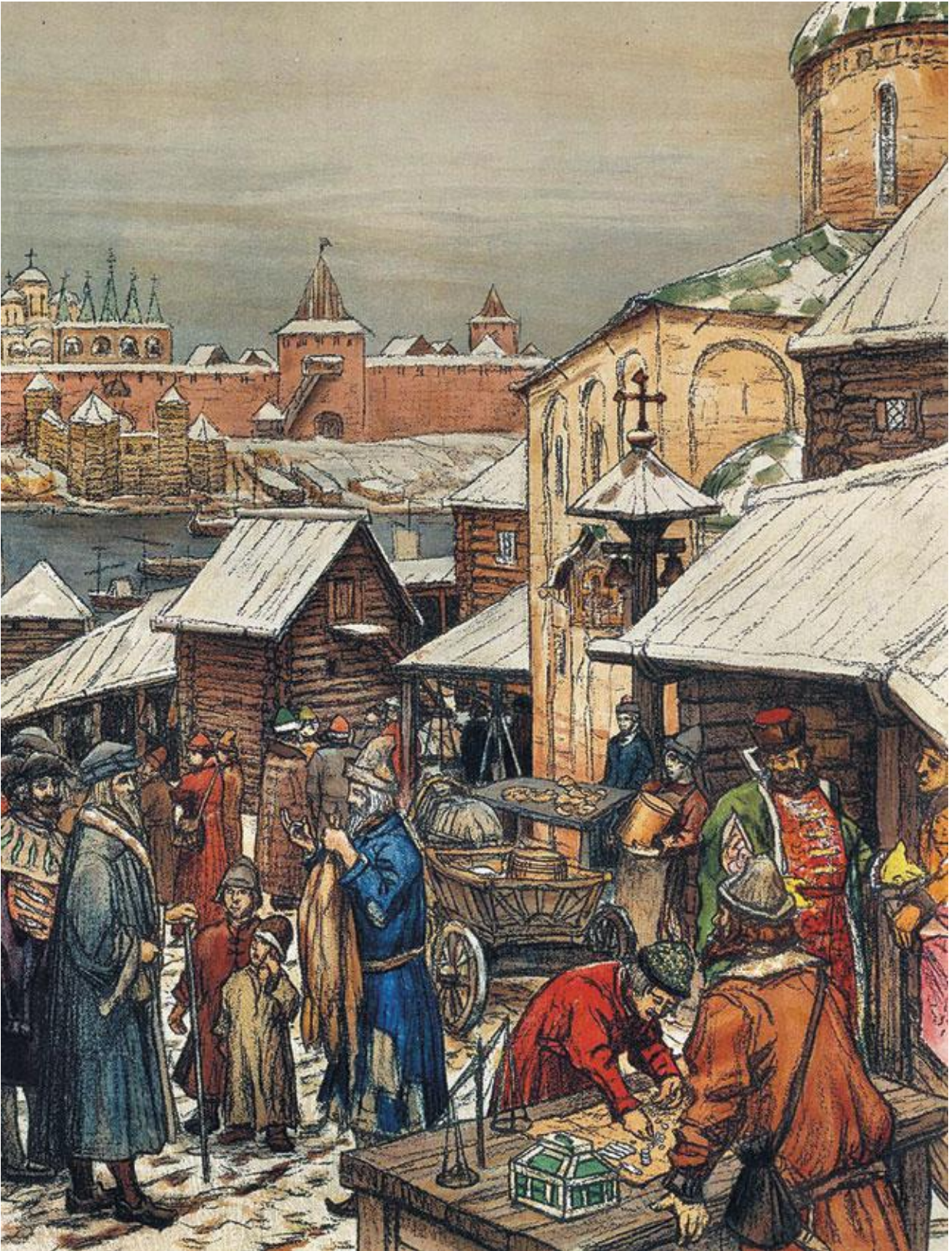
Но между тем при беспрестанных сношениях псковичи торговые и всякие люди приезжали в Новгород, и от них были в разговорах многие смутные речи. В Новгороде началась молва, особенно с тех пор, как прислан был государев указ, велено хлеба покупать на государя, и стали по торжкам биричи кликать, чтобы русские люди покупали хлеба только про себя, непомногу, четвериками. Приехал из-за границы новгородец Никита Тетерин и начал рассказывать, что немцы собираются, ждут казны из Москвы, и как только казна придет, то им всем идти на Новгород; начались толки: «Государь этого не знает, отпускают казну бояре». Дней через пять после этого, вечером 15 марта, приехал в Новгород датский посланник Граб, и все начали говорить: «Вот и немцы с казною приехали!» Посадский человек Трофим Волк разговорился с русским толмачом, ехавшим при посланнике, Нечаем Дрябиным, и тот сказал ему, что идет из Москвы к немцам большая казна; Волк не смолчал об этой новости, а другой

посадский, Елисей Лисица, явился к земской избе на площадь и стал кричать на весь мир, что гость Семен Стоянов провозит за рубеж хлеб и мясо, а немцы везут из Москвы большую денежную казну. На крик Лисицы собрались толпы народа и решили разделаться с немцами; земский староста Андрей Гаврилов, вместо того, чтоб унимать их, сделался предводителем мятежа. Датский посланник, только что выехавший из Новгорода, был остановлен, избит; Волк отличился пред всеми: бил Граба по щекам, проломил ему нос, сидел над ним с ножом и, наконец, обобрал его. Пожитки посланника, в которых видели казну государеву, не тронули, свезли их на Пушечный двор, но разграбили дворы своих богатых людей, братьев Стояновых, Василья Никифорова, Василья Проезжалова, Михайлы Вязьмы, Никиты Тетерина, Андрея Земского; взяли в земскую избу с Любского двора приезжих торговых немцев; в Каменном городе караульщики от ворот и от набата были отбиты, сполошный колокол заливался. Митрополит Никон и воевода окольный князь Федор Андреевич Хилков выслали голов стрельцких и детей боярских унимать мятежников, но эти посланные, ничтожные числом, не могли ничего сделать; один из них, стрельцкий сотник Марк Басенков, чуть не был сброшен с башни.

Мятеж этим не кончился; на другой день, 16 марта, загудел опять сполошный колокол, раздались крики: «Государь об нас не радеет, деньгами подмогает и хлебом кормит немецкие земли». Но у мятежников не было предводителя; староста Андрей Гаврилов скрылся, испугавшись последствий затеянного дела; стали искать, кого бы взять в начальные люди, и нашли: за приставом сидел митрополичий приказный Иван Жеглов и двое детей боярских, Макар и Федор Негодяевы; Никон извещал об них государю, что они люди недобрые, хвалятся, что знают все, знают, что у царя и у короля в палатах делается, вынуты были у них воровские книги и тетради и отосланы в Москву. 16 марта толпа с шумом пришла в Софийский собор, где был митрополит и воевода, и отсюда отправилась освободить Жеглова с товарищами; в земской избе составилось новое правительство: подле Жеглова засели здесь: посадский Елисей Лисица, Игнатий Молодожник, Никифор Хамов, Степан Трегуб, Панкратий Шмара, Иван Оловяничник, стрельцкий пятидесятник Кирша Дьяволов, подьячий Гришка Аханатков.

У воеводы не было материальных средств противиться этим новым правителям; митрополит решился действовать против них духовным оружием. 17 марта, в день Алексия, человека Божия, в именины государевы, к св. Софии собралось множество народа; здесь на заутрени и на обедни Никон поименно проклинал новых правителей. Начался ропот: «Государь жалуется на свой ангел, из тюрем виноватых людей отпускает, а митрополит в такой праздник проклиняет; но проклиняет он не одного Молодожника и Лисицу, а всех новгородцев, у них у всех одна дума». Так поднимали злобу на Никона, старались ожесточить против него всех, но не было предложения идти *гилем* на Софийский двор; 19 числа предложение нашлось. Прибежал с Софийской стороны на Торговую съезжей избы пристав Гаврила Нестеров, прозвищем Колча, сын площадного подьячего, и говорил: «Митрополит Никон и окольный князь Федор изменники». Митрополит и воевода, узнавши об этом, велели схватить Колчу, которого привели в Софийский дом, били батогами и посадили в тюрьму. Вдруг прибегают в земскую избу отец его и жена с криком: «Миряне, вступитесь! Митрополит и окольный сына моего пытаются, бьют и огнем жгут». Толпа взволновалась и двинулась на Софийский двор. Испуганный Хилков скрылся у митрополита, который велел запереть двор: толпа, подойдя к дверям, кричала: «Выпустите из тюрьмы Гаврилу Нестерова». Митрополит и воевода отвечали: «Мы за него не стоим, что хотите с ним, то делайте». Народ освободил Нестерова, но тот снял с себя рубашку и стал показывать спину; тогда толпа опять двинулась к митрополиту и разломала двери. В крестовой найден был князь Хилков, и мятежники стали говорить ему: «Зачем ты от нас бегаешь? Нам до тебя дела нет, а если до тебя дело будет, то ты никуда от нас не уйдешь».

А. Васнецов. Новгородский торг. 1909 г. Фрагмент

Так рассказывал дело софийский служка Иван Кузьмин. По другим показаниям, Нестеров был взят к митрополиту по делу, подлежавшему суду церковному, именно за то, что худо жил с женою. Князь Хилков доносил в Москву таким образом: «Пристав Гаврилка и отец его за многие воровства биты кнутом и батогами; 19 марта пришел к митрополиту Гаврилка с лестью, будто прощенья просит; митрополит велел подержать его у себя в приказе для подлинного сыску, и того же числа в четвертом часу дня воры пришли гилем на Софийский двор, говорили многие непригожие слова и Гаврилку из приказа взяли». Но вот как рассказывает все дело сам Никон в письме к царю и ко всему царскому семейству: «18 марта был я в соборной церкви у заутрени, и после полуношницы, по своему обычаю, ексапсалмы сам говорил, а после тайно, про себя говорил канон Иисусу сладкому на первой кафизме; и после первой статьи на другой кафизме, творя молитву Иисусову, стал я смотреть на Спасов образ местный, что стоит перед нашим местом, списан с того образа, который взят в Москву царем Иваном Васильевичем, поставлен в Москве в соборной церкви и называется Златая риза, от него же и чудо было Мануилу, греческому царю. И вот внезапно я увидел венец царский золотой на воздухе над Спасовою главою; и мало-помалу венец этот стал приближаться ко мне; я от великого страха точно обеспамятал, глазами на венец смотрю и свечу перед Спасовым образом, как горит, вижу, а венец пришел и стал на моей голове грешной, я обеими руками его на своей голове осязал, и вдруг венец стал невидим. С этого времени я начал ожидать иног себе посещения. Марта 19-го пришел на Софийский двор Гаврил Нестеров, будто в своей вине покаяние прося, и я велел его поберечь, пока пойду к обедне, и хотел его разрешить и молитвы разрешительные проговорить. Но Жеглов, узнавши об этом, велел бить в набат на Торговой стороне, и ко мне на сени начали ломиться. Я вышел и стал их уговаривать, но они меня ухватили со всяким бесчинием, ослопом в грудь ударили и грудь расшибли, по бокам били кулаками и камнями, держа их в руках, били и софийского казначея, старца Никандра, и детей боярских, которые были за мною, и повели было меня в земскую избу: как довели до церкви, я хотел было в церковь войти, но они меня тут не пустили, а все вели в земскую избу: но как довели до золотых дверей, то я, от их бою изнемогши, отпросился посидеть у Золотых дверей пред церковью на

лавке и им начал говорить, чтоб меня отпустили с крестами к Знамению Пресвятыя Богородицы, потому что готовился я литургию служить, и они едва на то приклонились. Я велел благовестить и, собравшись с соборными и другими немногими священниками, едва добрел с великою нуждою до Знамения, и там часы, стоя и сидя, слушал и св. литургию с великою нуждою и спехом служил, и назад больной, в сани взволясь, приволокся и ныне лежу в конце живота, кашляю кровью, и живот весь запух. Чая себе скорой смерти, маслом я соборовался, а если не будет легче, пожалуйте меня, богомольца своего, простите и велите мне посхимиться».

Нападение на Никона было последнею вспышкою мятежа; начали простывать, опаматываться и думать о следствиях своего дела: легко сладили с безоружным воеводою и митрополитом, но теперь предстояло разделяться с многочисленными ратями великого государя. Начали толковать, как бы послать в пятины по дворян и детей боярских и привести их ко кресту; между собою собирались все крест целовать на том: если государь придет в Новгород обыскивать и казнить смертию, то всем стоять заодно и на казнь никого не выдать, казнить так казнить всех, а жаловать всех же. Думали и во Псков послать лучших людей, чтобы обоим городам стоять заодно. По всем улицам поставили сторожей от гилевщиков, чтоб ничьих дворов больше не грабили; жалели, что и в первый день позволили грабить дворы, а грабили их ярыжки и кабацкие голыши и стрельцы, которые голые же люди. Лучшие люди говорили друг другу со слезами на глазах: «Навести нам на себя за нынешнюю смуту такую же беду, какая была при царе Иване». Сам Жеглов чуял беду, но делать было нечего: сила была у вооруженной толпы стрельцов, посадские люди не могли против них ничего пред принять.

20 марта, в среду вечером, Жеглов призвал к себе в земскую избу дворян и детей боярских и велел им руки прикладывать к записи, что им с мирскими людьми стоять заодно, стоять за то, чтоб государевой денежной казны и хлеба за рубеж не пропустить. Дворяне и дети боярские отвечали, что приложат руки к челобитной, чтоб государь денег и хлеба за рубеж отпускать не велел, а не к одиночной записи, и, сказавши это, пошли в Каменный город. Тут поднялся шум между стрельцами, козаками и худыми посадскими людьми; толпа побежала в Каменный город, крича: «Перейдем дворян, прибежим прежде их в

Каменный город, запрем решетку на мосту, дворян в город не пустим, выбьем их за город!» Но когда воры прибежали в рыбный ряд близ моста, то встретились им другие стрельцы и земские люди и поворотили их назад, говоря: «Надобно и ту беду утушить, которую завели, а не вновь воровство заводить». Чтоб утушить беду, выбрали трех человек посадских, двоих стрельцов, одного козака и отправили их в Москву к государю, с дарами и с челобитной, в которой писали: «Бьют челом холопы твои государевы, дворяне и дети боярские и новгородские пятиконецкие старосты и все посадские люди и стрелецкие пятидесятские и все рядовые и все козаки и всякие служивые люди, и твои государевы богомольцы протопопы и попы и Дьяконы и всяких чинов жилецкие люди: в нынешнем, 158 году марта 15 за два часа до света приехали с Москвы немцы и стали на Никитиной улице, и того же дня в другом часу ночи те же немцы поехали из Новгорода вон, и на улицких караулах посадские люди их спрашивали: что-де вы идете ночью без государева пристава и без московского толмача? И они, немцы, учинились улицким караульщикам сильны, поехали из Новгорода, но у Чудова креста всяких чинов люди тех немцев начали ворочать и им говорить: что вы идете ночью, а не днем, ночью ездят воровские люди, пристава и толмача у вас нет? И те немцы начали нас колоть шпагами, и в том с ними учинилась драка. Их воротили к земской избе и расспрашивали, и в расспросе они сказались: я посланник датского короля Иверт Граб, а со мною посланных людей шесть человек, да с ним же ехали шведской земли подданные, а были в Москве для хлебной покупки. И вот посланник Иверт Граб тебе, государю, в вине своей добил челом, что поехал из Новгорода ночью без пристава и без толмача и шпагами нас колол, и в том во всем дал на себя запись, что ему тебе на нас не бить челом и в своей земле датскому королю, а шведы в Новгороде ожидают твоей государевой денежной и хлебной казны. А слух нам есть: как твою государеву казну, денежную и хлебную, шведские немцы возьмут и твои государевы недруги шведские немцы твоею казною хотят нанять иных орд немецких людей и идти с ними под Великий Новгород и Псков: и мы ради за тебя, государя, и за православную веру головы свои положить. Милосердный государь! Пожалуй нас, не вели из своего Московского государства своей денежной и хлебной казны и съестных запасов за рубеж шведским людям давать и пропускать, и не вели митрополичьим и

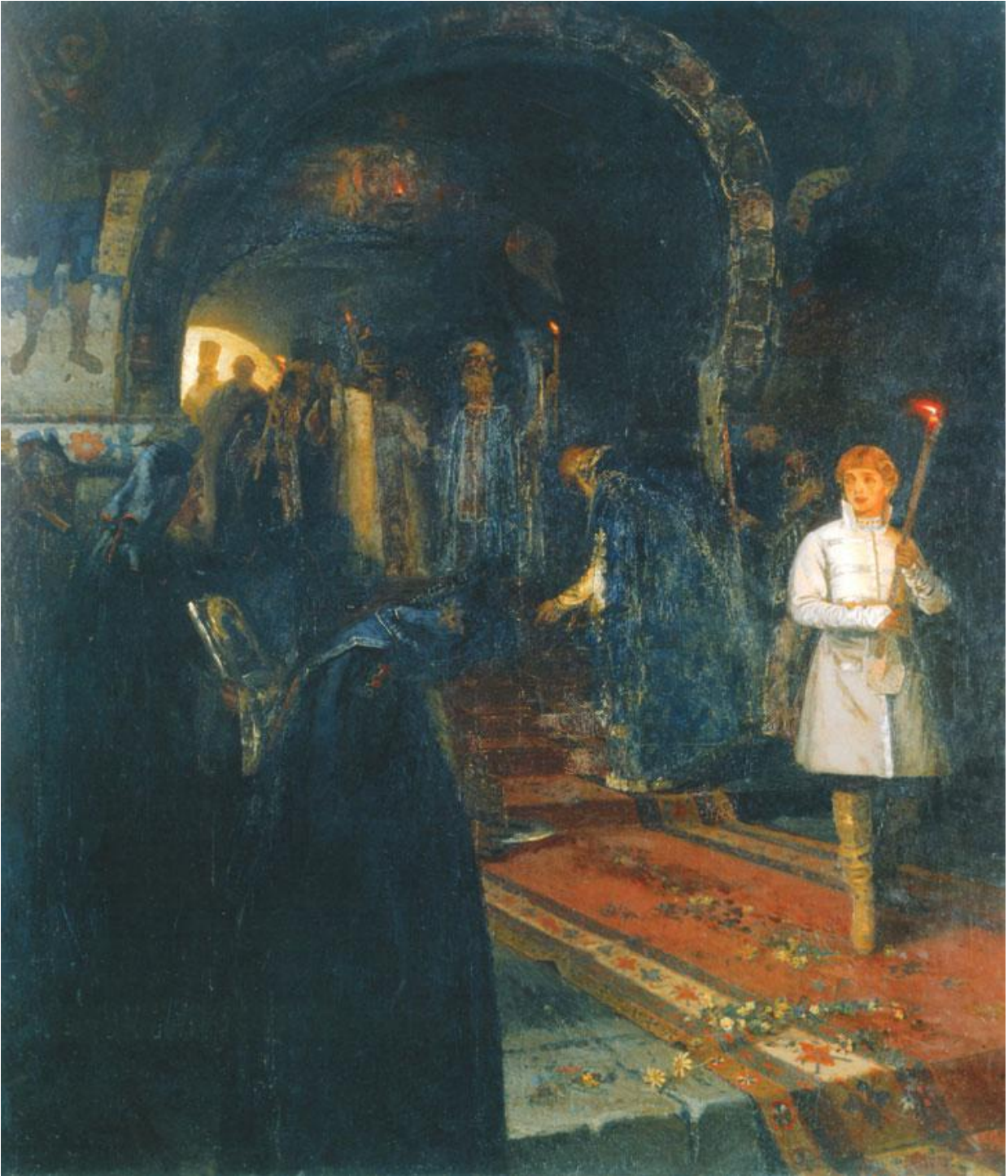
окольничего князя Хилкова ложным отпискам верить, пишут они тебе на нас с сердцов, что мы тебе на них бьем челом».

Челобитная на Хилкова состояла в том, что он царского указа не слушает, отпускает в Швецию торговых людей с хлебом и мясом по ночам для своей бездельной корысти, и на заставы писал, чтобы товаров не осматривать в возах, а которые головы и стрельцы осматривают, тех бьет кнутом и батогами нещадно. Он же в Новгороде у всяких чинов людей в избах печи печатал и в холодные дни топить изб не давал, отчего малые дети перезябли и померли. Он же наговорил митрополита Никона, чтоб тот в день государева ангела новгородцев проклинал без государева указа и без патриаршего: священников всех митрополит запрещает, не велит им к мирским делам и к челобитным прикладывать руки вместо неграмотных людей, и от этого митрополичьего проклятия в Новгороде во всяких людях учинилось великое смятение. Митрополит с окольничим мучили подьячего Нестерка ослопами и поленьем. Новгородцы били челом митрополиту о невинном, и Никон отдал им его, убитого за мертво. За такое неистовство и проклятие сила Божия Никона митрополита обличила: когда в церкви Знамения стал он говорить: «Свет Христов просвещает всех», – ударило его и всего раздробило. Он же, Никон, на память государевых отца и матери всяких чинов людей и чернецов на своем дворе бил на правеже насмерть. Когда пришла весть о рождении царевны Евдокии Алексеевны, то митрополит на такой радости никого из тюрьмы не освободил; он же хотел соборную церковь Софийскую рушить, а та церковь построена по ангельскому благовестию, и мы ему об этом били челом и церкви рушить не дали, а он, сердясь за это, пишет всякие отписки на нас государю. Он же, митрополит, держал за приставом в цепи и в железах бывшего своего приказного Ивана Жеглова многое время, и несколько дней, возя на дровнях, на правеже его бил и мучил ослопьем насмерть, и вымучил на нем денег триста рублей, и многие он, митрополит, неистовства и смуту чинит в миру великую, и от той его смуты ставится в миру смятение. Да по договору государевых послов с думными людьми шведской королевы везут из Московского государства в Шведскую землю государеву денежную казну по двадцати и по сороку тысяч разными дорогами. В нынешнем 1650 году, в Великий мясоед, приехал в Новгород московский торговый человек Моисей Облезов и в Новгороде и в Новгородском уезде закупал

хлеб, рожь, а везти тот хлеб в шведские города, а нам никому хлеба купить не дал, и мы все оттого обедняли и оголодали, а шведы мирный договор во всем нарушили, православную христианскую веру у русских зарубежных людей отняли, церкви Божии осквернили, попов на Руси ставить не дают, а крестьянских детей крестят своими немецкими попами в своих кирках. Окольный князь Хилков послал теперь на рубежные заставы стрельцов и козаков триста человек, а для оберегания пороху и свинцу им ничего не дал: из этого ясно, что окольный шведским людям норовит, а государевых людей губит напрасно. По совету с окольным гость Семен Стоянов ездит в Шведскую землю много лет, возит рожь и мясо и всякие съестные запасы, немецких людей кормят и с ними советуют, а нас всех православных христиан голодом морят и вконец губят. Он же, Семен Стоянов, с шведскими людьми и иных орд, которые приезжают в Новгород, ест и пьет и ночи с ними у себя просиживает.

Но весть о новгородских событиях пришла в Москву прежде этих челобитчиков. Государь немедленно велел написать грамоту, в которой приказывал новгородцам, чтоб они, помня крестное целование, перехватили заводчиков смуты и выдали их начальству. С грамотой отправился дворянин Соловцев. Когда он приехал в Новгород, то сошлись все в земской избе; приехал воевода князь Хилков, но ему и места не дали. Соловцев сказал новгородцам государево жалованное слово; начали читать грамоту: слыша, что в грамоте написано то же самое, что говорил посланный, стали кричать Соловцеву: «Ты почему ведаешь, что в государевой грамоте написано? Грамота воровская! У нас воров нет, все добрые люди, а стоять всем заодно, за государя; грамоты воровские, а не государевы, вольно вам ночью написать хоть сто столбцов». Хилков сказал: «Когда вы государевым грамотам не верите, то чему уже больше верить?» И пошел в соборную церковь.

М. Нестеров. До государя челобитчики. 1886 г.

Никон велел позвать туда же старост и всяких людей и говорил им, чтоб исполнили государеву волю, но они и ему отвечали то же: «У нас никаких воров нет, государю не виноваты и вины нам государю приносить не в чем». Пошли толки: «Грамота воровская; Соловцев не

дворянин, а человек боярина Морозова; надобно его задержать до тех пор, как наши челобитчики с Москвы поедут поздорову». Действительно, Соловцев был задержан; лучшие люди в отчаянии говорили: «Мочи нашей нет!» В земской избе написали запись, чтоб против государева указа стоять заодно; начали силою, побоями приневоливать к рукоприкладству. Несмотря на то, Никон и Хилков успели удержать священников и многих светских людей от рукоприкладства, иные священники и добрые люди сбежали из города, другие лучше согласились сидеть в тюрьмах, нежели подписывать записи. Опять поднялись обличения на Хилкова: «Это изменник, хочет Новгород сдать немцам по приказу Морозова; взял посул у шведского посланника, четвертную бочку золотых, из пороховой казны зелье все выдал немцам, надобно у него новгородскую печать и казенные ключи взять, земскую казну осмотреть и по Каменному городу пушки расставить на случай прихода шведов». 27 марта собралась толпа, поехали на Московскую дорогу, привезли 30 бочек золы и объявили, что привезли селитру, которую Морозов отпустил к немцам; но когда откупорили бочки, то нашли одну золу. 29 марта Никон стал уговаривать исполнить государеву волю, и опять напрасно; 3 апреля начал уговаривать, чтоб отпустили, по крайней мере, Соловцева, и на этот раз новгородцы послушались. Приехав в Москву, Соловцев рассказал свои разговоры с Жегловым. «Зачем ты делаешь такое дурно?» – спрашивал он Жеглова; тот отвечал: «Это дело не я затеял, я сижу тут неволею; взяли меня из цепей миром; а если бы меня земские люди не взяли, то было бы еще хуже, потому что я унял смертное убийство и грабеж и датского посланника не дал до смерти убить».

Между тем приближался к Новгороду боярин князь Иван Никитич Хованский с небольшим отрядом ратных людей. Жеглов отправил к нему письмо, в котором извещал, что выехал было к нему навстречу, но не мог переехать Волховец за льдом. «Ожидают тебя в Великом Новгороде, – писал Жеглов, – а встречать тебя хотят за городом с хлебом и солью; милости у тебя, государя, прошу, не в укор тебе, государю моему, бью челом и пишу: облегчись в Великий Новгород скорым обычаем не со многими людьми и милостиво учини, а мирские люди государской милости и тебя ожидают вскоре; вперед, государь, жалуй, посылай в Новгород новгородцев, а не иногородних людей, потому что иногородние люди не ведают ничего, говорят многие

прибавочные речи, а новгородского извучая не знают; новгородский Никон митрополит и окольничий князь Хилков в мир пускают словесную речь большую с устрашением, будто бы, государь, в Великий Новгород идешь по их отпискам православных христиан вешать и пластать без сыску и без очных ставок, и теми речами в миру чинят великое сумнение и смуту». Жеглов только еще писал письма Хованскому, но товарищ его Федор Негодяев поступил решительнее: он перебежал к Хованскому, который переслал его в Москву. Отсюда 15 апреля послан был царский указ Хованскому в Новгород не ходить, стоять у Спаса на Хутыне, собирать ратных людей, около города поставить заставы, никого не пропускать и к новгородцам посылать уговаривать покориться. Воевода исполнил приказание и получил ответ от новгородских стрельцов, что когда в земской избе прочли его грамоту, то посадский человек, сапожник Елисейка Григорьев, прозвищем Лисица, начал говорить всему народу: «Мы боярина князя Хованского в город не пустим, а если какая немера будет, то мы, взявши знамена и барабаны, пойдем все во Псков». Он же, Елисейка, говорил: «Если Хованский придет с небольшими людьми, то мы его пустим, если же с большими, то не пустим». Все новгородцы писали Хованскому то же, что и Жеглов.

17 апреля царь отвечал новгородцам на их челобитную: «Прислали вы к нам челобитные от имени дворян и детей боярских, но у челобитен этих дворян и детей боярских рук ничьих нет, то вы делаете воровством. Нам, великому государю, известно подлинно и без вашего воровского письма и оправданья, что в Новгороде датского посланника и других немцев били, митрополита бесчестили и били, окольничего нашего лаяли и бесчестили, городские ключи у него отняли и нашего государева повеленья ни в чем не слушаете. В ваших челобитных написано, чтоб нашей денежной казны и хлеба в Шведскую землю не пропускать: и мы, великий государь, с Божьею помощью, ведаем, как нам государство наше оберегать и править. По вечному dokonчанию с шведским королем надобно было отдать всех перебежчиков, а довелось тех перебежчиков, православных христиан, в шведскую сторону отдать в лютерскую веру с 50 000 душ, и мы велели за них дать деньги 190 000 рублей, и в то договорное число отпущено было с Логином Нумменсом только 20 000... Хотя бы вам в хлебе и прямое оскудение было, так вам бы надобно было бить челом нам, великому государю, и мы бы

приказали привезти к вам хлеба. Пишете, чтоб хлеба и других съестных запасов продавать за рубеж не велеть, но тому статья нельзя, потому что между государствами ссылке и всякой торговле как не быть? Если с нашей стороны в каких-нибудь товарах заказ учинить, то шведы и сами никаких товаров в нашу сторону не повезут, и в том нашему государству будет оскудение. Жалуется на митрополита, что проклинал: и то он учинил дело; да если б он что иное учинил и не по делу, то об этом наше государское рассмотрение вперед будет. А чтоб шведским немцам идти под Новгород и Псков, и то нестаточное дело, потому что между нами и королевою вечное dokonчание. А что пишете о перемене окольничего князя Хилкова, то мы его переменить велели и указали быть в Великом Новгороде боярину нашему князю Юрию Петровичу Буйносову-Ростовскому. А челобитчикам вашим Сидору Исакову с товарищами (хотя бы за ваши злые вины учинить того и не довелось) велели видеть наши царские очи и велели их отпустить без всякого оскорбленья; а стрельцу Кирилку да посадскому человеку Иевку Красильникову велено побыть на Москве до подлинного сыска, потому что они с ворами были вместе и на Москве с товарищами своими в речах порознились, говорили ложные речи. И вы бы вины свои принесли и заводчиков всех отдали боярину нашему князю Хованскому. А что вы прислали дары, и тех даров принять не довелось, потому что вы в своих челобитных вины своей нам не принесли и воров не прислали». В тот же день отправлена другая грамота с угрозою, что если новгородцы князя Хованского не примут и не будут слушаться и к сыску воров и заводчиков не отдадут, то государь пошлет с Москвы бояр и воевод с многими ратными людьми и велит учинить над новгородцами большое разоренье.

Между тем Федька Негодяев, живя в Москве, успел заискать расположение бояр и царя, видел царские очи, был у руки, получил прощенье и объявил, что Никон и прежде был виновником смуты: митрополит хотел в соборной церкви переделывать, и вот в Петров пост 1649 года мирские люди многие приходили к нему с шумом и говорили: «Прежде многие власти были, а старины не портили; мы тебе старого ничего в соборной церкви переделывать не дадим!» От митрополита пошла толпа к св. Софии, подвези из церкви выбросили, мастеров, которые подвязывали подвези и сбирались столпы ломать, хотели бить, но те спрятались.

Негодяева отправили из Москвы в Новгород уговаривать горожан к повиновению, уговаривать и Жеглова, чтоб отстал от воровства, и обещать прощение. Но вслед за этим, 20 апреля, получена грамота от Хованского, что новгородцы покорились. Как сильно было впечатление, произведенное в Москве рассказами Негодяева, видно из того, что на другой день по получении известия от Хованского о покорности новгородцев, 21 апреля, царь писал Никону: «Ты бы соборной церкви рушить и столпов ломать не велел». Никон сильно обиделся и отвечал длинною грамотою; описав все свое поведение во время мятежа, Никон продолжает: «Посадские добрые люди у меня пробыли во дворе, поил я их и кормил, и всякое худое дело у Ивашки да у Игнашки (Жеглова и Молодожникова) моего ради постоянного разорялось и в совершение не приходило, и только бы я о том не стоял, много бы хуже псковского было; беспрестанно я за тебя, государя, Бога молил и к тебе писал, нанимая худых людей всякими способами, посылал тайно. И за то. по наговору Ивашки Жеглова. опозорен и изувечен: да тот же Ивашка с товарищами били челом тебе ложно, будто я всех новгородцев проклинал; но я проклинал воров, а не добрых людей, и оттого сталась смута; но я проклинал на третий день после смуты. Да они же били челом, будто я хотел церковь соборную всю разрушить, и то явное их ложное челобитье: как мне без твоего государева указа разрушить? Да и софийской казны не будет столько, что разобрать, не только что вновь создать. А Федька Негодяев твою государеву милость обманом выманил, а он не только твоего государева жалованья не достоин, но и живота не достоин; он на меня тебе, государю, и боярам твоим налгал небылицу, для его ложных слов ты на меня кручинишься, и что я к тебе ни писал, ответа мне до сих пор нет никакого; мне о том очень сумнительно и впредь о твоих государевых делах писать к тебе и здесь говорить нельзя. А ныне в Великом Новгороде тихо, сильно плачутся о мимошедшем своем к тебе согрешении. Милостивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович! Уподобись милостивому и человеколюбивому Богу! Как будут тебе о своих винах бить челом, прости; а я, уговаривая их, в твоей милости ручался, а если б не так уговаривал, то все бы отчаялись за свое плутовство и на большее бы худо вдалились; ко мне всем городом приходили не по один день и прощения просили, что меня били и бесчестили и били на меня челом ложно». Царь отвечал: «То ты, богомолец наш, делал и исполнял

Господню заповедь, св. апостол и св. отец предание, ревнуя по истинной Христовой вере, ревнуя прежним святителям и хвалы достойному новому исповеднику, Ермогену патриарху. И мы, великий государь, тебя за твое раденье и крепкое стоянье и страданье милостиво похваляем; и тебе бы и вперед ко всесильному Богу обеты свои исполнять и добрым делам ревнителем быть, как начал, так бы и совершал».

С 24 апреля Хованский приступил к розыску. Прежде всего явился датский посланник с жалобой на Волка, которого пытали, и он повинился, что посланника бил и бесчестил; на него же все единогласно показывали, что мятеж, гиль и воровской завод чинил с Ивашкою Жегловым и Елисейкою Лисицею. Чтоб удовлетворить посланника и тем предотвратить разрыв царского вейчества с королевским, Волку отсекали голову на площади; палача, который пьяный приходил к посланнику и его опозорил, высекли кнутом. С 24 апреля по 7 мая сыскали заводчиков: старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Ивашку Жеглова, Игнашку Молодожникова, Никифорку Хамова, Степку Трегубова, Панкрашку Шмару, площадного подьячего Нестерка Микулина с сыном Гаврилкою, площадного подьячего Аханаткова; всех же объявилось в воровстве 212 человек.

Сначала Хованский хотел устроить тюрьму и посадить туда всех оговоренных; но 13 мая к Никону в соборную церковь пришли стрельцы с женами и детьми и били челом, чтоб государь их пожаловал, не велел оговоренных товарищей их стрельцов, которые у них на поруках, в тюрьму сажать, а дать бы им наказанье, кто чего достоин, да и отпустить. Никон послал за Хованским и сказал ему: «Прислана государева грамота, велено тебе со мною государево дело ведать: так моя мысль, что надобно исполнить просьбу стрелецкую потому: если всех оговоренных людей посадить в тюрьму, то они все будут ждать себе смертной казни; услышат о том псковичи и будут думать, что все виновные посажены в тюрьму на смерть; тогда государеву делу будет поруха». Хованский согласился, и большинство оговоренных отдано на поруки. Пришел приговор из Москвы: казнить смертью Жеглова, старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Молодожникова, Шмару; Хамова и Трегуба бить кнутом нещадно и сослать в Астрахань на вечное житье: других бить кнутом и сослать на Терек, иных в Карпово, иных в Коротояк; иных бить кнутом и отдать на

поруки; иных бить батогами и отдать на поруки. Исполнение приговора отложено, однако, до нового указа. Пришел новый указ: посадского человека Якушку да троих стрельцов велено бить кнутом нещадно, троих посадских бить батогами, 162 человека посадских, стрельцов и козаков бить кнутом и отдать на чистые поруки. Указ был исполнен, но между троими стрельцами, которых надобно было бить кнутом нещадно, находился Куземка Меркурьев; стали искать Меркурьева, а он в Москве, отправлен туда воеводою с отписками; 16 июня приехал Меркурьев из Москвы и вместо того, чтоб идти под кнут, подал жалованную царскую грамоту: велено ему быть в пятидесятниках и дано ему пять рублей за то, что с братом своим Фомкою в мятеж отняли у воров Никона и князя Хилкова, убить их не дали.

А. Васнецов. Всехсвятский каменный мост. Москва конца XVII века. 1901 г. Фрагмент

В Москве были недовольны медленностью Хованского; узнавши об этом, Никон писал государю: «Ведомо мне учинилось, что прислана твоя государева грамота к твоему боярину князю Ивану Никитичу

Хованскому, а в ней написано, что боярин твоим государевым делом промышляет мешкотно: но твой государев боярин твоим делом радеет и промышляет неоплошно, да и я ему говорил, чтоб тем делом промышлял не вскоре, с большим рассмотрением, чтоб твое дело всякое сыскалось впрямь; от этого дело и шло медленно, а не по боярскому нерадению; вскоре было такого великого дела сыскать нельзя, а здесь, государь, приходит дело в совершенье работою боярина князя Ивана Никитича Хованского, и работал он тебе тихим обычаем, не вдруг, чтоб не ожесточились; а что промедлилось и в том твоему государеву делу порухи нет: худые всяких чинов люди в сыску; а мешкалось дело и для Пскова».

Во Пскове гиль опять начал усиливаться с половины марта. Лучшие люди с ужасом увидали, что преступники, сидевшие в тюрьме, ходят одни на свободе: началось сильное воровство, душегубство. Из Москвы отправлен был в Новгород и в Псков новгородец Богдан Арцыбашев с приказом, чтоб вперед в этих городах хлеба на государя не закупали. Исполнив свое поручение в Новгороде, Арцыбашев приехал во Псков 17 марта. Его взяли и поставили пред земскою избою, откуда вышел староста пятиконецкий Меншиков и начал его допрашивать. Кто он? Откуда? Грамоты у Арцыбашева отняли и между прочими грамоту к архиепископу Макарию от новгородского воеводы Хилкова. Это послужило поводом к новому гиллю; ударили в колокола и окружили архиепископа в Рыбницких воротах, когда он возвращался от обедни из Надолбина монастыря. «Для чего списываешься с новгородским воеводою?» – стали кричать гилевщики Макарию: «По твоему письму он наших челобитчиков послал в Москву скованных, а одного челобитчика под приказ подкинул!» Архиепископ отвечал, что он писал Хилкову о здоровье, а не об них. Потом начали требовать, чтоб архиепископ выдал им своего сына боярского Турова, который вывел из города Федора Емельянова; Макарий отвечал, что Туров от него сбежал; тогда архиепископа схватили, начали водить по площади и посадили в богадельню на цепь, и сидел он на цепи с час; выпустили его только тогда, когда он обещался к 19 марта сыскать Турова. После этого гиль не прекращался: каждый день набат, круги и советы. 21 марта вывели опять на площадь шведа Нумменса, раздели и пытали полчаса. Арцыбашев сидел в тюрьме на цепи; его допрашивали: чей он холоп, Морозова или Хилкова?

На смену Собакину 25 марта приехал из Москвы другой воевода, окольный князь Василий Петрович Львов. Сдавши город новому воеводе, Собакин хотел уехать, но псковичи его не пустили: «Когда воротятся поздорову наши челобитчики из Москвы, тогда тебя и отпустим», – говорили они. Новый воевода недолго пожил в покое. 28 марта пришли к нему в съезжую избу всяких чинов люди и начали требовать порошу и свинцу. «Зачем вам порох и свинец?» – спросил Львов. – Разве что из-за рубежа слышно? Если что слышно, то мы пошлем проведать. С немцами войны нет». Стрелец Коза отвечал: «Из-за рубежа не слышать ничего, боимся московского рубежа; слышали мы, что идут к нам с Москвы во Псков многие служивые люди. С немцами войны нет, но нам те немцы, которые с Москвы будут по наши головы». Львов сказал на это: «Али вам с государем драться? Порошу и свинцу вам не дам, разве, задавив меня, снять вам печать и ключи казенные». Тут закричали миром: «С ружьем! С ружьем!» Загудели колокола, поднялся страшный шум, ругательства на Львова, крики: «Изменник! Изменник!» Окружили съезжую избу, примеривались из пищалей в окно; стрелец Ивашка Колчин махал топором, грозился срубить воеводу; Львов снял со стены Спасов образ и говорил: «Православные христиане, какого вы изменника во мне нашли государю? Вот вам Спасов образ, что я не изменник государю! Порох и свинец берите силою, а волею я вам не дам». Порох и свинец были взяты, после чего повели Львова во всегороднюю избу и вытребовали от него ключи городовые. Но этим дело не кончилось: пришли ко Львову и Собакину в дома их и кричали: «Если не пошлете с нашими челобитчиками в Москву детей своих, то мы у вас возьмем их и не в честь, а вас побьем; а если дети ваши челобитные где-нибудь по городам покажут и скажут, что у челобитчиков челобитные, а не у них, и если государь что-нибудь велит сделать над нашими челобитчиками, то мы вас самих побьем до смерти». Воеводские сыновья были взяты силою.

30 марта приехал из Москвы во Псков для розыска окольный князь Федор Федорович Волконский. Старосты провели его на пустой двор Федора Емельянова; но как скоро в мире узнали, что Волконский остановился у Емельянова, то поднялся крик: «Изменник! Стал на изменничьем дворе!» Волконский, по приезде, отправился, по обычаю, в Троицкий собор, но у Довмонтовой стены окружила его толпа с криком: «Вот изменник! Убейте его камнем!» Услыхав эти крики,

Волконский поспешил к собору и, вбежав в церковь, начал прикладываться к образам. Но толпа ворвалась за ним в церковь, взяли его за бороду и за волосы и повели из церкви вон; стрелец Сенька Жегара ударил его плитою, сын попа Заплевы хватил обушком. Избитого, привели Волконского на площадь, поставили на чан и спросили: «С чем ты во Псков приехал?» – «С чем прислан, то и стану делать», – отвечал Волконский. Взяли у него государеву грамоту и начали читать во весь мир; когда дочли до того места, где сказано было, что воров казнить, а иным наказанье чинить, и заводчики мятежа были названы поименно, то эти заводчики закричали: «Государь прислал казнить нас, а мы здесь скорее казним того, что прислан нас казнить!» – и кинулись на Волконского с топорами и пищалями, но выборные люди не дали его убить, воры успели только ранить его топорком в голову. Потом гилевщики послали за Собакиным, поставили его на чан и порывались убить, крича: «Ты писал к государю, что во Пскове хлеб дешев, так мы тебя из Пскова не отпустим, поживи с нами на дешевом хлебе!» Возвратились из Новгорода псковские козаки, посланные туда для вестей, и сказали, что Волконский на дороге жег какие-то письма, а в Новгороде Великом тоже учинили мятеж и гилеванье. Эти вести раздули еще сильнее мятеж, гилевщики пуще начали волноваться и кричать всем миром: «Не одни мы, и новгородцы то же сделали, теперь в этом деле два города!» Загудел набат, и Волконского в другой раз вывели на площадь для расспроса: какие письма он в дороге жег? Волконский отвечал, что он писал к государю о новгородских вестях, а черновую отписку на стану сжег, потому что ему не надобна, «а вам, псковичам, до того дела не пристало». Но твердыми словами нельзя уже было унять гиля, а силы не было у воеводы: из дворян никто к нему во Псков не приехал, а которые и были в городе, и те от гилеванья мирских людей разбежались. Стрельцы перестали слушаться голов своих, били всем приказом голову Бориса Бухвостова и кричали: «Государь нас не жалует, прибирает солдат!» У Волконского взяли племянника и отправили в Москву, говоря дяде: «Если не пошлешь, то мы тебя повесим на Ригине горе».

Между тем псковские челобитчики приехали в Москву. 12 мая государь приказал поставить их перед собою и расспросить. Помещик Григорий Воронцов-Вельяминов сказал: «Послан я от своей братьи, дворян и детей боярских, бить челом в своей страдничьей вине, что к

челобитной руки приложили поневоле, потому что мирские люди захватили нас врознь, в небольшом числе, а пущие воры заводчики: площадной подьячий Томилка Слепой, стрельцы: Прошка Коза, Ивашка Копытов, Никита Сорокоумов, Андриюшка Савостьянов с братом Васьюкою, Ивашка Колчин, Сенька Жегара; посадские люди: Добрынка Банщик, Прохорка Мясник, Пашка Шапошник; два попа: Евсевий да Иаков Заплева: во всегородней избе теперь у них сидят: староста Гаврилка Демидов да Михалка Мишницын; стрелецкие пятидесятники: Неволька Сидоров, Парамошка Лукьянов, Федька Снырка; козаки: Ивашка Сахарный, Ивашка Хворый; Троицкий протопоп Афанасий, прозвищем Друган, да ключарь Дионисий, только протопоп и ключарь сидят поневоле, да тут же сидит Георгиевский с болота поп Яков, и тот ко всяким их воровским заводам и умыслу пристаёт и думает с ними вместе; сидят многие посадские люди, только к воровству не пристають, сидят молча». В челобитной своей к государю псковичи писали: когда они просили воеводу не отдавать хлеба немцам до государева указа, то Собакин грозил им ссылкой и смертною казнию; Нумменс в расспросе грозил им войною: полковник Краферт, идучи с царскими послами, во Пскове все укрепления осматривал; воеводу и архиепископа они не бесчестили ничем; к Емельянову на двор немцы приезжают; прежде он за воровство был пытан, и у соляного пошлинного сбора с площадным подьячим Филькою Шемшаковым пошлины брал вдвое, втрое и впятеро и пенные деньги на всех людях брал большие, во всем у него дума с Семеном Стояновым, а норовят немцам; да он же, Емельянов, хвалит немецкую веру и обо всяких вестях пишет к немцам: чтоб государь велел Емельянова прислать во Псков на очную ставку. Шведы будут под Новгородом на Христов день, подо Псковом на Николин или Троицын день, почему они, псковичи, и ключи городские у воеводы взяли. Если шведская королева придет войною за денежную и хлебную казну и за перебежчиков, то они, псковичи, против шведов ради стоять. При прежних государях, при царе Иване Васильевиче, иноземцы никакие не служили. При царе Михайле ратным людям давали жалованье без убавки, а теперь у служивых людей жалованье наполовину отнято, а иным и вовсе не дают; а которым служивым людям дают жалованье по жалованным грамотам, то воеводы и дьяки дают не против жалованных грамот, и от этого жалованья со всех служивых людей, кроме пригородов, берут посулов в год рублей по 500

и больше; на указные сроки жалованья не выдают, а дают, нороя кабацким откупщикам, под праздники, чтоб жалованье ложилось у кабацких откупщиков. Москвичи природные служивые и всяких чинов люди безвинно из Москвы в Сибирь поразосланы, многие помучены и палицами побиты и в воде потоплены, а иные в Сибири между гор в пропастях поустроены. Ругу дают на церкви перед прежним в половину, и церкви без архиепископского и воеводского призренья валяются розно. Воевода Собакин брал в рядах из лавок всякие товары и ремесленных людей заставлял на себя всякие работы работать насильно, а денег не давал; сыновья его многих вдов, замужних женщин и девиц, перенимая по улицам и на реках по портомойням, с своими дворовыми людьми, насильством позорили. Писцы посадских людей написали перед крестьянами тяжело, положили на них тягло семь доль, а на крестьян осьмую долю. Шелонской пятины крестьянин Артемка сказал во Пскове, что в Новгороде в немецкой сказке (в допросных речах) написано: как будут немцы подо Псков, то из Москвы придет боярин Морозов и сдаст Псков немцам без бою. Псковичи просили, чтоб государь для подлинного сыску прислал во Псков Никиту Ивановича Романова, который государю радеет и о земле болит. Прося явно о присылке Романова, псковичи тайно отправили в Москву козака Михайлу Карпова; проселочными дорогами пробрался козак и подал боярину Никите челобитную; в ней псковичи просили, чтоб вперед во Пскове воеводы и дьяки судили с земскими старостами и с выборными людьми по правде, а не по мзде и посулам, просили также не позывать псковичей в Москву. Романов привел козака и с челобитной к царю.

Боярин XVI–XVII вв. Рисунок из книги А. Висковатого «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». 1841–1862 гг.

Царь велел всем челобитчикам видеть свои очи и отпустил их с ответною грамотою к псковичам на все статьи челобитной. Относительно жалоб на злоупотребления был один ответ: «Холопи наши и сироты нам, великим государям, никогда не указывали, и вам надобно было челом бить до нынешнего смятения, а самим не управляться». Насчет Краферта царь отвечал: «Краферт у нас в вечном холопстве и подал нам чертеж, как укреплять Псков». Об иноземцах: «Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и царевичи и король Магнус и многие иноземцы». О Романове: «Написали вы это по воровскому заводу: нам он, боярин, наш холоп, служит с своею братьею боярами вместе, а недоброхота между боярами никого нет. При предках наших никогда не бывало, чтоб мужики с боярами, окольными и воеводами у расправных дел были и вперед того не будет». Царская грамота оканчивалась угрозою, что если псковичи не покорятся, то пойдут на них боярин князь Алексей Никитич Трубецкой да князь Михайла Петрович Пронский со многими ратными людьми и с нарядом. В грамоте к архиепископу Макарию царь выставлял поведение Никона в Новгороде образцовым, писал, что его митрополичьим раденьем и князя Хованского службою новгородцы в познание пришли.

Тот же Хованский шел теперь на Псков, спрашивая встречавшихся ему помещиков, где удобнее остановиться под городом? Те указывали ему на Счетную гору. 28 мая он приблизился ко Пскову и был встречен стрельбою из большого наряда; в то же время многие пешие и конные люди вышли из города и стреляли из мелкого ружья; ответу им не было, потому что Хованский запретил своим биться с псковичами. Но псковичи не думали платить учтивостью за учтивость: они напали на обоз и успели подхватить шесть телег с именем Хованского; только телега с разрядными делами была у них отбита. Хованский стал на Счетной горе и писал к государю, что у него людей мало, осадить город и ворот отнять нечем, всего войска у него 2000, да в Любятинском монастыре оставлено им 700 человек, а между Любятинским монастырем и Счетною горою верст с десять. Запасов ничего нет;

уездные люди с псковичами заодно воруют, по дорогам стоят, людей хватают и во Псков отводят, а хлеб всякий по лесам похоронили. «А найдут на нас псковичи на Счетную гору с нарядом, и нам никак стоять нельзя, и больше пяти дней на Счетной горе стоять нельзя, потому что конских кормов нет».

Пришлось, однако, простоять больше пяти дней. Псковичи не думали сдаваться и говорили: «Хотя бы и большая сила ко Пскову пришла, так не сдадимся: города вскоре не разобьют и не возьмут, а нам в городе есть с чем сидеть, хлеба и запасов будет лет на десять». Написали в Гдов, и гдовцы с псковичами сложились заодно. Приехали челобитчики из Москвы и сказали миру ответ государев. «Вы говорите это по научению изменников!» – закричала толпа, и одного из челобитчиков, Федьку Коновалова, повели на пытку, зачем привез грамоту не от государя. В своем решении не сдаваться гилевщики поддерживались рассказами, привозимыми из-за границы: один рассказывал, что был по торговым делам в Нейгаузене, и там на городских воротах прибит лист, на листу написана королева, как живая сидит, с мечом, а внизу под нею, наклонясь, стоит праведный государь Алексей Михайлович. Другой рассказывал: встретился он на рубеже с литовцами, и те говорили, что царь Алексей Михайлович теперь в Польше, выехал из Москвы сам-шост тому недель с тридцать, сами они, литовцы, государя видели, король его жалует, и смотрят на него все, что на красное солнце; стояли бы псковичи против Хованского крепко, а государь будет с козаками донскими и запорожскими подо Псков на выручку скоро. Третий рассказывал, что государя действительно на Москве нет: подкатили под палату зелья, но государя спасла втайне жена Морозова. Хованский послал уговаривать псковичей дворян Савву Бестужева с одиннадцатью товарищами. Псковичи привели посланных во всегородную избу и расспрашивали порознь, ограбили, били и называли изменниками. «У вас немцы, – говорили они, – а нам, псковичам, если какая немера будет, то у нас будут поляки для выручки»; всех бояр и думных людей называли изменниками; про Хованского кричали: «Он Великий Новгород обманом взял, мы его в котле сварим да будем есть». Грамоту Хованского прочли на весь мир на чанах, а дворян заперли. После полудня зазвонили в колокол, собрался скоп, и начали думать – побить дворян Хованского или отпустить? Порешили на том, что Бестужева

убили, двоих отпустили назад к Хованскому, а девятерых посадили в тюрьму. Всем распорядился староста Гаврила Демидов. Заводчики написали было грамоту к литовскому королю, чтобы прислал им людей на помощь, но мир не согласился, и грамоту не отправили.

Хованский велел делать мост под Снетною горою через Великую реку, чтоб у псковичей и за Великою рекою засады и дороги заступить. Проведав про мост, псковичи начали приходить ежедневно и стрелять по таборам и таким образом не давали навести моста. 31 мая сделали они вылазку и сожгли острог, который был устроен за Великою рекою для укрепления Снетной горы; приступали и к острожку, который находился между Снетною горою и Любятинским монастырем, но были отбиты. Хованский доносил, что псковичи над убитыми его ратными людьми ругались, как и зверь не делает; воевода продолжал писать жалобные отписки: «Вылазки, государь, и бои ежедневные, а у дворян и детей боярских запасов мало: дети боярские мелкие, козаки, стрельцы и в постные дни едят мясо». 18 июня была новая сильная вылазка из Пскова и опять отбита: псковичей гнали до самых городских ворот и убили у них человек с 300.

Несмотря на то, псковичи не сдавались, и против них отправился не князь Трубецкой со многими ратными людьми: 4 июля поехали во Псков из Москвы Рафаил, епископ коломенский, Сильвестр, архимандрит андроньевский, Михаил, протопоп черниговский, и выборные люди из стольников, стряпчих, дворян, гостей и дворовых людей. Посланные должны были уговаривать псковичей, чтоб они впустили князя Хованского и выдали зачинщиков: Гаврилку Демидова, Мишку Мошницына, Дружинку Бородина, Прошку Козу да Ваську Копыто, за что получают прощение, в противном случае государь пойдет на них сам и велит их до конца разорить. К Хованскому был послан приказ: «Старосте Гавриле Демидову писать тайно, чтоб он обратился, вину свою принес и из города ушел к тебе в полки: за это к нему государская милость будет; также и к стрельцам писать тайно, чтоб они ворота отворили и тебя пустили!» Но Хованский продолжал присылать в Москву печальные вести: «Сумерской волости солдаты изменили, сложились с гдовцами заодно и у псковичей всем этим людям положен срок быть в Псков за неделю до Ильина дня, и если такая многая пехота придет, то чаем всякого худа от малолюдства. Изборяне изменили, сложились со псковичами».

26 июля указал государь быть собору о псковском воровском заводе; на соборе быть боярам, окольниковым и т. д., из городов дворянам и детям боярским, московским гостям, гостиные, суконные и черных сотен торговым людям и стрельцам, быть из гостиной и суконной сотен старостам по 5 человек, а из черных сотен по соцкому. На соборе советным людям рассказали все поведение псковичей и как они, выходя из города, разоряют дома дворян и детей боярских, жен и детей их побивают и над дворянами ругаются: груди вспарывают и, горла прорезав, языки вытаскивают; в уезде побили помещиков Авдея Бешенцова, жену его и детей, сожгли и убили Неклюдова, Ногина, псковского гостя Никулу Хозина; приходят и в Шелонскую пятину, бьют помещиков. После этого объявления предложен был вопрос: «Если псковичи Рафаила епископа и выборных людей не послушают, то с ними что делать?» Ответа советных людей не сохранилось, но к Рафаилу был послан указ не требовать выдачи заводчиков гиля, уговаривать псковичей вины свои принести и обещать им, если они покорятся и государю крест поцелуют, то князь Хованский немедленно отступит от Пскова в Новгород. Не требовать выдачи заводчиков мятежа советовал Никон. Еще в начале мая посылал он Софийского дома стряпчего Богдана Сназина уговаривать псковичей, чтоб вины свои государю принесли. Сназина у городских ворот схватили караульщики и привели во всегородную избу к выборным людям, посадскому человеку Гавриле Демидову и к дворянину Ивану Чиркину с товарищами; выборные взяли у Сназина грамоты, распечатали, прочли и велели бить в сполошный колокол: народ сошелся к избе, и ему начали читать митрополичьи грамоты. Выслушав, псковичи стали бранить митрополита невежливыми словами всячески: «Его мы отписок не слушаем; будет с него и того, что Новгород обманул, а мы не новгородцы, повинных нам к государю не посыловать, и вины над собою никакой не ведаем». Сназина сначала сковали, потом отпустили с ответом, чтоб митрополит к ним впредь не писал и никого не присылал, а кого пришлет, тому спуску не будет. Никон, убедившись, что заводчики мятежа слишком сильны во Пскове, и видя, что недостаток энергических мер со стороны Москвы только длит войну и разоренье, написал к государю:

«Мне, богомольцу твоему, ведомо учинилось, что у псковичей учинено укрепенье великое и крестное целованье было, что друг друга

не подать, а те четыре человека, которых велят им выдать, во Пскове владетельны и во всем их псковичи слушают; а если псковские воры за этих четырех человек станут, и для четырех человек твоя вотчина около Пскова и в Новгородском уезде, в Шелонской и Воцкой пятинах и в Луцком уезде и в Пустой Ржеве разорится: многие люди, дворяне и дети боярские, их жены и дети посечены и животы их пограблены, села и деревни пожжены, а иные всяких чинов люди подо Псковом и на дорогах побиты, а я с архимандритами, игумнами и с новгородскими посадскими людьми и крестьянами, подводы нанимая дорогою ценою под ратных людей и под запасы, вконец погибли, твоя отчина пустеет, посадские людишки и крестьянишки бредут врознь. Вели, государь, и тем четверем человекам, пущим вора, вместо смерти живот дать, чтоб Великому Новгороду и его уезду в конечном разорении не быть. А тем промыслом Пскова не взять; которые люди под Псковом, и тех придется потерять, а Новгороду от подвод и ратных людей будет запустенье. А я, уговаривая новгородцев, дал им свое слово, что тебе, государю, за их вину бить челом, и потому Новгороду и твоей казне убытка и людям порухи никакой не было; да и впредь бы мне о всяких твоих государевых делах говорить с новгородцами надежно и постоянно. А как приехал в Новгород боярин князь Иван Никитич Хованский и он новгородцам божился, что им никакой жесточи за их вину не учинит; а теперь псковичи, слыша, что воры сидят в Новгороде в тюрьмах, боясь того же, никакому увещанию не верят, на новгородских воров, тюремных сидельцев, указывают: «И нам то же будет!»

Ратник XVI–XVII вв. Рисунок из книги А. Висковатого «Историческое описание одежды и вооружен ия российских войск». 1841–1862 гг.

Но откуда проистекла эта нерешительность употребить сильные меры, нерешительность исполнить угрозу: выслать большое войско с Трубецким? Не будем отвечать на этот вопрос собственными догадками; укажем только на одно опасение, о котором прямо говорят источники: тотчас после собора призваны были черных сотен соцкие в Посольский приказ и говорено им, чтоб извещали государю про всяких людей, которые станут воровские речи говорить или в народе вместиать.

Между тем военные действия подо Псковом продолжались. 12 июля псковичи сделали сильную вылазку, хотели взять острог за Великою рекою; завязался бой большой, потому что Хованский пришел с Снетной горы на помощь острожку. Псковичи были отбиты и потеряли больше 300 человек, пушки и знамена. Заводчики мятежа сильно сердились на архиепископа Макария, что он не помогает их делу. Однажды пришла в соборную церковь вооруженная толпа, кричала на Макария, угрожала смертью, зачем он своим приказным людям и детям боярским не велел ходить на вылазки и на караулы; кричали: «В Троицком доме до людей, до лошадей, до хлеба и до денег тебе дела нет, то все надобно городу!» Июля 30 пришли к Макарию выборные люди докладывать об ердани для 1 августа; архиепископ воспользовался случаем и начал говорить, чтоб повинились государю, приискал статью в псковском летописце, где написано было с большими клятвами, чтоб от своего государя в городе не затворяться и рук против него не поднимать. Выборные, пришедши во всегородную избу, велели эти слова Макария записать, зазвонили в колокол и прочли их при всем народе; следствием было то, что архиепископа взяли из церкви во время службы, посадили в богадельню и положили на него большую цепь.

Но Макария выпустили из богадельни в половине месяца, потому что пришла весть о приближении Рафаила с выборными. 17 августа они имели во Псков торжественный вход: архиепископ Макарий с духовенством и с народом встретил их за полверсты от города; в Троицком соборе пели молебен, после молебна читали государеву грамоту; когда дочли до того места, где говорилось, что псковичи

хотели посылать грамоту к литовскому королю, то все начали кричать, что они такой грамоты не писали и не читали и в уме у них этого не было. На другой день псковичи объявили Рафаилу, что они вины свои приносят государю и готовы целовать крест, но если в крестоприводной записи будет написано о литовской грамоте, то они креста целовать не будут. Рафаил исключил это место, и 20 числа поутру поцеловали крест старосты и лучшие люди; но после обеда началось волнение, стали кричать: «В крестоприводной записи написано о немчине Нумменсе, о госте Емельянове, о том, что мы, псковичи, в уезде помещиков, жен и детей их били; но кто немчина бил и двор Емельянова грабил и в уездах помещиков побивал, тот бы и крест целовал, а мы не хотим». Накинулись на старост и выборных людей, хотели их убить, кричали им: «Для чего вы против этих статей крест целовали?» Этим воспользовались гилевщичи; поп Евсей, староста Демидов, Томилка Слепой кричали, что не надобно креста целовать, и говорили про государя речи, уму человеческому невместимые. На другой день, когда нужно было приводить к кресту остальных, в самой соборной церкви начался страшный шум, и многие пошли было из церкви вон, но Рафаил с товарищами убедил их возвратиться и присягнуть. «Как же, – говорил он, – вы прежде утверждали, что воров и заводчиков у вас нет, что все вы виноваты, а теперь запираетесь и складываете вину на немногих?» Шум унялся, все целовали крест, но поп Евсей со своими товарищами попами к повинной руки не приложил. В Москву были отправлены челобитчики с повинною к государю.

Рафаил именем царским объявил всепрощение, но стоило только утихнуть волнению, как лучшие люди взяли верх и начали управляться с заводчиками: сковали и посадили во всегородную избу старосту Гаврилу Демидова за то, что в мятеж из тюрьмы воров распустил и шишей в уезды рассылал дворян побивать, во Пскове всякий мятеж и гиль чинил и, напившись пьян, из пушек стрелять приказывал. Схватили егорьевского попа Фирса, который, собравшись с шишами, разорял уезды. Воевода Львов велел было губным старостам хватать воров, выпущенных Демидовым, – воры разбежались; воевода велел сыскать поручиков – поручиками оказались заводчики гилея, Коза и Копыто с товарищами, которые начали кричать, что сыскивать воров не будут, и воевода, опасаясь нового мятежа, оставил поручиков в покое. Но лучшие люди не хотели оставить гилевщичиков в покое; они били

челом на заводчиков мятежа: Прошку Козу, Иева Копыто, Никиту Сорокоума, Ивана Клобучкова, перехватили их и отдали князю Львову, который велел посадить их в тюрьму; к тюрьме стал собираться народ, начались толки: «Государь нас простил во всем, а князь Львов сажает в тюрьму и чинит наказанье, бьет кнутом: в том государь волен, а нам по-прежнему *бить в тарарыку*; если государь изволит сам быть во Пскове, то мы ему все повинны головами своими; а если пришлет бояр с людьми ратными и велит нас вывезть, то мы жен своих и детей побьем, а сами на зелье (порохе) помрем». Между тем подьячий Захар Осипов подал челобитную, в которой объявлял, что в мятежное время староста Гаврилка Демидов взял его, Захара, для письма в земскую избу, держал неволею и велел писать лист к литовскому королю о присылке на помощь 5000 ратных людей; Осипов объявил, что в думе об этой измене было всего четыре человека. Когда из Москвы возвратились челобитчики, отправленные к государю с повинною, то князь Львов созвал псковичей, объявил им государскую милость и говорил, чтоб они не стояли за гилевщиков, которые после крестного целования хотели опять завести воровской завод: Гаврила Демидов у соборной церкви бил стрельца за то, что тот обличал его воровство; Томилка Слепой приходил к стрельцу Игнашке Мухе и говорил, чтоб им завести мятеж. Лучшие люди отдали Демидова и Слепого. 21 ноября Демидов, Слепой, Коза, Копыто, Сорокоумов, Клобучков, Шапошников, Семяков были вывезены из Пскова в Новгород и там посажены в тюрьму в оковах. Когда их повезли, то многие псковичи собрались с женами и детьми и провожали их за город, причем слышались слова: «Во Пскове государь казнить их не велел, а велел сослать в Новгород, а если в Новгороде государь велит их казнить, то нам всем казненным и сосланным быть».

23 ноября земские старосты подали челобитную на Дружинку Бородина, что заводит прежнее воровство, гиль и мятеж. Бородина схватили, били кнутом по торгам нещадно и отдали за пристава для отсылки в Москву. В это время пришел царский указ выслать в Москву половину псковских стрельцов на службу и подводы для них взять во Пскове. Чтоб толковать о подводах, собрались в земскую избу старосты, посадские люди, монастырские служки и ямщики; Бородин захотел воспользоваться этим и прислал с женою в земскую избу возмутительное письмо, но обманулся в расчете: земские старосты принесли это письмо в съезжую избу к воеводе. Касательно

дальнейшей судьбы заводчиков известна грамота государева к шведской королеве Христине, чтоб та прислала своих людей в Новгород для присутствия при казни мятежников, оскорбивших Нумменса; но ответа на это предложение не было. Так рушились все попытки возобновить мятеж. В Москве государь созвал всех тех, которые были на соборе 26 июля, и объявил им: «Псковичи вины свои принесли, присягу дали и мы их прощаем».

Когда все успокоилось в Новгороде и Пскове, в 1651 году Никон приехал в Москву и успел снова приобрести могущественное влияние на молодого царя, ибо прежнее влияние было поколеблено отсутствием. Никон уговорил государя перенести в Успенский собор гроб патриарха Гермогена из Чудова монастыря, гроб патриарха Иова из Старицы и мощи Филиппа митрополита из Соловков. За мощами Филиппа отправился сам Никон в сопровождении боярина князя Ивана Никитича Хованского и Василия Отяева. Торжество это имело не одно религиозное значение: Филипп погиб вследствие столкновения власти светской с церковною; он был низвергнут царем Иоанном за смелые увещания, умерщвлен опричником Малютою Скуратовым. Бог прославил мученика святостью, но светская власть не принесла еще торжественного покаяния в грехе своем, и этим покаянием не отказались от возможности повторить когда-либо подобный поступок относительно власти церковной. Никон, пользуясь религиозностию и мягкостию молодого царя, заставил светскую власть принести это торжественное покаяние. Он отыскал пример в преданиях византийских, как император Феодосии, посылая за мощами Ионна Златоуста, писал молитвенную грамоту к оскорбленному его матерью святому; и Никон повез в Соловки грамоту царя Алексея к св. Филиппу: «Молю тебя и желаю пришествия твоего сюда, чтоб разрешить согрешение прадеда нашего царя Иоанна, совершенное против тебя нерассудно завистию и несдержанием ярости. Хотя я и не повинен в досаждении твоем, однако гроб прадеда постоянно убеждает меня и в жалость приводит, ибо вследствие того изгнания и до сего времени царствующий град лишается твоей святительской паствы. Потому преклоняю сан свой царский за прадеда моего, против тебя согрешившего, да оставиши ему согрешение его своим к нам пришествием, да упразднится поношение, которое лежит на нем за твое изгнание, пусть все уверятся, что ты помирился с ним: он раскаялся

тогда в своем грехе, и за это покаяние и по нашему прошению приди к нам, св. владыка! Оправдался евангельский глагол, за который ты пострадал: «Всяко царство, разделяющееся на ся, не станет», и нет более теперь у нас прекословящего твоим глаголам, благодать Божия теперь в твоей пастве изобилует; нет уже более в твоей пастве никакого разделения: все единомысленно молим тебя, даруй себя желающим тебя, приди с миром восвояси, и свои тебя с миром примут».

Везя с собой покаяние царя в том, что некогда царь не послушался увещаний архиерейских, Никон считал себя в полном праве требовать от сопровождавших его вельмож, чтоб они беспрекословно исполняли его распоряжения относительно дисциплины церковной. Послышались жалобы на неумеренность требований новгородского митрополита; люди с характером, подобным Никонову, не очень способны к умеренности в чем бы то ни было; притом же, крутой по природе, Никон не имел возможности приобрести мягкость в обхождении посредством воспитания и требований общественных, тогдашнее общество не требовало этой мягкости. Жалобы достигли двора, царя. Но пусть сам царь расскажет нам о том, что происходило в Москве в 1652 году, во время отсутствия Никона, пусть расскажет нам о своих отношениях к вельможам, патриарху и особенно к самому Никону, пусть этим простосердечным своим рассказом введет нас в тот век, в то общество.

А. Литовченко. Царь Алексей Михайлович и Никон, архиепископ Новгородский, у гроба чудотворца Филиппа, митрополита Московского. 1886 г.

«От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, великому солнцу сияющему, пресветлому богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту новгородскому и великолуцкому, от нас, земного царя, поклон. Радуйся, архиерей великий, во всяких добродетелях подвизающийся! Как тебя, великого святителя, Бог милует? А я, грешный, твоими молитвами, дал Бог, здоров. Не покручинься, Господа ради, что про савинское дело не писал к тебе, а писал и сыск послал к келарю; ей, позабыл, а тут в один день прилучились все отпуски, а я устал, и ты меня, владыка святой, прости в том; ей, без хитрости не писал к тебе. Да пожаловать бы тебе, великому святителю, помолиться, чтоб Господь Бог умножил лет живота дочери моей, а к тебе она, святителю, крепко ласкова; да за жену мою помолиться, чтоб, ради твоих молитв, разнес Бог с ребеночком; уже время спеет, а какой грех станется, и мне, ей, пропасть с кручины; Бога ради, молись за нее. Да буди тебе, великому святителю, ведомо: многолетие у нас поют вместо патриарха: спаси, Господи, вселенских патриархов, и митрополитов, и архиепископов наших, и вся христиане, Господи, спаси; и ты отпиши к нам, великий святитель, так ли надобно петь, или иначе как-нибудь, и как у тебя святители поют?» Любопытно видеть здесь, как царь просит прощения у Никона в том, что не писал ему про какое-то савинское дело, клянется, что сделал это без хитрости: значит, что о всех духовных делах царь считал своею обязанностию уведомлять новгородского митрополита.

Другое письмо, более любопытное, начинается так: «Избранному и крепкостоятельному пастырю и наставнику душ и телес наших, милостивому, кроткому, благосердому, беззлюбивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесных овец. О крепкий воин и страдалец царя небесного и возлюбленный мой любимец и содружебник, святыи владыко! моли за меня грешного, да не покроет меня глубина грехов моих, твоих ради молитв святых; надеясь на твое пренепорочное и беззлюбивое и святое житие, пишу так светлосияющему в архиереях, как солнцу светящему по всей вселенной, так и тебе сияющему по всему нашему государству благими нравами и делами добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресветлому митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому, особенному нашему другу душевному и телесному.

Спрашиваем о твоём святительском спасении, как тебя, света душевного нашего, Бог сохраняет; а про нас изволишь ведать, и мы, по милости Божией и по вашему святительскому благословию, как есть истинный царь христианский нарицаюсь, а по своим злым мерзким делам недостоин и во псы, не только в цари, да еще и грешен, а называюсь его же светов раб, от кого создан; и вашими святыми молитвами мы и с царицею, и с сестрами, и с дочерью, и со всем государством, дал бог, здорово. Да будь тебе, великому святителю, ведомо: за грех православного христианства, особенно же за мои окаянные грехи, Содетель и Творец и Бог наш изволил взять от здешнего прелестного и лицемерного света отца нашего и пастыря, великого господина Кир Иосифа, патриарха Московского и всея Руси, изволил его вселити в недра Авраама и Исаака и Иакова, и тебе бы, отцу нашему, было ведомо; а мать наша соборная и апостольская церковь вдовствует, слезно сетует по женихе своем, а как в нее войти и посмотреть, и она, мать наша, как есть пустынная голубица пребывает, не имеющая подружия: так и она, не имея жениха своего, печалится; и все переменилось не только в церквах, но и во всем государстве; духовным делам рассуждения нет и худо без пастыря детям жить. Как начали у меня (в великий четверток) вместо херувимской первый стих *вечере твоей тайне* петь, и пропели первый стих, прибежал келарь спасский и сказал мне: «Патриарха, государь, не стало!» А в ту пору ударил царь-колокол три раза, и на нас такой страх и ужас нашел, едва петь стали, и то со слезами, а в соборе у певчих и властей всех со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? Да к таким дням великим кого мы грешные отбыли? Как овцы без пастуха не ведают, где деться, так и мы теперь грешные не ведаем, где главы преклонить, потому что прежнего отца и пастыря лишились, а нового нет. Отпевши обедню, пришел я к нему, свету, а он, государь, уже преставился, лежит как есть жив, и борода расчесана, лежит как есть у живого, а сам немерно хорош; и простясь с ним и поцеловав в руку, пошел я к умовению ног. В пятницу вынесли его, света, к Риз-Положению. Я вечером пошел один к Риз-Положению, и как подошел к дверям полунощным, а у него никакого сидельца нет, кому велел быть игумнам, те все разъехались, и я их велел смирать митрополиту: да такой грех, владыко святой, кого жаловал (покойный), те ради его смерти, лучший новинский игумен – тот первый поехал от него домой,

а детей боярских я смирял сколько Бог помочи дал; а над ним один священник говорит псалтырь, и тот говорит, во всю голову кричит, а двери все отворил; и я начал ему говорить: «Для чего ты не по подобию говоришь!» «Прости, государь, – отвечал он, – страх нашел великий, в утробе у него, святителя, безмерно шумело, так меня и страх взял; вдруг взнесло живот у него, государя, и лицо в ту ж пору стало пухнуть: меня и страх взял, думал, что ожил, для того я и двери отворил, хотел бежать». И на меня, прости, владыко святой, от его речей страх такой нашел, едва с ног не свалился; а вот и при мне грыжа-то ходит очень прытко в животе, как есть у живого; и мне пришло помышление такое от врага: побегу ты вон, тотчас тебя, вскоча, удавит! И я, перекрестись, взял за руку его, света, и стал целовать, а в уме держу то слово: от земли создан, и в землю идет, чего бояться? Да в ту ж пору как есть треснуло у него в устах, и я досталь испужался, да поостоялся, так мне полегчело от страха, да тем себя и оживил, что за руку его с молитвою взял. А погребли в субботу великую, и мы надселись, плачучи, а меня первого, грешного, мерзкого, которая мука не ждет? Ей, все ожидают меня за злые дела, и достоин я, окаянный, тех мук за свои согрешения; а бояре и власти то же все говорили между собою; не было такого человека, который бы не плакал, на него смотря, потому: вчера с нами, а ныне безгласен лежит, и это к таким великим дням стало! И которые от ближних были со мною, все перервались плачучи, а всех пуще Трубецкой, да Михайла Одоевский, да Михайла Ртищев, да Василий Бутурлин плакали по нем, государе, что Бог изволил скорым обычаем взять, и свои грехи вспоминаючи. Да сказывал мне Василий Бутурлин, а ему сказывал патриархов дьяк: мнение на него, государя, великое было, то и говорил: переменить меня, скинуть меня хотят, а если и не отставят, то я сам от срама об отставке стану бить челом; и денег приготовил, с чем идти, как отставят, беспрестанно то и думал и говаривал, а неведомо отчего? У меня и отца моего духовного, содетель наш творец видит, ей, и на уме того не бывало и помыслить страшно на такое дело; прости, владыка святой, хотя бы и еретичества держался, и тут мне как одному отставить его без вашего собора? Чаю, владыка святой, хотя и в дальнем ты расстоянии с нами грешными, но то же скажешь, что отнюдь того не бывало, чтоб его, света, отставить или ссадить с бесчестием. А келейной казны у него, государя, осталось 13 400 рублей с лишком, а сосудов серебряных,

блюд, сковородок, кубков, стоп и тарелок много хороших, а переписывал я сам келейную казну, а если бы сам не ходил, то думаю, что и половины бы не по чему сыскать, потому что записки нет; не осталось бы ничего, все бы раскрасили; редкая та статья, что записано, а то все без записки, сам он, государь, ведал наизусть, отнюдь ни который келейник сосудов тех не ведал; а какое, владыка святой, к ним строенье было у него, государя, в ум мне грешному не вместится! Не было того сосуда, чтоб не впятеро оберчено бумагою или киндяком! Да и в том меня, владыка святой, прости. Немного и я не покусился на иные сосуды, да милостию Божиею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыка святой, ни до чего не дотронулся, мог бы я и вчетверо цену дать, да не хочу для того, что от Бога грех, от людей зазорно: какой я буду прикащик? Самому мне брать, а деньги мне платить себе же? А теперь немерно рад, что ни до чего не дотронулся. Всяким людям, которые были у патриарха на жалованье, давал я из своих рук по десяти рублей; собирал я их в крестовую и говорил со слезами, чтоб поминали и не роптали; и они все плакали и благодарили; и говорил им я, чтоб поклонцев по силе или по кануну на всяк день творили; да и то я им говорил: есть ли между вами такой, кто б раба своего или рабыню мимо дела не оскорбил, иное за дело, а иное и пьян напившись оскорбит и напрасно бьют; а он, великий святитель, отец наш, если кого и понапрасну оскорбил, можно и потерпеть, да уже чтоб то ни было, теперь пора всякую злобу покинуть, молитесь и поминайте с радостью его, света, сколько сила может. А не дать было им и не потешить деньгами, поднялось бы роптание большое, потому что вконец бедны, и он, свет, у них жалованья гораздо много убавил. Да еще буди тебе, великому святителю, ведомо: во дворец посадил я Василья Бутурлина; а князь Алексей бил челом об отставке, и я его отставил; а слово мое теперь во дворце добре страшно и делается без замедления. Да ведомо мне учинилось: князь Иван Хованский пишет в своих грамотах, будто он пропал и пропасть свою пишет, будто ты его заставляешь с собою у правила ежедневно быть; да и у нас перешептывали на меня: никогда такого бесчестья не было, что теперь государь нас выдал митрополитам; молю я тебя, владыка святой, пожалуй, не заставляй его с собою у правила стоять: добро, государь, учить премудра, премудрее будет, а безумному мозолие ему есть; да если и изволишь ему говорить, и ты говори от своего лица, будто к тебе

мимо меня писали, а я к тебе, владыка святой, пишу духовную. Да Василий Отяев пишет к друзьям своим: лучше бы нам на Новой Земле за Сибирью с князем Иваном Ивановичем Лобановым пропасть, нежели с новгородским митрополитом быть, силою заставляет говеть, но никого силою не заставит Богу веровать. И тебе бы, владыка святой, пожаловать, сие писание сохранить и скрыть втайне, и пожаловать тебе, великому господину, прочесть самому, не погнушаться нас грешных и нашим рукописанием непутным и несогласным».

Это письмо всего лучше объясняет нам явление Никона, ибо одного характера последнего недостаточно для объяснения тех отношений, в которых он нашелся к государю и государству: чувства, высказанные царем Алексеем Михайловичем в приведенном письме, переносят нас в то время, когда на Западе утверждалась власть папская, власть, укоренившаяся преимущественно вследствие характера западных вождей, незнакомых с государственными преданиями и привычками, господствовавшими в Византии, преданиями и привычками, которые, при всей религиозности императоров восточных, не давали им забывать о своем значении относительно высших пастырей церкви. Но вожди юных народов, подобно нашему царю Алексею Михайловичу, в излипании своего религиозного христианского чувства, чувства смирения, не умели сдерживать его сознанием своего государственного значения; у них государь исчезал пред человеком, тем выше, разумеется, поднималось значение пастыря церкви, вязателя и решителя, судьи верховного, истолкователя закона божественного, особенно когда этот пастырь личными достоинствами своими не полагал никакой преграды обнаружению этого чувства смирения и умел пользоваться своим влиянием, своим положением. Царь Алексей Михайлович надселя, плачущи и по патриархе Иосифе, хотя, как человек чистый, не мог не чувствовать и не оскорбляться недостойнством, мелочностью, недуховным поведением этого патриарха; но он гнал от себя греховную мысль о недостойнствах Иосифа, как нежный и почтительный сын гонит от себя мысль о недостойнствах отца. Тем с большею силою религиозный молодой человек обращал свою любовь к достойному пастырю, тут уже он не щадил слов для выражения этой любви, чтоб возвысить любимый предмет и унизить пред ним самого себя, ибо приемы всякого рода любви одинаковы. Таким образом, сам царь Алексей Михайлович по

характеру своему поставил Никона так высоко, как не стоял ни один патриарх, ни один митрополит ни при одном царе и великом князе.

Ф. Солнцев. Патриарх Никон. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Кроме этого, много указаний на другие отношения времени рассеяно в этом драгоценном письме. Богослужение имело великое значение в жизни каждого, и не раз высказывает царь, как тяжело ему, что патриарх умер к таким великим дням; в Светлое воскресенье не будет служить патриарх; праздник не в праздник! «Церковь как пустынная голубица пребывает, не имея подружия». Любопытны понятия, в которых воспитывался тогдашний русский человек: при виде разложения трупа царю приходит мысль: «Побеги вон, тотчас тебя, вскопча, удавит». Любопытна эта патриархальность, простота отношений, переносящая нас опять к началу средних веков: царь всем распоряжается, сам переписывает имение, оставшееся после покойного, и при этом добродушно говорит страшные слова против современного ему общества: «Если б я сам не стал переписывать, то все раскрали бы»; тут же обнаруживается, как понятия Домостроя были крепки в русском человеке: с удивлением и с глубоким уважением отзывается Алексей Михайлович о бережливости Иосифа: «А какое строение было у него, государя, в уме моем грешном не вместится: не было того сосуда, чтоб не впятеро оберчено». Наконец обнаруживаются отношения молодого царя к придворным: старый начальник приказа Большого дворца вышел в отставку, назначен новый, и царь очень доволен переменою, потому что слово его теперь во дворце добре страшно и делается без замедления. Приверженность царя к новгородскому митрополиту уже не очень нравится боярам, ибо этот митрополит хочет привести их в свою волю. «Никогда такого бесчестья не было, – шепчут они, – выдал нас царь митрополитам». Царь в большом затруднении: с одной стороны, он сильно привязан к Никону, непременно хочет, чтоб он был патриархом; но этот Никон своим крутым обхождением возбудил сильное неудовольствие в боярах, и вот Алексей Михайлович пишет Никону, чтоб он был поспасительнее, не принуждал Хованского слушать правила, и в то же время пишет, чтоб Никон, говоря об этом с Хованским, не выдал его, царя: Алексею Михайловичу не хочется, чтоб бояре узнали, как он предан Никону, как он заодно с ним против них. Доброта таких людей, как Алексей Михайлович, делает их зависимыми от окружающих: не могут они выносить около себя недовольных лиц, хотя от этого в отдалении и очень много недовольных, но их не видно. В минуту вспыльчивости

царь Алексей сильно разбранил и прибил близкого человека, смирил его собственноручно, но мысль, что окружающие недовольны, сердятся, была для него невыносима.

Два раза в письмах своих к Никону царь говорит об избрании преемника Иосифу; в одном месте пишет: «Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам, выбирать на патриаршество именем Феогноста, а без тебя отнюдь ни за что не примемся». В другом: «Помолись, владыка святой, чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, кто ему свету годен, имя вышеписанное (Феогност), а ожидаем тебя, великого святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да казанский митрополит, да отец мой духовный, и сказывают, свят муж». Разумеется, Никон хорошо понимал намеки царя, знал, кто этот Феогност (известный Богу).

Никон приехал в Москву в июле 1652 года, был выбран в патриархи и отрекся – отрекся для того, чтоб быть выбранным на всей своей воле, чтоб товарищи Хованского не мешали ему. В Успенском соборе, при мощах св. Филиппа, царь, лежа на земле и проливая слезы со всеми окружавшими, умолял Никона не отрекаться. Никон, обратясь к боярам и народу, спросил: «Будут ли почитать его как архипастыря и отца, и дадут ли ему устроить церковь?» Все клялись, что будут и дадут, и Никон согласился. Это было 22 июля; 25-го он был посвящен.

С. Землюков. Богдан Хмельницкий. Копия с портрета XVII в.

Глава третья

Продолжение царствования Алексея Михайловича

Богдан Хмельницкий. – Его ссора с Чаплинским; его сношения с королем Владиславом и бегство в Запорожье. Хмельницкий в Крыму и получает помощь от хана. – Рада в Запорожье; Хмельницкий гетман. – Движение гетмана Потоцкого, его письмо к королю. – Битвы при Желтых Водах и у Корсуни. – Письмо Киселя. – Универсалы Хмельницкого и восстание хлопов в Малороссии. – Смерть Владислава. – Опасение Киселя насчет Москвы. – Первые сношения Хмельницкого с московскими воеводами. – Сношения его с польским правительством. – Переписка с Киселем. – Князь Иеремия Вишневецкий свирепствует против восставших русских. – Князь Доминик Острожский; письма его, киевского воеводы Тышкевича и Киселя. – Неудачи последнего относительно мирных переговоров. – Битва под Пилявцами. – Хмельницкий отступает от Замостья по желанию нового короля Яна Казимира. – Торжественный въезд Хмельницкого в Киев. – Поведение его на радостях. – Переяславские переговоры с комиссарами королевскими. – Приготовление к войне с обеих сторон. – Збараж и Зборов. – Мир. – Сношения Хмельницкого с Москвою. – Посольство Неронова в Украйну. – Писарь Выговский. – Посольство боярина Пушкина в Польшу. – Тимошка Акундинов у Хмельницкого. – Сношения его с князем Прозоровским, путивльским воеводою. – Посольство Протасьева и Унковского к Хмельницкому с требованием выдачи самозванца. – Непрочность Зборовского мира. – Нерешительность Москвы. – Польша старается поссорить Москву с козаками. – Новая война у Польши с козаками. – Битва при Берестечке. – Литва в Киеве. – Старания побудить Москву к решительному шагу. – Белоцерковский

мир. – Сочувствие к делу козаков в Белоруссии. – Новые попытки Польши посорить Москву с козаками. – Посольство Прончищева в Польшу и Пенцлавского в Москву. – Предлог к разрыву остается. – Хмельницкий считает Белоцерковский мир только перемирием. – Переселение малороссиян в московские уkraine. – Предложение Хмельницкому со стороны царя выселиться со всем войском в московские пределы. – События при Батогге. – Затруднительное положение Хмельницкого: он сильно упрощает царя принять Малороссию в подданство. – Посольство князя Репнина в Польшу для окончательных переговоров. – Царь объявляет Хмельницкому, что принимает Малороссию в подданство. – Собор по этому случаю. – Третья война Хмельницкого с поляками. – Дело под Жванцом. – Посольство Бутурлина в Малороссию. – Переяславская рада. – Бутурлин в Киеве; митрополит Сильвестр Коссов. – Пункты челобитной Войска Запорожского, утвержденные царем. – Донесение князя Куракина из Киева о поведении Коссова. – Приезд игумена Гизеля в Москву. – Обзор сношений Московского государства с европейскими державами до начала польской войны.

Никон стал верховным пастырем церкви и главным советником царя в то время, когда Алексей Михайлович должен был решить великий вопрос о соединении Малой России с Московским государством. Мы видели, что в сороковых годах XVII века государство Польское, по-видимому, достигло своей цели относительно козаков: число последних сильно ограничено и небольшая толпа находится в повиновении у офицеров, от правительства назначенных; реестровых, настоящих козаков мало, они спокойны. Но условия, которые заставляли простой люд Украины бежать в козаки, существовали по-прежнему, и знамя, под которое эти беглецы могли становиться, знамя религиозное, по-прежнему было готово; недоставало человека, вождя восстания. Вождь нашелся. Зиновий Богдан Хмельницкий, сын козацкого сотника Михайлы Хмельницкого, убитого в сражении с турками при Цецоре, сам попался в этом сражении в плен к татарам, скоро, впрочем, освободился от него, возвратился к своим козакам и получил звание войскового писаря. Хмельницкий был козак видный во

всех отношениях: храбрый, ловкий, деятельный, грамотный; у него было и состояние, хутор Субботово в Чигиринском старостве. За это-то Субботово началась у него ссора с Чаплинским, подстаростою чигиринским. Известно, как в это время в Польше действовали друг против друга враждующие, и понятно, кто должен был осилить в борьбе – шляхтич или козак? С шайкою голодных людей наехал Чаплинский на слободы Хмельницкого, завладел гумном, на котором находилось 400 копен хлеба, и всех домашних Хмельницкого заковал в цепи; самого Богдана держал четыре дня в тесном заключении и освободил только по просьбе жены своей. Богдан подал жалобу в суд; в отмщение за это Чаплинский приказал своей дворне схватить десятилетнего сына Хмельницкого и высечь плетьюми среди базара; приказ был исполнен так хорошо, что мальчика чуть живого принесли домой и скоро после того он умер. Зять Чаплинского клялся не раз пред козаками, что Хмельницкому не быть в живых. Поедет ли Богдан куда по делам службы, воротится домой, а на конюшне нет серого коня: взяли за поволощину. Отправится он в поход против татар, сзади подъедут к нему и стукнут по голове так, что не быть бы живому, если бы не защитил железный шлем, да и скажут в оправдание, что приняли его за татарина. Но частной вражды с Чаплинским было еще мало: свой козак донес польскому начальству на Хмельницкого, будто он замышляет старые козацкие проказы, хочет отправить на море вооруженные суда. Действительно, шел слух, что король Владислав, замышляя войну против турок, на которую не согласился, однако, сейм, прислал козакам позволение готовить суда для выхода в море и прислал даже деньги на постройку судов. В Варшаве рассказывали московскому гонцу Кунакову, что зимою 1646 года Хмельницкий с десятью товарищами приезжал в Варшаву в челобитчиках от всего Войска Запорожского, бил челом королю Владиславу на обидчиков своих и на жидов в их налогах. Владислав король в то время гнев держал на сенаторов и на всю Речь Посполитую за то, что ему не дали воли войны вести с турками и собранное для этой войны немецкое войско приговорили на сейме распустить, а немцам он давал деньги из приданого жены своей. Так, призвавши Богдана Хмельницкого и черкас челобитчиков, Владислав говорил им, что сенаторы его вдалились в свою волю, панства его пустошат, а его мало слушают; написав саблю, король дал Богдану Хмельницкому и сказал: «Вот тебе королевский

знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле». И пожаловал Владислав Богдана Хмельницкого атаманством и отпустил его и всех челобитчиков, одаривши их сукнами и адамашками. Осенью 1647 года замыслил король Владислав войну вести с турецким султаном, пожаловал Богдана Хмельницкого гетманством запорожским, послал ему свое жалованье и вперед обещал прислать на жалованье черкасам и на челновое дело 170 000 злотых польских к лету 1648 года. Богдан за эти деньги обещал королю изготовить на полгода Запорожского Войска и с вольными 12 000 да к морскому ходу сто челнов. Узнавши об этом, Конецпольский замыслил Богдана убить и послал звать его к себе на банкет, но Хмельницкий, зная умысел, на банкет не поехал. Тогда Конецпольский послал 20 человек людей своих взять Богдана силою, но Хмельницкий вступил в битву с этими посланными у себя на дворе, убил 5 человек, а 15 убежало, тогда как с Хмельницким на дворе было только четыре человека. После этого Хмельницкий тотчас же побежал в Запорожье.

Отсюда явились от Богдана грамоты к разным лицам; к Ивану Барабашу, полковнику черкасскому, он писал: «Так как на многократные мои советы и предложения ваша милость не изволили склониться, чтоб по давним грамотам королевским, у вас в сохранении бывшим, просить короля и сенаторов о новой привилегии на утверждение прав и вольностей козацких и малороссийских и на удержание людских обид и разорений, особенно же превращения православных церквей в униатские, то я, сожалея об этом и потерпевши бесчестие и разорение от негодяя Чаплинского, должен был придумать средство, как бы забрать в свои руки королевские привилегии, валявшиеся между платьем жены вашей, и с их помощью сделать что-нибудь лучшее для погибающей Украйны, выпросить ласку и милость у королевского величества, панов сенаторов и всей Речи Посполитой. Утешаюсь тем, что Бог помог мне высвободить из вашей неволи и привезти к Запорожскому Войску привилегии королевские. А что ваша милость таил привилегии, нужные всему народу малороссийскому, и для своих выгод не хотел просить королевской милости за наших людей украинских, плачущих от поляков, за это все Войско Запорожское считает вас годным в полковники не над людьми, а над овечками либо

свиньями». К польскому комиссару Шембергу, поставленному над козаками, Хмельницкий писал, что он принужден бежать от насилий Чаплинского и что на днях запорожцы отправляют послов к королю и сенаторам просить о привилегиях. О том же писал к Потоцкому, гетману коронному, распространяясь о насилиях Чаплинского, который притесняет не только мирян, но и священников: где случится ему видеться и говорить с православным священником, то никогда не оставит его, не обесчестивши, волос и бороды не вырвавши и палкою ребер не пересчитавши.

С. Васильковский. Украинская деревня. Конец XIX в.

С. Васильковский. Козаки в степи. Конец XIX в.

Хмельницкий разглашал и в Запорожье, между простыми козаками, что будет отправлено посольство в Варшаву просить короля о защите, разглашал также, что хочет идти на Дон и подбить тамошних козаков к морскому походу на турок; разглашал он это для того, чтоб шпионы польские не донесли своему правительству о настоящем намерении его, о котором он советовался со старшиною; это намерение было доставить себе управу саблею, а не посольствами в Варшаву. По совету атаманов – кошевого и куренных – в первых числах марта 1648 года выехал Хмельницкий из Сечи с своими товарищами, такими же, как он, беглецами, выехал на остров Томаковский под предлогом, что там удобнее будет кормиться и людям его и лошадям, а в самом деле поехал в Крым просить у хана помощи на поляков. Хан долго думал с мурзами, давать или не давать войско Хмельницкому? Боялся он, не нарочно ли Богдан подослан поляками, чтоб обманом ввести орду в Польшу и там истребить ее готовыми войсками. Хмельницкий объявил, что готов присягнуть и оставить сына своего заложником; присяга дана была на сабле ханской, молодой Хмельницкий (Тимофей) оставлен в заложниках; однако хан не двинулся сам, а отправил с Хмельницким мурзу Тугай-бея с четырехтысячным отрядом. 18 апреля возвратился Хмельницкий в Запорожье, куда кошевой стянул уже с лугов, веток и

речек все войско низовое, конное и пешее; молодцы собрались, но не знали, зачем собрал их атаман, пока не приехал Хмельницкий из Крыма. В тот день, когда он приехал, по заходе солнца выпалили из трех пушек, на рассвете другого дня выпалили в другой раз; на этот призыв козаки стали высыпать из разных углов, и когда ударили в котлы для призыва на раду, то сечевой майдан (площадь) оказался мал, вышли из крепости на просторное место, где и объявили войску, что начинается война против поляков и что хан будет за козаков благодаря старанию Хмельницкого; тогда все войско закричало, чтоб Хмельницкий был гетманом, и Богдан принял опасную роль Павлюги и Острина. Новый гетман постановил с атаманами, чтоб выступило в поход не более осьми или десяти тысяч козаков, а прочие разошлись бы по своим местам, к своим промыслам, и были готовы выступить по первому приказу гетманскому.

Между тем уже давно по Украине несся слух, что на Запорожье готовится восстание: народ поднял головы и втихомолку готовил оружие, ожидая избавителей. Хитрые грамоты Хмельницкого с известием, что все дело состоит в отправлении козацкого посольства к королю с челобитьем, таинственностью, с какою он действовал, уменье утаить свою поездку в Крым – ничто не помогло; напуганные, чуткие поляки встрепнулись; коронный гетман Николай Потоцкий хорошо помнил последние восстания, хорошо знал, что при этих восстаниях поляки должны иметь дело не с горстью запорожцев, но с целым низшим народонаселением Малороссии, и потому, несмотря на бездорожье, 18 февраля уже был на Украине; сам он расположился в Черкасах, а гетман польный Калиновский – в Корсуни. Оправдывая свою поспешность, Потоцкий писал королю: «Не без важных причин, не необдуманно двинулся я в Украину с войском вашей королевской милости. Склонила меня к тому просьба любезных братьев, из которых одни, спасая жизнь и имение, бежали из Украины на поле битвы, другие, оставаясь в домах своих, не полагаясь на свои силы, горячими просьбами умоляли, чтоб я своим присутствием и помощью спасал Украину и спешил потушить губительное пламя, которое до того уже разгорелось, что не было ни одной деревни, ни одного города, в котором бы не раздавались призывы к своеволию и где бы не умышляли на жизнь и имение панов своих и державцев, своевольно напоминая о своих заслугах и о частых жалобах на обиды и

притеснения. Это было только предлогом к мятежам, потому что не столько их терзали обиды и притеснения, сколько распоряжения республики, постановление над ними старших от вашей королевской милости; они хотят не только уничтожить эти распоряжения, но и самовластно господствовать в Украине, заключать договоры с посторонними государями и делать все, что им угодно. Казалось бы, что значит 500 человек бунтовщиков; но если рассудить, с какою смелостью и в какой надежде поднят бунт, то каждый должен признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться против 500 человек, ибо эти 500 человек возмутились в заговоре со всеми козацкими полками, со всею Украиною. Если б я этому движению не противопоставил своей скорости, то в Украине поднялось бы пламя, которое надобно было бы гасить или большими усилиями, или долгое время. Один пан, князь воевода русский (Иеремия Вишневецкий), отобрал у своих крестьян несколько тысяч самопалов, то же сделали и другие; все это оружие вместе с людьми перешло бы к Хмельницкому. Хотя я и двинулся в Украину, но не для пролития крови христианской и в свое время необходимой для республики, двинулся я для того, чтоб одним страхом прекратить войну. Хотя я и знаю, что этот безрассудный человек Хмельницкий не преклоняется кротостию, однако не раз уже я посылал к нему с предложением выйти из Запорожья, с обещанием помилования и прощения всех проступков. Но это на него нисколько не действует; он даже удержал моих посланцев. Наконец, посылал я к нему ротмистра Хмелецкого, человека ловкого и хорошо знающего характер козацкий, с убеждением отстать от мятежа и с уверением, что и волос с головы его не спадет. Хмельницкий отпустил ко мне моих послов с такими требованиями: во-первых, чтоб я с войском выступил из Украины; во-вторых, чтоб удалил полковников и всех офицеров; в-третьих, чтоб уничтожил установленное республикою козацкое устройство и чтоб козаки оставались при таких вольностях, при которых они могли бы не только ссорить нас с посторонними, но и поднимать свою безбожную руку на ваше величество. Ясно видно, что к этой цели стремится его честолюбие. В настоящее время он послал в Понизовье за помощью к татарам, которые стоят наготове у Днепра, и осмелился несколько сот из них перевезти на эту сторону, чтоб они разогнали нашу стражу, поставленную мешать соединению мятежников с Хмельницким. Что он давно обдумал, как начать бунт и как

действовать, – в этом ваша королевская милость убедитесь изволите, обратив внимание на число его сообщников, простирающееся теперь до 3000. Сохрани Бог, если он войдет с ними в Украйну! Тогда эти три тысячи быстро возрастут до 100 000, и нам будет трудная работа с бунтовщиками. Для предохранения отечества от этого зловредного человека есть средство, предлагаемое вашею королевскою милостию, а именно: позволить своевольным побеги на море, сколько хотят. Но не на море выйти хочет Хмельницкий, хочет он в стародавнем жить своеволии и сломать шею тем постановлениям, за которыми так много трудились, за которые пролилось так много шляхетской крови. Признал бы я полезным для общего блага позволить козакам идти на море и для того, чтоб это войско не занимало полей, и для того, чтоб не отвыкало от давнего способа вести войну; но в настоящее смутное время этому нельзя стать: частью потому, что челны еще не готовы, другие и готовы, но не вооружены. Если суда и будут готовы, то главное в том, чтоб успокоенные козаки, как скоро наступит необходимость для республики и вашей королевской милости, отправлены были в надлежащем порядке. Но сохрани Боже, если они выйдут в море прежде укрощения бунта: возвратясь, они произведут неугасимое возмущение, в котором легко может исчезнуть установленное козацкое устройство, а турки, раздраженные козаками, вышлют против нас татар».

Предвещения Потоцкого сбылись: у Хмельницкого было много войска в Украйне. 13 апреля двинулся передовой отряд польских войск Днепром и сухим путем, двинулись и реестровые козаки с Барабашем, полковником черкасским; большая часть регулярного войска состояла из русских; предводителями были козацкий комиссар Шемберг и сын коронного гетмана Степан Потоцкий. 22 апреля выступил и Хмельницкий из-за Запорожья с осьмитысячным отрядом; Тугай-бей шел за ним с татарами; держали путь к устью Тясмина, к потоку Желтые Воды. Реестровые козаки, шедшие в лодках с Барабашем и опередившие сухопутную рать, вошли в сношения с Хмельницким и передались ему, убивши Барабаша и всех тех, кто был верен польскому правительству. 5 мая у Желтых Вод встретился Хмельницкий с сухопутным польским войском, и после трехдневной битвы (5, 7 и 8 мая) поляки потерпели страшное поражение, так что и десятка их не успело спастись бегством. Покончивши с молодым Потоцким, который

умер от ран в плену, Хмельницкий двинулся навстречу к старому, сошелся с ним 16 мая у Корсуня и поразил наголову: оба гетмана – коронный великий Потоцкий и польный Калиновский – попались в плен и были отосланы к хану в Крым; поляки потеряли 127 офицеров, 8520 рядовых, 41 пушку. Поражение приписывали неблагоприятному разделению войска на две части, отправлению одной из них вперед с молодым Потоцким; иные упрекали коронного гетмана за несогласие с товарищем своим Калиновским и за распутство, которому он был предан, несмотря на свои преклонные лета. Укоры сыпались на побежденных; как обыкновенно бывает, каждый говорил, что если б сделали иначе, если б послушались его советов, то не было бы беды. Известный нам Кисель писал к архиепископу гнезненскому (от 31 мая): «Рабы теперь господствуют над нами; изменник учреждает новое княжество: несчастные братья наши среди внезапной опасности, бросая родину, дома и другие ценные предметы, бегут во внутренность государства. Безумная чернь, обольщенная тем, что Хмельницкий щадит ее, предавая огню и мечу одно шляхетское сословие, отворяет города, замки и вступает в его подданство. Я первый, хотя в отечестве последний, потеряв за Днепром сто тысяч дохода, едва имею от десяти до двадцати тысяч, да и то один Бог знает, не завладеет ли и этим неприятель? Кроме того, я имею несколько сот тысяч долга, нажитого на службе королю и отечеству. Много и других мне подобных. Мы будем нищими. Но откуда пришла эта беда, об этом подробно объяснено в моих письмах к королю, потому что несчастное предвидение моего ума, а больше свет разума предугадывали и предчувствовали все то, что теперь случилось. Видя, что козаки, угнетенные более простых холопов и ненавидимые, ушедши на Запорожье, составляют заговор, я всеми силами убеждал кастеляна краковского (Потоцкого) не искать одного козака по днепровским потокам, а лучше всех козаков удерживать в повиновении и, допуская для них исключение из законов, как-нибудь приласкивать их. Во-вторых, я советовал не раздроблять малочисленного войска на отряды; в-третьих, не выпускать за Днепр известия о дальнейшем мятеже козаков; в-четвертых, чтоб не раздражать татар, не нужно высылать войско в поле, но ожидать, что дома станет делать изменник, а между тем снестись с беем очаковским и с Крымом, чтоб Хмельницкий не имел там пристанища. Когда гетман не хотел принять моих советов, то

я послал их к королю; государь одобрил мое мнение и послал приказ, чтоб отправка войск – одного за Днепр, а другого в степь – была приостановлена. Но враг советов – опрометчивость все предупредила и погубила уже себя, нас и большую часть отчизны». Но мы видели, как оправдывал Потоцкий перед королем свою поспешность, как боялся, чтоб Хмельницкий не вошел на Украину, где найдет сто тысяч союзников, с которыми полякам трудно будет сладить. Справедливости этих соображений нельзя не признать, но разделение сил действительно оправдать трудно.

Ю. Брандт. Перед охотой. Конец XIX в.

Ю. Брандт. У брода. Конец XIX в.

После Корсунской победы Хмельницкий подошел к Белой Церкви, расположился там обозом и разослал 60 универсалов с призывом к восстанию; вся Украина взволновалась; поднялись крестьяне, пошли в козаки и стали свирепствовать против шляхты, жидов и католического духовенства; они образовали несколько шаек, или гайдамацких загонов, как тогда называли, и рассеялись в разных направлениях под начальством вождей, оставивших по себе кровавую память в летописях и преданиях народных. К умножению смуты и разнузданности вдруг разнеслась весть о смерти короля Владислава. «Теперь, – пишет Кисель к архиепископу-примасу, – теперь, когда нас постигло такое сиротство, мы не знаем, что еще замышляет султан турецкий и что замышляют москвитяне, которые 30 мая дали знать о себе, что вследствие моих писем, отправленных по королевскому приказанию, царь их, исполняя условия братского союза, отправил сорок тысяч вспомогательного войска против татар. Это войско стояло уже в шести милях от Путивля; но когда битва предварила их прибытие, когда успехи изменника уже

стали им известны и когда сделается еще известным, что мы не имеем государя, то кто может поручиться за них? Одна кровь, одна религия!» Действительно, 1 мая (ст. ст.) Кисель дал знать путивльскому воеводе Плещееву, что татары 22 апреля на Желтых Водах окружили польский отряд, высланный против изменников-черкас. Кисель требовал помощи от московских воевод по договору. 20 мая царь приказал своим ратным людям сходиться с литовскими людьми и с ними заодно промышлять над татарами; будучи в литовской земле, дурна никакого не чинить, грабежу никакого бы не было, а хлеб и что довелось покупать; с литовскими людьми стоять смирно, драк бы и задоров никаких не было, не бражничать и табаку не покупать. Но вслед за этим получены были известия, что поляки разбиты, гетманы в плену, козаки копятя во всех литовских городах и идут беспрестанно в сход к гетману Богдану Хмельницкому. Путивльский воевода Плещеев доносил, что татары запорожским козакам становятся сильны, потому что их вдвое больше, чем козаков; и Хмельницкий пишет по городам, чтоб уездные люди от татар береглись и бежали из уездов в города; Хмельницкий же рассылает от себя полковников и сотников с запорожскими козаками по сю сторону Днепра в украинные города и велит им прибирать козаков, а урядников, державцев, поляков и жидов велит побивать. Паны-поляки и жида все бегут в Польшу.

Стародубец Григорий Климов рассказывал в Посольском приказе: посылали его из Севска воеводы с грамотами к Адаму Киселю; ехал он из Севска на Киев, потому что Адама Киселя сказали за Киевом во 150 верстах, в городе Гоще. С версту от Киева взяли его крымские татары и запорожские козаки; козаки, увидя, что у него хохла нет, взяли его у татар к себе и отвели к гетману своему Богдану Хмельницкому, который стоял в городе Мошнях, от Киева верстах во ста. Хмельницкий взял у него листы, назначенные к Киселю, и сказал: «Не по что тебе к Адаму ехать, я тебе дам к царскому величеству от себя грамоту. Прислали ко мне грамоты князь Еремей Вишневецкий и Адам Кисель, просят, чтоб я татар не пускал к ним в дальние места, а держал бы их в степи, и просят мира. Я, по их прошенью, велел крымскому царевичу отступить в степь к Желтым Водам». Свое войско Хмельницкий распустил за Днепр, к путивльскому рубежу, на маестности Потоцкого, Вишневецкого и Адама Киселя; города у них все побрали, а крестьяне все пошли в козаки. Новгородок Северский взяли и ляхов везде

побивали, а от Новагородка пошли к Чернигову; сколько у них войска, сказать нельзя, потому что, в который город придут, и тут у них войска прибывает много, изо всяких чинов русские люди, кроме ляхов; жида многие крестятся и пристают к их же войску, а лях, хотя и захочет креститься, не принимают, всех побивают, говорят, чтоб в Польше и Литве всех ляхов побить за то, что веру христианскую ломали и многих христиан побивали и насильно к лядской вере приводили. Хмельницкий говорил Климову: «Скажи в Севске воеводам, а воеводы пусть отпишут к царскому величеству, чтоб царское величество Войско Запорожское пожаловал денежным жалованьем; теперь ему, государю, на Польшу и на Литву наступить пора; его бы государево войско шло к Смоленску, а я, Хмельницкий, стану государю служить с своим войском с другой стороны. Если тебя станут спрашивать государевы приказные люди, то ты скажи им тайно, что королю смерть приключилась от ляхов: свести ляхи, что у короля с козаками ссылка, послал от себя король грамоту в Запорожье к прежнему гетману, чтоб козаки за веру христианскую греческого закона стояли, а он, король, будет им на ляхов помощник; эта грамота королевская от прежнего гетмана досталась мне, и я, надеясь на то, войско собрал и на ляхов стою». В грамоте своей к царю, означенной осьмым числом июня, Хмельницкий извещал о Желтоводской и Корсунской победах и о смерти королевской. «Думаем, – писал Хмельницкий, – что смерть приключилась от тех же безбожных неприятелей его и наших, которых много королями в земле нашей; желали бы мы себе самодержца государя такого в своей земле, как ваша царская велеможность православный христианский царь. Если б ваше царское величество немедленно на государство то наступили, то мы со всем Войском Запорожским услужить вашей царской велеможности готовы».

Путивльский воевода Плещеев сносился с князем Иеремиею Вишневецким о войне против татар. Посланец Плещеева был перехвачен Хмельницким, который прислал путивльскому воеводе укорительную грамоту, что русские хотят помогать полякам на козаков, ибо война у поляков с козаками, а не с татарами. «Мы желаем, – пишет Хмельницкий, – не того, чтоб православный государь Алексей Михайлович воевал с нами, но чтоб он был и ляхам и нам государем и царем, чтоб ляхи за веру нашу с нами больше биться не помышляли». Царь приказал Плещееву отписать Хмельницкому, что он никогда не

писал к Вишневецкому о соединении русских с поляками против козаков, что кто-нибудь распускает об этом слух на ссору. Но Хмельницкий не успокоился этим ответом и писал опять к Плещееву: «Уже третьего посла вашего перехватываем, вы все сносите с ляхами на нас. Если вы хотите на нас, на свою веру православную христианскую меч поднять, то будем Богу молиться, чтоб вам не посчастливилось; легче нам, побившись между собою, помириться, а помирившись, на вас поворотиться. Мы вам желали всего доброго, царю вашему желали королевства Польского, а потом, как себе хотите, так и начинайте, хотите с ляхами, хотите с нами».

Поднимая украинский народ и московского царя против Польши, Хмельницкий в то же время по совету Киселя решился попробовать, как отзовется ему польское правительство. Как бы еще не зная о смерти королевской, в половине июня Хмельницкий отправил в Варшаву четырех старшин с пунктами, в которых заключались жалобы и просьбы козаков, и с своим письмом к королю. Пункты были следующие: 1) паны обходятся с нами, людьми войсковыми, хуже, чем с невольными; 2) хутора, луга, мельницы и все, что им понравится в домах у козаков, берут насильно, мучат, убивают; 3) берут десятину и поволовщину; 4) старых козацких жен и отцов, хотя бы сын находился на службе, облагают чиншом, как и других крестьян; 5) козацких жен, тотчас по смерти козаков, заставляют без милости работать наравне с мещанами; 6) паны полковники нас не защищают, а еще помогают обижать нас; вещи наши и пожитки под видом торга берут за половину цены; 7) жолнерская челядь забирает у козаков волов, скот и всякие пожитки; 8) на Запорожье и на Днепре не дают промышлять, ни зверей, ни рыбы ловить, а с головы каждого козака берут по лисице; если же не поймает козак лисицы, то отбирают самопалы; панам полковникам подводы даем или вместо подвод платим деньгами;

9) военную добычу и даже молодых татар паны полковники отнимают у козаков; 10) нашедши какую-нибудь причину, тотчас сажают козака в тюрьму и, где чуют взятку, не выпустят, пока не получат доброго выкупа; 11) была воля королевская, чтоб мы шли на море, и на челны выданы нам деньги, а к Запорожскому Войску предполагалось прибавить еще 6000; но старшие наши не позволили, чтоб войско состояло из 12 000, хотя мы обещаем и клянемся, что, сверх этого числа, принимать людей в войско не будем; а с 6000 мы не

можем оказывать услуг ни королю, ни республике; 12) чтоб заслуженное жалованье, которого мы не получали в течение пяти лет, было сполна отправлено к нам вместе с комиссиею; 13) просим о духовенстве древней религии греческой, чтоб оно оставалось неприкосновенным, чтоб церкви, отданные униатам, опять оставались при своих стародавних правах. В своем письме Хмельницкий повторял те же жалобы: «Даже жида, в надежде на панов урядников, также причиняют нам великие обиды. Невероятно, чтоб даже в турецкой неволе христиане переносили такие несчастья, какие переносим мы, низайшие подножия вашей королевской милости. Мы совершенно понимаем, что все неистовства совершались над нами наперекор вашей королевской милости, потому что постоянно слышим: «Вот вам король! А пособит ли вам король, такие-то дети!» После этого мы не можем уже переносить таких обид и незаслуженных мучений. Не имея более возможности жить в домах своих, мы, бросив жен, детей и все убогое имущество, бежали в Запорожье, откуда предки наши с давнего времени привыкли служить Короне Польской и вашей королевской милости. Но и здесь обратили в ничто наши воинские привилегии, тогда как Бог свидетель, что мы не сделали ничего своевольного. Когда пан кастелян краковский (Потоцкий) напал на нас в самом Запорожье, то мы должны были призвать на помощь хана крымского. По воле Божьей случилось, что при сухих дровах и сырм досталось. Кто тому причиною, рассудит сам Бог, а мы готовы жертвовать жизнью для республики. Затем низайше просим вашу королевскую милость оказать нам отеческое милосердие, и, простив невольный грех, повелите оставить нас при древних правах и привилегиях». Посланцы козацкие застали Владислава во гробе, были допущены поклониться телу и получили такой ответ от временного правительства (от 22 июля): «Нет надобности объяснять вам совершенного вами преступления; хотя республика могла бы отомстить вам, но мы, не желая более пролития крови христианской, снисходя на вашу низайшую и покорную просьбу, согласились назначить панов комиссаров, людей знатных, которые объявят вам дальнейшую волю республики. Республика не откажет вам в прощении, но требует, чтоб вы как можно скорее освободили всех пленных, деятельно преследовали предводителей разбойничьих шаек, которые теперь собираются в разных местах и нападают на шляхетские

дома, и чтоб прервали всякую связь с неверными». Назначены были и комиссары для переговоров с Хмельницким, во главе их – Кисель.

*С. Васильковский. Весенний день на Украине. Конец XIX в.
Фрагмент*

Последний вел переговоры с Хмельницким посредством одного монаха. Выставляя на вид прелести польской воли, какой нельзя найти ни в каком другом государстве, Кисель писал Хмельницкому: «Милостивый пан старшина Запорожского Войска республики, издавна любезный мне пан и приятель! Верно нет в целом свете другого государства, подобного нашему отечеству правами и свободою; и хотя бывают разные неприятности, однако разум повелевает принять во внимание, что в вольном государстве удобнее достигнуть удовлетворения, между тем, как потеряв отчизну нашу, мы не найдем другой ни в христианстве, ни в поганстве: везде неволя, одно только королевство Польское славится вольностию. Вам и всему войску хорошо известно, что я один из христиан народа русского служу сенатором в Короне Польской, ношу на раменах своих и св. церкви и древности наши и ненарушимо сохранил свою веру до седых волос, и сохранию, даст бог, до смерти. Все также знают о несчастном кровопролитии, но я не обагрив рук своих козацкою христианскою кровью. Поэтому ваша милость со всем Запорожским Войском может совершенно положиться на меня, и я усердно прошу вашу милость иметь ко мне доверие. Нужно как можно скорее прекратить несчастное домашнее замешательство и водворить покой. Поэтому я желаю, чтоб ваша милость отослал бы татар, а сам, оставаясь на обыкновенных местах, отправил бы посольство к республике с изъяснением причин, по которым произошло несчастное замешательство, и засвидетельствовал верность свою и всего войска». Хмельницкий отвечал Киселю: «Очень сожалеем о поражении, постигшем в земле нашей народ христианский, хотя не мы тому причиною: при сухих дровах и сыром должно было достаться. Послушав совета вашей милости, старого своего приятеля, мы сами приостановили свои военные действия и орде приказали возвратиться, а к республике с покорностью и верным подданством отправили послов. Так как мы остались сиротами по смерти его королевской милости, то просим вашу милость удостоить нас своим посещением, чтоб мы могли узнать, кого республика пожелает иметь королем, и чтоб воспользоваться советом вашей милости для дальнейших наших действий». Сам Кисель

поспешил донести о следствиях своих сношений архиепископу-примасу: «Развеял Господь Бог чрез меня, наименьшего сына отечества, кровавую радугу и приостановил ужасную внутреннюю войну: отец Ляшко, мой поверенный, монах греческого исповедания, добрый шляхтич, возвратился и донес, что когда прибыл к Хмельницкому, то сначала встречен был сильным огнем, наконец, была рада военная, в которой участвовало 70 000 козаков и на которой была читана моя грамота. После продолжительных споров и шуму сам Хмельницкий начал уговаривать, напоминая о моей искренности; ему помогли в этом и другие козацкие старшины. Вследствие этого Св. Дух внушил им решение: послушаться моего совета, иметь ко мне доверие, отправить послов, прекратить неприятельские действия, задержать орду в степи, а меня пригласить приехать к ним. Я прошу, чтоб настоящая моя верная услуга и дальнейшая служба никем у меня не была отнимаема и не оставалась бы без памятника, заслуженного любовью к отечеству».

Но Кисель еще очень рано замечтал о награде за свои подвиги. Резня господствовала на Украине, и среди этой бойни козаки и вельможи соперничали в зверстве. В то время как украинская шляхта, не думая о сопротивлении, бежала или гибла под ножами восставших хлопков, один воевода русский, князь Иеремия Вишневецкий, выставил сопротивление. Недавний отступник от православия, с ненавистью ренегата к старой вере, вере хлопской, Иеремия соединял ненависть польского пана к хлопам, усугубленную теперь восстанием и кровавыми подвигами гайдамаков. В самом начале восстания Хмельницкого Иеремия был уже на восточной стороне Днепра, намереваясь помогать Потоцкому и Калиновскому. Корсунская битва и вспыхнувшее вслед за нею всеобщее восстание хлопков отбросили его на запад, но он скоро остановился и с отрядами своими выставил единственное сопротивление козачеству. Какого же рода было это сопротивление? Напавши врасплох на местечко Погребища, преданное козакам, он перемучил его жителей, особенно священников православных; из Погребищ Вишневецкий пошел к принадлежащему ему городу Немирову; жители затворились было от своего пана, но он взял город приступом и выданные мещанами виновники восстания погибли в ужаснейших муках: «Мучьте их так, чтоб они чувствовали, что умирают!» – кричал Вишневецкий палачам. В конце июля под Константиновом встретился Вишневецкий с многочисленным козацким

отрядом, бывшим под начальством Кривоноса; после двух кровопролитных стычек поляки принуждены были отступить.

Поляки видели свою малочисленность в Украине; им важно было удержать Хмельницкого в бездействии, пока придут к ним подкрепления, пока выбран будет король. Назначенный главным воеводою в Украину Владислав Доминик, князь Острожский, послал сказать Кривоносу, чтоб не пускал орды и не шел дальше опустошать шляхетских имений, послал с тем же и к самому Хмельницкому. Кривонос отвечал: «Вашей милости известно, как это началось и как утихло было; не хотели мы больше пустошить земли Польской, но уж очень заедает нас князь Иеремия: людей стал мучить, головы отсекает, на кол сажать, в каждом городе среди рынка виселица, и теперь оказывается, что на колу были невинные люди; попам нашим буравом просверливал глаза. Мы, защищая нашу веру и жизнь, должны были стать за свою обиду. Кто хочет воевать с нами, против того мы готовы; а кто спокоен, тот и будет оставлен в покое. Прошло уже семь недель или больше, как мы отправили послов своих к королю и республике, но об них до сих пор нет никакого достоверного известия: верно, они спят, так что до сих пор не могут проснуться. Все будет мирно, если ваша милость теперь же доставите послов наших; но если послы не явятся, то я буду воевать вместе с ордою; пан гетман, который на днях ожидает орды, двинется со всем войском и заступит дорогу, где будете утекать. А жидов ваша княжеская милость благоволите препроводить до самой Вислы, потому что они прежде всех виноваты, они и вас с ума свели». Хмельницкий отвечал то же самое, что движения Иеремии вызвали и его из бездействия; также просил о возвращении послов козацких, отправленных в Варшаву, после чего, сообразуясь с письмами сенаторов, он возвратится с войском и удержит орду.

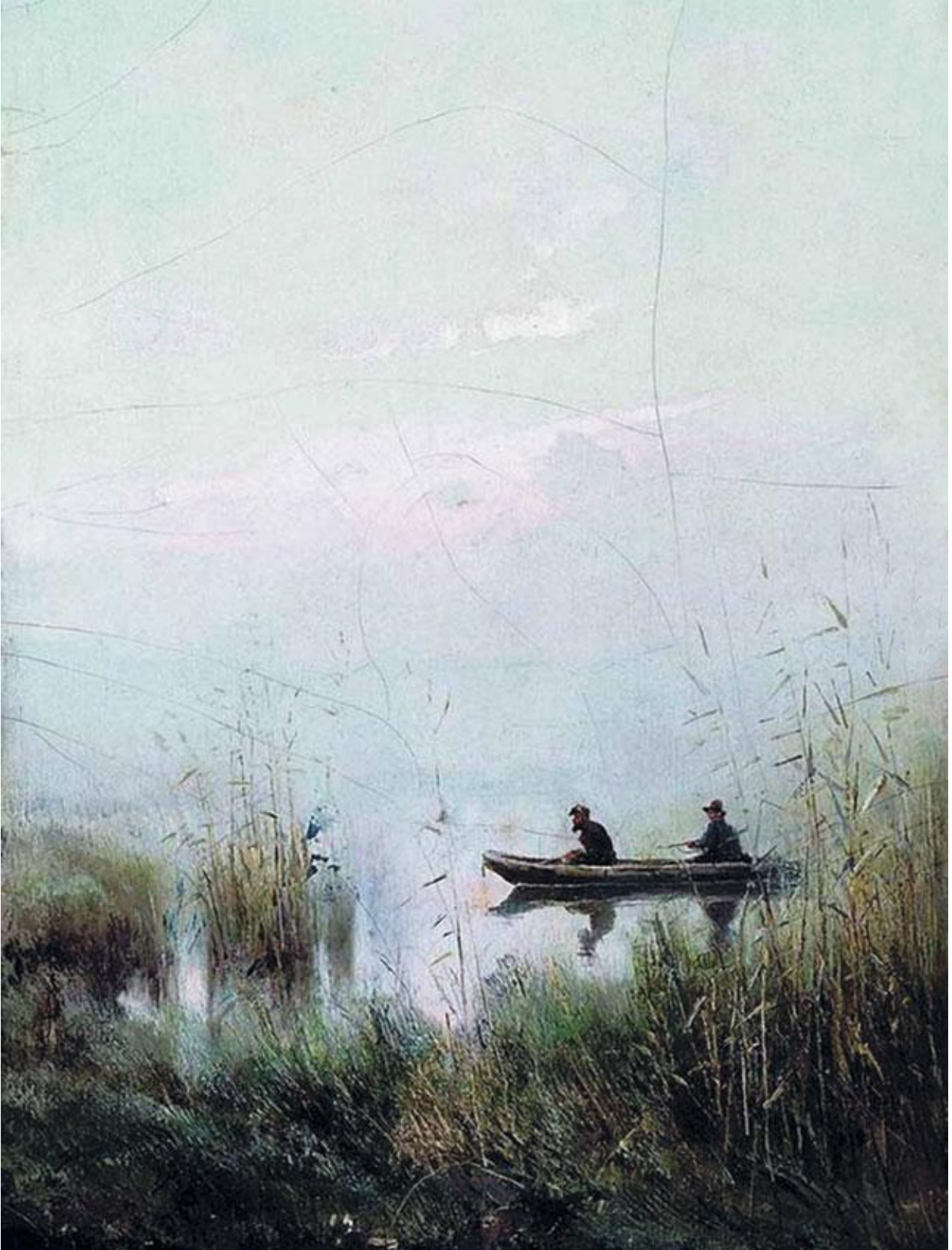
Князь Острожский писал отчаянное письмо к архиепископу-примасу: «К чему обманывать республику ложною надеждою, когда в отчаянных обстоятельствах ежедневно прибавляются новые бедствия? Я не мог устоять под Константиновом, потому что сила неприятельская неслыханна. Теперь уведомляю, что уже пахнет конечною гибелью». Князь Доминик не видал возможности мира и полагал единственную надежду на военную помощь из Польши. Так же смотрел на дело и Тышкевич, воевода киевский. «Наибольший вред, – писал он, – состоит в том, что братья наши делаются добычею неприятеля, а мы ничего об

этом не знаем или не можем знать, считая себя обеспеченными надеждою на трактаты и осененными мнимым облаком перемирия. Если это от кого-нибудь происходит, то мы надеемся, что придет время, когда Бог укажет виновника бедствий республики. Мы по совести, по любви к отечеству и по долгу нашему сенаторскому еще раз предостерегаем, что неприятель под предлогом обещанного мира более и более свирепствует, более и более усиливается, так что теперь каждый холоп есть наш неприятель, каждый город, каждое селение мы должны считать отрядом неприятельским. И неудивительно, что они доходят до такого неистовства: при нашей беспечности простой народ думает, что ему дозволено все против всех, даже против самого Бога. Поэтому остается одно средство к прекращению своеволия – показать неприятелю саблю. Лучше нам отпоясать саблю, чем терпеть такое поругание от собственных холопов».

Тышкевич разумел Киселя, говоря о виновнике бедствий, который осенил поляков мнимым облаком перемирия. Но Кисель, видя слабость государства и панический страх, овладевший всеми, единственным средством спасения считал мир, хотя и не очень на него полагался. 9 августа он писал коронному канцлеру: «Большая и жалкая перемена произошла в моем предположении идти к Киеву. Еще до Гуци (имение Киселя) опередили меня козаки или разбойники – не знаю, как назвать их. Что уцелело от одной толпы, то разорено до основания другою: у меня и у слуг моих пограблено домашней утвари более чем на 30 000; в форверках также взяли все, что было; жида все вырезаны, дворы и корчмы сожжены. Около Горыня постигла всех та же участь, что и меня. Кривонос взял Меджибож приступом и всех жителей перерезал. Слышно, что Шар-город подвергся той же участи и что козаки обратились уже к Бару. Три дня изменники пробыли в Гуще, грабили наездами всю окрестность; пьянствуя днем и ночью, выпили несколько бочек вина и несколько десятков бочек меда, потчевали моих и соседних хлопей, остальное пораздавали им. Язык показал, что Хмельницкий со 120 000 войска находится уже под Янушполем, недалеко от Любартова; тот же язык сказал, что послы козацкие, отправленные в Варшаву, до сих пор еще не возвратились к Хмельницкому, которому Кривонос дал знать, что они посажены на кол, и тогда Хмельницкий двинулся с огромным войском и послал за ордою. В таких обстоятельствах я отправил одно письмо к Хмельницкому от

себя, другое от всех нас, комиссаров. Войска наши не спешат соединиться, начальники не имеют силы, на всех напал такой страх, что не только неприятель одерживает верх, видя, что никто не смеет смотреть ему в глаза и все обращаются в бегство, но даже крестьяне, холопы издеваются над нами, и вот вся чернь присоединяется к этим войскам, козачьим или разбойничьим. Поэтому я отправил к Хмельницкому письмо, желая узнать, не дошел ли он до последней степени неистовства, а сам, с своим полком и товарищами, медленно подвигаюсь, ожидая ответа; когда он мне ответит, что ждет меня к себе, то поеду и употреблю всевозможные средства к примирению. Если же Хмельницкий отвергнет мои предложения, то я с своим полком пойду днем и ночью на то место, где собираются войска республики».

С. Васильковский. На охоте. Конец XIX в.

Кисель, идя к Хмельницкому для мирных переговоров, требовал, чтоб польское войско не нападало на козаков, не раздражало их, не давало возможности говорить, что со стороны поляков нет желания мира. Он писал коронному канцлеру Оссолинскому, что со стороны Хмельницкого можно надеяться мирного распоряжения: «Как скоро послы мои приехали к Хмельницкому, то я тотчас получил известие, что Кривонос посажен на цепь и прикован к пушке за шею. Вся шляхта, сколько ее было в плену у Кривоноса, выпущена, и велено отрубить головы более чем сотне разбойников. Сам Хмельницкий, остановив полки, отступил и ожидает меня». Хмельницкий действительно приглашал Киселя к Константинову для переговоров и, жалуясь на тиранство Вишневецкого, писал: «Неудивительно было бы нам, если б делал это простак какой-нибудь, например наш Кривонос, но между Вишневецким и Кривоносом большая разница! Мы больше помним Бога: ни один поляк, доставшийся в наши руки, не умерщвлен». Но недолго манила бедного Киселя надежда скоро начать и успешно кончить переговоры с новым Тамерланом, как он называл Хмельницкого: он с своими товарищами, остальными комиссарами, и провожавшим их вооруженным отрядом приблизился к Острогу, но в это время козаки захватили город и выступили против комиссарского отряда как неприятеля. Кисель послал сказать им, что он с товарищами – комиссары, едущие к Хмельницкому по письму последнего. Козаки остановились, обязались нейти дальше во внутренность Волыни, с обеих сторон дано было по десяти человек в заложники, и несколько человек комиссарского отряда спокойно въехали в город. Но вдруг является отряд войска князя Острожского, приступает к воротам и начинает схватку с козаками. Те, не разобравшись, что это за войско, подумали, что это комиссары вероломно нападают на них, и принялись бить тех поляков из Киселева отряда, которые были у них в городе. Поляки Острожского не могли взять города и отступили, но козаки не согласились уже пропустить комиссаров через Острог. Кисель, с одной стороны, должен был писать к Хмельницкому с упреками, что в то время, как он шел для мирных переговоров, козаки захватили Бар и Острог; с другой стороны, писал к польскому войску, что оно расстраивает все дело, нападая на козаков. Из войска дали ему жестокий ответ: «С удивлением услышали мы, что республика теряет

крепкие города перед глазами вашей милости, хотя вы имели при себе значительное число войска. Это происходит, по нашему мнению, оттого, что комиссия по бесполезной медленности не приступала по сю пору ни к какому делу. С этим холопством мы не можем придерживаться народного права, потому что оно не привыкло соблюдать верность. Знаем, что республика, связав себе руки комиссиею, не желает, чтоб мы раздражали неприятеля; такой же совет мы принимаем и от вашей милости. Но если б мы, смотря на необузданное высокомерие холопов, дозволили им в глазах своих братья города и замки и производить беспрестанные убийства, то в таком случае и верность наша сделалась бы сомнительною в глазах республики, и достоинство наше было бы унижено». Кисель оправдывался, что комиссии нет никакой возможности спешить да и самая медленность ее полезна, потому что дает время собирать войска; Острог был взят до прибытия комиссаров, отнимать же город вооруженною рукою было бы несовместно с их должностию и неблагоприятно; город освобождался от козаков в силу переговоров, но польское войско своим нападением испортило все. Вишневецкий, однако, не переставал вооружаться против мирных переговоров и против Киселя. «Если мы будем дожидаться союза поганых с своими домашними погаными, то нам труднее будет покончить войну», – писал он к архиепископу-примасу 30 августа. «Козаки на сих днях овладели Луцком, Клеванью и другими городами на Волыни; 30 000 татар переправились к нам на Мурахву. Из этих вестей ваша милость можете судить, какие плоды принесло перемирие, которое ведет нас к горькому концу. Неприятель берет города, а нам велят молчать, связав нам руки волею республики, потому что она изрекла мир, а не войну».

Желание Вишневецкого исполнилось. Хмельницкий, раздраженный тем, что поляки в другой раз приступили к Острогу, задержал посланцев Киселя, вследствие чего последний не поехал к нему и соединился с войсками Острожского. Поляки отняли у козаков Константинов и встретились с самим Хмельницким под Пилявцами. Богдан начал переговоры с князем Острожским и тянул время, дожидаясь татар; 20 сентября началось сражение и началось с выгодою для поляков; на другой день успех был на стороне козаков, а вечером в их стане раздались крики, возвещавшие о приходе татар. Поляки оробели. На третий день на рассвете привели языка, который объявил,

что пришло 40 000 татар, тогда как их пришло только 4000; началось страшное смятение между поляками; козаки напали и вырезали два полка; языки говорили, что идет сам хан с бесчисленным войском. Вечером предводители собрались на совет и решили уходить; ночью с 22 на 23 понеслась по лагерю весть, что предводителей уже нет, и тогда все войско обратилось в постыдное бегство, бросивши богатый обоз в пользу козаков. Тут, по одним известиям, погиб от татар наш старый знакомый, Ян Фаустин Луба, по другим же он возвратился в Польшу и кормился опять по панским домам.

После этого неожиданного торжества Хмельницкий занял без сопротивления Константинов, Збараж и, слыша крики козаков: «Веди на ляхов!» – повел их ко Львову, с которого взял огромный окуп; жители принуждены были выдать все свои драгоценности. Из-под Львова Хмельницкий подступил под Замостье, откуда 15 ноября послал письмо к сенату, выставляя по-прежнему, что виновниками всех бед два пана – Конецпольский и князь Вишневецкий, требовал, чтоб они были объявлены виновными, и заключал письмо так: «Если ваша милость начнете войну против нас, то мы примем это за знак, что вы не хотите иметь нас своими слугами». В ответ он получил известие об избрании нового короля, Яна Казимира, брата Владиславова, который приказывал ему отступить от Замостья. Хмельницкий отвечал, что повинуется, на радостях велел палить из пушек, пил и говорил послам: «Если б вы на конвокации еще короля выбрали, то не было бы ничего, что случилось, а если б выбрали какого-нибудь другого, а не Яна Казимира, то я пошел бы на Краков и дал бы корону кому надобно». Отчего же так обрадовался Хмельницкий избранию Яна Казимира? Московскому гонцу Кунакову рассказывали в Варшаве, что Ян Казимир еще до избрания писал к Хмельницкому: «Если буду королем, то войну успокою и вперед тебе и всему Войску Запорожскому мстить не буду, и вольности ваши подкреплю лучше прежнего». Послал эту грамоту король с шляхтичем Юрием Ермоличем, который остался при Хмельницком. Богдан, по письму королевича, писал к панам радным: если они изберут на королевство пана его, королевича Казимира, то он, Богдан, будет во всей его воле; если же изберут кого-нибудь другого, то он, Богдан, с Войском Запорожским и с татарами будет воевать большою войною.

Грамота, которую новый король послал к Хмельницкому, подтверждала надежды козацкого вождя. «Начиная счастливо наше царствование, – писал король, – по примеру предков наших, пошлем булаву и хоругвь нашему верному Войску Запорожскому, пошлем в ваши руки, как старшего вождя этого войска, и обещаемся возвратить давние рыцарские вольности ваши. Что же касается смуты, которая до сих пор продолжалась, то сами видим, что произошла она не от Войска Запорожского, но по причинам, в грамоте вашей означенным». Ян Казимир обещал, что Войско Запорожское будет под непосредственною властью короля, а не старост украинских, обещал исполнить и желание козаков относительно унии, но требовал за это, чтоб Хмельницкий отослал татар и распустил чернь. Богдан исполнил все это, но тут же было видно, что он разнуздан успехом и готов был повинаться только с условием, чтоб исполнялись его желанья. Мечь кипела в его сердце: воспоминания о Чаплинском, Конецпольском, Вишневецком не давали ему покоя. «В Бродах (имение Конецпольского) камня на камне не оставлю, – говорил он, – с землею сравняю, а этот князик Вишневецкий недолго будет у меня региментовать; сам в Крым поеду и освобожу гетманов с условием, если помирятся со мною и будут в приязни жить, если же нет, то прикажу им головы отрубить, а этот князик за Днепром у меня не показывайся!» Хмельницкий, надеясь на короля, думал, что будут исполнены все его желанья, но когда пань узнали, что король послал Хмельницкому гетманскую булаву и знамя, то приходили к нему с шумом, особенно поляки кричали: «Идем всею Речью Посполитою! От Богдана Хмельницкого, от Кривоноса и козаков разоренье и кровопролитие большое, чего не бывало, как Польское королевство стало, а король козаков почитает, как приятелей своих!» Ян Казимир отвечал: «Если теперь Хмельницкого и все Войско Запорожское в милость не принять, то от них и вперед будет большое разоренье, потому что Войско Запорожское и хлопы гультайство еще не усмирились да у Богдана орда крымская всегда наготове; а на коронное и на литовское войско казнь Божия: чего никогда не бывало – везде козаки их побивают. Подумайте об этом, чтоб в конечном разоренье не быть, да и то вам надобно рассудить, какие от козаков прежде бывали Речи Посполитой кровные службы и доброхотство, и что вы им за это воздали, кроме насильства и разоренья? А нынешнее междуусобие начали они по крайней нужде: все это сталось от панов, которые таких

вечных слуг грабили и разоряли». Паны продолжали кричать: «Мы и вся Речь Посполитая будем против Войска Запорожского и против своих хлопов войну вести и мстить им до кончины своей; либо козаков истребим, либо они нас истребят; лучше нам всем помереть, чем видеть такое разоренье, упадок и вечное бесславие; лучше умереть, чем козакам и своим хлопам в чем уступить!» Такие большие надежды и требования со стороны Хмельницкого и такая неуступчивость и ожесточение со стороны панов не предвещали скорого мира. Сильное негодование панов на короля было возбуждено и тем, что по смерти Тышкевича Ян Казимир отдал Киевское воеводство Адаму Киселю, назначенному переговаривать с Хмельницким о мире: Киселя величали изменником за его православие и боялись, нет ли у него с королем какого умысла. Московскому гонцу Кунакову рассказывали, что король желает, чтоб Богдан Хмельницкий панов радных сломал и сделал ему послушными.

По возвращении из похода Хмельницкий с торжеством въехал в Киев; около него ехали полковники в золоте, серебре, добытом у поляков, несли польские хоругви и другую военную добычу. В народе раздавались восторженные крики, слышались мольбы за Хмельницкого; духовенство, академия вышли к нему навстречу, профессора говорили панегирики, называли Хмельницкого Моисеем веры русской, защитником свободы русского народа, новым Маккавеем. Победителя немедленно окружили иностранные посланники. Богдан усердно молился, раздавал богатые дары по церквям из польской добычи и в то же время расспрашивал колдунов и колдуний о будущем. Вместе с этим козак гулял на радостях, пировал день и ночь, как подопьет – песню затянет. Беспреданно менялся: то ласков, то вдруг суров, то со всеми запанибрата, то вдруг никого к себе не допускает; добродушно разговаривает и вдруг выдаст свирепый приказ. Мы поймем все это, если будем смотреть на Хмельницкого прежде всего как на козака. Как бы ни был даровит член общества нецивилизованного, как бы высоко ни поставила его судьба, не может он отречься от своей природы, девственной еще, детской, если угодно, грубой, не сдерживаемой известными условиями образованного общества, не затянутой в известные формы; впечатления такого человека живы, сильны, быстро сменяются, он рабски поддается им и не умеет сдерживать своих чувств, не умеет обращать холодное

внимание на правильность, последовательность их выражения, начнет что-нибудь, вдруг по непонятному для него самому сцеплению понятий вспомнит о чем-нибудь другом и увлекается этим новым воспоминанием; быстро, безотчетно сменяются в нем мысли и чувства, быстро выражаются в слове и деле. Дик и странен кажется такой человек члену общества образованного, не понимает образованный человек этой юности природы и, глядя по-своему, готов счесть маскою то, что на самом деле живой образ. Наступило время, когда Хмель, так называли поляки Богдана, вполне выказал свой козацкий характер, чем озадачил и оскорбил людей из другого общества. Из Киева поехал Богдан в Переяславль, и туда приехали к нему обещанные комиссары королевские, старый наш знакомец, многоученый и красноглаголивый Кисель с товарищами. Хмельницкий выехал к ним навстречу в поле с полковниками, есаулами, сотниками, военною музыкою, с бунчуком и красным знаменем; при въезде выпалили из двадцати пушек. Гетман позвал комиссаров обедать, и тут сейчас же горелка начала выводить наружу то, что было на сердце у Богдана и его товарищей, полковников: Вишневецкий, Конецпольский, Чаплинский нехорошо были помянуты. На другой день назначена была церемония вручения Хмельницкому булавы и знамени королевских. На широкой улице, перед двором своим, стоял Хмельницкий под бунчуком, в собольей, крытой парчою шубе, окруженный старшинами. Кисель начал было выказывать свое красноречие в длинной речи, выставлял милость королевскую, как вдруг отозвался пьяный полковник Дзялак: «Король как король, а вы королевята, князья, проказите много, наделали дела! А ты, Кисель, кость от костей наших, отщепился от нас и пристаешь к ляхам!» Хмельницкий стал его унимать, и Дзялак, видя, что все другие молчат, убрался. Богдан, как показалось комиссарам, принял гетманские знаки не с большим усердием.

В. Суриков. Голова старого казака. Этюд к картине «Покорение Сибири Ермаком». 1895 г.

После церемонии гетман позвал комиссаров обедать. Перед обедом Кисель опять распространился о великих милостях королевских: король прощает Хмельницкого, дает свободу древней православной религии, позволяет увеличить число реестрового войска, восстанавливает прежние права и преимущества его, наконец, предоставляет гетманство ему, Хмельницкому. «Вы, гетман, с своей стороны должны показать себя благодарным, должны стараться о прекращении смуты и кровопролития, не принимать крестьян под свое покровительство, а внушать им повиновение законным владельцам». Не очень щедрые для корсуньского и пилявецкого победителя милости и неудобноисполнимое требование отказаться от союза с простым народом в пользу панов раздражали Хмельницкого; раздражало и обращение к нему как вождю полновластному, тогда как он не мог ничего сделать без согласия войска, а легко ли было удовлетворить требованиям этого войска, которое состояло из низшего народонаселения всей Украины? От Хмельницкого требовали отдать панам в неволю людей, которые дали ему такое могущество, и остаться начальником войска в 12 000 или много в 15 000, как предлагали поляки! Но что все более заставляло Хмельницкого переменить тон относительно польского правительства, так это то, что хан, помогавший ему до сих пор из-под руки, одним отрядом Тугай-Беевым, теперь решился прямо стать его защитником, помогать ему всеми силами; с турками заключен был союз; князь трансильванский Юрий Рагоцы также предлагал Хмельницкому воевать Польшу. Вот почему Богдан отвечал Киселю: «За великие милости королевские покорно благодарю; что же касается до комиссии, то она в настоящее время начаться и производить дел не может: войска не собраны в одно место, полковники и старшины далеко, а без них я ничего решать не могу и не смею; иначе могу поплатиться жизнью. Да притом я не получил удовлетворения за обиды, нанесенные Чаплинским и Вишневецким. Первый должен быть непременно мне выдан, а второй наказан, потому что они подали повод ко всем смутам и кровопролитию. Виноват и пан кастелян краковский, который нападал на меня и преследовал меня, когда я принужден был спасать жизнь свою в пещерах днепровских, но он уже довольно награжден за дела свои, нашел чего искал. Виноват и хорунжий (Конецпольский), потому что лишил меня отчизны, отдал Украину лисовщикам, которые козаков, оказавших услуги республике, обращали в холопов, драли с них кожу,

вырывали бороды, запрягали в плуги, но все они не так виноваты, как Чаплинский и Вишневецкий. Ничего из этого не будет, если одного из них не накажут, а другого мне сюда не пришлют; в противном случае или мне погибнуть со всем Войском Запорожским, или пропасть Польской земле, сенаторам, дукам, королькам и шляхтам. Разве мало виноваты ляхи, что льется кровь христианская, что войско литовское вырезало Мозырь и Туров, что Януш Радзивилл велел одного из наших посадить на кол? Я послал туда несколько полков, а к Радзивиллу писал, что если он поступил таким образом с одним христианином, то я то же самое сделаю с 400 пленных поляков».

За столом новые сцены. Полковники сильно сердились на литовского гетмана Радзивилла, который, воюя с украинскими загонщиками, взял приступом и истребил два города, принявшие их сторону. Ксендз Лентовский, приехавший с королевскими грамотами, заметил, что слухи из Литвы могут быть и несправедливы. Тут старый черкасский полковник Федор схватил булаву и закричал: «Молчи, поп! Не твое дело уличать меня во лжи; и ваши ксендзы, и наши попы все такие-то дети; выходи, поп, на двор, научу я тебя полковников запорожских почитать». Комиссары смягчали Хмеля, как могли; особенно истощал свое красноречие Кисель, но ничего не успел сделать. На другой день Кисель приглашал к себе гетмана обедать; но Хмельницкий приехал вечером с некоторыми полковниками, уже подвыпивши, и опять начал срывать сердце, пересчитывать обиды, которые получил от поляков, и грозить мстью. Потом пробрался в комнату жены Киселевой и начал прямо говорить ей, чтобы с мужем отреклись от поляков и остались с козаками, потому что Польская земля сгинет, а Русь будет господствовать в том же году, очень скоро. На другой день долго спал Хмельницкий, потому что пил с колдуньями, которые ворожили ему счастье на войне в этот год. Как скоро можно стало к нему являться, комиссары послали к нему с просьбою назначить время для переговоров. Посланные застали гетмана уже за горелкою и получили такой ответ: «Завтра будет справа и расправа, потому что теперь я пьян, венгерского посла отправляю; коротко скажу: из этой комиссии ничего не будет; война должна через три или четыре недели начаться: переверну вас всех, ляхов, вверх ногами и потопчу так, что будете под моими ногами, а напоследки отдам вас царю турецкому в неволю. Король королем будет, чтоб король казнил шляхту

и дуков и князей, чтоб был себе вольный. Провинится князь – режь ему шею; провинится козак – и ему то же: вот будет правда! Я хоть себе худой малый человек, но Бог мне дал, что я теперь единовладный самодержец русский. Если король не хочет вольным королем быть, то как ему угодно. Скажите это пану воеводе (Киселю) и комиссарам. Стращайте меня шведами – и те мои будут, а хоть бы и не так, хоть бы их было пятьсот тысяч – не одолеют они русской, запорожской и татарской мочи. С этим и ступайте: завтра справа и расправа». Получивши такой ответ, комиссары стали советоваться и положили: требовать от Хмельницкого, чтоб он отпустил их, и просить освобождения пленных поляков.

На другой день комиссары отправились к гетману, и Кисель начал со слезами умильную речь, говорил, что Хмельницкий не только Польшу и Литву, но и русскую веру, святые церкви хочет отдать поганым без причины. Если ему нанесена обида, если Чаплинский виноват, то готова награда; если Войско Запорожское обижено тем, что уменьшили его число, отняли земли, то король обещает все вознаградить; пусть подумает, что, как Польша и Литва не удержат поганых без Запорожья, так и Запорожье не защитится от поганства без польского войска; уговаривал, чтоб отступился от черни, пусть крестьяне пашут, а козаки воюют, пусть реестровых козаков будет 12 000 или 15 000, пусть идет лучше воевать поганых за границу. Богдан отвечал: «Нечего много толковать! Было время трактовать со мною, когда меня Потоцкий гонял за Днестром, и на Днестре было время, и после Желтоводской, и после Корсунской битвы, и после Пилявец, и под Константиновом, и под Замостьем, и когда я из-под Замостья шесть недель шел до Киева, а теперь уже не время; мне удалось сделать то, о чем и не мыслил, покажу потом и то, что замыслил. Выбью из польской неволи народ русский весь. Сперва воевал я за свою обиду, теперь стану воевать за веру православную нашу. Вся чернь, которая ее держится, по Люблин, по Краков, поможет мне в этом, и я чернь не выдам, чтоб вы, задавивши крестьянство, и на козаков не ударили. Буду иметь двести, триста тысяч своих, всю орду, подле меня Тугай-Бей, брат мой, душа моя, единственный сокол на свете, готов он все сделать, что я ни захочу, вечна наша козацкая приязнь, которой целый свет не разорвет. За границу войною не пойду, саблю на турок и татар не подниму, будет с меня Украины, Подола, Волыни, довольно добра в

земле и княжестве моем по Львов, Хельм и Галич, а ставши над Вислой, скажу остальным ляхам: сидите, молчите, ляхи! Дуков и князей туда загоню, а если и за Вислой кричать станут, найду их и там; не останется ни одного князя, ни одного шляхтича на Украине, а который захочет с нами хлеб есть, пусть будет послушен Войску Запорожскому, а на короля не брыкает». Полковники поддакивали гетману; они говорили: «Прошли те времена, когда ляхи седлали нас нашими же людьми, христианами, сильны были нам драгуны, а теперь их не боимся; узнали мы под Пилявцами, что теперь не те ляхи, какие прежде бывали, какие били турок, Москву, татар, немцев, не Жолкевские, не Ходкевичи, не Конецпольские или Хмелецкие, но Тхоржевские, Зайонцковские (т. е. Трусовецкие, Зайцевские), ребята, одетые в железо, померли от страха, как только нас увидели и поутекали, хотя татар в середине не было больше 3000, подождали бы до пятницы, так ни один бы до Львова не добрался». Хмельницкий продолжал: «Патриарх (иерусалимский) благословил меня в Киеве на эту войну, венчал меня с моей женой, разрешил меня от грехов, хотя бы я и не исповедовался, и приказал доконать ляхов: как же мне не слушаться святого владыки, начального нашего человека и гостя любимого; я уже обослал полки, чтоб коней кормили и в дорогу были готовы, без возов, без пушек, все это я найду у ляхов; если козак возьмет хотя один воз с собой, велю ему голову отрубить, не возьму и сам с собою ничего». Говоря это, Хмельницкий пришел в такую ярость, что вскакивал с лавки, топал ногами, рвал на себе волосы. Комиссары обомлели от страха; никакие убеждения их не помогали.

В. Суриков. Голова молодого казака. Этюд к картине «Покорение Сибири Ермаком». 1895 г.

Стали они думать уже не о заключении мира, а о том, как бы уехать поздорову и выручить пленных. Наконец гетман объявил им свои условия: «1) чтоб имени, памяти и следа унии не было; 2) митрополит киевский по примасе польском первое место должен иметь в сенате; 3) воеводы и кастеляны на Руси должны быть православные русские; 4) Войско Запорожское по всей Украине при своих вольностях давних остается; 5) гетман козацкий подчиняется прямо королю; 6) жидаы изгоняются изо всей Украины; 7) Иеремия Вишневецкий никогда не должен быть гетманом коронным. Здесь для поляков недоставало самого главного пункта – какое число будет козаков? Кисель спросил об этом у Богдана, и тот отвечал: «Зачем писать это в договор? Найдется нас и 100 000, будет столько, сколько я скажу». Комиссары спросили о пленных. «Это завоевано, – отвечал Хмельницкий, – пусть король не думает». Комиссары возражали, что и поганые отпускают пленных, как же он, гетман, не хочет отпустить пленников, будучи подданным короля? Хмельницкий отвечал: «Нечего толковать! Их мне Бог дал; отпущу их, если никакой зацепки от литвы и от ляхов не будет; пусть Потоцкий подождет брата своего, старосту каменецкого, который у меня Бар, мой город, заехал на Подоле, кровь христианскую льет: я приказал туда полкам двинуться и живьем привести к себе Потоцкого». «Козаки делают то же самое, – возражали комиссары. – В Киеве днем и ночью льется невинная кровь потоками в Днепр; ляхов одних топят в реке, других бесчеловечно убивают; все это делает Нечай, полковник брацлавский, и говорит, что имеет на это твое приказание». Хмельницкий: «Не приказывал я убивать невинных, а только тех, которые не хотят пристать к нам или креститься в нашу веру. Вольно мне там резать, мой Киев, я воевода киевский; дал мне его Бог без сабли; нечего тут толковать». Кисель спросил его, согласен ли он, по крайней мере, заключить договор теперь же? Хмельницкий отвечал: «Я уже сказал, что теперь нельзя: полки не собраны да притом голод; комиссия отложится до зеленых святок (Троицына дня), когда будет трава, чтоб было чем пасти лошадей, а до того времени пусть коронные и литовские войска не входят в Киевское воеводство. Граница между нами Горынь и Припять, а от Брацлавского и Подольского воеводств –

по Каменец». Комиссары предложили было ему свои условия, но Хмельницкий зачеркнул их, и, таким образом, заключено было только перемирие до Троицына дня. Кисель, однако, продолжал свои увещания, говорил о непостоянстве счастья, призрачного и хрупкого, как стекло; говорил, как страшно для поддержания веры православной искать покровительства турок и татар, которые думают только о том, как бы извести народ русский; если поляки, литва и русь будут губить друг друга в междоусобиях, то соседние народы всех их завоюют; наконец грозил мщением оскорбленного короля. Хмельницкий был тронут, но высказал необходимость войны, и против его причин не было возражений. «Нельзя, – отвечал он, – нельзя удержаться от войны; будем воевать, пока станет жизни и пока не добьемся вольности: лучше голову сложить, чем в неволю возвратиться. Знаю, что фортуна склизка, но пусть торжествует правда. Короля почитаем как государя, а шляхту и панов ненавидим до смерти и не будем им друзьями никогда. Если они перестанут делать зло, то мир заключить нетрудно: пусть утвердят статьи мои. Если же станут хитрить, то война неизбежна. Пленных я выдам на комиссии. Скажите это королю; кроме написанных условий, ничего не будет». Кажется, за эти слова польские историки не имели права обвинить Богдана в неискренности; здесь его устами говорило все простонародье украинское, русское, и характер борьбы выказался ярко, борьбы, возгоревшейся от смертельной ненависти к панам и шляхте. Мир при самых выгодных условиях для ограниченного в числе козачества, но с возобновлением прежних условий для холопов был невозможен, как события покажут нам.

Комиссарам не хотелось выехать из Переяславля без польских пленников; они употребляли все усилия, расточали просьбы и подарки, обещали по сту червонных полковникам и писарям. Знали, что большим влиянием пользуется обозный Чернота, и пошли к нему с подарками просить, чтоб шел к гетману и уговорил его отпустить пленников. «Не пойду, – отвечал Чернота, – я болен: вчера с ним пили целую ночь, оттого и хвораю. Да я ему не советовал и не советую выпускать пташек из клетки; если б я был здоров, то навряд и сами бы вышли бы отсюда».

На прощание комиссаров с гетманом пленников привели: комиссары опять стали просить об их освобождении, пленные бросились к ногам Богдана, но ничто не помогло. «Пусть Потоцкий, – сказал он, –

подождет брата своего: тогда этого велю посадить на кол перед городом, а того – в городе; пусть глядят друг на друга». В следующих словах Хмельницкого комиссарам заключалась опять сущая правда: «Не знаю, как состоится вторая комиссия, если молодцы не согласятся на 20 или 30 тысяч реестрового войска и не удовольствуются удельным панством своим; не сам по себе я откладываю комиссию, а потому, что не смею поступать против воли рады, хотя и желал бы исполнить волю королевскую». На возвратном пути комиссары также имели случай убедиться в характере борьбы; прислуга их обоего пола, даже девушки, переходила к козакам. В Киеве шляхтичи, шляхтянки и чернь католического исповедания бросились к комиссарам, чтоб под их покровительство уйти из города, но козаки погнались за ними и не пустили, многих ободрали, били и топили. В Белгородке ночлег был небезопасен, потому что здесь преследовали католиков. «Должно знать, – писал один из комиссаров, – что чернь вооружается, увлекаясь свободой от работ, податей и желая навеки избавиться от панов. Во всех городах и деревнях Хмельницкий набирает козаков, а нежелающих хватают насильно, бьют, топят, грабят; гораздо большая половина желает покоя и молит Бога об отмщении Хмельницкому за своеволие. Хмельницкий не надеется долго жить, и действительно, он имеет между своими приближенными заклятых врагов. Он закопал в Чигирине несколько бочек серебра, имеет 130 турецких коней, 24 сундука с дорогим платьем. Украина наполнена пилявскою добычею; ее преимущественно скупают москвитяне в Киеве, также по городам на рынках. Серебряные тарелки продавались по талеру и еще дешевле. Один киевский мещанин купил у козака за 100 талеров такой мешок серебра, какой только можно было донести мужику».

Если Хмельницкий не мог принять условий, предложенных ему польским правительством, то последнее, без крайней необходимости, не попытавшись при более счастливых теперь обстоятельствах оружием усмирить хлопов, не могло согласиться на условия Хмельницкого, и обе стороны воспользовались перемирием только для того, чтоб собраться с новыми силами к войне, да и перемирие было плохо сдерживаемо с обеих сторон. Поляки поняли наконец, что мир или война не зависят от Хмельницкого; в апреле писали из Волыни: «Чернь до того рассвирепела, что решила или истребить шляхту, или сама гибнуть». Все поднялись в козаки. «У Хмельницкого, – говорит

очевидец, – было бесчисленное войско, потому что в ином полку было козачества больше двадцати тысяч, что село, то сотник, а в иной сотне человек с тысячу народа. Все, что было живо, поднялось в козачество; едва можно было найти в селах семью, из которой кто-нибудь не пошел бы на войну: если отец не мог идти, то посылал сына или паробка, а в иных семьях все взрослые мужчины по шли, оставивши только одного дома; все это делалось потому, что прошлого года очень обогатились грабежом имений шляхетских и жидовских. Даже в городах, где было право магдебургское, бурмисты и радцы присяжные покинули свои уряды, побрили бороды и пошли к войску». Кроме этого многочисленного своенародного ополчения Хмельницкий ждал еще хана крымского с ордою, ждал турок, ждал донцов, отправил в Москву чигиринского полковника Вешняка, который в мае подал царю грамоту. «Нас, слуг своих, – писал Богдан, – до милости царского своего величества прими и благослови рати своей наступить на врагов наших, а мы в Божий час отсюда на них пойдём. Вашему царскому величеству низко бьем челом: от милости своей не отдаляй нас, а мы Бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцем был». Царь отвечал, что вечного dokonчания с поляками нарушить нельзя, «а если королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское освободит, то мы тебя и все войско пожалуем, под нашу высокую руку принять велим». Долго было дожидаться этого освобождения; королевское величество собирал войско, но в войске этом между воеводами несогласие, между ратными людьми неусердие к делу; против русских, которые бились за веру, за свободу, одушевлялись ненавистью к притеснителям и воспоминанием о недавнем громадном успехе, о добыче богатой, против этих русских поляки выставили иноземцев наемных, правда, искусных и храбрых, надежных в бою против толпы неокурённой порохом, но покидающих знамена, как только задерживалось жалованье; войско своеземное подражало в этом отношении иноземцам: «Денег, денег, как можно скорее денег!» Писали из польского лагеря: «Оставляют хоругви не только рекруты, но и товарищество, так что в иных отрядах находится налицо не более половины людей и даже менее. Иностранное войско сильно уменьшается; ратных людей нельзя удержать ни ласковыми словами, ни строгостью законов, а только деньгами»; и тут же читаем следующие

слова: «Очень трудно достать шпиона между этою русью: все изменники! А ежели добудут языка, то, хоть жги, правды не скажет».

Как скоро трава показалась на поле, стали собираться хлопья под Киев, подступили к днепровскому перевозу в числе 1080 человек, а в Киеве ждал их козак бывалый, мещанин Полегенький, с которым было все улажено: по данному знаку Киев обступили со всех сторон, и на улицах началась потеха: начали разбивать католические монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монахов и ксендзов волочили по улицам, за шляхтою гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватали их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретивши под смертною казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать шляхту в своем доме, и вот испуганные мещане погнались несчастных из домов своих на верную смерть; тела убитых оставались собакам. Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками и вложивши книжки в руки. Три дня гуляли козаки и отправили на тот свет 300 душ: спаслись только те шляхтичи, которые успели скрыться в православных монастырях.

Неизвестный художник. Ян Казимир, король польский и великий князь литовский. XVII в.

Хмельницкий выступил из Чигирина и шел медленно, поджидая хана; Ислам-Гирей соединился с ним в июне 1649 года; присоединилось и 6000 турок, приехали и донцы. 29 июня войска Хмельницкого встретили под Збаражем польское войско, бывшее под начальством Фирлея и Вишневецкого. Поляки окопались в лагере и более месяца отбивались от осаждающих, козаков и татар, терпя голод. В начале августа Хмельницкий узнал, что сам король Ян Казимир с главным войском стоит под Зборовом, и, оставив пехоту держать по-прежнему в осаде Фирлея и Вишневецкого под Збаражем, сам с конницею и с ханом отправился к Зборову; 5 августа дело началось сильным поражением поляков, не ожидавших нападения; к ночи они были окружены со всех сторон. Тогда канцлер Оссолинский придумал средство спасения – отделить хана от Хмельницкого. Ян Казимир послал объявить Ислам-Гирею свою приязнь и напомнить о благодеяниях покойного короля Владислава, который некогда выпустил Ислама из плена; хан отвечал, что готов вступить в переговоры; Хмельницкий писал королю, что никогда, от колыбели до седины, не замышлял мятежа против него, что не из гордости, но, вынужденный безмерными бедствиями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовского, прибегнул он к ногам великого хана крымского, чтоб при его содействии возратить милость и благосклонность королевскую; изъявлял готовность уступить свою власть новому гетману, которого незадолго перед тем назначил король, объявив Хмельницкого лишенным булавы за мятеж. 9 августа заключен был договор: хан взял с короля обязательство прислать в Крым единовременно 200 000 злотых и потом присылать ежегодно по 90 000, а для своего союзника Хмельницкого выговорил следующие условия: 1) Число Войска Запорожского будет простираться до 40 000 человек и составление списков поручается гетману; позволяется вписывать в козаки как из шляхетских, так и из королевских имений, начавши от Днепра, на правой стороне в Димере, в Горностайполе, Корыстышове, Паволоче, Погребище, Прилуке, Виннице, Браславле, Ямполе, в Могилеве, до Днестра, а на левой стороне Днепра в Остре, Чернигове, Нежине, Ромнах, даже до московского рубежа. 2) Чигирин с округом должен всегда находиться во владении гетмана запорожского. 3) Прощение козакам и шляхте, которая соединилась с козаками. 4) В тех местах, где

будут жить реестровые козаки, коронные войска не могут занимать квартир. 5) В тех местах, где будут находиться козацкие полки, жида не будут терпимы. 6) Об унии, о церквах и имениях их будет сделано постановление на будущем сейме; король позволяет, чтоб киевский митрополит заседал в сенате. 7) Все должности и чины в воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском король обещает раздавать только тамошней шляхте греческой веры. 8) Иезуиты не могут находиться в Киеве и в других городах, где есть школы русские, которые все должны оставаться в целости. 10 августа Хмельницкий представился Яну Казимиру и, ставши на одно колено, произнес речь, в которой повторил, что у него и в мысли никогда не было поднимать оружие против короля, но что козаки восстали против шляхетства, которое угнетало их как самых последних рабов. Ян Казимир дал ему поцеловать руку, а литовский подканцлер прочел ему наставление, чтоб верностию и радением загладил свое преступление. На другой день войска разошлись.

В то время, когда на Украине происходила борьба, в Москве находились в тревожном, выжидательном положении. В июле 1649 года распорядились таким образом: черкас, которые из литовской стороны придут в Путивль на государево имя, принимать и устраивать в службу от крымской стороны, а в городах, которые от литовской стороны, быть им нельзя, потому что от этого можно поссориться с Польшею, да и самим черкасам жить в этих порубежных городах от поляков опасно: принимать черкас женатых и семьянистых, а одиноких, у которых племени в выходцах не будет, не принимать, сказывать им, чтоб шли на Дон, для чего давать им прохожие памяти. Пришла весть о торжестве Хмельницкого, о Зборовском договоре. Царь приказал путивльским воеводам, князю Семену Прозоровскому с товарищами, немедленно послать за рубеж для проведывания верных вестей. Воеводы отправили двоих путивльцев прямо к Хмельницкому требовать наказания конотопскому городовому атаману, который в своей грамоте написал имя великого государя не попригожу, жаловаться на литовцев, захватывающих русские земли. Богдан принял воеводских посланцев не очень учтиво. Прочтя грамоту, он сказал: «Не поспел я из обоза приехать, а с государевой стороны уже начали приезжать с жалобами»; и когда посланцы пришли на другой день, то Богдан начал их бранить: «Ездите вы не для расправы, для лазутчества; пусть ваши воеводы ждут

меня к себе в гости в Путивль скоро; иду я войною тотчас на Московское государство; вы о дубье да о пасеках хлопчете, а я все города московские и Москву сломаю; кто на Москве сидит, и тот от меня на Москве не отсидится за то, что не помог он мне ратными людьми на поляков; я с вами не мирился и крест не целовал, а который король польский мирился и крест целовал, тот умер; говорю я вам не тайно, подлинно иду на Московское государство войною. Довелось вас казнить смертию, но я вам эту казнь отдаю, получше вас королевские послы – и тех я казнил». Посланцы донесли, что во всех городах козаки явно толкуют о войне на Московское государство. Но сам Богдан отвечал письменно путивльским воеводам, чтоб они не сердились на конотопского атамана, человека простого и неписьменного; что же касается до убытков, сделанных литовскими людьми русским, то он уже послал приказ заплатить за них. В том же смысле отвечал Богдан и брянскому воеводе князю Мещерскому на подобные же жалобы: «Кто станет с нашей стороны чинить неправду, таким своевольникам приказали мы головы рубить, а мы всегда со всем Войском нашим Запорожским, как христиане с христианами, любви и приязни желаем». Посланцам брянского воеводы гетман говорил: «Говорил мне крымский царь, чтоб идти мне с ним заодно Московское государство воевать, но я Московское государство воевать не хочу и крымского царя уговорил, чтоб Московское государство не воевать. Я великому государю готов служить, где ни прикажет. Не того мне хотелось и не так было тому быть, да не хотел государь, не пожаловал, помощи нам, христианам, не дал на врагов, а они, ляхи поганые, разные у них веры, и стоят заодно на нас христиан». Говоря это, Хмельницкий заплакал. Получивши такие различные донесения, государь запретил путивльским воеводам сноситься с Богданом и отправил к нему своего посланника, Григория Неронова, который в октябре приехал к Хмельницкому с такими речами: «Ведомо великому государю учинилось: крымский хан хвалился пред тобою, что весною хочет идти на украинские города Московского государства, и ты, гетман, служа великому государю, хану отговорил: царское величество тебя за эту твою службу и раденье жалует, милостиво похваляет; ты б впредь за православную веру стоял, царскому величеству служил, служба ваша в забвеньи никогда не будет». Гетман отвечал, что действительно так было. За обедом, как обыкновенно бывало, Богдан стал высказывать, что у него было на

сердце: «Царского величества подданные, донские козаки, учинили мне беду и досаду великую: как началась у меня с ляхами война, то я к донским козакам писал, чтоб они помощь мне дали и на море для добычи и на крымские улусы войною не ходили, но донские козаки моего письма не послушали, на крымские улусы приходили; так я крымскому царю хочу помочь, чтоб донских козаков вперед не было; донские козаки делают, забыв Бога и православную веру; помощи мне не дали и крымского царя со мною ссорят; да и царское величество помощи мне не подал и за христианскую веру не вступился; а если царское величество меня не пожалует, будет за донских козаков стоять, то я вместе с крымским царем буду наступать на московские украинны». Богдан сильно расхотелся; но Неронов, не смутясь, отвечал ему по московскому обычаю: «Донцы ссорятся и мирятся, не спрашиваясь государя, а между ними много запорожских козаков; тебе, гетману, таких речей не только говорить, и мыслить отом непригоже. Царское величество с панами радными но их присылке не соединился на козаков, и в смутное ваше время, когда в черкасских городах хлеб не родился, саранча поела, и соли за войною привоза не было, государь хлеб и соль в своих городах вам покупать позволил, и все Войско Запорожское пожаловал, с торговых людей ваших, которые приезжают в наши порубежные города с товарами, пошлин брать не велел: это великого государя к тебе и Войску Запорожскому большая милость и без ратных людей!» Богдан притих и отвечал: «Перед восточным государем и светилом русским виноват я, слуга и холоп его; такое слово выговорил с сердца, потому что досадили мне донские козаки, а государева милость ко мне и ко всему Запорожскому Войску большая: в хлебный недород нас с голоду не морил, велел нас в такое злое время прокормить, и многие православные души его царским жалованьем от смерти освободились; государь бы меня пожаловал, вину мою, что выговорил непригожее слово, простил, а эту вину стану покрывать своею службою; а на православную веру не посягал, донским козакам мстить не буду и с крымским царем их помирю». Отпуская посла, Хмельницкий говорил: «Как я призывал крымского царя на помощь, то закрепили мы между собою душами – друг на друга войною не приходиться и друг другу помогать, да крымский царь мне говорил: «Как нам Бог помощь свою даст и ляхов побьем, то, кого ты, гетман, над собою и Войском Запорожским хочешь государем иметь, тому и я буду

служить. И как я, гетман, писал к великому государю, чтоб принял меня под свою высокую руку, то крымский царь мне говорил, что хочет и он великого государя над собою государем иметь и со всею ордою. Господь Бог тому ныне быть еще не изволил, но приходит теперь то время, что все бусурманские и иных вер государства будут за православным восточным великим государем вскоре, только не знаю, велит ли Бог мне до того времени дожить или нет». Практический москаль выразил сомнение. «Это дело нестаточное, – сказал Неронов, – что крымский царь хотел иметь над собою великого государя нашего, потому что крымский царь живет в подданстве у турецкого царя». Богдан отвечал: «Крымских царей прежде турецкий царь переменял часто, и боялись турецкого в Крыму, а теперь сам турецкий царь боится крымского царя и великого Войска Запорожского, и никакой воли турецкий царь над крымским не имеет». Потом продолжал: «Если ляхи на правде своей не устоят, то я им этого не попусти, а если Господь Бог нас не помилует, выдаст в поруганье проклятым ляхам и стоять мне против ляхов будет не в силу, то я с Войском Запорожским на царскую милость надежен, отступлю я с Войском Запорожским от проклятых ляхов в царского величества сторону, а в иные государства переходить мысли у меня нет. А если Бог нас помилует от проклятых ляхов освободить, то я, гетман, и войско иного государя, кроме великого государя, светила русского, иметь не будем; а я думаю, что ляхам на правде своей не устоять, и на сейме договорных статей не закреплять, и войну против Войска Запорожского начинать». Неронов; «В вечном докончании о перебежчиках не написано и после вечного докончания на обе стороны переходить вольно». Хмельницкий. «Если ляхи со мною договорные статьи на сейме совершат, то великому государю было бы ведомо, что, сложась с крымским царем, с волохами, сербами и молдаванами, хочу промышлять над турецким царем; крымский царь, волохи, сербы и молдаване и белогорские (акерманские) князья ко мне об этом беспрестанно присылают, и теперь у меня изготовлено на Днепре под Койдаком 300 стругов, да велел еще прибавить 200, а сам пойду с большими силами сухим путем на Белгород, в Турской земле мне и Войску Запорожскому зипун добыть есть где».

Проезжая через малороссийские города, Неронов прислушивался к народному говору и вот какие вести привез в Москву: всяких чинов люди говорят, что они от войны и разоренья погибают, кровь льется

беспрестанно, за войною хлеба пахать и сена косить им стало некогда, помирают они голодною смертию и молят Бога, чтоб великий государь над ними был государем; а иные многие хотят и теперь в государеву сторону перейти. Государство Московское хвалят: в Московском, говорят, государстве великий государь православной христианской веры, и подданные его все православные же христиане, и войны в Московском государстве нет и вперед не будет, потому что вера православная одна; а у них и прежде с ляхами за веру война и разоренье бывало большое, а теперь хотя они с ляхами и помирятся, потому что они теперь ляхов осилили и ляхи им теперь уступают во всем, но потом ляхи над ними станут промышлять и за нынешнюю войну мстить; знают они подлинно, что ляхи против них войну начнут.

Неизвестный художник. Иван Выговский, гетман Войска Запорожского. Копия с картины XVII в.

Неронов познакомился в Чигирине и с писарем Войска Запорожского, Иваном Выговским. Выговский был шляхтич православной веры и служил прежде канцеляристом в Киеве, за растерю книг был приговорен к смертной казни, освобожден от нее заступлением панов, после чего юридическое поприще ему опротивело и он пошел в военную службу. По другим известиям, он был писарем при польском козацком комиссаре. В битве при Желтых Водах Выговский попался в плен к козакам, но, как православный, не был убит, а взят Хмельницким для письменных дел. Здесь, как обыкновенно бывало, перо, несмотря на свою видимую слабость и подчинение, умело взять верх над саблей, и ловкий канцелярист Выговский приобрел большое влияние в войске и над самим Богданом, отклоняя вредные следствия его вспыльчивости за горелкою. Притворяясь поневоле козаком, Выговский оставался в душе шляхтичем, т. е. врагом козачества, и не переставал питать привязанности к Польше, этому шляхетскому царству, раю шляхты, не упускал случая служить панам, уведомляя их об опасности от хлопства. Предвидя, что рано или поздно козакам не уйти от подданства московского, Выговский был очень любезен с послами московскими, тем более что они за эту любезность платили соболями. Неронов доносил, что он дал лишние соболи Выговскому, ибо тот сообщил ему список зборовских статей и про иные дела рассказывал.

В Малороссии гетман и народ были далеки от уверенности, что Зборовский договор может быть продолжителен; легко понять, что в Польше было еще больше неудовольствия. Короля в Варшаве встретили очень дурно; сейм хотя подтвердил вообще Зборовский договор, но духовенство решительно отказалось выполнить одну из главных статей его – дать среди себя место киевскому православному митрополиту, и Сильвестр Коссов выехал ни с чем из Варшавы, куда было приехал для заседания в сенате. С своей стороны, Хмельницкий не имел никакой возможности соблюсти в точности договор, ибо для этого соблюдения должен был, ограничив число козаков, поворотить гайдамаков в крестьян, заставить их повиноваться панам, которых они выгнали, наследникам тех, которых они замучили. Начались опять волнения

хлопства; шляхта, возвратившись в Украину, не могла жить в своих владениях и помирала с голоду; Хмельницкий должен был свирепствовать против тех, кого недавно называл своими верными союзниками. Но строгости не помогали; Хмельницкий, видя, что прежние союзники могут сделаться теперь опасными для него врагами, объявил, что в реестр принимать больше нельзя, но всякий может быть охочим козаком. Он говорил Киселю, назначенному киевским воеводою: «Поляки поддели меня; по их просьбам я согласился на такой договор, которого исполнить никак нельзя. Только 40 000 козаков! Но что мне делать с остальным народом? Они убьют меня, а на поляков все-таки поднимутся». 20 марта 1650 года Хмельницкий писал королю: «Посылаю войсковые реестры и просим вашу королевскую милость извинить, если покажется, что по статьям Зборовского договора следовало бы еще больше уменьшить число войска, потому что мы уже и так имели большие затруднения при определении числа нашего войска. Те, которые по заключении мира умертвили урядников-панов своих, наказаны по мере вины. Мы и впредь, сносясь с воеводою киевским, будем стараться свято охранять покой, преграждая непокорным путь ко всяким мятежам. О том только просим вашу королевскую милость, чтоб войска коронные не приближались и тем не причиняли тревоги в народе. Еще раз просим, чтоб не было больше разъединения в нашей греческой религии и чтоб по смерти властей униатских, владеющих церквами и церковными имениями по привилегиям покойного короля, все церкви и имения отданы были нашему духовенству». Кисель в письме к королю хвалит поведение Хмельницкого и старшин козацких, но прибавляет: «Одна только чернь, исключенная из реестров, прибегает к разным способам, чтоб избавиться от подчиненности своим панам: одни продают себя и, растратив все, поступают к козакам погонщиками и прислужниками; другие уходят за Днепр со всем имением, а некоторые (и таких наименьшая часть) уже кланяются панам своим. Если б я не видал такой силы и готовности к войне, какая здесь, если б мог видеть расторжение союза орды с козаками и если б войско наше могло прийти сюда прежде вскрытия рек, то просил бы униженно вашу королевскую милость прибегнуть к оружию, принимая во внимание унижение, которое мы терпим в мире, похожем на рабство; лучше попытаться начать войну, чем иметь подданных и не владеть ими. Если нужен

повод к войне, то республика всегда может иметь его, как только будет готова. Если даже они будут желать оставить нас в мире, то поводом к войне может быть то обстоятельство, что этот мир не только не удовлетворяет нас, обиженных, но несообразен с самим договором, заключенным с ними. Два важнейшие обстоятельства, именно восстановление католического богослужения и подданство прибыльное панам, не скоро могут прийти в свою колею, потому что они не хотят платить никаких податей, а желают быть крестьянами только по имени. Признаюсь чистосердечно, что такой мир мне не по сердцу». Не по сердцу он был и всей шляхте в шляхетском государстве.

Невозможностию сохранения мира между козаками и Польшею хотела воспользоваться Москва. В январе 1650 года отправлены были в Варшаву боярин Гаврила Пушкин, окольный Степан Пушкин и дьяк Гаврила Леонтьев. В ответе с панамы радными послы прежде всего объявили требование, чтоб по вечному dokonчанию были наказаны все те, которые неправильно писали титул великого государя. Паны отвечали, что для кончины блаженной памяти двух государей, царя Михаила и короля Владислава, эти дела надобно оставить, потому что всегда по смерти государя прощают людей, против него виновных; при новом же короле Яне Казимире никогда подобных ошибок в титуле не будет. Послы возражали, что паны говорят это, оставя Божий страх и людской стыд, и спросили: а что будет тем, которые и при короле Яне Казимире будут неправильно писать титул? Паны отвечали, что их непременно будут казнить без всякой пощады; тогда послы потребовали, чтоб паны дали о том на себя утверждение крепкое за своими руками и печатями. Паны, доложивши об этом королю, передали послам ответ королевский, что виновные в умалении титула будут позваны на будущий сейм и наказаны по праву польскому, а утверждение на этот счет король дать им, панам, не позволил. Послы, стоя о том гораздо, говоря и споря пространными речами, не могли добиться ничего другого и перешли к жалобе на новое оскорбление, злее прежнего: по повелению короля Яна Казимира в первый год его царствования напечатаны в Польше многие книги и разнесены в Московское царство и во все окрестные государства; в этих книгах напечатано многое бесчестье и укоризна отцу великого государя, царю Михаилу Феодоровичу, самому царю Алексею Михайловичу, боярам и всяких чинов людям, чего по вечному dokonчанию и посольским

договорам не только печатать, и помыслить нельзя, от Бога в грех и от людей в стыд. Одна книга напечатана в Кракове в 1648 году Яном Александром Горчином. Напечатано в этой книге мимо всякой правды, будто Смоленск, который обманом был взят и сто лет жестокостию московскою притесняем, королевского величества победою освобожден; московского царя и братьев его гордую упорность король под ноги свои подклонил; потом Владислав Московское государство разорил так, что до сих пор не может оправиться, и другие многие поносные статьи про Московское государство и про смоленскую службу напечатаны. В другой книге, которая напечатана в 1643 году на латинском языке в Данциге, около лика Владислава против левой руки написано: «Московия покорна учинена», потом напечатано, что Владислав союзопреступных москвитян под Смоленском осадил и в такое отчаяние их привел, что жизнь и смерть всего войска в его воле были, и москвитяне, трижды преклонив колена свои, милости просили. Напечатано, что москвитяне только по имени слывут христианами, а делом и обычаем хуже варваров, что Михаил Феодорович был возведен на престол людьми непостоянными. В третьей книге о житии и славных победах Владислава, напечатанной в 1649 году, также находятся царскому величеству и Московскому государству бесчестья с великою укоризною, например «бедная Москва» и другие многие хульные слова, что и писать стыдно; Михаил Феодорович московский написан мучителем, патриарх Филарет Никитич написан трубачом. Наконец в польской печатной книге о черкасской войне 1649 года сказано, что венгрин и москвитин из соседей и приятелей в сторону скакнули: за таким крепким утвержденьем и вечным dokonчаньем таких неистовых и поносных слов про великого государя нашего и про все Московское государство не только в книгах печатать, и мыслить не годилось, великого государя бесчестить, москвитином называть и ссоры в людей вмещать, будто со стороны царского величества есть причины к нарушению вечного dokonчания; на такое злое дело вы, пань радные, как дерзнули? Как смели такие злые досады и грубости износить? Да и то мы, великие послы, вам, панам радным, объявляем: когда черкасский гетман землю королевского величества пленил, то присылал к великому государю бить челом, чтоб принял его со всеми городами под свою высокую руку, потому что запорожские черкасы православной веры и от государя вашего и от всей Речи Посполитой за веру всегда в гонении

пребывают и смертно страждут. Но великий государь наш, не хотя кровопролития и нарушения вечному dokonчанию, многому прибытку не порадовался, гетмана Богдана Хмельницкого под свою высокую руку не принял, ожидает от вас в великих неправдах исправленья. Если же не исправитесь, то великий государь наш велит учинить в Москве собор, на соборе велит быть патриарху, митрополитам, архиепископам и епископам и всему освященному собору, боярам, всему синклиту и всяких чинов людям, королевские неправды на соборе велит вычесть, вычтя, пойдет со всем освященным собором и синклитом в соборную церковь, куда велит пред собою нести утвержденную грамоту короля Владислава во свидетельство нарушения вечного dokonчания с королевской стороны, велит положить эту грамоту перед образом Спасовым и Пречистой Богородицы, и, соверша молебное пение о нарушителях вечного dokonчания, за честь отца своего, за свою собственную и за честь всего Московского государства стоять будет, сколько ему милосердый Бог помощи подаст, и во все окрестные государства христианские и бусурманские о ваших неправдах велит отписать подлинно, и все окрестные государи царскому величеству помогать будут людьми и денежною казною; а про которых великих государей в тех ваших книгах напечатано не попригожу, те за свое бесчестье станут сообща с нашим великим государем на Корону Польскую и Великое княжество Литовское. Да и в города королевские, и к черкасскому гетману Богдану Хмельницкому, и ко всему черкасскому войску о тех ваших неправдах великий государь велит отписать, и городские всяких чинов люди и Запорожское Войско сами на вас восстанут. Если же король хочет сохранить мир, то за такое бесчестье великих государей пусть уступит те города, которые отданы были царем Михаилом королю Владиславу, пусть казнит смертью гетмана Вишневецкого и всяких чинов людей, которые писали, не остерегая государской чести, а за бесчестье бояр и всяких чинов людей пусть заплатят 500 000 золотых червонных. В ваших книгах напечатано: «Пусть Московия исподволь возрастает, чтоб тем с большею силою вконец разрушиться»; вы дали нашим людям сроку до тех пор, пока размножатся: и теперь их родилось и подросло много сот тысяч, ратному рыцарскому строю изучены и у великого государя беспрестанно милости просят, чтоб позволил идти на неприятелей,

Отписка вяземских воевод М. Прозоровского и И. Загряжского в Посольский приказ о победе руководимых Богданом Хмельницким войск над польской армией. 1648 г.

Паны, выслушавши такие грозные речи, стали в великом сомнении, приложили свои руки к себе и говорили: «В вашем посольском письме написано много непригожего дела и неприличных речей, донесем об них королевскому величеству». Каштелян гнезненский, Ян Лещинский, сказал: «Про эти книги знали мы давно; только вам, царского величества послам, до тех книг дела нет». Послы отвечали: «Так ваша явная неправда, что, зная такие воровские книги, тех воров, кто их печатал, не велели казнить смертью, а книги сжечь». После долгих споров послы вышли из ответной палаты. В следующее заседание паны начали говорить: «Королевское величество и мы, паны радные, думаем, что вы, великие послы, такие многие негодные статьи написали без повеления великого государя своего, затевая ссору, потому что на посольстве у королевского величества вы говорили только о братской дружбе и любви, о покое и тишине и о всяком добре. Король к брату своему, великому государю вашему, хочет послать гонца с объявлением о вашем к доброму делу несходстве, что вы написали все к нарушенью вечного покоя, домогаетесь того, о чем мы и слышать не хотим, требуете городов да денег, хотите честь государя своего продать».

Послы отвечали: «Удивляемся, что вы, паны радные, нас, великих послов, бесчестите, говорите, что мы пишем без повеленья государя своего; быть может, вы сами так делаете без повеления королевского, потому и про нас так говорите; а мы и самого малого дела без наказа государева делать не смеем». Паны: «Мы вас ничем не бесчестим и бесчестить не хотим; но королевское величество очень удивился, что вы хотите нарушить вечное dokonчание по причине малых и негодных статей, что напечатали глупые и неподобные люди о давних делах в государстве вашем. Король и мы книг печатать не заставляем и не запрещаем: который печатник напечатает в книге хорошо, справедливо, и мы то хвалим; а если глупцы напечатают что дурно, негодно и лживо, над тем мы, паны радные, смеемся. Если же книг не печатать, то потомкам нашим и знать будет не по чему. Печатники печатают не только о прежних делах Московского государства, но и других

окрестных государств, точно так же про Польшу и Литву. Да и в окрестных государствах про Московское государство пишут, доброе хвалят, дурное укоряют; точно так же о Польше и Литве много бесчестья печатают, однако король и мы за бесчестье того себе не ставим. Пусть великий государь ваш велит у себя печатать о Польском королевстве что угодно: мы этого в бесчестье себе не поставим и вечного dokonчания за то разрывать не станем». Послы: «Со стороны великого государя нашего ни в чем неправды никакой не было, а со стороны королевского величества вечное dokonчание нарушено: титул умален и на все жалобы нет никакого удовлетворения. Вы говорите, зло ко злу прикладывая, будто мы хотим государскую честь продать, что просим городов: и таких непристойных слов вам говорить не годится. Государь наш не хочет видеть, чтоб Польша и Литва в конечном разоренье были, за бесчестье отца своего и за свое хочет взять города, потому что эти города отданы за честь отца государева, потому за бесчестье взять их назад годится». Паны: «В посольском договоре не написано, чтоб книг не печатать и, что ведется на свете, о том не писать; и вам как было не стыдно о том говорить, городов просить и разрывом вечного dokonчания грозить». Послы: «Нечего нам стыдиться, мы не перестанем обличать ваших неправд, и великий государь наш больше терпеть их не будет, за свою и за своего отца честь станет». Паны: «Король никакой причины к нарушению мира не ищет: мы никаких книг печатать не приказывали и до них королю и нам дела нет; вы приехали в Польшу, накупили книг и, что в них глупые люди, пьяницы ксендзы напечатали, то ставите причиною к разрыву вечного dokonчания; но вы на нас не на сирот напали, будем с вами биться, и вас Бог покарает, как покарал при королях Сигизмунде и Владиславе». Послы: «Ваше злохитрое умышление явно, отговариваться вам нечем. Говорите: нас Бог покарает, как прежде покарал, но ратное дело на одной мере не стоит, бывало, что и российские государи польских королей одолевали. Теперь вы сами видите над собою победу и одоление и конечное разорение от худых людей, от подданных своих запорожских черкас: они государство ваше повоевали довольно, города многие взяли и гордые ваши пыхи (гордости) поломали, дома ваши облупили, начальных ваших людей и промышленников гетманов в полон взяли, лучшее ваше кварцное войско побили; и если б за такие ваши великие неправды государь наш велел черкасскому войску помочь

учинить, то Короне Польской и Великому княжеству Литовскому быть бы в конечном разорении и запустении; а грамоты Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского, в которых они просили государя принять их под свою высокую руку, эти подлинные грамоты за подписью Богдана Хмельницкого и за печатью всего Войска Запорожского с нами здесь». Тут послы показали панам грамоты. Паны отвечали: «Слышали мы и прежде, что великий государь ваш милосердие свое над нами показал, вечного dokonчания не нарушил и злодеев, бунтовщиков, изменников запорожских козаков принять не велел, и за то королевское величество и мы, паны радные, царскому величеству челом бьем, также и теперь просим, чтоб царское величество был с королем нашим в братской дружбе навеки неподвижно». Послы: «Королевское величество в братстве быть хочет, а злодеев, крестопреступников, которые царские титулы писали с изменением и укоризною, до сих пор казнить не велел, а теперь по повелению королевскому печатано в книгах всякое бесчестье». Паны: «Книги напечатаны без повеленья королевского». Послы показывали книги, где было прямо сказано, что напечатаны они по указу королевскому: паны отвечали, что книги напечатаны по привилегии, а не с позволения королевского и что бесчестья в книгах нет, а напечатано только то, что было; Филарет Никитич назван не трубачом, а огласителем. «Мы тому очень удивимся, – прибавили паны, – что вы сами и никто в Московском государстве по-польски и по-латыни не учится, а кто-нибудь вам укажет на ссору, и вы верите». Послы: «Сами вы говорите неученую и неучтивую речь: мы польских и латинских писем себе в диковину не ставим, учиться им и перенимать у вас никакого ученья не хотим, по милости Божией держим преданный нам славянский язык твердо и нерушимо, догматы Божественного Писания знаем, государские чины и посольские обычаи твердо разумеем и указ великого государя своего помним, и с нашей стороны никакого бесчестья королевскому величеству не было. А вы, паны радные, сами себя выхваляете и называетесь учеными людьми, а в пятнадцать лет не можете научиться, как именовать и описывать великих государей наших, и нам кажется, что вы, ученые, нас, ненавычных, стали глупее». Паны окончили разговор тем, что виновным в прописке титула будет суд и каранье на сейме, о книгах же король пишет особо к царскому величеству.

После этого разговора велено было на посольском дворе одни ворота забить, у других поставить гайдуков, запрещено было всем полякам ходить на посольский двор и покупать там товары. Послы жаловались; им отвечали, что это сделано на праздник Благовещенья, когда никто торговать не может. Послы отвечали, что они в этом видят угрозу, хотят теснотою заставить их сдаться на волю королевскую, но этим только зло ко злу прилагается. Тогда им сказали прямо: «У вас с панами радными согласия никакого нет; если же между государствами война, то деньги, на которые покупаются у нас и у купцов ваших собольи шубы, годятся на жалованье войску».

На новом съезде паны уступали, что и сочинители книг будут позваны на сейм к суду, хотя бы этого делать и не довелось; послы настаивали на своем; тогда литовский канцлер Албрехт Радзивилл сказал им с сердцем: «Вы говорите, чтоб за бредни, напечатанные в книгах, король отдал вам Смоленск и другие города, но это дело несбыточное: добыты они кровью, кровью только можно их и назад взять; если теперь за такие пустяки дать вам столько городов и денег, то после захотите вы и Варшаву взять; вперед мы об этих книгах с вами и говорить не будем». Потом паны переменили решение и объявили, что дело о книгах должно быть совершенно оставлено. «Если всякую книгу ставить в дело, – говорили они, – то этому и конца не будет; если за все, что напечатано и написано, смертью казнить, то это значит всем государством замутить и беспрестанно кровь проливать, а к концу дело не привести; и у вашего государя печатают про нашу веру с укоризною; а вперед, хоть бы и не довелось в такое дело вступаться, однако королевское величество велит учинить заказ крепкий, чтоб никто таких книг не печатал». Тогда послы, видя упорство панов рад по многим спорам и разговорам, сказали, что о казни этих людей, которые печатали книги, больше говорить не будут, а полагают дело на волю царского величества; если великий государь простить этих людей не изволит, то велит говорить об этом будущим своим послам или посланникам, но при этом послы требовали, чтоб книги были собраны и сожжены при них в Варшаве и чтоб вперед таких книг не печаталось. Король не согласился на сожжение книг, послы потребовали отпуска; тогда король велел предложить им, что истребят книги тайно, явно же на рынке сжечь их нельзя, потому что от этого будет позор Польше от всех окрестных государств. Послы настаивали на своем, паны просили

отложить дело до сейма; послы и на это не согласились. Тогда паны предложили, что из книг будут выдраны те листы, которые содержат в себе укоризны на московских государей, и сожгутся публично. Послы согласились; листы были выдраны немедленно и отправлены на рынок для сожжения, при котором присутствовал от послов дворянин Фустов с подьячим и переводчиком. После сожжения листов было вытрублено, чтоб никто этих книг, из которых выдраны листы, у себя в домах не держал, а приносили бы их все к тому чиновнику, которого назначит король; о том же разосланы были указы по областям. Фустов донес послам, что когда листы жгли, то в народе говорили: лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено! Получивши это удовлетворение, послы вытребовали внесения в договор статьи, что в Зборовском договоре с ханом не постановлено ничего противного братской любви с московским государем; вытребовали наконец, чтоб король послал своего дворянина вместе с царским дворянином в Войско Запорожское для поимки самозванца Тимошки Акундинова, который из Турции через Венецию пробрался в Малороссию и был там принят гетманом Хмельницким.

~~18.000.000~~
18.000.000

Conoscendo Dio: l'Alacimiro Suisli, sopra la fedeltà di Carmani, e
fortanamente di suo comando di Quinif di Lemid mada, e di gran
Quelato di Vladimir, non potto chiamarmi Principe, ne di gran Duca
di Vladimir, ma se grà di Dio son quelli d'otto padroni delle
gloriosi ppe, e Legittimi di Mosconia, e Legittimo figlio del sovrano
e degno ppe di Mosconia, suo del gran Basilio Suisli, e di
tutto gran Russia, e Armata etc.
Venerando, et di honoro degno sig. Sic. p. etc.

Caro V. M. M. ha pensato di noi, così noi pensavamo di lei
havendo più delle mie amiche etc. Ma ho da, e fa più etc. del
Corrente ricuperano la sua tutti le passioni, e per si congiungono in
allegrezza, et allegrezza nella gioia. Et mi godend' diamo la risposta
che tra i più cari mi, sono più desiderati, et fra più desiderati più
amati, nome del quale è scritto per me del mio nome, impetto, e
risolto nell'Anima mia. E si come l'Anima sempre viva, si desidera
libero V. viva, e se noi ad via vero altro sia, ma immortale, eterna
viva di tutti i secoli, e quanto più in noi non mancherà il suo amore
amabile. Amico l'ho di Fran' stulti locid, et di andar pregando
ho fatto tal conto vend, cessando tutto mio di Roma il 23. Maggio
L. V. M. M. etc.

Письмо Тимофея Анкудинова, в котором он называет себя Владимиром Шуйским, великим князем Владимирским, законным

наследником престола Московского царства. 1648 г.

В Москве проведали, что Акундинов живет в Лубнах, в Преображенском Мгарском монастыре, и вот отправились к нему путивльцы торговые люди: Марк Антонов и Борис Салтанов. Они говорили ему, чтоб ехал в Путивль, а государь его своим жалованьем пожалует. Акундинов отвечал, что верить ему одним словесным речам нельзя; он говорил, что ни царем, ни царевичем не называется, только он внук царя Василия Ивановича Шуйского; говорил, что когда он был в Турецкой земле, то государевы послы, Степан Телепнев и дьяк Алферий Кузовлев, его уличали и обесчестили, и по их речам его засадили в Царе-граде, и сидел он в железгах три года, но в то время, как турки султана и визиря убили, он освободился и был в разных государствах. Акундинов сказал себе 32 года, утверждал, что многие люди его на Вологде знают, что был он на государевой службе в Перми, куда царь Михаил Феодорович в 1642 году прислал ему грамоту о своем государевом деле, что в этой грамоте он назван наместником пермским, и грамоту эту показывал он Марку и Борису. Потом говорил, что в Перми взяли его на бою в плен татары, что многие государи звали его к себе, но он не хочет отстать от православной веры и хочет служить царю Алексею Михайловичу.

О том же Тимошка писал из Чигирина и к путивльскому воеводе, боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому: «Князь Семен Васильевич, государь! Не тайно тебе о разоренье московском, о побоищах междоусобных, о искорененье царей и царского их рода и о всякой злобе лет прошлых, в которых воистину плач Иеремиин о Иерусалиме исполнился над царством Московским, и великородные тогда княжата скитались по разным городам, как заблудшие козлята, между которыми и родители мои незнатны и неизвестны в разоренье московское от страха недругов своих невольниками были и со мною невинно страдали и терпели, а сущим своим прозвищем, Шуйскими, не везде называться смели. Об этом житье-бытье нашем многословить не могу, только несчастью своему и бедам настоящее время послухом ставлю, которое время привело меня к тому, что я теперь в чужой земле в неизвестности окован сиротством и без желез чуть дышу, и жалостную, плачевную грамотку к тебе, государю своему, пишу: прими милосердно и знай про меня, что я, обходивши неволею и окруживши турецкие,

римские, итальянские, германские, немецкие и иные многие царства, наконец, и Польское королевство, не желая никому на свете поклониться, кланяюсь и покоряюсь только явнисяющему царю Алексею Михайловичу, государю вашему и моему, к которому я хочу идти с правдою и верою без боязни, потому что праведные царские свидетельства и грамоты, что при себе ношу, и природа моя княжеская неволею и нищетою везде светится, чести и имени гласовитого своего рода не умаляет, но и в далеких землях звонит и, как вода, размножается. Все это делается на счастье и прибыль отечеству моему и народу христоименитому, на убыток и бесчестье государевым недругам, на славу великую великого государя, которого есть за мною великое царственнейшее дело и слово и тайна; для этого я в Чигирине никому не сказываюся, кто я, во всем от чужих людей сердечную свою клеть замыкаю, а ключ в руки тебе отдаю. Пожалуй, не погордись, пришли ко мне скрытно верного человека, кто бы умел со мною говорить, и то царственное слово и дело тайно тебе сказать подлинно и совершенно, чтоб ты сам меня познал, какой я человек, добр или зол; а покушавши мои овощи и познавши царственное великое тайное слово, будешь писать к государю в Москву, если захочешь, а ключи сердца моего к себе в руки возьмешь, с чем я тебе, приятелю своему, добровольно отдаюся. Знаю я московский обычай, станешь писать в Москву об указе теперь прежде дела, и пойдет на протяжку в долгий ящик, но я ждать не буду, потому что делаю это ни для богатства, ни для убожества, но, пока плачевного живота станет, орел летать не перестанет, все над гнездом будет убиваться».

По этому письму князь Прозоровский прислал с подьячим Мосолитиновым грамоту Акундинову: «Тебе бы ехать ко мне в Путивль тотчас безо всякого опасенья; а великий государь тебя пожаловал, велел принять и в Москву отпустить». Акундинов, прочтя письмо, сказал: «Рад я к великому государю в Москву ехать», – и велел подьячему побыть у себя три дня. 31 августа он исповедался и приобщился и, призвавши к себе Мосолитинова, стал говорить ему: «Приехал ты по государеву указу? Не с замыслом ли каким-нибудь? Нет ли у тебя подводных людей? Не будет ли мне от тебя какого убийства?» Подьячий клялся и божился, что прислан по государеву указу и никакого дурна ему не учинится. Акундинов продолжал: «В прошлых годах посылали мы в Волошскую землю в монастырь построения царя Ивана

Васильевича для своего дела человека своего, но когда он приехал к волошскому владетелю Василью, то этот велел ему назваться царем Димитрием, короновал его и послал к турецкому султану в Царь-град. Был в это время в Волошской земле государев посол Богдан Дубровский, доведаясь он про этого самозванца и написал государю в Москву. Государь прислал указ принять его честно, и тот наш человек, обрадовавшись, что его называют честным человеком, поехал с Дубровским в Москву, но Дубровский, выехавши в степи, велел его зарезать, ободрал с него кожу, отсек голову и привез в Москву: и ты не с тем ли ко мне приехал? Я не запираюсь, что был в подьячих: на ком худоба не живет! В московское разоренье и все князья, что овцы, по разным государствам разбрелись; только называют меня подьячим, а я не подьячий, истинный князь Иван Васильевич Шуйский». В тот же день Акундинов позвал подьячего с провожатыми к себе обедать, за обедом за государское здоровье чашу пил и говорил такое слово: «С мудрыми я мудрый, с князьями – князь, с простыми – простой, а с изменниками государевыми и с моими недругами рассудит меня сабля», – после чего объявил, что ехать раздумал и подьячего своего Костку Евдокимова Конюхова не пошлет, потому что в Москве станут его пытаться: «Присылают ко мне, будто к простому человеку; добро бы прислали ко мне московского человека да с Вологды пять человек, да из Перми пять же человек: те меня знают, кто я и каков? Если государь меня пожаловал, то прислал бы ко мне свою государеву грамоту имянно, что пожаловал князь Ивана Шуйского, велел ехать в Москву без всякого сомненья; а то меня обманывают, не считайте меня за подьячего: я истинный князь Иван Шуйский». При отце духовном Акундинов объявил подьячему свое имя: Тимофей, именинник 10 июня.

Мы видели, что в Варшаве условлено было царскому послу Пушкину отправить в Малороссию своего дворянина, а королю – своего, для поимки Акундинова. Действительно, царский дворянин Протасьев и королевский Ермолич поехали в Киев, где, взявши грамоты от Киселя и митрополита, отправились к Хмельницкому, которого нашли в Ямполье. 18 сентября имели они свидание с гетманом, который сказал им: «У меня такой человек, который называется князем Иваном Васильевичем Шуйским, а царю Василью сказывается внук, в Чигирине был и жил долгое время, недель с десять и больше, и, живучи

в Чигирине, мне сказывал, будто государь ваш хотел его казнить смертью неведомо за что, и он, боясь смертной казни, из Московского государства ушел, а мать его и род Шуйских все сосланы в Сибирь, и в Сибири родственники его казнены смертью, только мать осталась жива; а он, бегаячи, был во многих государствах, в Польше, в Риме, в Австрии, Венгрии, Молдавии, Валахии, Турции, и из Турции пришел ко мне, гетману, в Чигирин, и показывал мне всех этих государств прохожие листы, и говорил мне, что хочет идти в Московское государство, только, не списавшись с государем, не смеет, боится смертной казни; просил меня, чтоб я дал ему прохожий лист, и я ему прохожий лист дал до границ Московского государства, велел ему давать корм и подводы, и он, уехав из Чигирина, остановился в Лубнах в Спасском монастыре, и, как я пошел из Чигирина Молдавскую землю воевать, с тех пор не знаю, живет ли тот вор в Лубнах или нет. По его речам, думаю, что он пошел к московской границе, и мне сыскивать его негде, да и такой у нас обычай в Запорожском Войске: какой бы вор ни прибежал, хотя бы великое зло в своем государстве сделавши, принимают и никому не выдают». Протасьев возразил: «Если бы этот вор в царское имя не влыгался, то царскому величеству до него и дела бы не было; много и знатных людей, изменяя, из Московского государства бегают, но так как они называются своим настоящим именем, то живут себе спокойно в Польше, великому государю до них дела нет, но с Тимошкою другое дело, и ты бы, гетман, свое раденье великому государю показал: вора сыскивал, за такую службу и раденье жалованье великого государя будет к тебе большое, и теперь великие послы, боярин Пушкин с товарищами, прислали тебе соболей». Богдан отвечал: «Я и Войско Запорожское великому государю всякого добра хотим, но сыскивать вора мне теперь никак нельзя, потому что сам не знаю, где он; поеду в Браславль и расспрошу об нем иным временем». В Браславле гетман позвал Протасьева и Ермолича обедать и за обедом начал рассказывать: «Был я в Молдавской земле, Молдавскую землю воевал и стоял под Яссами, хотел взять самого молдавского господаря, и господарь прислал ко мне послов своих добивать челом, просить покою и дарил меня дочерью своею за моего сына, и прислал ко мне лист за своею рукою и печатью, пишет под присягою, что дочь свою за моего сына выдаст». Велел принести лист и прочел его Протасьеву. После этого Ермолич начал пить чашу за государево и королевское

здоровье и сказал: «Теперь великие государи учинились в братской дружбе и любви и договор учинили – иметь одних друзей и врагов». Хмельницкий отвечал с сердцем: «Этими словами ты меня не испугаешь; и если король Зборовский договор нарушать будет и хотя мало чего по договору не учинит, то я со всем Войском Запорожским королю буду первый неприятель, буду наступать и воевать его землю по-прежнему, а великий государь королю за его неправды помогать не будет; знаю я подлинно, что у короля ратных людей мало и стоять королю против меня не с кем, потому что все лучшие польские ратные люди козаками и татарами побиты, а иные в полон взяты; а если и государь, не жалея православной христианской веры, королевской неправде будет помогать, то я отдамся в подданство турецкому царю и с турками и крымцами буду приходить войною на Московское государство». Протасьев сказал на это: «Осердясь на королевского дворянина, ты, гетман, хвалишься на Московское государство войною, но такие самохвальные и непристойные слова нам не страшны, да и то надобно тебе знать и помнить, что великий государь наш для православной веры тебя жалует». Гетман отвечал ему тихонько: «Говорил я эти похвальные слова нарочно, чтоб королевский дворянин не знал о моей службе и раденье великому государю, а ляхи мне большие неприятели, говорить и жить с этими ляхами всею правдою никак нельзя. Я давно хотел быть под государскою высокою рукою, поддаться ему со всем войском и городами, да великий государь ваш принять меня не изволил и этим меня оскорбил, но я и за эту государскую немилость никакого дурна не чинил, а еще больше прежнего правду свою показал: которое теперь разоренье и война сделались в Молдавской земле, той было войне быть в Московском государстве; присылал ко мне крымский царь, чтоб шел я на Московское государство, писал с грозами, что если не пойду, то дружбу разорвет, а я, служа великому государю и проча себе его государскую милость вперед, крымского царя уговорил и Московское государство уберег, а место его ходил с крымским царем на молдаван». О других делах Протасьев с гетманом за обедом не мог говорить, потому что гетман был пьян да и посторонних людей было много. На дороге в Чигирин, под Савостьяновкою на стану, опять за обедом Богдан говорил: «Король и паны великому государю солгут, знатных людей за прописки в титуле карать смертью не будут и худого шляхтича ни за

какое дело никому не выдадут. Мне король и Речь Посполитая обещали под Зборовом выдать Чаплинского и не выдали, и всякими мерами его укрывают». После обеда гетман объявил Протасьеву, что посылает в Лубны универсал, чтоб тамошние власти, сыскавши Тимошку, выдали его ему, Протасьеву; если же вор скроется, то он, гетман, сыскав его, пришлет к великому государю. Но в Лубнах Протасьев Тимошку не нашел, и дали ему знать, что вор уехал в Киев, а оттуда – в Чигирин. Сюда отправлен был из Москвы посланник Василий Унковский, который, приехавши в Чигирин, получил от Акундинова следующее письмо: «Василий Яковлевич, государь! Всемогущая Божия сила в моей слабости такую крепость учинила, что, из смрадной челюсти турецкой меня освободивши, принудила, чтоб шел к Москве и покорился добровольно холопски его царскому величеству, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Руси самодержцу, о чем я писал к нему, государю, в Посольский приказ дважды, и указ мне был прислан с подьячим Тимофеем Мосолитиновым от государя. Но зависть вражия от Петра Протасьева сталась и возбранила мне дорогу к государю в Москву, потому что он тайно совещался с богатыми, как бы изловить и убить неповинного. Несмотря на то, выполняя завет мой, я готов ехать к государю в Москву хотя и на вольную страсть, ничего не опасаясь по правде моей и невинности, готов показать ясно, что, хотя и в подьячих там был, однако, благородия Шуйских княжат не лишен. Обещаюсь словом моим крепким и постоянным ехать к государю в Москву, если ты пожалуешь, захочешь со мною увидеться и поговорить дружеским обычаем, что воистину будет на пользу государеву делу и на прибыль, а тебе на честь и славу, потому что познаешь, какой цены мои камни, не найдется темности в моей светлости. Пожалуй же, Василий Яковлевич, отпиши ко мне: учинишь ли так или не учинишь? И если захочешь учинить, то прошу, чтоб увидеться, пока его милость пан гетман не приехал, чтоб нам самим друг с другом рассудиться, не ходя на суд; лучше будет, положившись на Бога, учинить по Богу, которому учинил я обет, что в Москву ехать желаю. Тот меня избавил и избавляет, уповаю, что и еще избавит от врагов моих».

С. Васильковский. Запорожец. Конец XIX в.

Унковский назначил свидание в церкви. Здесь Акундинов говорил ему: «Я был на Вологде посажен в съезжей избе в пищиках девятнадцати лет, в то время как был на Вологде боярин князь Борис Михайлович Лыков, ходивший за козаками; тут я нашел в съезжей избе о родителях моих государеву грамоту, кто были мои родители, а грамоте меня отдавал учить Иван Патрикеев и был до меня для моей бедности добр, а того я не знаю, какого я роду; если меня называют царя Василья Ивановича сыном, то я сам не называюсь, здесь меня так зовут, да и русские люди меня так называют; они меня так и прозвали, я тебе скажу, кто именно; а я не царя Василья сын, дочери его сын; дочь его в разоренье взяли козаки, а после козаков за отцом моим была». Унковский отвечал: «Все это неправда: у царя Василья детей не было; мы знаем, как отца твоего и мать звали и каков человек отец твой и мать были». Акундинов: «Был отец мой при царе Михаиле Феодоровиче наместником в Перми». Унковский: «При царе Михаиле никто нигде в наместниках не бывал; ты все эти напрасные речи оставь, дай мне прямое слово без всякой хитрости, поезжай со мною к великому государю и вину свою принеси, а государь вину твою велит отдать». Акундинов перекрестился, смотря на образ, и дал руку Унковскому, что идет с ним к царскому величеству. Но потом, постояв долго, заговорил прежнее: «Как мне отечество свое покинуть? После отца моего и духовная есть; если ты при гетмане станешь называть меня вором и поносить, то услышишь, сколько от меня будет речей, и от гетмана добра себе не чайте. Не смею ехать, если не целуете креста, что меня до Москвы не уморите и на Москве меня не казнят, и дурного ничего не будет». Унковский не согласился целовать крест: он стал многими людьми промышлять и давать большие деньги, чтоб Акундинова кто-нибудь убил или какую отравую окормил, но никто сделать этого не захотел, боясь гетмана; а самим никак нельзя было его убить: жил очень бережно, прикормлено у него козаков много, и гетман был к нему добр.

Хмельницкий приехал наконец из своего Субботова в Чигирин, и Унковский обратился к нему: «Не хотел ты Тимошку отдать Протасьеву: так теперь прямую свою службу государю поверши, вели вора отдать мне». Хмельницкий отвечал: «Здесь козаки и вольность: всякому человеку вольно к нам приехать отовсюду и жить беспечно;

отдать мне его без войскового ведома нельзя. Этот мужик у нас не называется сыном царя Василья, мы про то у него не слыхали». *Унковский*: «В грамоте, которую ты прислал на Дон, а с Дону козаки прислали к государю, писал он, вор, своею рукою, называл себя сыном царя Василья Ивановича; и ты, гетман, сам писал в Путивль к князю Семену Васильевичу Прозоровскому, и в своей грамоте назвал этого вора Шуйским князем». *Богдан*: «Мужик вперед так называться не будет; а если услышим, что называется не только сыном царя Василья, хотя даже простым князем, сейчас велю казнить, а отдать мне его нельзя: кто в которую землю ни приедет, тех людей не выдают, а к царскому величеству я сам хотел бежать от неприятелей своих, от ляхов, и государь бы меня королю не отдал; и если б он меня отдал и меня казнили, то ему, государю, был бы грех». *Унковский*: «Ты бы, гетман, к царскому величеству служить приехал, ты властный человек и ни в чье имя не влыгаешься; а этот вор не в пристойное имя влыгается, таких воров во всех государствах выдают: король польский выдал Лубу, господарь волошский выдал посланнику Дубровскому другого самозванца». *Богдан*: «Знаю я одно, что мне от войска даром не пробыть, а знаешь сам: с чернью кто сговорит, когда встанут, от них мне только и речей будет: кто тебе велел отдавать из войска людей вольных в неволю? У нас здесь то же, что на Дону: кто откуда приедет – выдачи нет. Только я, уповая на Бога и помня царскую милость, вора Тимошку к государю пришлю с своими посланцами; созову всех полковников и старших и, договорясь с ними, пришлю подлинно». Это говорил Богдан с великою божбою.

Покончивши об Акундинове, стали говорить о других государевых делах. Богдан клялся, что никакого зла Московскому государству не мыслит, хвалил милость королевскую, но жаловался на обиды от панов: «У меня маетность старую неправдою отнял Конецпольский и отдал своему приближенному, Чаплинскому; я королю и Речи Посполитой бил челом, но мне не возвратили маетности; отдав детей в добрые люди, пошел я в Запороги, и всего нас в сборе войска было 250 человек, как послал на нас Потоцкий сына своего и комиссара; только бы я не соединился с царем крымским и не перешло ко мне от Потоцкого наших реестровых козаков шесть тысяч, то что бы нам было делать?» *Унковский* спрашивал у гетмана, как он помирился с поляками? Зачем отправил послов к королю? Как он с Крымом? Зачем у него были

разные послы? И потом проведывал у писарей и у других знатных людей, у Ивана Искренки да у Семена Плотавского, тайно, так ли его гетманская правда, как он сказывал ему, и они говорили те же речи, что и гетман.

Более всего беспокоили Москву сношения гетмана с Крымом. До Хмельницкого запорожские и донские козаки составляли почти одно общество: запорожцы жили на Дону, донцы на Запорожье; запорожцев на Дону насчитывали иногда с 1000 человек. Донцов в Запорожье – до 500; запорожцы жили на Дону лет по пяти, по шести, по осьмнадцати. Но мы видели, что тесный союз Хмельницкого с ханом грозил было порвать эти братские отношения. С Дону в Москву дали знать, что летом 1650 года приходили на Дон сын Богдана Хмельницкого да наказной атаман Демка, а с ними запорожцев тысяч с 5 или 6, стояли они две недели на Миусе, от Черкасского городка за днище, дожидались крымских татар, чтоб вместе идти на донских козаков. Донцы послали им сказать: «Мы с вами люди одной православной веры, и вам, сложась с бусурманами, на нас, православных христиан, войною приходить не годится; прежде вы с нами всегда бывали в дружбе и в ссылке и зипуны добывали сообща, и когда у государя с польским королем была ссора и война, то вы и тогда были с нами в мире». Запорожские черкасы отвечали: «Пришли мы на Дон по письму крымского царя, идти нам сообща на горских черкас, а не на вас; а если бы крымский царь велел нам идти не только на вас, но и на государевы города, то мы пойдем, потому что у нас с ним договор – друг другу помогать, и когда у нас была с поляками война, то крымский царь со всею ордою нам помогал». Но пришла грамота от хана, в которой он приказывал козакам возвратиться назад, потому что степь вся выгорела, и ему, за конскою бескормицею, идти нельзя.

С. Васильковский. Запорожец в дозоре. Конец XIX в.

Все обстоятельства клонились к тому, чтоб заставить Хмельницкого хитрить со всеми, давать всем обещания, не становя ни с кем ничего решительного, выжидать, обращать все внимание на сцепление случайностей и, глядя тревожно на все стороны, пробираться между препятствиями, которые судьба громоздила на его дороге. Хмельницкий знал, что Зборовский мир ненадежен; не верил хану, у которого, как атамана разбойничьей шайки, не могло быть ни с кем постоянных союзов и постоянной вражды: не имея возможности после Зборовского мира опустошать польские владения, он звал короля и Хмельницкого на московские украины, но Богдан в угоду варвару не думал разрывать с Москвою, на которую народный инстинкт указывал как на единственное прибежище и раздражать которую было бы безрассудно, ибо ничем другим Хмельницкий не мог так угодить Польше, как поссорившись с Москвою. Но Москва не могла действовать решительно, Москва также выжидала. Москва привыкла к подобному положению и к подобному поведению, потому что, как начала себя помнить, слабая, окруженная всевозможными препятствиями, должна была пробивать себе дорогу к силе и величию осторожностью, выжиданием, уменьем пользоваться обстоятельствами. Войны с Баторием, Сигизмундом III и Владиславом, конечно, не могли заставить московского государя изменить осторожной политике своих предшественников. Хмельницкому естественно было, впрочем, сердиться на Москву за эту осторожность, медленность, нерешительность и при случае срывать сердце, потому что эта нерешительность ставила его самого в нерешительное положение, заставляя обращаться к Турции, которая в случае крайности могла быть временным прибежищем. Крайности этой еще не было, а потому и в сношениях с султаном Хмельницкий избегал чего-либо решительного.

С своей стороны Польша хлопотала о том, чтоб поссорить Москву с Хмельницким, но это не удалось. В конце 1650 года приехал в Москву королевский посланник Албрехт Пражмовский и объявил, что Богдан Хмельницкий с бунтовщиками, своевольными людьми, разлакомясь кровью христианскою и своими воровскими прибытками, соединился с крымским ханом, который ссылается с ним, чтоб был готов идти воевать Московское государство. Бояре отвечали: «Крымский царь

покаялся на Коране, что ему на царские украины войною не ходить и никого другого не посылать, и потому от крымского царя такого злого умышленья нельзя ожидать, а Богдану Хмельницкому на царские украины с крымскими татарами как идти? Он православной христианской веры! Притом же гетман Богдан Хмельницкий со всем Войском Запорожским учинился у королевского величества в подданстве и королевскому величеству, слыша от козаков такое злое умышленье, можно их от самовольства унять; великий государь на королевское величество по вечному утвержденью во всем этом надеется и в украинских городах ратных людей своих не держит, потому что король обязан подданных своих, запорожских черкас, от самовольства унимать; а если королевское величество подданных своих, запорожских черкас, не уймет, то это будет вечному dokonчанию нарушенье со стороны вашего государя, и такую явную неправду Бог свыше зрит; а крымские рати царскому величеству не страшны, и на Украине против них у царского величества люди готовы». Но из Крыма присылали в Москву вести: писал к крымскому царю литовский король, что псковичи царскому величеству учинились непослушны и хотят изменить; шведская королева с царским величеством хочет войну начать: так чтоб крымский царь шел войною на государевы украины и дал бы знать об этом шведской королеве, и шведская королева даст ему большие подарки; литовский король также пойдет на государевы города. Хан поверил, послал в Швецию за подарками, но там сказали, что шведская королева с государем московским в мире. Дело приближалось к развязке. Возвратившийся из крымского плена коронный гетман Потоцкий доносил, что вся Украина волнуется, Хмельницкий самовольничает: без королевского позволения принял на Украину татар и послал их с козаками опустошать союзную Польшу Молдавию за то, что господарь Липул не хотел выдать дочери своей за Тимофея, сына гетманского; сносятся с Турциею, с Швециею; хлопы не думают повиноваться панам, которые не получают никаких доходов. Шляхта бежала из Украины, как во время восстания; договор был нарушен в самой важной, самой чувствительной для поляков статье; с другой стороны, для укрощения хлопства коронные войска врывались за определенную договором черту. В конце года созван был сейм; явились послы от Хмельницкого с просьбою: 1) чтоб в трех воеводствах: Киевском, Брацлавском и Черниговском – ни один пан-

земледелец не имел власти над крестьянами; пусть живет, если хочет, пользуясь одинаковыми правами со всеми, и повинуется козацкому гетману. 2) Чтоб уния, причина несчастий, была совершенно уничтожена не только в Украине, но и во всех землях Короны Польской и Великого княжества Литовского; чтоб духовенство греческой веры имело права и почести одинакие с римским духовенством. 3) Эти статьи вместе с другими статьями Зборовского договора должны быть утверждены присягою знатнейших сенаторов, и со стороны поляков должны быть даны в залог четыре знатных пана и в том числе князь Иеремия Вишневецкий; они должны жить в Украине в своих имениях, но без всякой стражи.

Понятно, что при сильном раздражении против козаков, и без того уже господствовавшем в шляхетском государстве, эти статьи переполнили чашу: и в сенате, и в избе посольской негодование выразилось единодушно, и 24 декабря война была определена. В феврале 1651 года война открылась, и поляки были порадованы первым успехом над козацким отрядом, который стоял в местечке Красном под начальством удалого полковника Нечая: отряд был истреблен вместе с предводителем. В апреле начали сходиться главные силы; в Польше объявлено было посполитое рушенье, или поголовное вооружение шляхты; легат Иннокентия X привез полякам благословение папы и отпущение грехов, королю – мантию и освященный меч и провозгласил Яна Казимира защитником веры. У козаков коринфский митрополит Иоасаф опоясал Хмельницкого мечом, освященным на гробе господнем, кропил войско святою водою и шел сам при войске. Вместе с Хмельницким шел на поляков крымский хан Ислам-Гирей с своею ордою, но московские посланники дали знать из Крыма государю: «Татары говорят: если польские и литовские люди черкасам и им, татарам, будут сильны, то они против них стоять не будут, а за выход свой у черкас жен и детей заберут в полон и приведут в Крым; то у татар и сдумано». 20 июня враги столкнулись при Берестечке на реке Стыри, с обеих сторон силы были велики, но перевес был на стороне поляков. Татары, любя подавлять неприятеля своею многочисленностию без больших усилий, вовсе не были охотники переводываться с неприятелем более многочисленным. После первого напора поляков хан побежал и увлек за собою татар, увлек и Хмельницкого, который бросился было догонять его, чтоб уговорить

возвратиться; оставшиеся козаки окопались и с отчаянною храбростию выдерживали осаду, наконец, попытались было уйти и потерпели при этом страшное поражение.

После победы посполитое рушенье разошлось, король уехал в Варшаву, и только не более 30 000, преимущественно немцев, отправлено было с гетманом на Украину. Но, прежде чем достигнуть Украины, это войско должно было проходить через опустошенную Вольту: «Невольню проливаем мы слезы, – пишет очевидец, – видя, как блестящая пехота королевская бесполезно погибает от голода. Нельзя придумать никакого способа к спасению голодных, потому что край, в котором мы надеемся иметь хлеб, еще далеко, а этот так опустошен, что о нем можно сказать: земля была пуста и не устроена; нет ни городов, ни сел, одно поле и пепел; не видно ни людей, ни зверей живых, только птицы летают; страшная непогода замедляет движение войска». Во время этого похода умер знаменитый Иеремия Вишневецкий, но смерть страшного соперника не поправила дел Хмельницкого. В то время как польские гетманы вступили в Украину с одной стороны, литовский гетман Радзивилл занял Киев; соборную церковь Богородицы каменную на посаде ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорела, одни стены остались; в церкви лошадей своих жиды и ляхи ставили; деревянных церквей сгорело пять, а которых не жгли, те все разорили, образа дорогие окладные себе взяли, а иные поищепали, колокола у всех церквей взяли и в струги поклали; но из этих стругов шесть козаки отгромили. В монастыре Печерском казну также всю взяли; Радзивилл велел взять и паникадило, присланное царем из Москвы, у св. Софии взяли также всю казну, ризы, сосуды, всю утварь, образ св. Софии; все монастыри разорили.

В таких печальных для Малороссии обстоятельствах, два грека, жившие при Хмельницком, Иван Петров Тофрали и монах Павел, сильно хлопотали о сближении гетмана с царем. Павел в июне 1651 года писал государю: «28 марта пришел из Царя-града посол к гетману в Животово с тем: если ему, гетману, надобна рать, и ему султан пришлет сколько нужно. Гетман отказал: «Есть у меня много своего войска, а на султановой любви бью челом и благодарю». И так их места разорены; в Константинополь гетман отправил своего посла, а с ним Ивана Петрова, а перед этим Иван Петров был посылан в Молдавию для вестей. Великое ваше царствие, – продолжает Павел, – послал бы

вскоре гетману небольшую помощь ратными людьми; у него и без того войска много, но надобно, чтоб славилось имя великого вашего царствия, что он имеет помощь от вас. А если теперь помощи не пришлете, то буди ведомо вашему царствию, что будет вам война; татары давно бы его подняли, только война ему теперь помешала. Какими трудами потрудились мы с Иваном Петровым, о том Богу известно. Если бы мы с Иваном тут не случились, то он непременно бы пришел внезапно на ваши украины войною. Не думайте, что ляхи одолеют: хотя они и вздумают биться, но их против ста человек и по одному человеку не будет. Мы с Иваном Петровым желаем, чтоб было единое державство, гетману говорили, и он был очень рад, но посылает он к великому вашему царствию о соединении, а великое ваше царствие то ставите в посмех. Если вы изволите быть соединению, то извольте писать к писарю Выговскому, но имянно к нему писать о том не велите, только воздавайте ему свое царское благодарение и ведомость чините, а подлинно велите писать к Ивану Петрову, и как Иван Петров приедет сюда, то мы будем совершать головою своею и всею душою. 10 марта пришла к гетману весть, что не стало жены его, и гетман очень кручинился; я ходил к нему утешать в кручине, а он в разговоре говорил про Москву и клялся, смотря на образ Спасов: «Клянусь Богом, что пойду на Москву и разорю пуще Литвы; я посылаю от всего сердца своего, а они лицу моему насмежаются».

Тогда же подьячий Григорий Богданов, возвратившийся из Малороссии, рассказывал: «Приходил ко мне в Корсуни писарь Иван Выговский и наказывал, чтоб его слова были известны великому государю; к нему, писарю, царская милость и жалованье, и он на государском жалованье челом бьет и обещается великому государю служить и всякого добра хотеть под присягою, и теперь, что у гетмана Богдана Хмельницкого с польским королем, крымским царем и другими государствами будет делаться, он обо всем великому государю станет доносить, в Путивль тайным делом к боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому писать, только б это никому не было известно, потому что если узнает об этом гетман Богдан Хмельницкий, то ему, писарю, не миновать наказанья. Потом Выговский говорил, чтоб великий государь непременно всю Малую Русь теперь принять изволил, потому что все единогласно молят Бога и хотят быть под его государскою высокою рукою; к великому московскому пространному и

многолюдному государству без войны и кровопролития будет прибавленье большое, овладеет великий государь многою землею и городами, и с тех городов, с мещан и со всяких чинов людей и с их торговых и других всяких промыслов будет царской денежной казне прибыль большая. Когда великий государь их, православных христиан, примет, то польский король будет от него в большом страхе, и не только против великого государя воевать, и говорить не будет, потому что польскому королю против великого государя стоять некем. Если же великий государь, приняв их, изволит послать своих ратных людей и их, козаков, то известно наверное, что Корона Польская и Великое княжество Литовское и без войны учинятся подданными и будут под его государскою рукою, потому что Польша и Литва и от одних их, козаков, живут в великом страхе. Если же государь их не примет теперь и учинятся они подданными польскому королю, то польский король против великого государя войну начнет тотчас; он, писарь, опасается, чтоб поляки не прельстили и козаков, не уговорили их идти вместе с ними на Московское государство, а крымский царь уже давно готов идти на Московское государство».

*И. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану. 1891 г.
Фрагмент*

Но эти угрозы не помогли, Москва не трогалась, и Хмельницкий, ограбленный и покинутый ханом, стал хлопотать о мире; коронный гетман Потоцкий также боялся осени в Украине среди озлобленного народонаселения, и 17 сентября под Белою Церковью, где сошлись оба гетмана, был подписан ими следующий договор:

1) Войска Запорожского будет только двадцать тысяч; оно должно находиться в одних только имениях королевских и в воеводстве Киевском, не касаясь воеводств Брацлавского и Черниговского.

2) Коронное войско не должно стоять в воеводстве Киевском в тех местечках, где будут реестровые козаки. 3) Обыватели воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сами лично и чрез своих урядников вступают во владение своими имениями и пользуются всеми доходами и судопроизводством. 4) Чигирин остается при гетмане, который должен состоять под властью гетмана коронного. 5) Жиды должны быть обывателями и арендаторами в имениях королевских и шляхетских. 6) Гетман запорожский должен отпустить орду и вперед не вступать ни в какие сношения с нею и вообще с иностранными государствами.

В Москве знали о подробностях этой войны обычным путем: через людей, посылаемых порубежными воеводами за границу для вестей. Эти вестовщики доносили, что во всех черкасских городах черкасы и мещане говорят одно, чтоб государь их пожаловал, велел принять, а они ему вечные холопы со всеми городами, которые за ними; если же государь принять их не велит, то они поневоле пристанут к турецкому царю и к крымским людям. В Смоленске, Орше, Минске, Могилеве и других городах православные толковали: «Когда у поляков с черкасами будут бои и станут поляки черкас осиливать, то мы, всяких чинов люди, поднимемся на поляков и сделаем у себя таких Хмельницких десять человек, а войска – 100 000 и станем Польшу и Литву воевать для того: если поляки черкас осият, то и нас всех, православных христиан, выгубят, и нам поневоле против поляков стоять и биться пока нашей мочи будет». Поляки действительно опасались этого восстания, и в Смоленске всех православных выслали из города на посад, а между тем по-прежнему хлопотали, чтоб втянуть Москву в ссору с козаками.

Еще в марте 1651 года приезжали в Москву полномочные послы королевские, Станислав Витовский и Филипп Обухович, и в ответе

объявили боярам: учинилось у крымского хана на Московское государство злое умышление за то: как в прошлых годах присланы были к царскому величеству крымские послы, и тех послов приняли и держали в Москве нечестно, не по прежнему обычаю, а иных татарских послов и не приняли, поворотили назад; да в то же время донские козаки ходили на Черное море и крымские улусы воевали. С этих пор крымский хан и все его татары над Московским государством беспрестанно всякое зло умышляют, и к королевскому величеству хан присылал с просьбою, чтоб король, соединясь с ним, шел на Московское государство, и что на этой войне возьмут городов и мест, то все пойдет королю, а хан возьмет себе Казань и Астрахань. Но королевское величество, соблюдая вечное dokonчанье, на такое злое не помыслил и велел войска свои изготовить около Львова и Каменец-Подольского, и войска эти не пропустили крымцев, которые соединились с запорожскими черкасами и ходили на волохов. На весну крымский хан мыслит идти на Московское государство с большою силою и к королевскому величеству пишет об этом беспрестанно да писал, чтоб король пропустил послов его к шведской королеве Христине, и эти послы уговаривали королеву послать войско на Московское государство. Зная эти умышленья, вся Речь Посполитая приговорила, чтоб король сослался со всеми христианскими государями о союзе против крымского хана: за этим-то делом король прислал их, послов, к царскому величеству и для удостоверения прислал с ними подлинны грамоты ханские и ближних его людей, писанные королю и канцлеру. Король уже отправился на неприятелей: так чтоб царское величество изволил приступить к союзу самым делом, а не словом; если же царское величество ответу вскоре учинить не велит, то у королевского величества будет иная мысль. Бояре отвечали: «Сказываете вы, что присланы от короля о добром деле, о союзе на общего христианского неприятеля, а теперь говорите как бы с угрозами, но великому государю нашему ничьи угрозы не страшны, по всем нашим украинам стоят войска готовые многие; просите вы о союзе скорого ответа, но о таком великом деле, не намыслясь гораздо, ответу скорого дать нельзя; об этом союзе и прежде у великого государя нашего с королевским величеством ссылки были, но дело к концу не приведено, за несходством и проволокою с королевской стороны». Тут послы вымолвили настоящее дело: «Желаем скорого ответа, чтоб

король знал волю царскую; с неприятелем христианским соединился королевского величества изменник Богдан Хмельницкий с запорожскими черкасами; с Хмельницким и черкасами и бои у нас были, и на тех боях королевскому величеству счастье есть; царское величество велел бы на этих общих неприятелей дать помощь королевскому величеству своими ратными людьми от Путивля, также из Астрахани указал бы послать на них ратных людей, чтоб общими силами впасть в их гнезда». Бояре отвечали: «Астрахань – место дальнее, и если ждать ратных людей из Астрахани, то пройдет много времени, а у великого государя много ратных людей и без Астрахани. Вы хотите такое великое дело сделать в короткое время и чтоб царское величество войска свои послал немедленно, но такого великого дела вскоре и не делают, надобно это делать, намыслясь гораздо крепко и обстоятельно: как идти на Крым, скольким ратным людям с обеих сторон быть, каким строем и где сходиться и стоять и как над татарами промышлять? Уговорившись обо всем, ратных людей надобно изготовить, а изготовя их большое число, идти прямо на Крым, чтоб его разорить и бусурман с юрта согнать. Не договорившись обо всех этих статьях, царскому величеству ратей своих послать нельзя, потому что если его царское величество соберет рати большие, а у королевского величества войска будет мало, то царскому величеству убытки будут большие. Надобно прежде обо всем договориться, а потом и ратных людей готовить, чтоб было поровну». Послы: «Королевское величество желает, чтоб царское величество помог ему ратными людьми на изменников запорожских черкас и на крымских татар от Путивля; король сам на коня сел и против изменников своих пошел, и с ним войска 50 000; крымцы, услыша царских и королевских ратных людей, от изменников запорожцев отстанут, и когда с помощью царского величества король с своими изменниками управится, то после станет с царским величеством ссылаться о соединении на крымские улусы». Бояре: «Гетман Богдан Хмельницкий к великому государю писал, что он и запорожские черкасы против королевского величества начали стоять за православную веру и за святые Божии церкви, и за свои нестерпимые обиды; и во всех христианских государствах в вере неволи никому не бывает, да и в вашем государстве разных вер много и противных христианской вере: кальвинов, люторов, новокрещенцов (анабаптистов), армян и богоубийц жидов, которых всем христианским

людям ненавидеть должно, однако король и паны радные их веры не трогают, а христианских правоверных людей одного государства и подавно надобно было оберегать. Великий государь наш брату своему, его королевскому величеству, по своей братской дружбе и любви, желает, чтоб напрасное это междоусобие прекратилось без кровопролития и были бы запорожские черкасы у короля в послушаньи по-прежнему и от крымских татар отстали. Если же запорожские черкасы от вашего гонения королю изменят и поддадутся турецкому султану или крымскому хану, и королевскому величеству смирить их будет нельзя, и от них обоим государствам ждать всякого зла, тогда измену их чем унять и успокоить? Надобно это дело успокоить миром. Если король захочет, то царское величество к гетману Богдану Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому велит послать, чтоб гетман с королевским величеством ссору и войну унял и был у короля в подданстве по-прежнему, а королевское величество и паны радные веры христианской не гнали бы и напрасной тесноты козакам не делали. И когда королевское величество с запорожскими черкасами войну кончит, тогда царское величество обошлется с ним о соединении на крымского хана, чтоб Крым разорить». Послы: «Гетман Богдан Хмельницкий присылал к царскому величеству воровством, в вере им неволи никакой не бывало. Под Зборовом Хмельницкий присягал королю, чтоб быть ему в подданстве и послушании, и потом, разлакомясь воровскими добычами и надеясь на тех же бунтовщиков запорожских черкас, начал мыслить всякими мерами, как бы ему от королевского величества из подданства высвободиться, и стал бунтовать, а славу пускать и причину задавать, будто начали стоять за веру; шляхту и урядников в имения не пускают и, которые начали приезжать, тех стали побивать невинно; а теперь Хмельницкий поддался крымскому хану, ему присягал и с ним соединился». Бояре: «Пока черкасы от крымцев не отстанут, до тех пор на крымцев идти нельзя; если с крымцами теперь войну начать, то за крымского хана и за черкас вступится турецкий султан, одни войска пойдут на Московское государство, а другие – на Польшу, и в это время помогать друг другу будет нельзя, что тогда будет делать? Всего лучше запорожских черкас от крымцев оторвать покоем; а когда черкасы усмирятся, то промышлять о том, чтоб их с крымцами ссорить, а поссорив их, идти сообща на Крым». Послы: «Если царское величество хочет о мире с черкасами быть посредником, то за такое доброе дело

ему и от Бога заплата будет; только нам от короля дано полномочие становить о помощи против крымского хана, а о посредстве не наказано». Бояре дали ответ решительный, что государь тогда только станет ссылаться с королем о крымской войне, когда король запорожских черкас смирит или миром успокоит.

Ю. Брандт. Казак на коне. Конец XIX в.

В июне отправился к королю гонец подьячий Старого, с такою царскою грамотою: «Вашего королевского величества великие и полномочные послы, будучи у наших великих бояр и думных людей в ответах, в наших титулах не дописывали: карталинских и грузинских царей и Кабардинской земли, а в титулах вашего королевского величества приписали лишнее и поехали, не бив челом нам о тех своих винах, и поставили то ни во что. И нам то в подивленье, что нашей чести такое неостереганье учинилось от ваших послов». Король отвечал, что относительно прописки в титуле послы его помирились с боярами и он удивляется, каким образом это дело поднимается вновь. С своей стороны король жаловался, что бунтовщиков-козаков брянские воеводы пропустили чрез свой уезд в литовские области и козаки эти взяли Рославль. Гонец привез вести, что в Дорогобуже, Смоленске и в иных городах жители говорят: если в их места козаки придут, то они к козакам пристанут и начнут с ними заодно ляхов воевать; никогда они за ляхов кровь свою проливать и с своею братьею, православными христианами, биться не станут.

В конце 1651 года отправлены были в Польшу дворянин Афанасий Прончищев да дьяк Алмаз Иванов для присутствия на сейме при суде и наказании людей, виновных в прописке титула. Виновные сами не явились на сейм, прислали за себя прокураторов. Мартын Калиновский, Адам Кисель и Лука Жолкевский были оправданы тем, что прописки в их грамотах были сделаны до внесения в конституцию сеймового решения о наказании за подобные прописки. Про те грамоты, у которых не было подписей, прокураторы говорили: «Ясно дело, что эти грамоты писаны только именем обвиненных, без них, потому что если б писаны были при них, то они сами подписались бы. В которых грамотах были подписи, о тех прокураторы говорили, что они этих рук не знают, точно ли сами обвиненные подписались; а хотя бы и точно сами обвиненные подписались, то они не виноваты, а виноваты или нет писаря. Из других обвиненных многие померли, иные побиты, и прокураторы били челом королю, панам радным и всей Речи Посполитой и просили, чтоб над прописчиками, мимо прав коронных и литовских, ничего не делать. Посланникам объявили королевский приговор, что писавшие грамоты неправильно до внесения сеймового решения в конституцию невинны,

что писавшим после конституции велено присягнуть, что они прописки сделали без хитрости; умершие находятся под судом Божиим; тех же, которые ни сами не явились на сейм, ни прокураторов не прислали, король по конституции велел объявить баннитами, то есть лишенными покровительства законов; убийство такого баннита в вину не ставится. Посланники отвечали: «Мы этого декрета не принимаем, потому что он учинен мимо вечного dokonчания и посольского договора: великому государю нашему не заплата, что худых и неведомых людей делаете баннитами, а знатных лучших людей укрываете и от смертной казни освобождаете; по договору посольскому всех обвиненных довелось казнить смертью при нас на нынешнем сейме. Если король, жалея знатных людей, смертью казнить их не велит, то пусть возьмет у них имения себе, а царскому величеству вместо того велит уступить города, отданные в 1634 году. «Если вы декрета не принимаете, – сказали пань, – то мы вам больше об этом говорить не станем; с чем вас королевское величество к царскому величеству отправит, с тем и поедете, а с декретом наш государь пошлет к вашему своих послов или посланников». С этим посланники и возвратились в Москву.

С декретом приехали в Москву в июне 1652 года Албрехт Пенцлавский и Казимир Униховский. Между ними и боярами в ответе начались прежние споры. Посланники утверждали, что как по их стародавним правам издавна повелось, так они и делают, а мимо правды ничего им делать невозможно. Бояре отвечали: «Это право учинено у вас в своем государстве между людей посполитого чина, что прокураторам отвечать, а к государственной чести это нейдет; если б кто-нибудь против королевского величества какое зло учинил, то можно ли вместо виноватого отвечать прокураторам? Думаем, что нельзя». Посланники: «Хотя бы кто и самого короля чем обесчестил, то по правам нашим нельзя королю без сейма Речи Посполитой этого виноватого казнить, также нельзя запретить прокуратору отвечать вместо виновного». Несмотря на то, государь указал и бояре приговорили: декрета не принимать, потому что он написан не по договору посольскому и не по конституции.

Таким образом, у Москвы постоянно оставался предлог к разрыву с Польшею, и все зависело от оборота, какой примут дела малороссийские; а в Малороссии дела не могли окончиться мирно. Поражение под Берестечком ясно показывало Хмельницкому и козакам,

что им одним сладить с Польшею нельзя, когда она напряжет все свои силы, и на хана надеяться также нельзя, когда дело идет о том, чтоб сражаться с многочисленным войском, а не грабить. Воспользовавшись своим торжеством, поляки предписали козакам почти такие же условия, в каких находились они до 1648 года, но теперь и для Хмельницкого, привыкшего к царственному положению, и для козаков, и для черни, освободившейся от панов и жидов, привыкшей к воле, условия эти были нестерпимы: четыре года гетманства Хмельницкого прошли недаром; эти четыре года отрезали совершенно Малороссию от прошедшего, возврат к которому был невозможен, и поляки, стремившиеся возвратить Малороссию к этому прошедшему, прали против рожна. Хмельницкий сначала хотел отдохнуть, выждать время. 22 октября 1651 года он писал к Потоцкому, что будет смотреть зорким оком на все стороны и уведомлять его о приближении неприятеля: «До окончания ревизии, – прибавляет Богдан, – униженно прошу вашу милость приказать, чтобы войска не шли далее на квартиры в Брацлавское воеводство, пока мы не успокоим черни, и где останутся, то чтоб не слишком надоедали простому народу. Я уверен, что ваша милость изволили приказать пану Славковскому на первый раз исподволь приучать крестьян». Писал к Потоцкому и Выговский: «Не только теперь, но и во всякое время я прилагал большое старание о том, чтоб усердно и верно служить его королевской милости. А что ваша милость в последнем письме уверять меня изволишь в милосердии его королевского величества и важном повышении, то за это буду отслуживать вашей милости во всю жизнь тем же усердием и низжайшими услугами. Изволь, мой пан и благодетель, думать обо мне как о верном слуге своем; позволь, чтоб я был предпочтен другим в важнейшем деле, касающемся его королевской милости. Об одном прошу, чтоб моя жизнь была в безопасности; затем буду ожидать спокойно повышения, обещанного вашею милостию. Об одном прошу вашу милость, чтоб знал, кому поверять секретнейшее».

Напрасно Хмельницкий желал от победителей-поляков осторожности и умеренности в пользовании победою. В декабре того же 1651 года гетман польный Мартын Калиновский должен был разослать универсал по киевской шляхте, в котором писал: «Часто доходят до меня жалобы от пана гетмана и Войска Запорожского на то, что в противность договорным статьям обыватели Киевского

воеводства препятствуют товариществу Запорожского Войска свободно переходить из имений частных владельцев в имения королевские, в Киевском воеводстве лежащие, оставлять дома, продавать хлеб, имение; и уже теперь, не дожидаясь постановленного срока, в противность тем же договорным статьям товариществу Войска Запорожского подвергается изгнанию, лишается всего имения. Доходят и другие жалобы, что некоторые из панов обывателей запрещают козакам переселяться из своих имений и наказывают за то тюремным заключением и смертию». Калиновский именем любви к отечеству заклинал своих панов и братьев удерживаться от подобных поступков, но понапрасну. Чернь, отвыкнув от такого порядка вещей, не хотела снова привыкать к нему, и вот потянулись переселенцы по давно указанному для славян направлению, с запада на восток, потянулись толпы украинцев за Днепр, в степные владения Московского государства, где основали новые слободы на пространстве от Путивля до Острогожска и далее на юг, удерживая свое старое козацкое устройство. Оставшиеся готовились к войне.

Прозоровский доносил в Москву: посылал гетман в Корсунь полковника Михайлу Громыку переписывать черкас, которым быть по договору в двадцати тысячах; но корсунские черкасы Громыку убили за то, что Хмельницкий и полковники мирились с поляками не по их совету; гетман велел за то казнить из них лучшего человека, который стал было в полковники на Громыкино место, – Лукьяна Мозыру; да он же, гетман, разослал по всем городам листы, чтоб черкасы были все наготове: надобно думать, что будет у черкас с поляками война по-прежнему, потому что из панских имений в королевские города черкасы идти не хотят. Богдан велел сказать Прозоровскому чрез его посланца: «Хотя я с поляками теперь и помирился на чем-нибудь, только я великому государю служить рад; кого он изволит к нам прислать – и мы все готовы ему крест целовать; а если государь нас не пожалует, принять не велит, то нам поневоле промышлять, как лучше, а мир у нас с поляками некрепок, потому что поляки всегда лгут, на миру не стоят». То же писал Хмельницкий и в грамоте своей к Прозоровскому: «Хотя мы и приняли *перемирье*, однако знаем, что нам и вере нашей православной поляки не желают ничего доброго; надеемся на Господа Бога и на милость его царского величества, что, когда над церквами восточными умилится и над верою нашею православною, тогда поляки

не воспримут потехи; а мы, как не один раз обещали быть желательными его царскому величеству, так и теперь истинными быть обещаемся». Новый путивльский воевода, князь Федор Хилков, доносил, что приехали в Путивль на государево имя на вечное житье черниговский полковник Иван Дзиковский с тремя сотниками и с двумя тысячами козаков. Козаки остались на границе до указа из Москвы, а между тем королевский полковник Маховский писал Хилкову, что эти изменники и разбойники обиды великие чинят в королевской стороне, бояр по дорогам побивают, купцов разбивают.

В Москве видели, что действительно у поляков с козаками мир непрочен, что скоро надобно решиться или принять козаков и воевать с Польшею, или видеть подданство козаков султану и грани турецкие подле украинских городов московских. Попытались, нельзя ли избежать и того и другого. 22 марта 1652 года государь приказал дьякам своим, Волошенинову и Немирову, поговорить с гетманским посланцем Искрою по любви, потому что они одной веры христианской; дьяки стали говорить Искре: «Гетман в письме своем просит, чтоб его царское величество держал Запорожское Войско в своем милостивом жалованье; великий государь для православной веры держит к козакам свое государское жалованье большое, а король, сенат и Речь Посполитая на своей правде мало стоят; и если они не исполнят своих договоров с гетманом, то Запорожское Войско не пойдет ли к хану в Крым, потому, что у гетмана с крымским ханом дружба большая?» Искра отвечал, что в случае большого притеснения от поляков гетману, кроме царя, некуда деться, и царь бы пожаловал, принял козаков в свою сторону с порубежными их городами, которые близко к путивльскому рубежу; Запорожское Войско в союзе с ханом поневоле, и союз этот дорого стоит, потому что крымцы пустошат Малороссию, верить им ни в чем нельзя, и потому козаки к крымскому не пойдут и, кроме государской милости, деться им негде. Дьяки продолжали: «Если вам от поляков будет утеснение, то гетман и черкасы шли бы в сторону царского величества, а у царского величества в Московском государстве земли великие, пространные и изобильные, поселиться им есть где; удобно им поселиться и по рекам Донцу, Медведице и другим угожим и пространным местам. Если же им быть в царского величества порубежных городах, то всегда будет у них с польскими людьми ссора, а чем дальше от них, тем лучше: безо всякого будет задора. А перейти

им в царского величества сторону по вечному dokonчанью можно, потому что отдачи на обе стороны не бывает, кто в которую сторону перейдет, тут и живет без выдачи; а к крымскому хану идти вам непригоже, потому что крымцы – бусурманы и верить им ни в чем нельзя, и никакого добра от них, кроме разоренья. нечего ждать».

Ю. Брандт. Казацкая свадьба. Конец XIX в.

Выговский, страшая, что между козаками много таких, которые будут советовать гетману поддаться туркам или крымцам, уверял в своей преданности и готовил себе на случай убежище в Москве. В июне 1652 года он говорил с московским посланцем Унковским: «Если государь не изволит нас принять, то есть такие люди многие, что станут гетману наговаривать поддаться турецкому или крымскому, а у меня того и в уме нет, чтоб, кроме великого государя, куда помыслить, только бы великий государь пожаловал меня, холопа своего, велел обнадежить своею милостью, велел бы мне свою грамоту прислать за рукою думного дьяка, чтоб гетман и никто другой о том не знал; и в Путивль свою грамоту велел прислать, чтоб меня приняли, когда я к великому государю поеду. Если государская милость ко мне будет, то я с отцом своим, братьями и приятелями к великому государю приеду, а лучшие люди Запорожской земли со мною же, да не думаю, чтоб и гетман неверным поддался. Меня и венгерский король зовет к себе, власть мне и жалованье великое дает; потому меня король венгерский знает, что я у него бывал, и про то он знает, что я от Войска Запорожского почтен; но я, кроме великого государя, не мыслю никуда ехать. Пока я здесь, уповаю на Бога, что удержу гетмана, все Запорожское Войско и царя крымского, воевать московские украины не пойдут, потому что крымский царь и мурзы меня слушают: известно им, что я в Войске Запорожском владетель во всяких делах, а гетман и полковники, и все. Войско Запорожское меня слушают же и почитают; вы и сами видите, что гетман и лучшие люди мне верят во всем». Перекрестившись перед образом и поклонившись в землю, Выговский сказал: «Дай, Господи, чтоб великого государя ко мне, последнему холопу, милость была совершенна, а я, как обещал ему, государю, служить и на чем образ Спасов целовал, так и совершу».

Между тем несчастная Украина, опустошенная войною, голодом, переселениями, не переставала волноваться: жители ее вырезывали польских солдат и вели гайдамацкую войну; поляки мстили им, истребляя мятежные селения, вырезывая всех жителей. Чернь вооружалась и против Хмельницкого, который по обстоятельствам медлил объявить себя на стороне народного восстания; наконец, для собственной безопасности он должен был опять расширить реестр

вопреки Белоцерковскому договору и, видя невозможность мира, завел снова сношения с татарами. Поводом к новой войне была свадьба гетманского сына Тимофея на дочери господаря молдавского Липулы. Липула дал прежде вынужденное страхом обещание выдать дочь за Тимофея, но под разными предлогами не исполнял его и обратился к Польше с просьбою о помощи против нежданного свата, родство с которым считал для себя унижительным. Вследствие этой просьбы господаря гетман Калиновский стал лагерем на берегу Буга, близ горы Батога, или Батова, недалеко от Ладыжина, чтоб преградить путь жениху, который шел за невестой с козацким и татарским войском. Старый Хмельницкий предупредил Калиновского, чтоб тот дал дорогу его сыну, иначе может произойти невыгодное для поляков столкновение; Калиновский не обратил внимание на предостережение, напал на Тимофея и заплатил за это жизнью своею и двадцати тысяч польского войска. Тимофей беспрепятственно продолжал путь в Молдавию, где господарь должен был выдать за него дочь свою; а старик Хмельницкий, показывая вид, что не одобряет батогского дела, и оправдывая себя и сына пред королем, между тем осаждал Каменец, чтоб укрепиться в Подолии. Король созвал чрезвычайный сейм, на котором положено было собрать 50 000 войска; на сейм явились козацкие депутаты и божились, что гетман их не знал о батогском деле, и к Хмельницкому в Чигирин отправились комиссары от сейма с требованием, чтоб он разорвал союз с татарами и отдал сына в заложники. Богдан вспыхнул, услышав эти требования, и, схватившись за саблю, сказал: «Если б кто другой, а не вы, мои давние знакомцы и друзья, были ко мне присланы с такими речами, то я бы иначе с ними распорядился. Разве вы не видите моего расположения к Польше, что, поразивши вас теперь на Батоге, я ничего не делаю, тогда как мог бы не только вас вконец разорить, но, пославши многие полки козацкие и татарские, мог бы вас за самый Рим загнать? С татарами мне разойтись нельзя; для комиссии будет время, когда война перестанет; пусть сам король ведет со мною переговоры, а когда и где быть комиссии – это в его королевской воле. Сына в залог послать нельзя: один еще мал, а другой только что женился. Прежде всего пусть король присягнет в ненарушении зборовских условий». Хмельницкий действительно надеялся легко управиться с Польшею, опустошенною моровым поветрием, пожарами, голодом, наводнениями. В декабре 1652 года

явился в Москве посол Хмельницкого, войсковой судья Самойла Богданович, с низким челобитьем, чтоб государь умилосердился, велел принять Запорожское Войско под свою высокую руку. Дьяки Посольского приказа спросили Богдановича: «Как тому быть, что гетману и всему Войску Запорожскому быть под царского величества высокою рукою, и как им жить? Там ли, в своих городах, или где в другом месте? О том с ними от гетмана наказано ли подлинно?» Богданович отвечал: «Как гетману и всему Войску Запорожскому быть под царского величества рукою, о том он не ведает, и от гетмана с ним о том ничего не наказано, ведает то гетман, а с ним только наказано царскому величеству бить челом: как прежде царское величество был к гетману и ко всему Войску Запорожскому милостив, так бы и теперь своей государской милости от них не отдалял и неприятелям их, полякам, помощи на них не давал; а, кроме того, ни о чем говорить не наказано».

Но 1653 год заставил Богдана переменить мысли, которые он имел в 1652. В начале года лучший полководец польский, Чарнецкий, ворвался в Украину и сильно опустошил ее; в Польше делалось вооружение; в Молдавии Хмельницкому должно было защищать свата своего Липулу, против которого встали господарь волошский и князь трансильванский Рагоци. В апреле приехали от гетмана в Москву Кодрат Бырляй и Силуан Мужилковский с просьбою, чтоб великий государь пожаловал, для православной христианской веры велел гетмана со всем Войском Запорожским принять под свою государеву высокую руку и учинил бы им на неприятелей их, поляков, помощь думою и своими государевыми ратными людьми. К ним писали и присылали много раз турецкий султан и крымский хан, зовя к себе в подданство, но они в том им отказали, что они мимо великого христианского государя царя к бусурманам в подданство идти не хотят. Если царское величество то их междоусобие успокоит миром через своих послов, они и той государской милости ради и из воли его государской не выступают, только б изволил царское величество послать теперь поскорее к королю гонца, чтоб он войною на Запорожское Войско не наступал и задоров никаких чинить не велел. Королева шведская отправила послов своих к гетману и ко всему Войску Запорожскому неизвестно о каких делах, и тех ее послов на дороге переняли поляки: так, гетман велел у царского величества

милости просить, чтоб государь пожаловал, велел их, посланников, пропустить к шведской королеве через свое государство проведать, для чего она своих послов к нему посылала, а для верности пусть царское величество пошлет с ними в Швецию от себя кого ему угодно. Бырляй и Мужилковский привезли грамоты от Хмельницкого к патриарху Никону, к боярам – Морозову, Милославскому, Пушкину – с низким челобитьем, с смиренною просьбою, чтоб они ходатайствовали пред православным царем за него, гетмана, прямого слугу царского величества. Государь не велел пропускать Бырляя и Мужилковского в Швецию на том основании, что это может помешать переговорам с Польшею. В это время принятие в подданство Малороссии и война польская были уже решены в Москве: первая дума об этом у государя с боярами была 22 февраля 1653 года, в понедельник первой недели великого поста, а «совершился государская мысль в сем деле» в понедельник третьей недели великого поста, марта 14.

Для последних переговоров 24 апреля 1653 года отправлены были в Польшу полномочные послы: боярин князь Борис Александрович Репнин, боярин князь Федор Федорович Волконский и дьяк Алмаз Иванович. Послы нашли Яна Казимира во Львове 20 июля и потребовали, чтоб король над виновными в умалении государева титула велел справедливость учинить пред ними же, великими послами, без всякой отволоки. Потом послы объявили другое дело: присылал к великому государю запорожский гетман Богдан Хмельницкий, что договор, заключенный с козаками сперва под Зборовом, а потом под Белою Церковью, не исполнен с королевской стороны: церкви не отданы, многих православных христиан духовного и мирского чина невинно замучили, войска на них коронные и литовские собраны, хотят на них приходиться тайно, чтоб их безвестно разорить и искоренить: так чтоб великий государь для православной веры милость над ними показал, за них вступился и принял их под свою высокую руку; если же царское величество их не пожалует, то они поневоле учинятся в подданстве у турецкого султана или крымского хана, потому что вперед панам радным верить нельзя, никогда они в правде своей не стоят, а под турецким султаном живут многие христиане, и такого гонения от бусурманов не бывает, какое им, черкасам, от поляков. Великий государь, остерегая вечное докончание, запорожским посланцам велел сказать, что им быть по-прежнему под королевским повеленьем безо

всякого сомнения; гетман и все Войско Запорожское отвечало, что если государь под свою руку их не принимает и к бусурманам в подданство идти не велит, то чтоб царское величество с королем их помирил через своих великих послов и быть им в прежних вольностях без всякого насилования, а как мир станется, то они сейчас же от бусурманов отстанут. И великий государь указал им, великим послам, панам радным говорить, чтоб королевское величество государства своего до разделения и до большого междоусобия и разорения не допускал, подданных своих черкас от поганцев отлучил, договор с ними учинил крепкий, чтоб им вперед в вере неволи не было и жить им в прежних вольностях.

SERENISSIMO ATQUE POTENTISSIMO PRINCIPI AC D. D. IOANNI CASIMIRO
D. G. REGI POLONIE, MAGNO DUCI LITHUANIE, RUSSIE, PRUSSIE, MASOVIE
SAMOGITIE, LIVONIE, SMOLENSCENSIS, SEVERIENSIS, CZERNIHOVIENSIS;
NEC NON SUECORUM, GOTHORUM, VANDALORUMQUE; HEREDITARIO REGI,
Domino nostro Clementissimo, Hanc ipsius Sacre Regie Majestatis effigiem, manu mea ad vivum delineatam,
ANNO MDCXLIX. etique incisionem humillime offero Wilhelmus Hondius Chalcographus Regius.

В. Гондиус. Ян Казимир, король польский и великий князь литовский. XVII в.

Паны отвечали, что Хмельницкий говорит все неправду, что он поддается турецкому султану и принял бусурманскую веру; об этом они узнали недавно; только бусурманскую веру принял он один, Хмельницкий, чернь султану поддаться не захотела, и королевское величество, не желая видеть православных христиан в подданстве у султана, идет на Хмельницкого сам со многими войсками и станет Хмельницкого с товарищами его добивать, чтоб больше государству его разорения от этих бунтовщиков не было. Послы возражали: «Вы, паны радные, говорите неправду: царскому величеству подлинно известно, что православным христианам от вас и от вашего духовенства в вере неволя большая». Когда паны донесли королю о речах посольских, то Ян Казимир велел отвечать послам, что Хмельницкий требует возобновления Зборовского договора, но ему, королю, как стерпеть, что подданный его, самый худой человек, хлоп, пишет, чтоб сделано было по его хотенью, чего в Польше и Литве никогда не бывало, а теперь Хмельницкий поддается турецкому султану и зовет крымского хана к себе на помощь, обещает султану, что примет бусурманскую веру. Хмельницкий – самый лютый вор, и такому вору как верить? Паны объявили послам, что о Зборовском договоре они и слышать не хотят, договор этот за неправды Хмельницкого снесен саблею, но для царского величества король милосердие свое покажет, если Хмельницкий добьет ему челом, булаву отдаст и вперед гетманом не будет; если и козаки добьют также челом, оружие свое все положат и будут по-прежнему в хлопах у панов своих и пашню станут пахать, а реестровых козаков будет по-прежнему шесть тысяч и станут жить в Запорожье и где прежде живали, а в Киеве и других городах по обе стороны Днепра будет стоять войско коронное и литовское; если же Хмельницкий этого не сдержит, то царское величество помог бы на него королю своими ратными людьми. Послы настаивали, чтоб король помирился с козаками на зборовских условиях; паны повторяли, что они о Зборовском договоре и слышать не хотят. Послы предложили, чтоб король послал от себя своего дворянина, а они, послы, отправят своего к Хмельницкому для унятия крови христианской; паны именем королевским отвечали, что не только королю, но и послам отправлять

своего дворянина не годится: всякий подумает, будто король у изменника своего мира просит и, боясь его, позволил вам послать за миром к такому изменнику, кривоприсяжце, худому человеку, хлопцу; надобно было Хмельницкому наперед прислать к королевскому величеству с челобитьем. Если царскому величеству надобно, чтоб Хмельницкий был у королевского величества в подданстве, то пусть пошлет от себя к Хмельницкому, возьмет у него статьи, на которых он хочет быть в подданстве, и перешлет эти статьи к королю, а король решит, на какие статьи можно согласиться и на какие нет. Послы отвечали, что Хмельницкий, кроме Зборовского договора, ничего не примет. Паны говорили гораздо сердито, что Зборовского договора и на свете нет, с Хмельницким у короля никакого договора не было, был договор под Зборовом с крымским ханом; договор этот нарушен Хмельницким, после чего был другой договор, под Белой Церковью, и тот нарушен Хмельницким же, и теперь король всех этих изменников снесет и до конца разорит. Послы: «Королевскому величеству и вам, панам, надобно рассудить: если вы этих своих подданных побьете, города и места разорите и сделаете пустоту, то побьете и разорите не чужое государство, а свое; после эти пустые места кем вам будет населить? Всякий государь славен и силен подданными своими, а у пустоты государю бессилие и бесславие; под Зборовом король договор учинил православной веры не теснить, а унию искоренить и на этих зборовских статьях принял Хмельницкого в подданство по просьбе бусурмана крымского хана; но теперь бы королевское величество по просьбе христианского государя, царского величества, принял Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору и православной веры теснить не велел».

После этих разговоров послы начали дело о новых прописках в титуле, требовали по-прежнему смертной казни виновным и приводили в пример персидского шаха, который прислал государю на смертную казнь виновного в прописке титула. Паны отвечали: «И король пошлет виновных к вашему государю на смертную казнь, если государь ваш пришлет наперед к королю головою своего патриарха, за то, что он в королевских областях, уступленных по последнему миру, в попы ставит и благословенные грамоты дает, чем нарушает мирное постановление». Потом возвратились к делу Хмельницкого, и послы объявили, что король присягал не нарушать веры и вольности своих подданных; если

же он станет теснить православную веру, то подданные, как написано в присяге, будут свободны от подданства. Паны отвечали, что послам в эти дела, в королевские присяги, вступаться не довелось и греческой вере утеснения в Польше и Литве нет. Тут послы объявили, что если король перестанет теснить православную веру, уничтожит унию и примет Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору, то государь для такого доброго дела велит все прежние ссоры от прописок в титуле оставить. Паны отвечали: «Если царскому величеству угодно, чтоб король простил Хмельницкого и козаков, то пусть же послы отправят к Хмельницкому от себя посольство и уговорят его выйти навстречу к королю и бить ему челом, когда король пойдет на него с войском». Послы объявили прежде: что если король хочет принять козаков по Зборовскому договору, то они, послы, могут быть посредниками. Паны отвечали: «Чем вы королевское величество обнадежите, что Хмельницкий действительно захочет соблюдать мир и не захочет многих прихотей? Этот изменник и враг Божий непостоянен, три раза присягал и нарушал присягу; да и то королевскому величеству не важное дело, если Хмельницкий и поддастся турецкому султану: чернь и козаки уже от него отстали и присылали к королю киевского полковника Антона Ждановича бить челом о винах своих». Послы: «Мы будем уговаривать Хмельницкого, чтоб он, кроме веры, во всех других статьях отдался на волю королевскую, и если он согласится, то этим самым объявит свою правду». Паны отвечали: «Король на зборовских статьях ни за что с Хмельницким не помирится, и унию уничтожить нельзя, потому что сами униаты на это не согласятся. Дайте, великие послы, обязательство, что если Хмельницкий помирится и мира не сдержит, то царское величество заплатит королю за теперешние военные издержки и поможет на Хмельницкого своими ратными людьми». Послы не согласились дать это обязательство. Тогда паны объявили последнюю меру: если Хмельницкий булаву положит и гетманом не будет, козаки оружие свое перед королем положат и станут просить милосердия, тогда король для царского величества окажет им милость. Несмотря, однако, на эту конечную меру, паны вскоре объявили послам, что король согласен, чтоб они, послы, отправили своего дворянина к Хмельницкому, но послы отвечали, что теперь им этого сделать уже нельзя: они получили весть, что Хмельницкий идет на короля войною вместе с крымскими татарами, чего он не должен

был делать, не получивши от них решительного ответа о неуспешности их переговоров; таким образом, Хмельницкий сделался изменником и царскому величеству, и потому они, послы, о Хмельницком больше говорить не будут. Так как король на уничтожение унии не согласился, за что царь готов был оставить все свои требования относительно прописок в титуле, то послы обратились снова к этим требованиям; пань отвечали, что насчет прежних прописок постановлен сеймовый декрет, вопреки которому сделать ничего нельзя; что же касается новых прописок, сделанных после посольства Прончищева, то король посмотрит, как царь распорядится с собственными подданными, виновными в прописке королевского титула, виновными в пропуске малороссийских козаков через Брянский уезд в Литву на войну, с патриархом, виновным в том, что ставил попов в королевскую сторону. С этим послы и были отпущены.

В то время, как Репнин с товарищами вели эти переговоры во Львове, Хмельницкий угрозою поддаться турецкому султану торопил дело в Москве. Он объявил Сергею Яцыну, посланцу путивльского воеводы князя Хилкова: «Вижу, что государской милости не дожидаться, не отойти мне бусурманских неверных рук, и если государской милости не будет, то я слуга и холоп турскому». 15 июня Яцын приехал в Путивль и сказал, что у гетмана турецкие послы были и еще полномочный посол идет, только присяги ждет. Получивши это донесение, царь послал к гетману стольника Лодыженского с следующею грамотою (от 22 июня): «Мы изволили вас принять под нашу высокую руку, да не будете врагам креста Христова в притчу и в поношение, а ратные наши люди собираются». Хмельницкий отвечал 9 августа: «Пребываем благонадежны на премногую милость, которую нам твое царское величество показать изволил, что не оставлены будем из-под крепкой руки твоего царского величества. Мы иному неверному царю служить не хотим, только тебе бьем челом, чтоб твое царское величество не оставлял нас. Король польский со всею силою ляцкою идет на нас, погубить хотя веру православную. С известием об этом отправили мы к тебе посланца нашего Герасима Яковлева, молясь прилежно пресветлому твоему лицу, чтоб твое великое государство скорою и сильною ратию нам руку помощи послать изволил, а мы мириться не будем с королем до милостивой вести от твоего великого государства». Выговский в то же время писал к думному дьяку Лариону

Лопухину: «Татарам уже не верим, потому что только утробу свою насытить ищут».

В августе же отправился в Малороссию подьячий Иван Фомин, который должен был отдать тайно Выговскому грамоты турецкого султана, крымского хана, силистрийского паши, гетманов Потоцкого и Радзивилла к Хмельницкому, ибо все эти грамоты тайно пересланы были Выговским в Москву. За эту службу царь прислал Выговскому 40 соболей да три пары соболей добрых. Фомин так описывает прием свой у Хмельницкого: когда он подал царскую грамоту, то Богдан принял ее честно и учтиво, в печать и в грамоту любезно целовал; распечатавши и прочтя ее сам, опять целовал и среди светлицы на государственной милости поклонился в землю и сказал: «Благодарю Господа Бога и Пречистую Богородицу, что такой пресветлый великий государь меня, холопа своего, и все Войско Запорожское пожаловал своим царским неизреченным жалованьем». Фомин говорил: «Божиею милостию великий государь жалует тебя, гетмана Богдана Хмельницкого, и писаря Ивана Выговского и полковников и все Войско Запорожское православной христианской веры, велел вас спросить о здоровье». Гетман отвечал: «На премногой государственной милости я и все войско много челом бьем и, видя такую царского величества премногую милость, служить как Богу, так и ему, государю, помазаннику Божию, и добра хотеть во всем ради». При этих словах все поклонились низко. Гетману Фомин подал от государя 40 соболей да две пары добрых, значит, меньше, чем Выговскому, которому при гетмане явно дана только пара соболей. Наедине Фомин говорил гетману: «Великий государь тебя, гетмана, и все Войско Запорожское за вашу службу жалует, милостиво похваляет: и ты б, гетман, и все Войско Запорожское и вперед великому государю служили и радели во всем, а служба ваша у царского величества никогда забвенна не будет». Гетман отвечал, что он и писарь и все войско великому государю служить рады, только б великий государь изволил их принять вскоре под свою высокую руку в вечное холопство и своими ратными людьми на ляхов помощь велел дать также поскорее, потому что ляхи уже наступают. «Если б, – говорил Хмельницкий, – царское величество изволил нас принять вскоре и послал своих ратных людей, то я тотчас пошлю свои грамоты в Оршу, Мстиславль и в другие города к белорусским людям, которые

живут за Литвою, и они тотчас станут с ляхами биться, и будет их с 200 000».

BOHDAN CHMIELNICKI EXERCITUS
ZAPOROVIEŃ: PRÆEECTUS, BELLISERVILIS AUTOR
REBELLUMQ; COSACCORUM ET PLEBIS UKRAYNEŃ:
DUX.

Guilhelmus Hondius Haga Batavus S.R.M.^m Chalcographus sculpsit. Cum privil' S.R.M.' Gedani An' 1615

В. Гондиус. Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского. XVII в.

6 сентября отправлены были к Богдану новые посланники: стольник Родион Стрешнев и дьяк Бредихин, объявить, что если поляки по посольству князя Репнина-Оболенского не исправятся, то государь примет козаков. Репнин возвратился и объявил о неудаче своего посольства; тогда 20 сентября послали гонца догнать Стрешнева и Бредихина на дороге и отдать им новый наказ: объявить гетману прямо, что государь принимает его под свою высокую руку, а 1 октября созван был собор из всяких чинов людей, которым объявлено о неправдах литовского короля и присылках гетмана Богдана Хмельницкого с челобитьем о подданстве: «Секретари королевские и воеводы порубежных городов пишут царский титул не по вечному dokonчанию, со многими переменами; а иные злодеи во многих листах писали с великим бесчестьем и укоризною. Отправляемы были к королю великие послы и посланники говорить о государевой чести и просить наказания ее оскорбителям; король Владислав обещал, что вперед этого ничего не будет, но обещание не было исполнено. Мало того: появились в Польше книги, в которых про царя Михаила, отца его, патриарха Филарета, и про самого царя Алексея напечатаны злые бесчестья, укоризны и хулы, также про московских бояр и всяких чинов людей. Государь послал боярина Пушкина просить у короля смертной казни виновным; паны обещали; в другой раз послан был Прончищев требовать исполнения обещания: король Ян Казимир отправил в ответ своих посланников в Москву с сеймовым декретом на обвиненных; но этот декрет постановлен был не так, как требовалось: многие виновные оправданы, а некоторые хотя и обвинены, но прибавлено, что неизвестно, живы ли они или померли. Снова отправлены были великие и полномочные послы – князь Репнин-Оболенский с товарищами – требовать, чтоб король учинил пристойное исправление; паны радные отвечали, что все это требования пустые, что они постановили декрет против виновных и вперед будут судить оскорбителей царской чести. Больше князь Репнин ничего не мог добиться. Кроме этого неисправления, Ян Казимир ссылается с крымским ханом против Московского государства, пропустил крымского посла чрез свою землю в Швецию; в порубежных местах от

литовских людей постоянные задоры. Наконец, в прошлых годах гетман Хмельницкий и все Войско Запорожское много раз присылали, жалуюсь на гонение за веру и прося царское величество принять их под свою высокую руку; если же государь их не пожалует, в подданство не примет, то, по крайней мере, вступился бы за них, помирил с поляками. По этой просьбе царь велел князю Репнину ходатайствовать у короля за малороссиян, и князь Репнин потребовал, чтоб поляки исполняли статьи Зборовского договора и возвратили православным церкви их, отнятые униатами, и если король исполнит это, то царь обещал простить всех виновных в умалении его титула. Это требование король и паны поставили ни во что, тогда как Ян Казимир при избрании своем дал клятву не теснить никого за веру и в случае нарушения клятвы освобождал подданных от присяги. Теперь же гетман Богдан Хмельницкий прислал опять посланца своего Лаврина Капусту с тем, что король идет на Украину войною и козаки, не хотя монастырей, церковей Божиих и христиан в мучительство выдать, бьют челом, чтоб государь войска свои вскоре послать к ним велел, да чтоб государь велел прислать в Киев и в другие города своих воевод, а с ними ратных людей хотя с 3000 человек и то для тех же государевых воевод, а у гетмана людей много, да к нему же хотел быть крымский хан с ордою, и иные татары уже пришли и стоят под Белой Церковию: да к гетману же присылал турецкий султан звать его к себе в подданство, и гетман ему отказал, надеясь на государеву милость; если же государь его не пожалует, принять не велит, то он станет свидетельствоваться Богом, что у государя милости просил много, а государь его не пожаловал; с королем же у них мира отнюдь не будет, будут против него стоять».

Выслушав это объявление, бояре приговорили: «За честь царей Михаила и Алексея стоять и против польского короля войну вести, а терпеть того больше нельзя. Гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами их и землями чтоб государь изволил принять под свою высокую руку для православной христианской веры и святых Божиих церковей, да и потому доведется их принять: в присяге Яна Казимира короля написано, что ему никакими мерами за веру самому не теснить и никому этого не позволять; а если он этой присяги не сдержит, то он подданных своих от всякой верности и послушанья делает свободными. Но Ян Казимир своей присяги не сдержал, и, чтоб козаков не отпустить в подданство турецкому султану или крымскому

хану, потому что они стали теперь присягою королевскою вольные люди, надобно их принять».

Стрешнев и Бредихин не нашли Богдана в Чигирине: 13 августа из Переяславля он разослал универсалы, призывая народ вооружиться против вероломных ляхов, поднявших на Украину трансильванского князя и волохов. Около Богдана собралось 60 000 войска, но старый гетман не знал, куда с ним двинуться: с одной стороны шел на Украину король, с другой – пришла весть из Молдавии, что сын гетманский, Тимофей Хмельницкий, осажден в Сочаве восставшими против его тестя молдаванами, волохами, трансильванцами и поляками. Когда Богдан стоял с своим войском под Борком, пришла к нему другая весть, что Тимофей опасно ранен; старик решился двинуться в Молдавию на помощь к сыну, но пришли к нему полковники и объявили: «Непотребно нам чужую землю оборонять, а свою без остереганья метать, будет с нас и того, что за себя стоять и свою землю оборонять». У гетмана в это время было подпито: он вынул саблю и порубил черкасского полковника Еско по левой руке. Протрезвившись, он поспешил поправить дело: пришел к козакам, поклонился трижды в землю, велел выкатить им бочку меду и сказал: «Детки мои! Напейтесь и меня не подайте!» Козаки отвечали: «Пан гетман! В том воля твоя, а быть с тобою мы все готовы». Хмельницкий выступил в Молдавию, но на дороге встретились ему козаки, вышедшие из Сочавы после сдачи ее неприятелям: они везли с собою гроб молодого Тимофея Хмельницкого. Старику не было теперь более нужды идти в Молдавию; во второй половине ноября вместе с ханом он двинулся на поляков, которые стояли под Жванцем, на берегу Днестра, в пятнадцати верстах от Каменца. Здесь повторилась зборовская история: король с своим малочисленным войском находился в отчаянном положении, но хан спас его, принявши мирные предложения: король обещал ему исправно посылать деньги на основании Зборовского договора и позволил татарам в продолжение сорока дней грабить, разорять и уводить в плен русских жителей в польских областях, не касаясь поляков. Хмельницкого хан уверял, что выговорил для козаков зборовские условия, но Богдан, с которым король не хотел входить ни в какие отношения, поспешил уйти с своим войском в Чигирин, чтоб покончить дело с Москвою.

24 декабря приехал Богдан в Чигирин, где дожидались его московские посланники – Стрешнев и Бредихин, которые объявили, что царь велел принять козачков с городами и землями под свою высокую руку. Гетман 28 декабря отвечал благодарственною грамотою, со всем Войском Запорожским до лица земли низко челом бил: «Ради твоему пресветлому царскому величеству верно во всем служить и крест целовать и по повелению твоего царского величества повинаться готовы будем, понеже мы ни на кого, только на Бога и на твое пресветлое царское величество надеемся». В Москве долго думали, но, надумавшись, спешили решенным делом. За Стрешневым и Бредихиным отправились в Малороссию боярин Бутурлин, окольный Алферьев и думный дьяк Лопухин принять присягу с гетмана и со всего войска. Они выехали из Москвы 9 октября, но за рубеж перешли только 22 декабря, и 23 Бутурлин писал к Стрешневу в Чигирин, спрашивал, виделся ли он с гетманом и как у них дело делалось? В Малороссии уже знали, зачем идет Бутурлин с товарищами, и потому во всех городах встречали его с торжеством, духовенство – с крестами, мещане – с хлебами. Боярин направлял путь к Переяславлю. 31 декабря за пять верст от этого города выехали к нему навстречу переяславский полковник Павел Тетеря и 600 козачков. Сойдя с лошади, Тетеря говорил Бутурлину речь: «Благоверный благоверного и благочестивый благочестивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, его государского величества, великий боярин и прочие господа! С радостию ваше благополучное приемлем пришествие, от многого бо времени сердце наше горело бы, в наю слухом услаждаясь, яко со исполнением царского обета грядете к нам, еже быти под высокою великодержавного благочестивого царя восточною рукою православному и преславному Войску Запорожскому. Тем же аз меньший в рабах того Войска Запорожского, имея приказ от Богом данного нам гетмана Зиновия Хмельницкого в богоспасаемом граде Переяславле, изшед во сретение ваю, радостное благородием вашим приветствование сотворю и нижайшее со всем войском, в том же граде содержащимся, творю поклонение, а в упокоение труда путного милостей ваших во обитель града Переяславля внити молю прилежно». При въезде в город новая встреча от духовенства с образами и хоругвями, новая речь от протопопа. Тетеря объявил Бутурлину, что гетман хотел быть из Чигирина в Переяславль прежде его боярского

приезда, но нельзя переехать через Днепр: по той же причине должен был оставаться в Чигирине и Стрешнев.

М. Хмелько. Переяславская рада. 1951 г.

Н. Ивасюк. Въезд Богдана Хмельницкого в Киев. Конец XIX в.

6 января 1654 года приехал в Переяславль и Хмельницкий; на другой день приехал писарь Выговский, съехались полковники и сотники. 8 числа утром пришел к Бутурлину Выговский и объявил, что у гетмана с полковниками, судьями и есаулами была тайная рада, и полковники, судьи и есаулы под государеву высокую руку подклонились. После тайной рады в тот же день назначена была явная. С раннего утра начали бить в барабан и били целый час, чтоб собирался народ. Когда собралось много всяких чинов людей, сделали круг пространный, куда вошел гетман под бунчуком, с ним судьи, есаулы, писарь и все полковники. Гетман стал посреди круга, войсковой есаул велел всем молчать, и гетман начал говорить:

«Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как Бог освободил нас из рук врагов, гонящих церковь Божию и озлобляющих все христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй –

хан крымский; третий – король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим; тут которого хотите выбирайте! Царь турецкий – бусурман: всем вам известно, как братья наши, православные христиане, греки беду терпят и в каком живут от безбожных утеснении; крымский хан тоже бусурман, которого мы, по нужде в дружбу принявши, какие нестерпимые беды испытали! Об утеснениях от польских панов нечего и говорить: сами знаете, что лучше жида и пса, нежели христианина, брата нашего, почитали. А православный христианский великий государь царь восточный единого с нами благочестия, греческого закона, единого исповедания, едино мы тело церковное с православием Великой России, главу имея Иисуса Христа. Этот великий государь, царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в нашей Малой России, шестилетних наших молений беспрестанных не презревши, теперь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислать изволил; если мы его с усердием возлюбим, то, кроме его царской высокой руки, благодатишайшего пристанища не обрящем; если же кто с нами не согласен, то куда хочет – вольная дорога». Тут весь народ завопил: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!» Потом полковник переяславский Тетеря, ходя в кругу, спрашивал на все стороны: «Все ли так соизволяете?» «Все единодушно!» – раздавался ответ. Гетман стал опять говорить: «Будь так, да Господь Бог наш укрепит нас под его царскою крепкою рукою!» Народ на это завопил единогласно: «Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы вовеки все едино были».

После Рады гетман с старшинами приехал к боярину, который объявил им: «Великий государь, видя с королевской стороны неисправленье и досады и вечному dokonчанию нарушенье и не желая того слышать, чтоб вам, единовѣрным православным христианам, быть в конечном разореньи, а церквам благочестивым в запустении и поругании от латинов, под свою высокую руку вас, гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и землями, от

королевского подданства преступлением присяги его свободных, принять велел и помощь вам своими ратными людьми чинить велел. И ты б, гетман Богдан Хмельницкий, и все Войско Запорожское, видя к себе великого государя милость и жалованье, государю служили, всякого добра хотели и на его милость были надежны, а великий государь станет вас держать в своей милости и от недругов ваших в обороне». Выслушав эту речь, гетман и старшины на государевой милости били челом и потом вместе с боярином поехали в карете в соборную церковь. Там уже дожидались их казанский Преображенский архимандрит Прохор, рождественский протопоп Адриан, священники и дьяконы, которые приехали из Москвы. Духовенство встретило боярина и гетмана с крестами и кадилами, пели: «Буди имя Господне благословенно от ныне и до века!» Когда все вошли в церковь, то духовенство хотело уже начать приводить к присяге по чиновной книге, присланной из Москвы; но гетман подошел к Бутурлину и сказал: «Тебе бы, боярину Василью Васильевичу с товарищами, присягнуть за государя, что ему нас польскому королю не выдавать, за нас стоять и вольностей не нарушать: кто был шляхтич или козак, или мещанин, и какие маетности у себя имел, тому бы всему быть по-прежнему, и пожаловал бы великий государь, велел дать нам грамоты на наши маетности». Бутурлин отвечал: «В Московском государстве прежним великим государям нашим присягали их государские подданные, также и великому государю царю Алексею Михайловичу клянутся служить и прямить и всякого добра хотеть; а того, что за великого государя присягать, никогда не бывало и вперед не будет; тебе, гетману, и говорить об этом непристойно, потому что всякий подданный повинен присягнуть своему государю, и вы бы, как начали великому государю служить и о чем били челом, так бы и совершили и присягнули бы великому государю по евангельской заповеди без всякого сомнения, а великий государь вольностей у вас не отнимет и маетностями каждому велит владеть по-прежнему». Гетман сказал на это, что поговорит с полковниками и со всеми людьми, и, вышедши из церкви, пошел в дом к переяславскому полковнику Тетере и долго говорил там с полковниками и со всеми людьми, а боярин все дожидался в церкви. Вошли в церковь два полковника – переяславский Тетеря и миргородский Сахнович – и от имени гетмана начали говорить боярину те же речи, чтоб присягнул за государя; Бутурлин отвечал прежде:

«Непристойное дело за государя присягать, никогда этого не повелось». Полковники заметили, что польские короли подданным своим всегда присягают; Бутурлин отвечал на это: «Польские короли подданным своим присягают, но этого в образец ставить не пристойно, потому что это короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том никогда в правде своей не стоят». Полковники говорили: «Гетман и мы государскому слову верим, только козаки не верят и хотят, чтоб вы им присягнули». Бутурлин отвечал: «Великий государь изволил вас принять под свою высокую руку по вашему челобитью, и вам его государскую милость надобно помнить, великому государю служить и радеть, и всякого добра хотеть, также стараться о том, чтоб все Войско Запорожское к присяге привести; а если какие-нибудь незнающие люди такие непристойные речи и говорят, то вам надобно великому государю службу свою показать, а таких незнающих людей унимать».

С этим полковники пошли назад к гетману; через несколько времени явился сам Хмельницкий и объявил боярину: «Мы во всем полагаемся на государеву милость и присягу по евангельской заповеди великому государю вседушно учинить готовы, и за государское многолетнее здоровье головы складывать рады, а о своих делах станем мы бить челом великому государю». Архимандрит начал приводить к присяге по чиновной книге; гетман, писари и полковники плакали, произнося слова присяги. Потом, когда все старшины присягнули, вошел на амвон благовещенский дьякон Алексей и начал кликать многолетье государю; народ плакал от радости, что наконец сподобил их Господь Бог быть под государевою рукою. После всего этого гетман вместе с боярином и товарищами его поехал из собора на съезжий двор в карете, а полковники и народ шли пешком. На съезжем дворе Бутурлин вручил Хмельницкому знамя, булаву, ферязь, шапку и соболи, причем, подавая каждую вещь, говорил речь; так, подавая знамя, говорил между прочим: «Царское величество сие знамение тебе, благочестивый гетман, дарует: на сем царском своем знамени царя царствующих всемилостивого Спаса написанного в победу на враги, Пресвятую Богородицу в покров и преподобных печерских со святою Варварою русских молитвенников в ходатайство тебе и всему твоему православному воинству подавая». Вручая ферязь, говорил: «Благочестивый государь, орла носяй печать, яко орел покрыти гнездо свое и на птенца своя вождеде, град Киев с прочими грады, царского

своего орла некогда гнездо сущий хотяй милостию своего государского покрыти, с ним же и птенца своя верные некогда под благочестивых царей державою сущие в защищение свое прияти, в знамение таковые свои царские милости тебе одежду сию дарует». Подавая шапку: «Главе твоей, от Бога высоким умом вразумленной и промысл благоугодной о православия защищении смышляющей, сию шапку пресветлое царское величество в покрытие дарует, да Бог, здраву голову твою соблюдая, всяцем разумом ко благу воинства православного строению вразумляет».

На другой день, 9 числа, присягали сотники, есаулы, писаря, козаки и мещане. 12 Января пришли к Бутурлину писарь Выговский, войсковой судья Самойла, переяславский полковник Павел Тетеря, миргородский Григорий Сахнович и другие полковники и говорили: «Не изволили вы присягать за великого государя, так дайте нам письмо за своими руками, чтоб вольностям нашим, правам и маетностям быть по-прежнему, для того, чтоб всякому полковнику было что показать, приехав в свой полк; прежде, как бывали у нас договоры с королем и панами радными, то нам давали договор за сенаторскими руками; вы от великого государя присланы с полною мочью, и если вы нам такого письма не дадите, то стольникам и дворянам в города ехать для привода к присяге нельзя, потому что всем людям в городах будет сомнительно. Да писали к гетману из Белой Церкви и из других городов, что татары наступают, и стольникам и дворянам в те города ехать будет страшно». Бутурлин отвечал: «Дело нестаточное, что нам дать вам письмо за руками своими, да и вам о том говорить не пристойно; мы вам и прежде сказывали, что царское величество вольностей у вас не отнимает и в городах у вас указал государь до своего государева указа быть по-прежнему вашим урядникам и судиться по своим правам, и маетностей ваших отнять государь не велит. Теперь надобно вам делать так, чтоб Божие и государево дело во всем совершилось по его государскому указу и чтоб стольников и дворян в города послать и в городах всех людей привести к присяге, а если в котором городе татары объявятся, и они в тот город не поедут». Писарь, судьи и полковники спросили: «Долго ли стольникам и дворянам быть в городах наших?» Бутурлин отвечал: «Стольникам и дворянам в ваших городах мешкать не для чего: как только людей к присяге приведут, и они из городов уедут». Выговский с полковниками пошел сказать об этом гетману и другим

полковникам, после чего пришел к Бутурлину миргородский полковник Сахнович и сказал, что гетман и полковники положились во всем на государеву волю. Потом пришла к Бутурлину шляхта и говорила, чтоб шляхта была между козаками знатна и судилась бы по своим правам, маетностям быть за ними по-прежнему, причем подали роспись, где росписали себе воеводства и уряды. Бутурлин отвечал шляхте, что они это делают непристойным обычаем: еще ничего не видя, сами себе пописали воеводства и уряды, чего и в мысли взять не годилось; об этом он, боярин, скажет гетману. Тут шляхта стала бить челом, чтоб гетману не говорить: «Мы так писали от своей мысли, а не по гетманскому приказу, это дело в воле государевой».

В. Суриков. Казак. Этюд к картине «Покорение Сибири Ермаком». 1895 г.

14 января Бутурлин с товарищами отправился в Киев; 16 числа за полторы версты от Золотых ворот встретил его с речью митрополит Сильвестр Коссов: «Целует вас в лице моем он, благочестивый Владимир, великий князь русский; целует вас святой апостол Андрей Первозванный, провозвестивый на сем месте велию просияти славу Божию, яже ныне вашим пришествием благополучно паки обновляется; целуют вас общему житию начальницы, преподобный Антоний и Феодосий Печерстии и все преподобнии, лета и живот свой о Христе в сих пещерах изнурившие; целуем и мы о Христе ваше благородие со всем освященным собором, целующе ж любовне взываем: внидите в дом Бога нашего и на седалище первейшее благочестия русского, да вашим пришествием обновится яко орля юность наследия благочестивых великих князей русских». Сильвестр стал известен в Москве летом 1651 года, когда прислал государю следующую грамоту: «Избран я на митрополию киевскую во время нужное, когда учинилась в нашей Литовской земле нынешняя междоусобная брань; крестьяне, приписанные к церкви св. Софии, пошли теперь в козаки, церкви доходов, послушания и строения от них нет, только надеемся помощи от Бога и от твоего царского величества. В церкви св. Софии нет книг: двенадцати миней месячных да прологов на весь год, да Феофилакта, да устава большого; а я от многих наездов властелинских, которые властели приезжают в Киев из Польши от панов и от козацких старшин, изнищен до конца, не могу ничего купить. Вели, государь, дать свое жалованье: 12 миней месячных да прологи сентябрьские и мартовские, да Феофилакта, да устав большой, и на меня умилосердись, на одежду теплую пожалуй, чем бы мне зимою согреться». Просьба осталась без исполнения, потому что митрополит не подписался на грамоте своею рукою. Во время последних сношений Хмельницкого с царем о подданстве Сильвестр не отозвался ни разу; в Москве показалось это очень странным: дело идет об избавлении православных от гонения нечестивых латин, Малая Россия соединяется с Великою во имя восточного православия, а митрополит молчит; помнили поведение Иова Борецкого и тем более изумлялись поведению Сильвестра Коссова. Но между положением Иова и Сильвестра была большая разница: Иов держал митрополию во время сильного разгара борьбы между православием и унией, когда новопоставленные архиереи православные подвергались тяжелым нареканиям и преследованиям;

Иов в крайности искал спасения везде, обращался к козакам, обращался к Москве, причем все другие расчеты и соображения были забыты. Но Сильвестр правил церковью совершенно в иное время, когда благодаря Хмельницкому религиозные преследования затихли: правда, католические прелаты не пустили Сильвестра в сенат, зато в Киеве его никто не трогал, в Киеве никто не запирали церквей православных. Прекращение гонений давало простор другим интересам: Сильвестр был шляхтич и потому не мог не сочувствовать шляхетскому государству, а главное, при польском владычестве он был независим, ибо зависимость от отдаленного и слабого патриарха византийского была номинальная, тогда как при подданстве Малороссии московскому государю трудно было избежать зависимости от московского патриарха, которая была уже не то.

После молебна спросил Бутурлин митрополита: «Почему в то время, когда гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское много раз били челом великому государю принять их под свою высокую руку, ты никогда о том не бил челом, не писал и не искал себе милости царской?» Сильвестр отвечал, что он ничего об этом не знал, а теперь за государево многолетнее здоровье и за государыню царицу и за благоверных царевен он должен Бога молить. 17 января приведены были к присяге сотники, есаулы, атаманы, козаки и мещане киевские; но когда Бутурлин послал к митрополиту и печерскому архимандриту, чтоб они прислали к присяге шляхту, слуг и всех своих дворовых людей, то получил ответ, что, переговора вместе, дадут знать. На другой день, 18 числа, Бутурлин опять послал сказать митрополиту, чтоб он, служа великому государю, склонял подвластных своих к присяге, не отвращал от нее. Митрополит отвечал, что шляхта, слуги и дворовые люди его не принадлежат к Софийскому дому, служат ему по найму и потому не годится им присягать царю. Послы употребили угрозы, митрополит продолжал утверждать, что шляхта и дворовые люди его вольные, что он их к присяге не вышлет, что в пастве его много епископов и духовенства, которые остаются в литовских городах, что если король узнает о присяге его шляхты и дворовых людей царю, то велит изрубить этих епископов и духовенство, и он, митрополит, обязан будет отвечать за души их Богу. При этом Сильвестр никак не хотел видаться с Бутурлиным. Наконец, 19 числа, митрополит уступил, и

шляхта его, слуги и дворовые люди, также и слуги печерского архимандрита были приведены к присяге.

В конце января Бутурлин с товарищами отправился назад в Москву. Стольник Головин выехал к нему навстречу в Калугу с государевым милостивым словом и между прочим говорил: «А что было гетман и полковники говорили вам, чтоб за нас, великого государя, учинить присягу, что нам за них стоять и вольностей их не нарушить, и вы, служа нам, великому государю, то у них отговорили и все учинили по нашему указу». В начале марта приехали в Москву посланники Хмельницкого, генеральный судья Самойла Богданович Зарудный и переяславский полковник Тетеря, бить челом: 1) чтоб в городах урядники были выбираемы из малороссиян, люди достойные, которые должны будут всем управлять и доходы в казну царскую отдавать; если же приедет царский воевода и станет права их ломать и уставы какие-нибудь чинить, то это им будет в великую досаду. Царь пожаловал, велел быть по их челобитью, только прибавлено, что при сборе казны над малороссийскими урядниками наблюдают люди, присланные государем. 2) Чтоб вольно было гетману и Войску Запорожскому принимать иностранных послов; а если б послы эти пришли с чем-нибудь противным царскому величеству, то давать знать об этом государю. Царь указал: о добрых делах послов принимать и отпускать, давая обо всем знать в Москву подлинно и вскоре; послов, пришедших с противным делом, не отпускать до указа царского; с турецким же султаном и польским королем без указа царского не ссылатся. 3) Чтоб число реестровых козаков было 60 000. На это последовало согласие. 4) Чтоб по смерти гетмана Войско Запорожское само избирало нового. Государь указал и бояре приговорили: быть по их челобитью. 5) Чтоб права, данные князьями и королями духовным и мирским людям, не были нарушены. Последовало согласие. Хмельницкий выпросил себе у царя город Гадяч с принадлежностями в потомственное владение.

С посланниками гетманскими все было улажено, но вот в том же марте месяце пришла грамота из Киева от воеводы князя Куракина с товарищами: как приехали они в Киев и города Киева со всякими людьми осматривали, где бы построить крепость от прихода польских и литовских людей, и нашли место на горе близ Софийского монастыря, то митрополит объявил им, что он этой земли не уступит и города или

острога на этом месте ставить не даст, потому что то земля его, митрополичья, софийская, Архангельского и Никольского монастырей и Десятинной церкви, под его митрополичьею паствою; а если они, бояре, хотят черкас оберегать, то они бы оберегали от Киева верст за двадцать и больше; а если бояре начнут ставить город на том месте, которое выбрали, то он станет с ними биться; хотя гетман со всем Войском Запорожским и поддался государю, но он, митрополит, со всем собором о том бить челом к государю не посылавал, и живет он с духовными людьми сам по себе, ни под чьею властью; и начал митрополит боярам грозить: «Не ждите начала, ждите конца; увидите сами, что над вами вскоре конец будет», и в городском деле отказал впрямь. Тогда воеводы сказали ему, что они его слушать не будут, слушают государева указа, и, поговоря с полковниками и со всякими городскими людьми, начали ставить город на избранном месте. Получивши это донесение от воевод, государь писал Хмельницкому, чтоб он велел ехать митрополиту в Москву – *дать о себе исправленье*. Но гетман вступился за митрополита и велел сказать воеводам, чтоб они на том месте острога не делали, потому что прав церковных и даянья православных князей ломать нельзя. Тогда царь написал к гетману, что он вместо избранной под крепость земли даст митрополиту и церквам другие земли и чтоб митрополит не оскорблялся.

В июле 1654 года приехал в Москву никольский игумен Иннокентий Гизель с товарищами бить челом о подтверждении прав малороссийского духовенства и подал царю грамоту от митрополита Сильвестра, в которой тот оправдывал свое сопротивление крепостной постройке: «Известно буди вашему царскому величеству, то я это сделал не из сопротивления вашему царскому величеству, как некоторые на меня наклеветали, но потому, что земля эта с древних времен принадлежит митрополии и предшественники мои много страдали, защищая ее, и я, преемник их, не захотел этой земли от церкви Божией отлучить, ибо и корм только от этой земли мне идет. Вот почему я и спрашивал, есть ли письменное повеление вашего царского величества строить твердыни града на церковной земле; в старину у нас был такой обычай, что, прежде чем приказывать и брать, показывали письменное приказание посланного, но воеводы не имели письменного повеления вашего царского величества. Прости меня, всемилостивый

царь! сделал я это ради ревности к месту святому церковному, а не из сопротивления вашему царскому величеству. К тому же и от гетмана Богдана Хмельницкого, теперь нашей земли начальника и повелителя, я имел приказание мимо его указа никому не позволять ничего делать и брать, и я не смел преступить этого приказания, а послал объявить об этом гетману, и как скоро он прислал мне указ, чтоб я позволил строить крепость, то я оставил всякое сопротивление, благословил воеводам строить. А что я не посылал до сих пор посланников моих с челобитьем к вашему царскому величеству, то это происходило не от нерадения моего или презрения вашей пресветлой державы: я хотел немедленно послать, но гетман запретил посылать прежде, чем его посланники от вашего царского величества возвратятся». Хмельницкий в своей грамоте также оправдывал митрополита: «Что прогневалось было твое царское величество на преосвященного пастыря нашего, как будто он разорял дело Божие и совокупление православия не принимал, то не верь этому: ибо сколько зла претерпел он за веру и православие святое, и теперь он сильно радуется о мире всего мира, всегда молится и о твоём царском величестве. Изволь преосвященного пастыря и весь собор священный пожаловать, моления их не презреть и прочим клеветам не верить».

О. Констнер. Кристина, королева Швеции в образе Минервы. XVII в.

Гизель подал статьи, которых утверждения просило малороссийское духовенство; из них важнейшие: 1) чтоб малороссийское духовенство не было изъято из-под власти константинопольского патриарха; 2) чтоб духовные власти удерживали свои должности до смерти, а преемники их поступали бы посредством вольного избрания как духовных, так и мирских людей и чтоб государь москвичей в Малую Россию не присылал на духовные места; 3) чтоб в духовных судах виноватых не отсылать в Великую Россию. Малороссийское духовенство било челом о всех этих правах, но особенно о первой вольности, которая всем вольностям и правам корень, – быть под послушанием константинопольского патриарха. «На этом основании, – говорилось в челобитной, – все наши вольности

изданы; если мы не сподобимся пожалования вашего царского величества, то митрополит со всем духовенством сильно скорбеть и унывать начнут, и другие духовные, которые еще не под рукою вашего царского величества, а только усердно желают этого, видя вашу скорбь, начнут малодушествовать». Решение на эти статьи государь отложил до возвращения своего из похода.

Но, прежде нежели приступим к описанию этого похода, посмотрим, в каких отношениях находился молодой царь к соседним и другим державам.

С Швециею и в первые десять лет царствования Алексея Михайловича продолжались такие же дружеские отношения, какие мы видели в царствование отца его после Столбовского мира. С известием о воцарении Алексея Михайловича отправлен был к королеве Христине гонец Скрябин в августе 1645 года. Королева царскую грамоту приняла честно и выслушала любительно; гонцу с приезда до отпуска было честно и в кормах довольно. В марте 1646 года отправлены были в Швецию великие послы, окольник Григорий Пушкин и казначей Богдан Дубровский, с подтверждением Столбовского договора, и королева подтвердила договор, несмотря на то, что в царской грамоте имя великого государя было написано с повышеньем, а имя королевы с умаленьем. В 1647 году приехали в Москву поздравить государя с восшествием на престол шведские послы Гилленштерн и Врангель; они объявили, что королева приказала прежнему своему резиденту Крузбиорну ехать в Швецию, а на его место прислала Карла Померенинга. Бояре отвечали, что королевским резидентам вперед быть на Москве нельзя, ибо от них чинятся ссоры многие: Крузбиорн взял займы на королевино имя 3000 пуд селитры, долга не заплатил, а к королеве писал на ссору, что селитру всю отдал, да ему же дано займы 1000 рублей денег, и деньги эти не заплачены; тот же Крузбиорн не платит и своих долгов, продавал запрещенные товары, вино и табак, да и в вечном докончании о резидентах не писано, что им жить в Москве; но, хотя резидентам и не довелось жить в Москве, однако для дружбы и любви с королевою и для ее прошенья государь позволяет новому резиденту Померенингу быть в Москве на время; если же он, живя в Москве, станет какие-нибудь дурные дела делать, то великий государь терпеть ему не будет и велит его из Москвы выслать тотчас. В 1649 году окольник Борис Пушкин заключил в Стокгольме

знаменитый договор о выкупе перебежчиков, который был поводом к возмущению во Пскове. Чтоб поступок псковичей с Нумменсом не прервал приятных отношений у Москвы с Швециею, в апреле 1650 года отправлен был к королеве гонец подьячий Стараго с уверением, что мятежники, обесчестившие Нумменса, будут наказаны. Христина отвечала, что она надеется, что мятежники будут наказаны, подданные ее вознаграждены и договор исполнен. Договор был исполнен, и приязнь продолжалась: в 1651 году переводчик Яган Розенлинд (Рузенли), присланный королевою, объявил тайно боярину Милославскому, что зимою о Рождестве Христове приезжали в Стокгольм крымские послы: пропустил их чрез свою землю польский король Ян Казимир и прислал вместе с ними от себя иезуита с известием, что он, король, вместе с ханом хотят вести войну с Москвою и приглашают к тому же королеву. Розенлинд прибавил, что королева велела отказать хану и королю. Царь в июне написал ей в ответ с гонцом своим Головиным, что он принимает это предостережение в приятную любовь и будет воздавать за это своею дружбою и любовью, причем просил, чтоб королева прислала ему грамоты – королевскую и ханскую. Королева отвечала, что грамот к ней не было ни от хана, ни от короля. К Головину в Стокгольме пришли русские торговые люди – новгородец Михайла Стоянов, ладоженин Антон Гиблой и новгородский поп Емельян, приехавший с торговыми людьми, и сказали, что в 1651 году приехал из Ревеля в Стокгольм русский человек в литовском платье, называет себя великородным человеком, Иван Васильевичем, говорит, что хочет ехать к великому государю, а шведы, приходя на русский торговый двор, говорят, будто он роду Шуйских князей, отец его был свезен в Пермь и пострижен насильно; он сам, Иван, говорил священнику Емельяну: «Для чего новгородцы и псковичи великому государю добились челом, вот вас велит государь перевешать так же, как царь Иван Васильевич велел новгородцев казнить и перевешать». Головин отвечал им, что это должно быть вор, подьячий Тимошка Акундинов: он волосом чернорус, лицо продолговатое, нижняя губа поотвисла немного. «Он и есть точь-в-точь», – сказал на это священник Емельян: «Он мне на молитве велел поминать себя Тимофеем, потому что прямое имя ему Тимофей, а прозвище Иван, и никому не велел говорить, что зовут его Тимофеем». Головин послал к Акундинову толмача, которому самозванец сказал:

«Зовут меня Иваном Васильевичем, а про род и прозвище ведомо на Москве; ехать к государю в Москву опасаясь, потому что мне на Москве недруги боярин Борис Иванович Морозов да боярин Григорий Гаврилович Пушкин, а за мною большое государево дело и грамоты многие, которые государю годны, у меня есть; чтоб Головину самому со мною повидаться и обо всем переговорить?» Через несколько времени толмач привел к Головину русского человека, который объявил, что зовут его Константином, сын стремянного конюха Евдокима Конюховского, был на Москве в подьячих, сначала в приказе Большого дворца, а после в приказе Казанского дворца; с Москвы съехал с государем своим, князем Иваном Васильевичем Шуйским, тому лет с семь, оставя в Москве мать. Головин сказал ему: «Ты бы, Костка, помня Бога и великого государя милость, обратился на истинный путь». Конюховский, пожав плечами, сказал на это: «Милости великого государя было много, только так учинилось», – и, проговоривши это, бросился бежать вон. По наказу Головина священник Емельян и ярославский купец Силин задержали его на русском торговом дворе, в молитвенном амбаре, и дали знать Головину, который пришел в амбар, велел связать Конюховского и отвести к себе на подворье. Но королевины думные люди призвали к себе Головина и сказали ему: «В докончаньи не написано, чтоб, приехав в чью-нибудь землю, хватать людей без приставов!» Головин отвечал: «В этой моей вине волен великий государь и королевино величество, а мне было тому вору спустить не уметь; хотя бы я и смерть видел, и тогда таким вора не спустил бы; а если б я об нем объявил, то он бы из Стекольны ушел». Но Головину объявили, что королева велит Конюховского освободить и отпустить к боярину его, Ягану Сенельсину, под каким именем Тимошка был прислан из Венгрии от Рагоци; если же этот Сенельсин писался другим воровским именем, то пусть царь ищет его в Венгрии. Головин приехал в Москву с известием, что Тимошка уехал из Стокгольма в Нарву и там посажен в тюрьму. Головин привез с собою перехваченную переписку Акундинова с Конюховским, которому между прочим Тимошка давал следующие наставления: «Искать людей надобных, кого бы можно посылать к Москве и в мое властительство с грамотками к родительке и к сродникам, и к сиротелым деткам, и прочее тайным обычаем шпиговски, или лазутчески. Чиновников, чиновачальников в царствующем Иван-городе и во Пскове, духовных и

мирских проведывая имена, совершенно писать ко мне. Про семилетнее странствие ни прибавлять, ни убавлять, вправду всякому обо всем, кому из наших друзей понадобится, сказывать: Богу молиться, нашедши отца духовного, долг христианский на себе не держать, но с исправлением Богу, сколько возможно, нелицемерно угождать». В одном из писем Акундинов уведомляет Конюховского, что королева обдарила его немалым числом в золоте и серебре деньгами.

Немедленно в сентябре того же года отправлен был в Стокгольм подьячий Яков Козлов с требованием выдачи Тимошки и Конюховского и с жалобой на резидента Померенинга, который ездил безвременно ночью в гости во многие места и, напившись пьян, чинил многие задоры; когда однажды боярин князь Алексей Никитич Трубецкой ехал ночью на пожар, резидент в это же время скакал из гостей пьяный, вынул шпагу наголо, фонарь, который несли перед боярином, разбил, самого боярина хотел поколоть, троих стрельцов, ехавших за боярином, посек так, что двое из них едва живы будут; да он же, Померенинг, прислал в Стрелецкий приказ письмо, в котором царя Михаила Феодоровича именованье написано не по вечному dokonчанию, а то начальное и главное дело обоих государей чести остерегать: «И вашему бы королевину величеству тому Карлу Померенингу учинить жестокое наказанье». Новгородский воевода, князь Буйносов-Ростовский, писал к губернаторам нарвскому и ревельскому с новгородскими купцами, Тетериным и Воскобойниковым, чтоб губернаторы прислали Акундинова и Конюховского к нему в Новгород. Тетерин и Воскобойников узнали Тимошку в Ревеле и, взяв людей у ратманов, схватили его за городом; но ревельский губернатор Оксенштирна взял у них Тимошку, объявив, что без королевина указа не может его им выдать. С жалобой на это в ноябре отправлен был гонец дворянин Челищев. Приехавши в Ревель, Челищев узнал, что Тимошка ушел из-под стражи, и когда гонец настаивал у губернатора, чтоб вора сыскали, то губернатор отвечал: «Давно я вам отказал, что вор Тимошка ушел и сыскать его негде, а больше мне с вами и говорить нечего». В январе 1652 года Челищев отправился из Ревеля в Стокгольм, а в апреле новгородец Микляев поехал в Бранденбургию и Любек все по делу самозванца, ибо в Москву дали знать, что он объявился в Прусской земле. 28 мая приехал Челищев из Швеции и привез с собою Костку Конюховского, который у пытки рассказывал: «Спознался я с

Тимошкою, как сидел я в Новой Четверти в подьячих и жил у него. И как его, Тимошкина, мать вышла замуж, а он, Тимошка, затягался со многими людьми и в то время, осердясь на мать свою, начал мыслить, как бы убежать в Литву, и ему, Костке, про то говорил, чтоб им вместе бежать в Литву и там им будет хорошо. И побежали мы с ним в Литву. И в ту ночь, как побежали, Тимошка сына своего и дочь отвез на двор к Ивану Пескову, а свой двор и жену сжег. Побежали мы из Москвы в Тулу, наняв тульского извозчика, из Тулы побежали в порубежные города проселочными дорогами и прибежали в Новгород Северский, откуда отвели нас к королю в Краков. Тимошка в те поры назывался Иваном Каразейским, воеводою вологодским и наместником великопермским, а из Литвы они сошли в Царь-город, и тут Тимошка назывался государским сыном Шуйским. А идучи в Царь-город, оставил Тимошка меня, Костку, в Болгарской земле, и я был тут шесть месяцев, а Тимошка в Царе-городе бусурманился без меня; а из Царя-города Тимошка ушел и был у паны в Риме и сакрамент принимал, а из Рима шли на Венецию, и на Седмиградскую землю, и на иные государства и пришли в Запороги к гетману Богдану Хмельницкому. А назвался Тимошка государевым сыном Шуйским в Царе-городе, потому что он звездочетные книги читал и остроломейского ученья держался, потому что он был нескудный человек и было ему что давать, и в Литве он и досталь тому научился, и та прелесть на такое дело его и привела. А я, Костка, звездочетью не умею и остроломеи не знаю и затем не хаживал. А в том я перед Богом грешен и перед государем виноват, что Тимошку слушал и государю изменил с глупости. Печать у Тимошки была у государевой поместной грамоты на красном воску, и с той печати в Риме печать он сделал, вымысля сам собою. А как он приехал к гетману запорожскому и помощи себе просил, и Хмельницкий его у себя держал в чести и хотел ему помогать, и Выговский ему учинился друг большой и также ему помогали к Рагоци венгерскому об нем писал с прошеньем, чтоб он, Рагоци, ему, Тимошке, помогал и к шведской королеве об нем писал; и Рагоци к шведской королеве писал, и по тому письму шведская королева Тимошке и поверила; а будучи Тимошка в Швеции, принял люторскую веру, а я, Костка, веры христианской не отбыл, папешской и люторской веры не принимал и не бусурманен». После трех встрясок и 15 ударов Костка говорил прежние речи. 10 июня была новая пытка – встряски жестокие и 15 ударов,

после чего сказал: «Как Тимошка был в Царе-городе, и он у султана помощи себе просил, ратных людей, хотел идти под Астрахань и Казань, да хотел ему в том помогать астраханский архиепископ Пахомий и дворовые его люди, потому что архиепископ ему давно знаком и дружен, с тех пор как были на Вологде вместе». После этого была другая пытка: встряска и 16 ударов и на огне жгли дважды: говорил те же речи. 14 июня Костка сказал: «Как был Тимошка у Хмельницкого и слышал о псковском смятенье, то начал просить гетмана, чтоб отписать об нем к шведской королеве, и Хмельницкий отказал, потому что у него ссылки с шведскою королевою нет, а напишет об нем к Рагоци. А мыслил вор Тимошка упротить у королевы, чтоб ему позволили жить в Швеции подле русской границы, чтоб ему, спознавсья и сдружась с пограничными немцами, ссылаться чрез них с псковскими мятежниками. Теперь своему замыслу Тимошка ни от кого помощи, кроме черкас, не чаёт, писарь Выговский ему друг и брат названный, по нем он надежду на черкас имеет. Как был он у Хмельницкого, и в то время, умысля с Выговским, писал к крымскому, чтоб тот принял его к себе, но крымский ничего на это ему не отвечал».

С. Бурдон. Кристина, королева Швеции. XVII в.

Государь писал к королеве Христине, что выдачу Конюховского он принимает от нее в любовь и против того будет воздавать, в каких мерах будет возможно, но давал знать, что главный вор, Акундинов, выпущен из Ревеля нарочно, потому что самому ему уйти никак было нельзя; кроме того, во время поимки Конюховского в Ревеле, шведы бросали на Челищева камнями, чтоб отбить Конюховского, и гонец из Ревеля едва уехал. Этим сношения с Швециею по поводу Акундинова кончились, ибо узнали, что вор скрылся в Голштинии. С требованием его выдачи отправились туда подьячие Шпилькин и Микляев; герцог Фридрих отвечал, что не выдаст самозванца до тех пор, пока не будет возвращена ему запись о персидской торговле, данная в 1634 году Крузиусом и Брюгеманом, также все подлинные письма, касающиеся этого дела. Запись и грамоты были немедленно отправлены, и Тимошка привезен в Москву. Говорят, что Тимошка хотел лишиться себя жизни, бросившись с телеги под колеса, но это ему не удалось, и его привязали к телеге. В Москве он объявил, что расскажет все одному боярину Никите Ивановичу Романову, но распорядились иначе.

28 декабря 1653 года Тимошка в застенке у пытки сказал: «Вину свою государю приношу и объявляю: я человек убогий, а отец мой и мать какие люди, того не упомяну, потому что остался мал. Когда я с молодых лет жил у архиепископа вологодского Варлаама, то архиепископ, видя мой ум, называл меня княжеским рождением и царевую палатою, и от этого прозвания в мысль мою вложилось, будто я впрямь честного человека сын. После того стал я проживать у дьяка Ивана Патрикеева и сидел в Новой Чети в подьячих, и был мне Иван Патрикеев друг большой и сберегатель и со мною обо всем советовался, и беды свои я ему сказывал, и все мое умышление он ведал. И как над Иваном Патрикеевым беда учинилась, и я стал тужить и от страху из Москвы сбежал в Литву и будучи в Литве, назывался Иваном Каразейским. Когда некоторые государевы люди начали меня уличать, называть холопом дьяка Патрикеева и убийцею брата своего, то архиепископ вологодский Варлаам и дьяк Патрикеев прислали в Литву свидетельственное письмо, что я не холоп Патрикеева, но лучше его самого и брата своего не убивал». На вопрос, кто его научил называться Шуйским князем, отвечал: «Отец мой Демка». Тут привели мать Тимошкину, монахиню Степаниду; взглянув на Тимошку, она сказала: «Это мой сын!» Тимошка долго молчал, потом спросил

монахиню: «Как тебя зовут?» «В мире, – сказала она, – звали меня Соломонидкою, а теперь в монахинях – Стефанида». Тимошка сказал: «Эта старица мне не мать, а матери моей сестра родная, а была до меня добра, вместо матери». У монахини спросили: кто был ее муж? Она отвечала: «Муж мой был Демидка, его, Тимошкин, отец, торговал сперва холстами, а после жил у архиепископа Варлаама; Тимошка родился у меня на Вологде, и ему теперь 36 лет». После этого Тимошку четвертовали.

Сношения с другим скандинавским государством, с Даниею, не заключают в себе никакой важности; замечательнее были сношения с Англиею.

В Англии с известием о восшествии на престол Алексея Михайловича к королю Карлу 1 отправлен был в 1645 году гонец Герасим Дохтуров. Когда корабль, на котором ехал Дохтуров, приплыл к Гревезенду, то гонец встречен был купцами от имени компании, торгующей с Россиею, перевели Дохтурова в судно с чердаком, покрытым красным сукном, и повезли по Темзе в Гринвич с торжеством, при выстреле из 16 пушек. Дорогою Дохтуров расспрашивал купцов: король их Карл теперь в Лондоне или в другом каком-нибудь городе? Купцы отвечали: король теперь в Лондоне не живет, а где теперь король, о том им подлинно неизвестно, потому что у них с королем война большая года с четыре и больше; вместо короля Лондоном и всею Английскою и Шотландскою землею владеет парламент, изо всяких чинов выбраны думные люди. Дохтуров спросил: за что у них междоусобие и война с королем начались? Как давно у них начали владеть думные люди, из какого чину выбраны и сколько их человек? Купцы отвечали: «У нас война с королем началась за веру: как женился король наш у французского короля на дочери, а веры она папешской, то королева и короля привела в свою папешскую веру; по ее велению король учинил арцыбискупов и иезуитов, и многие люди, смотря на короля, приняли папешскую веру. Да, сверх того, король захотел владеть всем королевством по своей воле, как в других государствах государи владеют, а здесь искони земля вольная и прежние короли ничем не владели, а владел всем парламент, думные люди. Начал было король все делать по своей воле, но парламент этого не захотел, арцыбискупа и иезуитов многих казнили, и, видя король, что парламент начал владеть по своему обычаю, как искони повелось, а

не по королевскому хотению, выехал из Лондона с королевою сам, никто его не высылал, а сказал, что поехал гулять в другие города; выехавши из Лондона, королеву отпустил во Французскую землю, а сам начал воевать, но парламентская сторона сильнее. В парламенте сидят в двух палатах; в одной палате сидят бояре, в другой – выборные из мирских людей, из служилых и торговых; в парламенте сидят с 500 человек, а говорит за всех один речник».

В Гринвиче гонца встретили от имени Английского королевства бояр и всяких чинов думных людей и повезли в Лондон опять в богато убранном судне. В Лондоне у гонца спросили: «От царского величества к парламенту с тобою грамота и приказ какой есть ли?» Дохтуров отвечал: «К парламенту грамоты и приказу никакого нет, пусть парламент отпустит меня к королю немедленно, пристава, корм и подводы мне даст, да велел бы парламент мне быть к себе, и я стану говорить им самим». Парламент долго не давал ответа, отговариваясь тем, что зашли воинские дела многие, сидят беспрестанно, готовят собранье большое ратным людям. Наконец, 20 декабря, парламент велел объявить Дохтурову: «Парламент тебя к королевскому величеству не отпустит, чтоб царского величества имени порухи не учинилось и на дороге над тобой от воинских людей какого дурна не было, да и потому не отпустит, что за королевским величеством тех людей, которые торгуют в Московском государстве, никого нет, вся компания за парламентом, а не за королем. Пишет к парламенту король беспрестанно о мире и хочет быть в Лондон, и как скоро он в Лондон приедет, то тебе идти к нему будет вольно, если же король в Лондон не будет, то парламент отпустит тебя на первых кораблях с великою честью». Но Дохтуров не захотел дожидаться и потребовал отпуска домой через Голландскую землю. Гонца не отпустили, и 8 мая 1646 года он узнал, что король сдался парламенту. Тогда гонец опять обратился с требованием, чтоб его к королю отпустили, потому что теперь король в их руках. Ему отвечали: «Хотя король и у парламента в руках, однако тебя к нему отпустить нельзя, потому что он ничем не владеет». Владеющий парламент хлопотал, чтоб сохранить с московским государем прежние дружелюбные отношения. Компания предложила гонцу обед в своем доме; гонец отказался на том основании, что его к королю не отпустили; тогда ему предложили устроить обед у него на квартире. Дохтуров согласился. На обеде лорд Страффорд и член

парламента Флеминг говорили гонцу: если царскому величеству нужны будут служилые люди, то у парламента для царского величества сколько угодно тысяч солдат готово будет тотчас. 13 июня Дохтуров был в парламенте: бояре, сидя, шляпы сняли, и начальный человек, боярин милорд Манчестер, встал, когда гонец подошел к нему, потом и все встали, человек их сорок, и Дохтуров говорил речь: «Послан я от великого государя к вашему английскому Карлусу королю в гонцах наскоро для великих государских дел, которые годны им, великим государям, и всему христианству к тишине и покою. Приехавши в здешний город Лондон, с 26 ноября по нынешний день говорил я вам беспрестанно и проезжую царскую грамоту вам казал много раз, чтоб вы меня к королевскому величеству пропустили; и вы меня из Лондона не отпустили ни к королю, ни к царскому величеству, а во всех окрестных государствах царским послам, посланникам и гонцам путь чист». Манчестер отвечал: «Почему мы тебя в Лондоне держали и к королевскому величеству не отпустили, о том к царскому величеству писали мы подлинно». После этих слов Манчестер сказал Дохтурову: «Добро пожаловать сесть!» Поднесли кресла, обитые красным атласом, по атласу шито золотом и обнизано жемчугом. Гонец сел в кресла, сели и бояре; Дохтуров стал рассматривать палату: посередине палаты, возле стены, место королевское, поставлены кресла, обитые красным бархатом, низанные жемчугом с камнем, на креслах подушка – бархат золотной, по стенам – ковры золотные, а по полу – ковры цветные. Посидев немного, бояре встали, и милорд Манчестер, взявши у секретаря лист, сказал гонцу: «Как будешь у великого государя, извести ему, что мы, здешнего королевства бояре, ему, великому государю, челом бьем и о том просим и молим: дай Бог ему, великому государю, многолетнее здоровье». Взявши грамоту, Дохтуров хотел выйти, но Флеминг взял у него грамоту и сказал: «Не подосадуй, пойдти со мной в другой парламент, где сидят всяких чинов выборные люди от всего королевства, 420 человек; у нас так повелось: наперед объявят и отдадут лист бояре, а потом отдадут в другом парламенте от всего королевства всяких чинов выборные люди». Дохтуров отправился в другой парламент: как вошел в сени, встретили его с державою королевства, а держава серебряная золоченая, сделана фонарем, и понесли державу в палату перед гонцом. Когда Дохтуров вошел в палату, все встали и шляпы сняли; а сидит парламент по ступеням – на

все четыре стороны вверх по шести ступеней, а посередке на низу за столом сидит речник Ленталь, который за всех говорит. Гонец сказал и речнику такую же речь, какую говорил лордам, за чем последовала такая же церемония, как и в верхнем парламенте. 23 июня гонец был отпущен.

Э. Ван Дейк. Карл I, король Англии, Шотландии и Ирландии. Ранее 1641 г.

Вследствие известий, привезенных Дохтуровым, у английских купцов отнято было право беспошлинной торговли. В мае 1647 года приехал в Москву посланник Карла I Нейтингаль, объявил о неволе королевской и о том, что Карл доволен наложением пошлины на компанию и что англичане будут рады уничтожению компанейской монополии, когда всем будет позволено торговать с Россией. Нейтингаль просил также позволения купить для короля 300 000 четвертей хлеба, но ему позволили купить только 30 000 четвертей. Но в то же время приехал другой английский посланник, Бонде, с королевскою грамотою, в которой Карл просил государя возвратить компании прежнее право беспошлинной торговли. С Бонде отправлен был ответ, что пошлина положена по причине крымской войны и за многие неправды английских купцов, которым, впрочем, убытка не будет, ибо они увеличат цены на свои товары. В феврале 1648 года приехал в Москву из Гаги от королевича Карла (впоследствии Карла II) полковник Кроа с просьбою позволить купить в России сорок тысяч четвертей хлеба, а хлеб нужен королевичу потому, что он идет в Хибирскую землю (Ирландию) на выручку к отцу своему – королю Карлу, а Хибирская земля от хлебного недорода оскудела. В том же году приехал опять Нейтингаль от самого короля Карла с новою просьбою о покупке хлеба. Но один из приехавших с Нейтингалем англичанин объявил, что грамота королевская, привезенная Нейтингалем, подложна, писана в Лондоне, а король, запертый на острове Вайте, ничего об ней не знает; собак, которых Нейтингаль привез в подарок от короля, купил он в Лондоне, ошейники медные с выбитыми на них словами *Карлус король* заказывал он в Лондоне же, а деньгами, сукнами и другими товарами для покупки хлеба хотели его ссужать друзья его, королевские дворяне, да лондонец торговый человек Гарвей, все люди самые богатые. Английские купцы-компанейцы также подали челобитную, что Нейтингаль не прямой посланник. Нейтингаль был призван в Посольский приказ, где дьяки ему объявили, что государь над ним милость показал, смертью казнить за его воровство не велел, а велел из Московского государства выслать назад без дела. Нейтингаль не хотел оставаться в долгу у компанейцев и подал боярину Милославскому донос, что они, сердясь за уничтожение льготной грамоты, хотят на военных кораблях прийти под Архангельск

и ограбить русских торговых людей. Нейтингалья после этого отпустили как посланника, а 1 июня 1649 года английским купцам был сказан известный уже нам государев указ, по которому они лишались права жить во внутренних городах государства.

Весною 1650 года приехал в Москву граф Кульпепер, посол нового английского короля – Карла II. 14 мая в ответе у бояр посол сказал, что король велел ему объявить: три королевства – Английское, Шотландское и Ирландское – волнуются; король Карл I убит, но сын его Карл II хочет отмстить изменникам за смерть отца своего, войско у него конное и пешее изготовлено. После этого объявления посол подал на письме подробное изложение дела: «Три короны – Английская, Шотландская и Ирландская – по истинному утвержденному уложению не избирательные, но вотчинные и природные, и никакого спору об этом прежде не было. Покойный король владел этими коронами праведно после кончины отца своего, короля Иакова, по прямому праву, по старой степени, от многих предков; две палаты парламента стоят только по королевской помете, по его произволенью, король может их созвать и распустить, а нынешний парламент держится обманом и насилием; большая часть королевства от его тяжких налогов вздыхает и сильно желает возвратиться к прирожденному королю». Потом посол просил о возвращении английским купцам прежней льготной грамоты и о денежной помощи государю своему, просил 100 000 рублей. Царь отвечал Карлу: «Слыша про такое злое и страшное дело, что учинилось над отцом вашего королевского величества от подданных его изменников, слыша, что теперь те же изменники и в вашем королевском достойном наследии помешку и непослушанье чинят и войну ведут, жалостно скорбим и, памятуя отца нашего с вашим дедом и нашу с отцом вашим братскую дружбу, любовь и ссылку, желая вашему королевскому величеству получить свое достойное наследие и над изменниками победы и одоления, дали мы вашему послу Джону Кульпеперу соболей на 20 000 рублей». Кульпепер дал крепость за своею рукою и печатью, что Карл II через три года заплатит эти 20 000 рублей, или 40 000 любских ефимков, сполна и за такое милостивое вспоможенье должен вечно воздавать всякою любовью. Потом Кульпепер просил, чтоб соболей отпущено было только на 10 000 рублей, а на другие 10 000 дано было хлеба; но государь велел

отпустить 15 000 мехами и пять – хлебом, именно 5000 четвертей ржи, считая по два любских ефимка за четверть.

Были сношения и с другим поморским государством – Голландиею. В 1646 году к Генеральным Штатам и к принцу Генриху Нассаускому отправился в послах стольник Илья Данилович Милославский. Штаты представили послу жалобы: 1) на двойные пошлины, наложенные на голландских купцов. Милославский отвечал, что пошлина наложена на всех, иностранцев и русских, для пополнения ратных людей: «И вам бы, честным владетелям, того в оскорбление не ставить; те пошлины ваши подданные разложат на товары свои и возьмут их на русских людях; убытка им от этого никакого не будет». 2) Штаты жаловались, что купцам их не дают праведного суда на должников. Милославский отвечал: «Такой неправды у великого государя никто не делает; разве кто затеял это на ссору». 3) Жаловались на убийц и разбойников. Милославский отвечал: «Означьте по именам убийц и разбойников и кого именно из ваших подданных убили и разграбили». 4) От воевод многие доуки чинятся: берут у купцов товары, будто купить хотят, и, взявши, не отдают, а иные платят деньги, сколько им вздумается. Милославский опять спросил: кто такие воеводы и голландцы, били ли челом государю на таких обидчиков? Потом посол стал жаловаться в свою очередь: по указу царя Михаила велено голландцу Филимону Филимонову (Акеме) и Петру Марселису делать всякое железное дело в Тульском уезде и на Ваге и русских людей тому делу научать; и он, Филимон Филимонов, с товарищами мимо договора чинил многие неправды, припускал к себе в товарищи иноземцев без царского указа и русских людей никакому железному делу учить не велел, велел мастерам от них скрываться и надобных железных дел в 14 лет на тульском заводе не завел, пушки ставил в казну многим немецкого дела хуже, на сроки не поставили, а лили в то время свои пушки на заморскую статью для своей прибыли. Штаты отвечали, что Петр Марселис гамбурец, а не голландец, об Акеме же они не знают, где родился и жил и теперь где живет, и дела им до него никакого нет. У Акемы и Марселиса отняли завод, который взял один Виниус, обязавшись ставить в казну вещи дешевле прежнего. Но потом Штаты заступились за Акему, а датский король – за Марселиса и просили государя пересмотреть дело, потому что на Акему и Марселиса подан ложный донос. Доносчиком был товарищ их,

знаменитый Андрей Виниус, который после подал челобитную, что Акема и Марселис сильно бранят его. Марселис отвечал, что он в этом не запирается, бездушником и бездельником Виниуса называл, потому что он таков на самом деле, а у них, иноземцев, в обычае: который человек во многих статьях объявится неправдою и неправда его всем людям будет ведома, то его добрым человеком не называют, ни в чем его не почитают и добрых слов про него не говорят. Виниус шел дальше, объявил: «Акема и Марселис говорили, что я хочу креститься, и потому они со мною не хотят ни пить, ни есть; шлюсь я на всех голландцев торговых людей, что они, Петр и Филимон, меня лаяли и бесчестили, шельмою и бездушником называли и про крещение такие слова говорили». Акема слался также на всех голландцев, что он про Виниуса ничего не говорил, а Марселис – что он про крещение ничего не говорил, и в свою очередь жаловался на Виниуса, что он бесчестит его позорными словами. Свидетели показали, что Акема и Марселис Виниуса бранили, но о крещение ничего не говорили. Защищаясь от других статей доноса, Акема и Марселис показывали, что они по договору вовсе не были обязаны учить русских, а только не скрывать от них своего мастерства, что ими исполнено, и в том шлются на всех русских работников; утверждали, что никаких других товарищей к себе в компанию не принимали; утверждали, что они ставили в казну все заказные вещи; обвиняют их в том, что они дощатого железа и лат не делали, но они до сих пор, несмотря на все свое старание, не могли добыть кузнеца, который доски кует; что же касается до лат, то латный мастер несколько лет был, но так как от царского величества ему работы никакой не было, то его и отпустили назад за границу; пушки всегда доставляли хорошие, лучше привозных, и в том шлются на пушкарей. Дело кончилось тем, что Акеме и Марселису велено дать с Виниусом очную ставку (торг) в Пушкарском приказе, и на этой очной ставке они убавили цены связному железу против Виниусова договора, а пушки, ядра и доски согласились ставить по той же цене, как и Виниус. Вследствие этого государь пожаловал их тульским железным промыслом со всякими заводами на 20 лет с первого сентября 1648 года безоброчно и беспошлинно, быть промыслу за ними и их наследниками до урочных лет бесповоротно.

Но тульский завод не мог удовлетворить всем потребностям военного дела: в августе 1653 года, решившись начать войну с

Польшею, государь отправил в Голландию и другие государства капитана Фан-Керк-Говена для покупки карабинных и пистолетных замков и для призыва мастеров, которые бы могли их делать; а в октябре отправлен был в Голландию подьячий Головнин с просьбою позволить ему купить по обыкновенной цене 20 000 мушкетов и 20 000 или 30 000 пудов пороху и свинцу. Просьба была исполнена Штатами. Такого рода закупки оружия в Голландии повторялись не раз в продолжение войны. Закуплено было и в Швеции 20 000 мушкетов. Кроме того, еще Милославскому наказано было прибрать в Голландии офицеров и солдат, что он и исполнил, сделавши смотр прибранным; описание этого смотра любопытно: «Майор Исак фон-Буковен, капитаны и солдаты пришли на посольский двор к смотру: Филипп Алберт фон-Буковен выходил с мушкетом и с пиками, с капитанскою и солдатскою, стрелял из мушкета и штурмовал пикою и шпагою различные штуки и по досмотру *добр добре*. Вилам Алим по досмотру *добр*, Ефим вахмистр по смотру *умеет*, Яков Рокарт *умеет*, Юрий Гариох по смотру *средний*, и майор фон-Буковен говорил, что Гариоха с капитанской чин не будет: как ему неученых людей солдатской справке выучить и к бою привести? Он и сам ратного строя ничего не знает. Послы Майоровы речи велели записать и ему, майору, к тем речам велели руку приложить. Яков Стюарт выходил с мушкетом, штурмовал и стрелял, и застрелил трех человек, толмача Нечая Дрябина да двух солдат немцев, у Нечая да у немчина испортил по руке, да на всех на них прожег платье, за пику солдатскую приняться и штурмовать не умел и по смотру *худ добре*, а майор фон-Буковен говорил, что Гариох в капитаны, а Стюарт и в солдаты не годится». Солдаты, числом 19, все оказались годными.

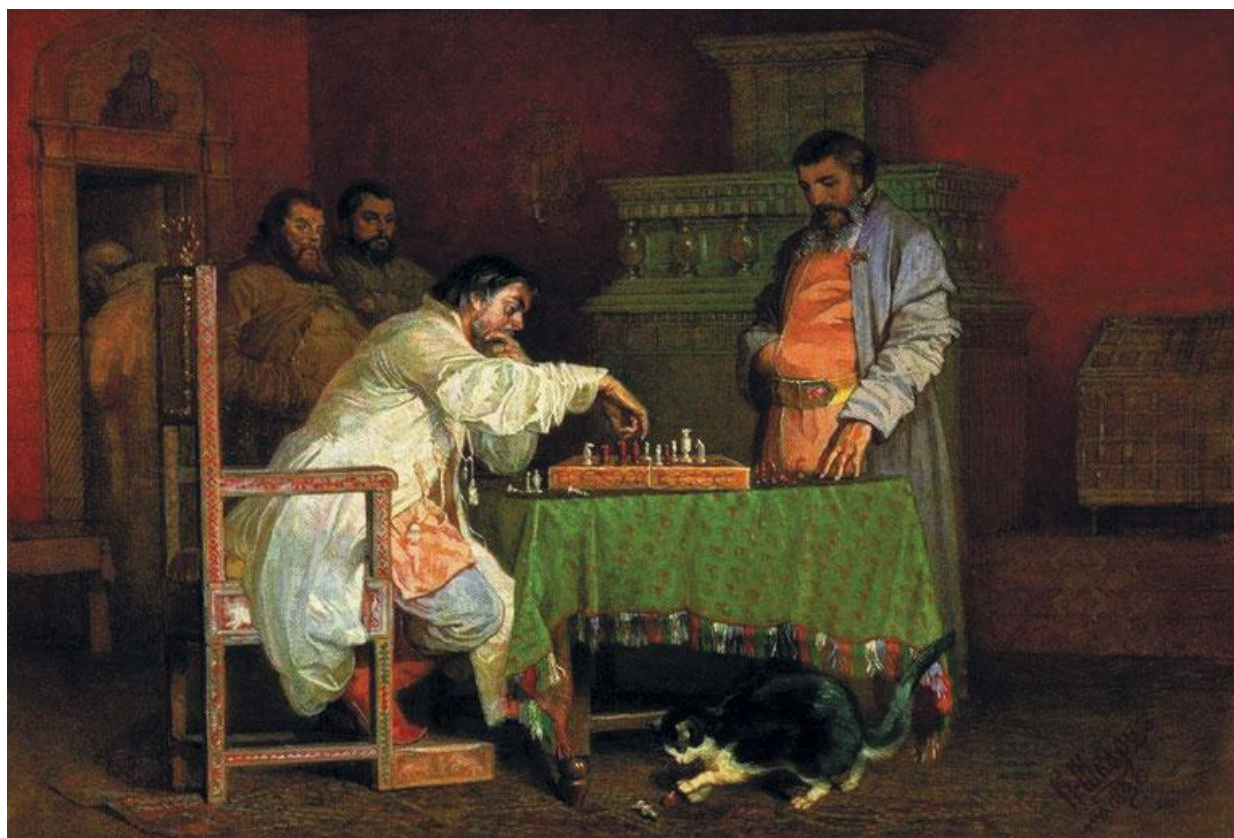
Перед началом польской войны государь счел нужным известить об ней и французского короля. В конце 1653 года отправился с этим извещением гонец Мачехин. В Гавре Мачехину в корме и подводах отказали, и он поехал в Париж на своих проторях, жил в Сен-Дени 8 дней и только 24 октября 1654 года въехал в Париж в королевской карете. В Париже отвели ему двор и дали корм, но приставы объявили, что, прежде чем допустят его к королю, он должен быть у королевы и у графа де-Бриена, потому что король в молодых летах и всякие дела ведаёт и слушает королева, а посольские дела приказаны графу де-Бриену, который, досмотря грамоты и подписи, сполна ли королевского

величества именованье и титуло написано, докладывает королю. Мачехин никак не согласился быть прежде у де-Бриена и 30 октября представлялся прямо королю Людовику XIV, который при его входе в палату встал и шляпу снял, потом сел и спросил о здоровье царя; Мачехин заметил, что про здоровье великого государя спрашивают вставши; Людовик отвечал: «Про государево здоровье я спрашивал, шляпу снявши, а того у нас не ведется, что стоя спрашивать», но, сказавши это, встал и переспросил о здоровье. «Кроме грамоты, – спросил король Мачехина, – есть ли с тобою царского величества приказ о каком-нибудь деле?» Мачехин отвечал: «Присланы со мною для подлинного ведома польские печатные книги, которые покажу в то время, когда королевское величество царскую грамоту выразумееет». Король обещал грамоту выслушать и книги велел досмотреть своим думным людям. Когда Мачехин выходил из палаты, королевские дворяне сказали ему, что он должен идти теперь к королевской матери. «За каким делом?» – спросил Мачехин. «Королева царскому величеству обрадовалась и велела быть к себе», – отвечали дворяне. Мачехин пошел к королеве Анне. «С каким делом ты прислан к королю?» – спросила Анна. «Прислан я от царского величества к королевскому величеству с любительною грамотою об их государских великих делах и грамоту подал королю», – отвечал Мачехин. Королева сказала, что рада присылке грамоты, и Мачехин, поклонясь, вышел из палаты. Король велел сказать Мачехину чрез графа де-Бриена: «Я царского величества грамоту прочел сам, любительной грамоте этой обрадовался и рад быть с великим государем в братстве и дружбе вечно; хочу также, чтоб царское величество с польским королем был в мире, потому что у них государства смежны». С этим Мачехин и был отпущен.

По поводу войны польской сочли нужным возобновить и сношения с Австрией, прерванные при царе Михаиле. В 1654 году отправлен был к императору Фердинанду III дворянин Баклановский с известием о восшествии Алексея Михайловича на престол и с объявлением о неправдах короля Яна Казимира, которые вынуждают царя идти войною на Польшу. «И если, – писал царь в грамоте к императору, – Ян Казимир король станет у вас или у курфюрстов просить против нас помощи, то вы бы ратных людей и никакой помощи ему не давали и к курфюрстам о том же написали, а мы станем вам за это воздавать нашею государскою любовью, в чем будет возможно». Посланнику по

старине было наказано: «Если велят идти к императрице, то отговариваться; если же отговариваться будет нельзя, то идти и от государя поклон править. За столом у цесаря сидеть вежливо и остерегательно; дворянам и подьячим и посольским людям приказать накрепко, чтоб они сидели за столом чинно и остерегательно, не упивались и слов дурных между собою не говорили, а средних и мелких людей в палату с собою не брать, чтоб от них пьянства и бесчинства не было». Баклановский привез ответ, что цесарь хочет быть в третьих меж царем и королем польским и третейством своим мирное постановление учинить, зачем шлет в Москву своих послов.

К. Лебедев. Царь Алексей Михайлович за игрой в шахматы. Конец XIX в.

Царь и великий князь Алексей Михайлович. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Глава четвертая

Продолжение царствования Алексея Михайловича

Приготовление к войне. – Отпуск князя Трубецкого. – Выступление государя в поход. – Грамота царская к православным жителям Литвы. – Письмо царя к сестрам и к князю Трубецкому. – Успехи русских войск. – Взятие Смоленска. – Моровая язва в Москве и других городах. – Первое раскольническое движение. – Ссора шляхтича с козаком в Белоруссии. – Поведение Хмельницкого. – Приход Радзивилла под Могилев. – Измена Поклонского. – Действия Хмельницкого и Золотаренка. – Письмо Хмельницкого к Золотаренку. – Письма царя к Морозову, Черкасскому, Долгорукову, Пушкину и Матвееву. – Второй поход царя. – Обращение его к ратным людям. – Взятие Вильны, Ковна и Гродна. – Походы Хмельницкого и Бутурлина, Волконского и Урусова. – Жалоба ратных людей на воевод Урусова и Борятинского. – Сношения с гетманом Павлом Сапегою. – Успехи шведов в Польше. – Сношения шведского короля с царем. – Царское посольство к Радзивиллу. – Столкновения у русских войск со шведскими. – Императорские послы в Москве. – Посольство из Москвы к Павлу Сапеге. – Посольство Галинского в Москву. – Прекращение военных действий с поляками. – Переговоры со шведскими послами. – Посольство в Данию. – Царский поход в Ливонию. – Неудачная осада Риги. – Виленские переговоры бояр с польскими комиссарами. – Посольство Матвеева к Гонсевскому. – Ордин-Нащокин. – Переговоры с Даниею. – Столкновение с козаками в Белоруссии. – Поведение Хмельницкого и сношения с ним царя. – Смерть Хмельницкого.

Еще летом 1653 года государь почел нужным внушить войску о возможности скорого похода; 28 июня он делал смотр своему двору на Девичьем поле, после чего приказал думному дьяку стать перед собою и сказать войску: «Стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы! Писано есть, яко всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше от Отца с Его благословением и Единородного Его Сына и Святого и Животворящего Духа изволением, и всенадежныя Заступницы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, и всех святых молитвами пришло в мысль нашего царского величества осмотреть воинство наше, которым православная христианская вера сохраняется в мире и в тишине, и в благоденствии, и наше царское величество от супротивных врагов наших ограждается, и ваша в службе храбрость и мужество объявляется, и христианское множество от всенаходящих бед спасается. Видя всеурядное тщание, благодаря Бога, по-прежнему радуемся и ваше тщание к службе и службу вашу хвалим. Когда же благоволит Бог по его святому смотрению супротивные воевать, и вам бы с таким же тщанием, как и ныне видим вас, с радостным усердием готовым быть, да не мимо идет и нас Христово веление: более сея любви несть, да кто душу свою положит за други своя. Воинствующие за святую, соборную и апостольскую церковь и за православную веру противу своего достояния и от нашего царского величества милость получают и небесного царствия сподобятся, как и первые победоносцы, за православие пострадавшие». 23 октября в Успенском соборе государь объявил: «Мы, великий государь, положи упование на Бога и на пресвятую Богородицу и на московских чудотворцев, посоветовавшись с отцом своим, с *великим государем*, святейшим Никоном патриархом, со всем освященным собором и с вами, боярами, окольничими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего, польского короля: воеводам и всяких чинов ратным людям быть на нынешней службе без мест, и этот наш указ мы велели записать в разрядную книгу и закрепили своею государскою рукою».

Ратник XVI–XVII вв. Рисунок из книги А. Висковатого «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». 1841–1862 гг.

В начале 1654 года началось движение войск: 27 февраля отпущен был в Вязьму наряд с боярином Далматовым-Карповым; 15 марта в присутствии козацких послов был смотр на Девичьем поле рейтарскому и солдатскому ученью; 17 марта был повещен поход в Брянск князю Алексею Никитичу Трубецкому с товарищами. 23 апреля в Кремле было большое торжество по поводу отпуска и угощения Трубецкого. Это было воскресенье; в Успенском соборе служил обедню великий государь святейший патриарх, присутствовал великий государь царь со всем синклитом, присутствовала царица и стояла на своем месте за занавескою (запоною); налево от царицына места стояли боярские жены и прочие женщины; собор наполняли стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, полковники и головы стрелецкие, сотники и подьячие, которые должны были идти в поход с воеводами. После обедни служили молебен; когда окончилось чтение Евангелия, патриарх благословил бояр и воевод и велел им идти прикладываться к образам и мощам; когда они исполнили это, патриарх и царь подошли к образу владимирской Богородицы, Никон прочел сначала молитву Богородице, потом – молитвы на рать идущим, причем помянул имена бояр, воевод, дьяков и прочих начальников, после этого царь поднес ему воеводский наказ, патриарх положил его в киот владимирской иконы на пелену, позвал бояр и воевод и начал им говорить: «Примите сей наказ от престола Господа Бога и упование держите неизменное, ибо сам Господь рек: имей веру, яко зерно горушично, и проч. Идите радостно и дерзостно за святые Божии церкви, за благочестивого государя и за всех православных христиан и исполняйте государево повеление безо всякого преткновения. Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радеть о государеве деле, то восприимите Ананиин и Сапфирин суд». Трубецкой принял наказ и поцеловал руки у патриарха. Царь вышел из церкви, поддерживаемый двумя боярами, Алексеем Никитичем Трубецким и Григорием Семеновичем Куракиным, и, остановившись у соборных дверей на рундуке, позвал бояр и воевод к себе хлеба есть. Когда сели за стол, принесли списки всех ратных людей, отправляющихся в поход,

и положили пред государем, который, посидев немного, обратился к Трубецкому с такою речью: «Князь Алексей Никитич с товарищи! Заповедую вам: заповеди Божии соблюдайте и дела наши с радостью исправляйте: творите суд вправду, будьте милостивы, странноприимцы, больных питатели, ко всем любовны, примирительны, а врагов Божиих и наших не щадите, да не будут их ради правые опорочены; передаю вам эти списки ваших полчан: храните их, как зеницу ока, любите и берегите по их отечеству, а к солдатам, стрельцам и прочему мелкому чину будьте милостивы к добрым, а злых не щадите; клеветников и ссорщиков не допускайте до себя, особенно же пребывайте в совете и любви и упование держите несомненное. Если же презрите заповеди Божии и преслушаетесь нашего слова, людей Божиих, преданных вам, презрите, то я перед Богом не буду виноват, вы дадите ответ на страшном суде». Потом государь обратился с речью к полчанам: «При вас заповедал я боярам и воеводам заповеди Божии соблюдать, также и наши дела исправлять с усердием, суд творить вправду и вас беречь по вашему отечеству и любить добрых, как самих себя, а злых не щадить; и вам бы, слыша от нас такой милостивый и грозный приказ, бояр и воевод во всем почитать и слушать и бояться, как и нас, и на всякие дела быть готовым без отговорок, а врагов Божиих и наших не таить и не покрывать, а извещать на них боярам и воеводам; еще же заповедую вам пребывать во всякой чистоте и целомудрии, потому что не знаете, в какой час смерть постигнет».

Когда кончился обед и дворецкий снял скатерть, то царь, вставши с своего места, стал за столом, сступя с колодки на правую сторону. В это время ключарь с собором совершали хлеб Богородицын; певчие пели: «Блажим тя вси роди, Богородице» и «Достойно есть»; священники говорили: «Святой Боже!» и «Отче наш!» и кондаки, а ключарь подносил панагию с хлебом Богородицыным к царю. Государь взял с панагии часть хлеба Богородицына с опасением и стоя потребил. Ключарь, поклонясь, отдал панагию и, взявши со стола Богородицыну чашу, поднес царю; государь испил трижды и подавал чашу боярам и воеводам по чину, кроме окольныхчих; бояре и воеводы шли к чаше один за другим по чину и, приняв чашу, целовали царскую руку; потом подавал государь чашу ключарю с братиею. Ключарь совершал стол, говорил: «Благословен Бог наш»; соверша стол, поклонившись образам и ударив челом государю, шел с братией за панагиею в церковь и из

церкви – домой. Отпустив панагию, царь сел на прежнее свое место, а бояре и воеводы, дьяки и полчане стояли; царь жаловал бояр и воевод водкою и красным медом, дьяков – красным и белым медом, полчан – белым медом. Кончилось угощение, и царь обратился к боярам и воеводам с речью: «Князь Алексее су с товарищи! Если даст Бог здоровья вам и станете на указном месте, то, пересмотря наших ратных людей, скажите им наш указ: на первой неделе Петрова поста всем обновиться св. покаянием и восприятием тела и крови Господни; ведаете и сами: аще христианин три лета не причастится, несть христианин. Второе вам приказываю: если и в походах будете, не оставьте сей евангельской заповеди, елико сила ваша может, сотворите плоды послушания, ведаете и сами, чем пророцы и закон весь висят. Аще сию Христову заповедь сохраните и обновитесь святым покаянием и приобщитесь бессмертной трапезе, то дерзостно реку вам: ей, ополчится ангел Господень окрест полка вашего. Третье приказываю вам: непослушников и силою приводить к святому покаянию; полагаю весь полк ваш на вас, боярах и воеводах: если хотя один человек нерадением вашим не обновится покаянием, то вы ответ дадите на страшном суде Христове».

Трубецкой отвечал: «О, царю пресветлый, премилостивый и премудрый, наш государь и отец и учитель! Ей, насладились мы душевных и полезных учительских слов! Какого источника живых вод искали, такой и обрели. Пророком Моисеем манна дана была израильским людям в пищу: мы же не только телесною снедью напитались от твоих царских уст, но и душевною пищею пресладких и премудрых глаголов Божиих, исходящих от уст твоих, царских, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловерны, но устремляемся на всякое послушание благое, и Бог помощник нам будет».

Начался отпуск: первый пошел к царской руке старший воевода, князь Трубецкой; царь взял обеими руками его голову и прижал к груди своей «для его чести и старшинства, потому что многими сединами украшен, муж благоговейный и изящный, мудрый в Божественном Писании, в воинстве счастлив и недругам страшен». Растроганный до слез, воевода начал кланяться в землю раз до тридцати. Отпустив начальных людей, царь пошел в сени Грановитой палаты и приказал позвать последних полчан, которые обедали в столовой, московских

дворян и жильцов, дворян и детей боярских – ярославцев, жаловал их из своих рук в ковшах белым медом и говорил речь: «В прошлом году были соборы не раз, на которых были и от вас выборные, от всех городов дворян по два человека; на соборах этих мы говорили о неправдах польских королей, вы слышали это от своих выборных: так вам бы за злое гонение на православную веру и за всякую обиду к Московскому государству стоять, а мы идем сами вскоре и за всех православных христиан начнем стоять, и если творец изволит и кровию нам обагриться, то мы с радостью готовы всякие раны принимать вас ради, православных христиан, и радость и нужду всякую будем принимать вместе с вами». Полчане возопили: «Что мы видим и слышим от тебя, государя? За православных христиан хочешь кровию обагриться! Нечего нам уже после того говорить: готовы за веру православную, за вас, государей наших, и за всех православных христиан без всякой пощады головы свои положить!» Государь заплакал и сквозь слезы проговорил: «Обещаетесь, предобрые мои воины, на смерть, но Господь Бог за ваше доброе хотение дарует вам живот, а мы готовы будем за вашу службу всякой милостию жаловать».

26 числа войско выступило в Брянск; оно шло через Кремль мимо дворца под переходы, на которых сидели царь и патриарх; Никон кропил проходящее войско святою водою. Когда подъехали к переходам бояре и воеводы, то сошли с лошадей и поклонились по обычаю; государь спросил их о здоровье, и они поклонились до земли. Царь сказал им: «Поезжайте да послужите; Бог с вами: той вам да поможет и вас соблюдет». Бояре и воеводы опять поклонились до земли. Встал Никон, благословил их и сказал речь: «Упование крепко и несумненно имейте в уме своем на Господа Бога и творца всего создания и общую заступницу, пресвятую Богородицу, призывайте на помощь. Государевы дела делайте с усердием, а во всем том Господь Бог утвердит вас и поможет вам на всякое доброе дело; да подаст вам силою Животворящего Креста победу и одоление и возвратит вас здравых со всякою доброю победою». Изговоря речь, патриарх опять благословил воевод и поклонился им по обычаю; воеводы поклонились ему в землю, и Трубецкой говорил речь: «О, всеблаженнейший и пресветлейший отцам отец, великий государь, пресвятейший Никон, всея Великие и Малые России патриарх! Удивляемся и ужасаемся твоих государевых, учительных словес и надеемся на твое государево благоутробие,

понеже не видим ни одного грешника, кающегося отгоняема и озлобляема от тебя, государя. Твоему пресвятому поучению, как евангельскому благовестию, радостною душою и с радостными слезами веселимся и утешаемся; по воле Божией, по государеву указу и по твоему благословению и учению обещаемся с радостию служить безо всякие хитрости; если же в бесхитрости или в недоумении нашем преступление учинится, молим тебя, пресветлейший владыка, о заступлении и о помощи». В то время как говорил речь Никон, царь для его святительской речи и достоинства стоял.

Ратники XVI–XVII вв. Рисунок из книги А. Висковатого «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». 1841–1862 гг.

Съездивши к Троице и в Саввин монастырь, царь 10 мая осмотрел на Девичьем поле всех ратных людей, которые должны были идти с ним в поход; 15 мая отпущена была в Вязьму Иверская икона Богородицы, и в тот же день отправились туда воеводы передового и ертаульного полка; на другой день выступили воеводы большого и сторожевого полка; 18 мая выступил сам царь. Дворовыми воеводами при нем были бояре – Борис Иванович Морозов и Илья Данилович Милославский; в большом полку бояре – князь Яков Куденетович Черкасский и князь Семен Васильевич Прозоровский; в передовом полку – князь Никита Иванович Одоевский да князь Федор Юрьевич Хворостинин; в сторожевом – князь Михайла Михайлович Темкин-Ростовский да Василий Иванович Стрешнев. Государева полка сотенные головы и начальные люди с полками, головы стрелецкие с приказами собирались с утра на Девичьем поле, откуда шли сотнями через дворец: здесь из окна столовой избы патриарх кропил их святою водою. В воротах, через которые шел государь, по обе стороны сделаны были рундуки большие ступенями и обиты красным сукном; на рундуках стояло духовенство и кропило государя и ратных людей святою водою. Это главное войско отправилось на запад, по Смоленской дороге; Трубецкому из Брянска велено было идти в Малороссию и, соединившись там с Хмельницким, ударить на польские области; с своей стороны Хмельницкий отрядил в Белоруссию 20 000 козаков под начальством наказного гетмана Ивана Никифоровича Золотаренка. Боярину Василью Борисовичу Шереметеву велено было двинуться из Путивля в Белгород или в Карпово Сторожевье для оберегания южных границ от крымского хана и ногайских людей.

Надеялись найти союзников в областях королевских, куда посланы были такие грамоты: «В Польское королевство и Литовское княжество, матери нашей святой восточной церкви сынам, греческого закона православным архиереям, иереям и всего священного и иноческого чина и всем православным христианам всякого чина и возраста и достояния, по городам, местечкам, селам и весям: от многих времен от

святыя восточныя церкви к нам, чадам ее, и от всех православных христиан Малыя России моление было, да законным вспоможением, елико верным по верных достоинств помогать, поможем. И вот тепер умилились мы и Малую Россию, православных христиан, под единого словесных овец пастыря Христа Бога нашего державу решились принять. И вот тепер всем извещаем, что богохранимое наше царское величество за Божию помощь, собравшись со многими ратными людьми на досадителей и разорителей св. восточной церкви греческого закона, на поляков, вооружаемся, дабы Господь Бог над всеми нами, православными христианами, умилосердился и чрез нас, рабов своих, тем месть сотворил, и св. восточная церковь от гонения освободилась и греческими старыми законами красилась, чтоб за многие королевские неправды и за нарушение вечного докончания воздалась месть. И вы бы, православные христиане, освободившись от злых, в мире и благоденствии прочее житие провождали; и сколько вас Господь Бог на то доброе дело восставил, прежде нашего царского пришествия разделение с поляками сотворите, как верою, так и чином, хохлы, которые у вас на головах, постригите, и каждый против супостат Божиих да вооружается. Которые добровольно прежде нашего государского пришествия известны и верны нам учинятся, о тех мы в войске заказ учинили крепкий, да сохранены будут их дома и достояние от воинского разорения».

26 мая государь приехал в Можайск, откуда писал сестрам: «Из Можайска пойдем 28 числа: спешу, государыни мои, для того, что, сказывают, людей в Смоленске и около Смоленска нет никого, чтоб поскорей захватить».

Алексей Михайлович, уверенный в необходимости предприятия, уверенный в правоте своего дела, одушевленный религиозным чувством, выступал в поход, по крайней мере, с тою смелостию, с какою удерживался при гробе патриарха Иосифа, несмотря на разные искушения. Тепер, по выступлении в поход, явились также искушители: то были люди, окружавшие царя; им не нравилось предприятие, заставившее расстаться с покойною московскою жизнью, им страшен был поход к литовской границе, ибо давно уже эти походы не оканчивались счастливо. Пользуясь добротою царя, они не скрывали при нем своего неудовольствия и сильно огорчали Алексея. «А у нас (писал государь к князю Трубецкому 31 мая), у нас едут с нами отнюдь

не единодушием, наипаче двоедушием, как есть облака: иногда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, иногда зноем и яростию, и ненастьем всяким злохитренным и обычаем московским явятся, иногда злым отчаянием и погибель прорицают, иногда тихостию и бледностью лица своего отходят, лукавым сердцем. Коротко вам пишу, потому что неколи писать, спешу в Вязьму; а мне, уже Бог свидетель, каково становится от двоедушия того, отнюдь упования нет. А потом здравствуйте и творите всякое дело с упованием к творцу своему и будьте любовны между собою, ей Бог с вами, а ко мне, если бы не его светова милость, ей сокрушение бы моему сердцу малодушие оных». Скоро, однако, эти неприятности исчезли, ибо начали приходить радостные вести.

Первую приятную весть получил государь на дороге из Царева-Займища в Вязьме 4 июня; дали знать, что едва толпа вяземских охочих людей показалась перед Дорогобужем, как поляки побежали из города в Смоленск, а посадские люди сдали Дорогобуж без боя. На дороге из Вязьмы в Дорогобуж 11 июня царь получил весть о сдаче его войскам Невля; 14 июня в Дорогобуж пришла весть о сдаче Белой. 26 июля передовой полк имел первую сшибку с поляками на реке Колодне под Смоленском; 28 июня сам государь стал под Смоленском в Богдановой околице и на другой день его поздравили со сдачею Полоцка; июля 2 получена весть о сдаче Рославля; 5 июля государь расположился станом на Девичьей горе, в двух верстах от Смоленска; 20 дали знать о сдаче Мстиславля. Среди этих радостных известий было только одно печальное: под Оршею, трижды несчастною, русские потерпели сильное поражение от литвы, которая подкралась к ним ночью и ударила на спящих. Но эта неудача не могла остановить быстрого успеха Москвы, которая, как доносили королю его воеводы, теперь воевала по новому образцу, занимала земли милостию и жалованьем царским; православная шляхта, сдавшаяся на имя царское по деревням и в Полоцке, была отправлена под Смоленск к царю за жалованьем; которая не хотела сдаваться, отпускалась беспрепятственно. Эта снисходительность имела то действие, что не только простой народ, но и шляхта охотно присягали царю, особенно бедные люди, служивые иноземцы, которые не надеялись получить своего жалованья от Речи Посполитой. «Мужики очень нам враждебны, – пишут поляки, – везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем сама Москва; это

зло будет и дальше распространяться; надобно опасаться чего-нибудь вроде козацкой войны». 22 июля выехал на государево имя могилевский шляхтич Поклонский и жалован в полковники; ему поручено было уговаривать земляков, чтоб поддавались государю и служили ему против поляков, для чего велено было тому же Поклонскому всяких служивых людей прибирать к себе в полк и обнадеживать их государским жалованьем. Уговаривать могилевцев к сдаче отправлен был вместе с Поклонским московский дворянин Воейков с отрядом ратных людей. На дороге прислали к ним чаусовцы с просьбою принять их под государеву руку, и Поклонский набрал из них 800 человек пехоты. 24 июля дали знать государю о сдаче Дисны и Друи, 2 августа – о взятии Орши, оставленной гетманом литовским Радзивиллом, который был нагнан русскими и разбит. 9 августа боярин Василий Шереметев дал знать о взятии города Глубокого, 20 – о взятии Озерища, и в тот же день князь Алексей Трубецкой дал знать о победе над гетманом Радзивиллом, одержанной в 15 верстах от города Борисова, на речке Шкловке: 12 полковников, 270 всяких людей, знамя и бунчук гетманские, знамена и литавры достались победителям; раненый Радзивилл спасся с немногими людьми. В тот же день прискакал третий сеунч, или вестник победы, от гетмана Золотаренка: Гомель сдался ему. 24 августа сдался Могилев Поклонскому и Воейкову; последний писал государю, что православных могилевцев он привел к присяге, а католиков, которые хотят служить государю, приводить к присяге не смеет, потому что они не христиане. Жиды были побиты в Могилеве, но мещане сложили эту вину на козаков Поклонского. Государь исполнил челобитье могилевцев, чтоб жить им под магдебургским правом, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтоб не выселять их в другие города; дворы их были освобождены от военного постоя, позволено было выбирать из черни шаферов для заведывания приходами и расходами городскими; обещано не допускать ляхов ни в какие должности в городе; козаки не могли жить в Могилеве, разве по делам службы: жиды также не допускались в город на житье; школе быть по образцу киевских училищ. Подобные же грамоты даны были и другим покорившимся городам.

Август окончился удачными действиями Золотаренка, который 29 числа дал знать о взятии Чечерска, Нового Быхова и Пропойска. А между тем уже два месяца Смоленск был в осаде; приступ ночью на 16

августа не удался; по польским известиям, русских погибло 7000 да ранено было 15 000. Царь же Алексей Михайлович писал сестрам: «Наши ратные люди зело храбро приступали и на башню и на стену взошли, и бой был великий; и по грехам под башню польские люди подкатали порох, и наши ратные люди сошли со стены многие, а иных порохом опалило; литовских людей убито больше двухсот человек, а наших ратных людей убито с триста человек да ранено с тысячу». Как бы то ни было, и осажденные понесли сильный урон и увидали, что держаться более нельзя: укрепления повреждены, всех защитников не наберется и двух тысяч, а защищать надобно стены, растянутые на таком огромном пространстве, и 34 башни наконец, пороху не доставало. Шляхта, отчаявшись отбить неприятеля, отказывалась повиноваться: мало кто шел на стены, никто не хотел работать для восстановления укреплений; козаки чуть-чуть не убили королевского инженера, когда он стал высылать их на работу; толпами стали перебегать к осаждающим; особенно бежали те, которые не получали жалованья. Сентябрь начался счастливыми вестями для царя: 1 числа получил он весть о сдаче Усвята, 4-го – о сдаче Шклова. Смоленский воевода Обухович и полковник Корф прислали просить о начатии переговоров; 10 сентября стольники Иван Богданович Милославский и Семен Юрьевич Милославский да стрелецкий голова Артемон Сергеевич Матвеев на съезде с литовскими людьми договорились о сдаче Смоленска: Обухович и Корф получили позволение выехать в Литву, остальной шляхте и мещанам дано было на волю: или выехать в Литву, или присягнуть государю. Начальники еще хотели тянуть время, выжидать, но жители Смоленска не хотели ждать; они составили сеймики, на которых главный голос принадлежал пану Голимонту и двоим Соколинским: условились о сдаче, подговорили замковую пехоту, сорвали хоругвь с воеводского дома, отворили ворота и пошли к царю. 23 сентября под стенами Смоленска происходило обратное явление тому, какое видели здесь в 1634 году: литовские воеводы, выходя из Смоленска, били челом и клали знамена перед государем московским. На другой день бояре, окольниковые, стольники, стряпчие и дворяне приходили поздравлять государя с Смоленском, подносили хлеб и соболи. В столовом шатре царь угощал обедом грузинских и сибирских царевичей, бояр и окольниковых, сотенных голов государева полка и черкасского наказного гетмана Ивана Золотаренка с товарищами, 28-го

числа угощал есаулов своего полка и смоленскую шляхту. Получивши весть о взятии города Гор, государь 5 октября выступил из-под Смоленска в Вязьму. На дороге 16 числа получил весть о сдаче Дубровны.

Никон, патриарх Московский и всея Руси. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Но в то время как с запада приходили все вести счастливые, из Москвы давали знать, что здесь свирепствует моровая язва. Еще в июле месяце по распоряжению Никона царица с семейством выехала из столицы; выехал и патриарх по указу царскому. Чтоб сберечь государя и войско, поставлены были крепкие заставы по Смоленской дороге, также по Троицкой, Владимирской и другим дорогам; людям, едущим под Смоленск, велено говорить, чтоб они в Москву не заезжали, объезжали около Москвы. Здесь в государевых мастерских палатах и на казенном дворе, где государево платье, двери и окна кирпичом заклали и глиною замазали, чтоб ветер не проходил; с дворов, где обнаружилось поветрие, оставшихся в живых людей не велено выпускать: дворы эти были завалены и приставлена к ним стража. Бедствием воспользовались люди, которых уже давно тревожили разные новизны морозовские, ртищевские, никоновские. 25 августа князь Пронский с товарищами были у обедни в Успенском соборе; около церкви собралось много народа из разных слобод, принесли в киоте икону – Спас нерукотворенный, лице и образ соскребены. Когда боярин вышел от обедни, земские люди подошли к нему и начали говорить: «Взят этот образ на патриархов двор у тяглеца новгородской сотни, Софрона Лапотникова, и отдан ему образ из тиунской избы для переписки, лице выскребено, а скребли образ по патриархову указу». Выступил Софрон Лапотников и стал говорить: «Мне было от этого образа явление, приказано показать его мирским людям, а мирские люди за такое поругание должны стать». Мирские люди подхватили: «На всех теперь гнев Божий за такое поругание: так делали иконоборцы; во всем виноват патриарх, держит он ведомого еретика старца Арсения, дал ему волю, велел ему быть у справки печатных книг, и тот чернец много книг перепортил, ведут нас к конечной погибели, а тот чернец за многие ереси вместо смерти сослан был в Соловецкий монастырь; патриарху пристойно было быть на Москве и молиться за православных христиан, а он Москву покинул, и попы, смотря на него, многие от приходских церквей разбежались, православные христиане помирают без покаяния и без причастия. Напишите, бояре, к государю царю, к царице и царевичу, чтоб до государева указа патриарх и старец Арсений куда-

нибудь не ушли». Пронский с товарищами начал уговаривать земских людей всякими мерами, чтоб они от такого дела отстали. «Святейший патриарх, – говорил боярин, – пошел из Москвы по государеву указу, и когда соцкие к нему приходили бить челом, чтоб он в нынешнее время из Москвы не уезжал, то патриарх казал им государеву грамоту, что он идет по государеву указу, а не по своей воле». Народ выслушал это спокойно, но потом, в тот же день, толпа явилась у Красного крыльца, принесли иконные доски, говоря, что с этих досок образа соскребены. «Мы, – говорили из толпы, – мы эти доски разнесем во все сотни и слободы и завтра придем к боярам по этому делу». При всем этом волнении соцкие не показывались, а предводительствовали и говорили гостиной сотни купцы – Дмитрий Заика, Александр Баев да кашашевец Иван Нагаев. Пронский отписал об этом деле царице и царевичу (т. е. бывшему при них Никону) и по их приказанию призвал к себе черных сотен и слобод соцких и старост и лучших людей и говорил им, чтоб они к совету худых людей не приставали, своей братьи говорили, чтоб и они от такого злого начинания отстали, заводчиков воровства поймали и к ним, боярам, привели. Соцкие отвечали, что они к злому заводу не пристають и свою братью станут унимать. Потом Пронский велел призвать троих оставшихся в Москве гостей, из гостиной и суконной сотен лучших и средних людей и велел им прочесть грамоту, присланную от царицы. Призванные, выслушав грамоту, отвечали, что они про патриарха никаких бесчестных слов не говаривали, к соборной церкви и к Красному крыльцу не прихаживали, а которые воры приходили и те речи говорили, то они за них не стоят и, проведав, имена их принесут. Тут же черных сотен и дворцовых слобод старосты и соцкие били челом, чтоб святейший патриарх пожаловал, благословил для нынешнего времени у приходских церквей петь обедни в час дня и, которые священники из Москвы сбежали и живут по деревням, тех выслать назад в Москву, а которые живут в Москве под запрещением, тем разрешить, потому что многие церкви стоят без пения, православные христиане умирают без покаяния и причастия и мертвых погребать некому.

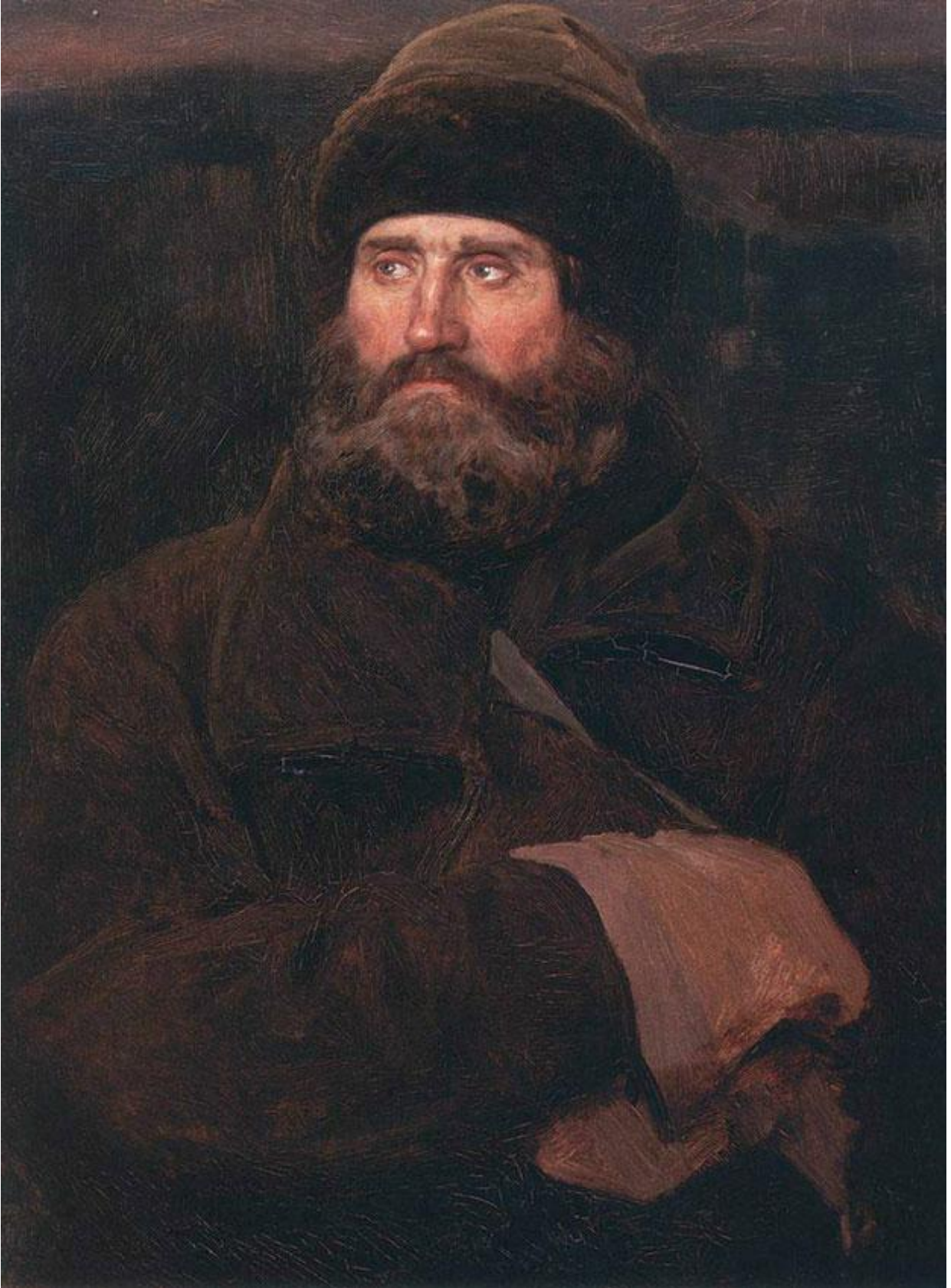
Не знаем, удовлетворено ли было это требование, но попытались еще раз поднять народ против печатания книг, исправляемых Арсением. В начале сентября князь Пронский дал знать царице, что моровое поветрие в Москве усиливается, православных христиан остается

немного; писал, что какая-то женщина Степанида Калужанка с братом Терешкою рассказывают видения и запрещают печатать книги. Пронскому от имени царицы и царевича Алексея Алексеевича отвечали (конечно, Никон): «Степанида с братом своим Терешкою в речах рознились: из этого ясно, что они солгали, и вы бы вперед таким необычным вракам не верили; печатный двор запечатан давно и книг печатать не велено для морового поветрия, а не для их бездельных врак». Зараженные деревни велено было засекаать и расставлять около них сторожи крепкие, на сторожах разложить огни часто; под смертною казнию запрещено было сообщение между зараженными и незараженными деревнями. Со стану на реке Нерли царица отправлялась в Колязин монастырь; дали знать, что через дорогу в Колязин провезено тело думной дворянки Гаврениной, умершей от заразы, и вот велено было на этом месте, на дороге и по обе ее стороны, сажень по десяти и больше, накласть дров и выжечь гораздо, уголье и пепел вместе с землею свезть и насыпать новой земли, которую брать издалека. 11 сентября царское семейство уже было в Колязине монастыре. Грамоты, присылаемые сюда из Москвы от бояр, переписывались через огонь; в этих грамотах присылались вести нерадостные: 11 сентября умер боярин князь Михайла Петрович Пронский, 12-го – боярин князь Хилков; померли гости, бывшие у государевых дел; в черных сотнях и слободах жилецких людей осталась самая малая часть; стрельцов из шести приказов и одного не осталось, многие померли, другие больны, иные разбежались; ряды все заперты, в лавках никто не сидит; на дворах знатных людей из множества дворни осталось человека по два и по три; объявилось и воровство: разграблено было несколько дворов, а сыскивать и унимать воров некем; тюремные колодники проломались из тюрьмы и бежали из города, человек с сорок переловили, но 35 ушло. В ответ был послан приказ: в Кремле запереть все ворота и решетки запустить, оставить одну калитку на Боровицкий мост, и ту по ночам запираать. С 10 октября мор начал стихать, и зараженные стали выздоравливать. 21 октября государь приехал в Вязьму и по случаю морового поветрия не поехал далее; сюда к нему приехала и царица с семейством из Колязина. В начале декабря государь послал досмотреть в Москве, сколько умерло и сколько осталось; донесли: в Успенском соборе остался один священник да один дьякон; в Благовещенском – один священник;

в Архангельском службы нет: протопоп сбежал в деревню; во дворце по двору едва можно пройти: сугробы снежные! На трех дворах дворовых людей осталось 15 человек. В Чудове монастыре умерло 182 монаха, живых осталось 26; в Вознесенском умерло 90 монахинь, осталось 38; в Ивановском умерло 100, осталось 30; в Посольском приказе переводчиков и толмачей 30 умерло, 30 осталось. На боярских дворах: у Бориса Морозова умерло 343 человека, осталось 19; у князя Алексея Никитича Трубецкого умерло 270, осталось 8; у князя Якова Куденетовича Черкасского умерло 423, осталось 110; у князя Одоевского умерло 295, осталось 15; у Никиты Ивановича Романова умерло 352, осталось 134; у Стрешнева из всей дворни остался в живых один мальчик и т. д. В черных сотнях и слободах: в Кузнецкой умерло 173 человека, осталось 32; в Новгородской сотне умерло 438, осталось 72; в Устюжской полусотне умерло 320, осталось 40; в Покровской сотне умерло 477, осталось 48 и т. д. В других городах: в Костроме умерло 3247 человек; в Нижнем Новгороде – 1836, а в уезде – 3666; в Калуге посадских людей умерло 1836 (включая жен, детей, племянников и зятьев), осталось 777; в Троицком монастыре и подмонастырских слободах умерло 1278 человек; в Торжке умерло 224, осталось всяких людей 686, в уезде умерло 217, осталось 2801; в Звенигороде умерло 164, осталось с женами и детьми всего 197, в уезде умерло 707, осталось 689; в Верее с уездом умерло 1524 человека; в Кашине умерло 109, осталось 300, в уезде умерло 1539, осталось 908; в Твери умерло 336, осталось 388; в Туле умерло 1808, осталось 760 мужского пола; в Переяславле Рязанском умерло 2583 человека, осталось 434; в Угличе умерло 319, осталось 376; в Суздале умерло 1177, осталось 1390 (с женами и детьми); в Переяславле Залесском умерло 3627, осталось 939. Эти известия важны для нас и в том отношении, что дают нам понятие о населении городов Московского государства во второй половине XVII века.

Между тем война продолжалась в Белоруссии: 22 ноября боярин Василий Петрович Шереметев дал знать, что он взял с боя Витебск. Это была последняя радостная весть в 1654 году, затем стали приходиться вести неприятные. Прежде всего началась ссора у шляхтича с козаками: Могилев, как мы видели, был занят полковником Поклонским и Воейковым, которые и остались в нем начальствовать. 7 сентября прискакал из Могилева шляхтич Рудницкий и объявил государю, что

прислал к Поклонскому гетман Золотаренко из-под Быхова грамоту, пишет с великими угрозами, хочет его убить, а сердится за то, зачем могилевцы сдались Поклонскому; Рудницкий же донес, что запорожцы воюют Могилевский уезд. Государь в тот же день послал приказ князю Алексею Никитичу Трубецкому отправить в Могилев отряд ратных людей; Трубецкой 12 сентября прислал в Могилев стрелецкого голову с приказом, и Поклонский с Воейковым разослали этих стрельцов по уезду для оберегания крестьян от козаков. В другой день, 13 сентября, явился в Могилев сам наказный гетман Золотаренко проездом под Смоленск к государю; Воейков воспользовался этим случаем и стал жаловаться гетману, что козаки наехали в Могилевский уезд и распоряжаются: хлеб, собранный на государя, велели возить к себе под Быхов, мельницы стали отдавать на оброк, денежные оброки с крестьян выбирают, лошадей и животину всякую у них берут. Золотаренко отвечал: «Что ж мы будем есть, если нам хлеба, коров и лошадей не брать? Вы готовите хлеб на зиму для государевых ратных людей, а нам надобно теперь». «Кто же тебе мешает готовить всякие запасы в Быховском уезде?» – возразил на это Воейков, и тем разговор кончился. Но дело не кончилось: 15 сентября новая жалоба от Поклонского: «Золотаренко, выехавши из Могилева, прибил встретившихся ему людей моих и сказал им: то же будет от меня и полковнику вашему! После этого все мои козаки, испугавшись, отступились от меня, никто уже со мной не хочет быть, все к нему передалось, и я, не имея людей, не могу больше быть полковником, бью челом вашему царскому величеству, укажите мне где-нибудь жить, а здесь подле Золотаренка ни за что служить не стану, боюсь его пуще ляхов». От Воейкова также приходили жалобы на козаков: 12 октября он доносил, что Золотаренко запретил крестьянам возить хлеб и сено в Могилев, велел возить к себе, в Войско Запорожское; стрельцы собрали было по селам хлеб и хотели молотить, но наехали козаки, стрельцов выбили, хлеб отняли и многие из них, ограбив крестьян, на службе не остались, разошлись по своим городам.

В. Васнецов. Крестьянин. 1883 г.

Черкас стало меньше; Поклонский остался полковником в Могилеве; но вот взволновались могилевцы: 14 октября бурмистры, радцы, лавники и мещане пришли к Воейкову и говорили: «Из Смоленска государь изволил пойти к столице и своих ратных людей отпустил; а к нам в Могилев ратных людей зимовать не прислано, порошу нет и пушек мало; мы видим и знаем, что государь хочет нас выдать ляхам в руки; а на козаков Золотаренковых нечего надеяться: запустошив Могилевский уезд, все разбегутся, и теперь уже больше половины разбежалось. Мы на своей присяге стоим, но одним нам против ляхов стоять не уметь». Воейков тотчас дал знать об этом государю, и тот отвечал ему: «Собери всех мещан к съезжему двору и скажи всем вслух, что государь их пожаловал, велел к ним в Могилев послать из Дубровны окольного и воеводу Алферьева, да солдатского строю полковника с полком, да двух стрелецких голов с приказами; из Смоленска придется к ним 300 пуд зелья да 300 пуд свинцу».

И Алферьев должен был начать свою службу в Могилеве жалобой на козаков, только не на одних черкас Золотаренковых. 1 декабря писал он государю: «Могилевцам и Могилевскому уезду была обида большая от козаков, стацей со всего Могилевского уезда они выбрали все, и как скоро Золотаренковы козаки из Могилевского уезда вышли, то стали делать обиды большие козаки Поклонского полка, лошадей и животину отнимают и платье грабят, стрельцов и солдат в уезде и в городе на карауле по воротам бьют, и от их побоев многие стрельцы и солдаты лежат при смерти, и твоих государевых запасов с Могилевского уезда выбрать не дадут. А полковник Поклонский козаков не унимает, на твою государеву службу нейдет и козаков не посылает; а на той стороне реки Березы ляхи, и от Могилева до реки Березы только 80 верст». Золотаренко отступил в Новый Быхов, не взявши Старого; причину этого неуспеха объяснили быховцы, захваченные в плен: «Когда Золотаренко стоял под Быховым, то быховцы говорили одно: сколько Золотаренку не стоять, а мы ему никогда не сдадимся; сдались ему добровольно гомляне, и он их всех перевязал да отвез к государю под Смоленск. Когда в Быхове узнали, что могилевцы добились челом государю и живут все по-прежнему, то мещане быховские начали между собою толковать, как бы государю добить челом; только шляхта

и другие люди, особенно жида, этого не хотели, да и мещане думали сдать Поклонскому или государевым воеводам, а Золотаренку никогда бы не сдались, потому что ему не верят».

В то время когда черкасы запорожские мешали своим козацким характером успешному ходу дел в Белоруссии, главный предводитель их, Богдан Хмельницкий, с своим войском оставался в бездействии в Малороссии. Подданство этой страны московскому православному государю отозвалось между православным народонаселением турецких областей, возбудило большие надежды. В Москву приходили вести: греки Бога молят, чтоб совокупил христианство воедино и быть бы им под благочестивым христианским государем, только того и дожидаются, как государевы ратные люди Дунай-реку перейдут или Хмельницкий с черкасами выступит, и они тотчас на турок сами встанут и будут над ними промышлять сообща. Но Хмельницкий с черкасами хотя и выступил, но остановился в таборах под Хвостовом. Царь отправил туда 20 000 жалованья для раздачи козакам, но Выговский писал (19 июля): «Жалованье царское, червонные золотые, теперь нельзя козакам раздавать, потому что Войско Запорожское не вместе находится, и нельзя составлять списка, доколе Бог подаст победу над врагами; теперь больше 100 000 войска вышло на рать, а жалованья царского только 20 000: если этим разделим, другие забунтуют и на службу государеву не пойдут». В августе Хмельницкий извещал государя, что господарь молдавский и волошский и король венгерский хотят быть под царскою рукою; но Выговский писал боярину Бутурлину, что волохам верить нельзя, потому что они вместе с поляками от Днестра ударили на полк Браславский. Государь не был доволен медленностию гетмана. В августе дворянин Ржевский послан был сказать ему: «Государь сам пошел на поляков, а тебе, гетману, и всему Войску Запорожскому, видя такую премногую государскую милость, и давно было над польским королем промышлять; а крымского хана бояться нечего: от него защищает боярин Василий Борисович Шереметев, да и у тебя, гетмана, в Полтаве и в других местах, куда можно ожидать прихода крымских людей, полки козацкие есть; кроме того, донским козакам велено идти на Крым и татарские юрты разорять». Хмельницкий отвечал, что если б он не боялся хана, то давно бы пошел и теперь выступает по царскому указу. Действительно, он выступил из-под Хвостова, но не помешал полякам свирепствовать в

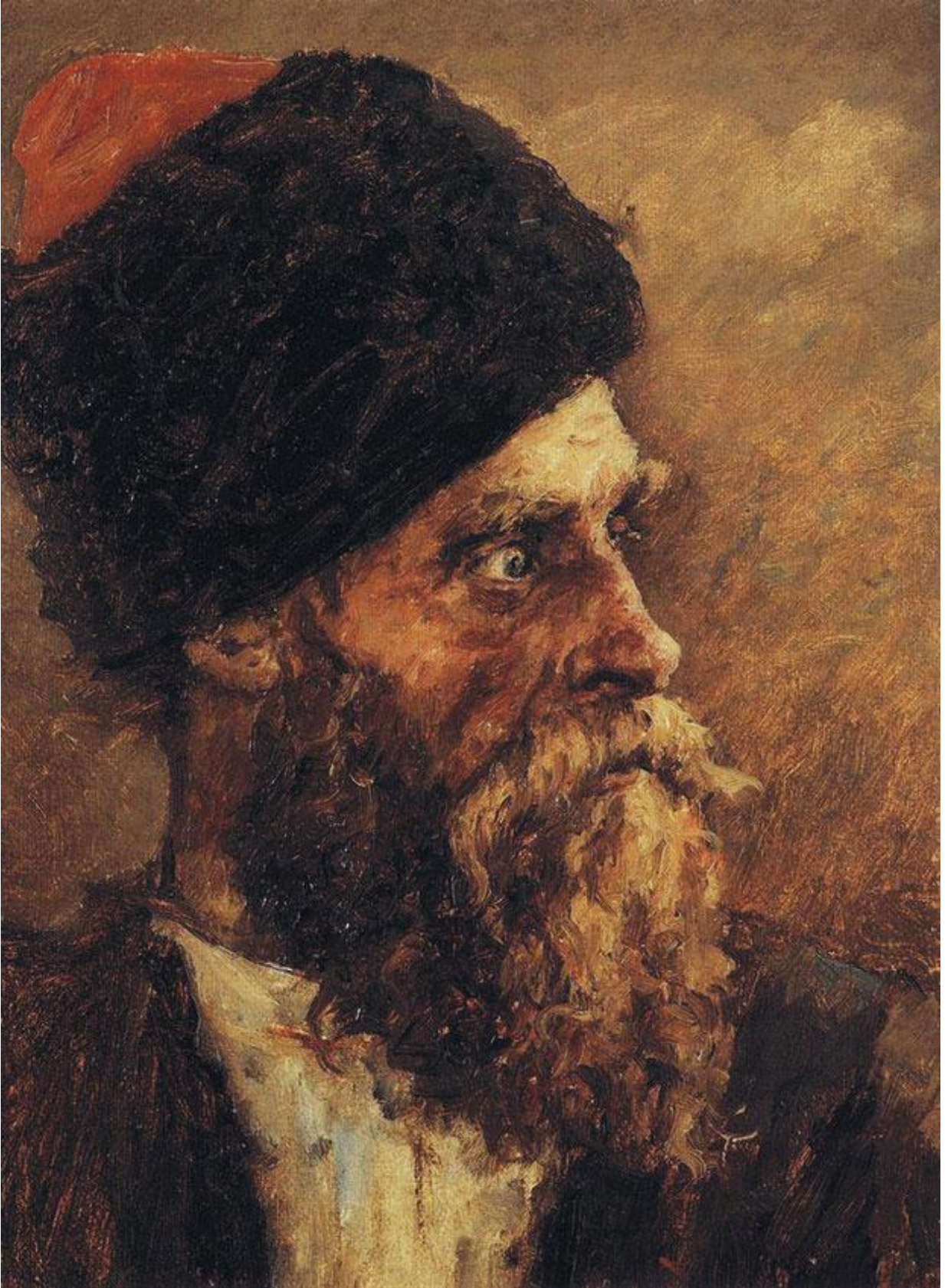
Подолии и Украине, где жители русских городов, защищаясь от врага, ознакомили себя героическим, но бесполезным мужеством. Вместе с Хмельницким должен был идти московский воевода Андрей Бутурлин, который не был доволен распоряжениями гетмана и писал государю: «Я пошел от Хвостова августа 25-го, а гетман пошел 26-го и настиг меня в Романовке, а в Романовке дал мне вожа и велел идти перед собою, велел меня вести и сам идет за мною с Войском Запорожским пустым местом, черным шляхом, не спеша. 6 сентября мы пришли под пустой городок Бердичев и стояли до 15 числа; ставится он, гетман, от меня особым обозом. Я приезжал к нему много раз и говорил по твоему государеву указу, чтоб шел, не мешкая, в сход к твоим боярам и воеводам, князю Алексею Никитичу Трубецкому с товарищами, под Луцк, жилыми местами; но он мне отказал тем, что со мною ратных людей мало, а о князе Трубецком под Луцком не слыхать, а знает он подлинно, что польский король с гетманом идет против него; также знает он наверное, что польский король крымского хана подкупил, который собирается войною под черкасские города, и ему, гетману, идти против короля и над польскими городами промышлять не с кем. У меня в обозе, продолжает Бутурлин, ратным людям в запасах оскудение и многие драгуны разбежались и лошадьми опали; а иные драгуны пошли для корму под польские города без моего ведома, и если гетман будет стоять в пустых местах к зимнему времени или поворотился назад к Чигирину или к Белой Церкви, то комарицкие драгуны и остальные разъедутся и твоей казны, наряду, зелья и свинцу, и всяких пушечных запасов оберегать и везти будет некому». Опасения Бутурлина оправдались: Хмельницкий отправился в Чигирин, оставив московского воеводу у Белой Церкви; комарицкие драгуны, иные с голоду, другие пропившись и проворовавшись, покинули воеводу и разбежались по домам, унимать было их некому, потому что Бутурлин заболел, а товарища у него не было.

Но, действуя медленно против врагов, Хмельницкий извещал царя о вредных замыслах против Москвы в Малороссии. В сентябре приехал к государю уже известный нам грек Иван Петров Тафлары, высвободившийся из польского плена, в который он попал под Берестечком. Грек объявил, что еще в Великий пост перед Светлым воскресеньем присылали на сейм к королю киевский митрополит и другие духовного чина люди двоих чернецов с объявлением, что им с

московскими людьми быть в союзе невозможно и они этого никогда не желали; Москва хочет их перекрещивать; так чтоб король, собравши войско, высвободил их, а они из Киева московских людей выбьют и будут под королевскою рукою по-прежнему. Король написал универсалы, обольщая малороссиян, и духовных, и мирских людей, всякими прелестями. Развозить эти универсалы по Малороссии король поручил ему, Ивану Петрову, но он, взявши универсалы, привез их прямо к гетману Хмельницкому и рассказал ему о присылке митрополита к королю. Богдан отвечал ему: «Знаю я давно об этом и знаю, что делать», – и послал его, Ивана, к государю объявить обо всем. Сначала поляки надеялись на храброго и ловкого козацкого полковника Богуна, который медлил присягою царю. Православный шляхтич Олекшич, желая удержать Богуна на стороне королевской, писал ему: «Твоя милость хорошо ведать можешь, что в эти годы, воюя только сами с собою, мы сильно опустошили свою землю: что же будет, когда столь многие народы войдут в страну нашу? Без сомнения, придет тогда конечная погибель имени православному. Наводит немалую печаль нам и всей братии нашей, от единой крови происходящим и единую церковь восточную материею своею почитающим, когда слышим, что патриарх московский духовным нашим и всему миру христианскому на повиновение себе присягать велит, отступивши от святейшего патриарха константинопольского; мы для этого и с костелом римским унии принять не хотели и пастырю нашему старейшему, которого нам Бог дал, не противились».

Так прошел 1654 год. Новый 1655 год начался вестями неприятными с запада. Любовицкие мещане изменили, воеводу Рожнова отдали полякам; оршане отложились и заставы поставили; жители Озерищ связали воеводу и отослали к гетману литовскому Радзивиллу, порубили 36 человек русских солдат, ушло только четыре человека; в Смоленске изменили молодой Соколинский и двое Ляпуновых. Матвей Васильевич Шереметев разбил наголову князя Лукомского, хотевшего отнять дороги у Витебска; но, с другой стороны, гетман Радзивилл предпринял наступательное движение на русских: 2 января Золотаренко писал из Нового Быхова, прося помочь ему против приближающегося Радзивилла, а 7 января извещал, что он осажден 24 000 литвы. Но Радзивилл не стал медлить под Новым Быховым, когда ему представилась возможность овладеть более значительным городом

– Могилевом. Он вошел в сношения с Поклонским. Тот, как бы загодя оправдываясь в измене, писал 17 января боярину Василью Васильевичу Бутурлину: «Поддавшись раз царю его милости, изменять не мыслю и посылаю к царскому величеству листы, писанные ко мне Радзивиллом; только надобно скоро людей: одни мы не можем с королем польским воевать, и не надобно бы давать себя ляхам на посмеяние». Скоро после того товарищ Поклонского, Воейков, дал знать князю Трубецкому об измене полковника-шляхтича: «На пятое февраля, за два часа до света, полковник Поклонский государю изменил с могилевскою и других городов шляхтою и с козаками, которые у него в полку были, гетманов Радзивилла и Гонсевского с польскими войсками в большой земляной вал впустил, и теперь я в меньшем земляном валу сижу в осаде с государевыми ратными людьми и с мещанами, которые с нами; было три приступа и под вал четыре подкопа, но подкопами нам ничего не сделали, и теперь мы ждем выручки от вас». Поклонский, оправдывая свой поступок, писал Золотаренку: «Мы в лучшей вольности прежде за ляхами были, чем теперь живут наши; собственные мои глаза видели, как бездельно поступала Москва с честными женами и девицами». К протопопу Нежинскому он писал: «Золотые слова шляхте и городам на бумаге надавали, а на ноги шляхте и мещанам железные вольности наложили; посмотрелся я над кутеинскими монахами, как Москва почитает духовенство и вещи церковные: в церкви престолы сами обдирали и все украшение церковное в столицу отослали, а самих чернецов в неволю загнали; а что с отцом митрополитом и другими духовными делают! Жаль: вместо лучшего в пущую неволю попали». Единомышленникам Поклонского, тем духовным, которым казалось, что попали в пущую неволю, не нравилось поведение могилевских мещан, оставшихся верными Москве. Феодосий Васильевич, архимандрит Слуцкий, игумен Михайловский киевский, писал им, что Хмельницкий и Москва разбиты в пух: «А мы, убогие, с отцом митрополитом и со всеми духовными полагаем надежду на пана гетмана, что даст нам убежище в Литве; только одно нам мешает и поистине всей вере и народу нашему нестерпимую чинит трудность и хлопоты, что паны мещане могилевские не хотят князю его милости (Радзивиллу) покориться».

В. Суриков. Казак. Этюд к картине «Покорение Сибири Ермаком». 1895 г.

Призывая к себе козаков, бывших прежде у него под начальством, Поклонский писал: «С Москвою нам не веки жить; знаете, какие мерзости она наделала; Москва едва годится на то, чтоб нам служить, а не то, чтоб мы ей служили; на Украине большая часть полковников от них отлучилась, а нам и подавно отлучиться должно». К мещанам могилевским писал: «Чего вы ждете? Умираете, как псы, а государю своему королю поклониться не хотите; ждете помощи из Москвы, но скоро услышите, что сделалось с московскою помощью: царь сидит в столице, патриарх убит народом, поветрие людей выгубило, на войну выйти некому, а кто покажется, того наши бьют. Мы от вас не отойдем, а если и отойдем, то вырубят вас защитники ваши, так как теперь из Смоленска вывели и шляхту и мещан и послали воевать с калмыками». Любопытно, что Никон почему-то отказался проклясть Поклонского и Василевича.

В то время как эти события происходили в Белоруссии, на юге начались наконец военные действия у Хмельницкого с поляками и союзниками их крымцами: хан Магмет-Гирей, видя большую опасность для себя от соединения козаков с Москвою, счел нужным подкрепить Польшу. Еще в 1653 году, когда разнеслись слухи о том, что козаки поддаются Москве и что государь велел строить гетману города по рекам Осколу и Донцу, на Князь-Ивановом Лугу, то хан написал Богдану, чтоб он сохранил твердо договор с ним, и он, хан, с своей стороны придет к нему на помощь при первой вести о движениях короля; если же гетман и черкасы захотят себе покою, то пусть переходят жить на крымский берег за Днепр и строят себе города; если же правда, что гетман бил челом государю московскому в вечное холопство, то он, хан, снесшись с польским королем, пойдет на черкас войною с большим собраньем. Приближенный ханский, Сефергазы-ага, говорил московскому посланнику Жеребцову, который требовал, чтоб хан обязался не воевать с запорожскими черкасами: «Запорожские черкасы с 800 лет были в подданстве у польских королей, а после того были в подданстве у нас, татар, лет с семь, и мы, крымские люди, проча их себе и чая от них вперед правды и постоянства, за них стояли, с польскими и литовскими людьми бились, и много неповинной крови

проливали, и в обиду их никому не давали; в то время запорожских черкас было только 8000, а мы, татары, сделали их с 20 000; черкасам то любо, как мы за них стояли и помощь им везде подавали, а гетман Богдан Хмельницкий в то время и меня, Сефергазы-агу, целовал в ногу и хотел быть за нами в подданстве вечно; а теперь запорожские черкасы нам солгали, воровством своим от нас отложились, доброту нашу забыли и называются государевыми. Вы, посланники, ведайте, что эти воры и бунтовщики, запорожские черкасы, и царскому величеству солгут так же, как полякам и нам солгали, а Магмет-Гирею царю того сделать не уметь, чтоб на таких воров войною не ходить и их не разорять; разве у всех крымских и ногайских людей не будет на руках ногтей или глаза их землю загребут, тогда только они запорожским черкасам воровства их и измены мстить не будут».

В январе Хмельницкий вместе с боярином Василием Борисовичем Шереметевым встретился с польским и татарским войском под Ахматовым. Здесь русские в страшные морозы два дня отбивались от превосходившего их числом неприятеля и отступили к Белой Церкви, где находилось другое московское войско под начальством окольного Федора Васильевича Бутурлина. Украина была страшно опустошена поляками и татарами.

11 марта государь послал в Белую Церковь приказ Шереметеву и Бутурлину быть к себе в Москву, а на их место отправил в Белую Церковь боярина Василия Васильевича Бутурлина и стольника князя Григорья Григорьевича Ромодановского: им велено было вместе с Хмельницким идти под литовские города. Золотаренко по-прежнему стоял под Старым Быховым и в марте писал к государю, что глубокие снега мешают ему подать помощь Могилеву, но снега не помешали козакам взять Бобруйск, Глуск, Королевскую Слободу и истребить их жителей. Когда дороги попросохли, в апреле месяце они двинулись на помощь к Могилеву вместе с московским воеводою Михайлою Дмитриевым; но Радзивилл и Гонсевский не дождались Золотаренка: 9 апреля ночью приступили они к городу, взорвали три подкопа, а четвертый завалился и подавил литовских ратных людей; тут осажденные сделали вылазку и побили много неприятеля. После этой неудачи гетманы 1 мая сняли осаду Могилева и отступили к Березине; Золотаренко возвратился к Старому Быхову; Дмитриев, поговоря с ним, послал к Березине сына своего, Василья, да двух полковников:

стародубского Тимофея Аникеева да наказного нежинского Уманца; посланные сошлись с поляками в местечке Толочине и побили неприятеля. Золотаренко писал к Морозову, бывшему в походе при царе дворовым воеводою: «Низко челом бью благодетелю моему: изволь, милость твоя, побить челом его царскому величеству, чтоб повелеть изволил прислать ратных людей своих несколько тысяч к нам, верным слугам своим». Хмельницкому очень не нравилась эта бесславная для козаков осада Старого Быхова; 28 мая он писал брату Золотаренкову, Василью, полковнику нежинскому: «Приятно нам слышать, что особым промыслом вашей милости Бог неприятелям дал страх; дай Боже их еще лучше победить; только не надобно мешкать под курятниками, как прошлого года; просто надобно идти туда, где голова или где особые полки неприятельские стоят. И прошлого года много бы доброго сделалось, если бы около курятников не замешкались, а то только людей, и наших, и московских, потеряли. Уговаривай и боярина, который там будет начальствовать над войсками царского величества, чтоб без задержки прямо с вами на неприятеля шел, чтоб и этого лета даром не потерять. Промышляйте над головою, а с хвостами после управитесь».

Над головою хотел промышлять сам царь. Новый, 1655 год застал Алексея Михайловича в Вязьме, где он переждал окончания мора в Москве; здесь, как доносили государю, после язвы физической начала свирепствовать нравственная. 15 января царь писал начальному в Москве боярину, Ивану Васильевичу Морозову: «Ведомо нам учинилось, что в Москве в моровое поветрие мужья от жен постригались, а жены – от мужей, а теперь из них многие живут на своих дворах с женами, и многие постриженные в рядах торгуют, пьянство и воровство умножилось. И вы бы велели проведать о том подлинно и к нам отписали тотчас с нарочным гонцом». 19 числа, уведомляя князя Якова Куденетовича Черкасского об осаде поляками Нового Быхова, царь писал: «Мы пойдем к Москве на малое время, легким делом, оставя все в Вязьме; пойдем помолиться образу Пресвятые Богородицы, приложиться к мощам, бояр и всех людей обвеселить от печали и, отвезши сестер своих, царицу и детей, назад возвратимся и пойдем против польского короля». Князю Юрию Алексеевичу Долгорукому писал: «Ты бы шел, не мешкая, с князем Алексеем Никитичем Трубецким, также и к друзьям писал наш указ и

высылал по местам, чтоб не дать недругу войти в наши города, чтоб его встретить в его земле, до тех пор огонь и тушить, пока не разгорелся, а как разгорится, то уж некогда тушить». 20 января в Смоленск боярину Григорию Гавриловичу Пушкину был послан такой приказ: «Ведомо нам учинилось, что во многих шляхтичах шатость, начали изменять, отъезжать в Литву; и вы бы тех воров, от кого измены чаете, велели в тюрьму сажать и высылайте их к нам из города ночным временем, чтоб про то вскоре никому не было ведомо, а если почаете и ото всей шляхты и мещан измены, то всех к нам присылайте, по сколько человек возможно, а если посылать их нельзя и ехать они не захотят, то посылайте в Москву связанных; если же наглой измены или дурна большого от них почаете, то по самой конечной мере велите сечь, кроме жен и детей». Но самое любопытное письмо писал государь 23 января к любимцу своему Матвееву, которого приблизил к себе из дьячих детей: «От царя и великого князя Алексея Михайловича верному и избранному голове нашему Артемону Сергеевичу Матвееву: поздорову ли ты, верный наш раб! А мы, великий государь, в славном граде Вязьме дал Бог здорово со всеми людьми Божиими и нашими; также и в царствующем граде Москве дал Бог подлинно утихло и здорово, лишь мы пребываем по-прежнему в тяжестях великих душевных, но не отчаиваемся своего спасения. К сему же что речет великое солнце, пресветлый Иоанн Златоуст: не люто есть спотыкаться, люто, споткнувсь, не подняться. Добиваюся зело того, чтоб быть не солнцем великим, а хотя бы малым светилом, малою звездою там, а не здесь... И в том не осуди, что пишу: нечист от греха, потому что множество имею его в себе, а о том зело возбраняет ми совесть писати, что чист от греха: ох, люто тако глаголати человеку, наипаче же мне, что чист от греха! И сему конец; еще же за твою верную службу пишу, что у нас делается.

Посланник приходил от шведского Карла короля, думный человек, а имя ему Уддеудла, таков смышлен, и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человек; мы, великий государь, в десять лет впервые видим такого глупца посланника. А прислан нароком такой глупец для проводыванья, что мы будем ли в любви с королем? И про то нам подлинно ведомо; а братом не смел король писаться, и мы тому добре ради, и зело от нас страшны они, свияне. А как посланник у нас был, и мы его пожаловали, велели сесть, и он сесть не смел. И Смоленск им не таков досаден, что Вытепск да Полотск, потому что

отнят ход по Двине в Ригу. А король в листу своем первом пишет, что вечное докончание подкрепить послами да будто, любя меня, прислал обвестить посланника, думного человека: и мы мним, сколько от любви, а вдвое того от страху; тако нам, великому государю, то честь, что прислал обвестить посланника, а и думного человека, хотя и глуп, да что же делать? Така нам честь! А в другом листу пишет, чтоб не воевать курляндского для его королевской дружбы, а он, курляндский, – ему, королю, друг: и мы отказали тем, что подданный польскому королю, а и обещался нам не помогать королю польскому, а ныне многие курляндские немцы в полон взяты и ныне многих посылает, будто сами нанимаются.

Ф. Солнцев. Доспехи царя Алексея Михайловича. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Подлинно Радзивилл да Гасевской пришли под Новый Быхов, а с ними пришло всякого чина 12 000, и облегли Новый Быхов в двух и в трех верстах, а на приступ не смеют идти; а сперва языки говорили 100 000, а другие сказали 50 000, а третьи – 40 000, а четвертые – 24 000, да подлинно доведались, что 12 000, а с Золотаренком всего с 6000 сидит, и он выходил на князя Несвицкого и его побил, и обоз весь взял, и опять возвратился в Быхов. И мы по бояр и по всех ратных людей послали и велели со всеми запасы идти на службу и ставиться по местам бессрочно, потому что время пришло. А мы, великий государь, идем тоже, и не потому, что Радзивилл гордится пред Богом и хочет взять Новый Быхов, да Могилев, да Шклов и, взяв, идти к Москве, а король подлинно хотел посылать послов к нам, великому государю, да Радзивилл отговорил: я-де пойду еще отведаю счастья своего и Золотаренка собью, и города отворочу, и под Москву пойду, и король и воротил послов».

Алексей Михайлович исполнил обещание: 10 февраля переехал в Москву, а раннею весною отправился вторично в Смоленск. Надобно было предупредить повторение зла, сделанного в прошлогодний поход, когда ратные люди свирепствовали в Смоленском и других покорившихся уездах, насиловали женщин, убивали мужчин, чтоб не было на них челобитчиков. Государь назначил смертную казнь за такое поведение и торговую казнь господину, который позволит подобные поступки холопу своему. 24 мая государь выступил из Смоленска, обратившись к ратным людям с такою сказкою: «Если король польский не вспомнит Бога, не признается к нам, великому государю, в своей неправде и не станет мириться так, как годно Богу и нам, то мы, великий государь, прося милости у Бога и у престрашные и грозные воеводы, Пресвятые Богородицы (которая изволила своим образом и до днесь воевать их Литовскую и Польскую землю, и не могут нигде противу нее стати, ибо писано: лихо против рожна прати), и, взяв на помощь честный крест, за изгнание православной веры будем зимовать сами и воевать, доколе наш владыка свое дело совершит, и как, даст Бог, перейдем за реку Березину, то укажем вам всем везде хлеб и животину брать в приставство. И вам бы служить, не щадя голов своих;

а деревень бы не жечь для того, что те деревни вам же пригодятся на хлеб и на пристанище; а кто станет жечь, и тому быть во всяком разорении и ссылке, а холопу, который сожжет, быть казнену безо всякой пощады. Если кто побежит со службы или болезнь прикинет, не хотя служить, то быть ему казнену безо всякой пощады. И вам бы потщиться верою и правдою, от всего чистого сердца, с радостью, безо всякого сомнения, безо всякого ворчания, и переговоров бы о том отнюдь не было: кто скуден, тот пусть милости просит у государя, а не ворчит и не бежит со службы; а кто будет с радостью с нами служить до отпуску, тот увидит, какая ему государская милость будет». Первая милость, какую царь счел нужным оказать служивым людям, состояла в принятии мер против побега от них людей. Еще находясь в Смоленске, 25 апреля государь писал боярину Василью Васильевичу Бутурлину: «В нынешнем году с Москвы и со службы от нас, от многих бояр, и от всяких чинов людей побежали люди, собираются в глухих лесах, а собравшись, хотят ехать к Хмельницкому; к своей братье пишут, будто сулят им черкасы маетности, и многих своих бояр поставили пешими и безодежными. И вы, поговоря с гетманом и перехватав их всех, велите из них человек десять повесить в наших старых городах, в Путивле с товарищи, остальных же, высекши кнутом, пришлите в Москву и заказ крепкий учините, чтоб вперед черкасы их не принимали».

В начале июня в Шклов приехал к государю Золотаренко и отправлен был за Березину; отряженный им черниговский полковник Попович взял Свислоч: «Неприятелей в нем всех под меч пустили, а самое место и замок огнем сожгли». Та же участь постигла Кайданы, московский воевода Матвей Васильевич Шереметев взял Велиж; боярин князь Федор Юрьевич Хворостинин овладел Минском. 29 июля боярин князь Яков Куденетович Черкасский, соединившись с Золотаренком в полмиле от Вильны, напал на обоз гетмана Радзивилла и Гонсевского; бой длился от шестого часа дня до ночи; гетманы потерпели поражение и бежали за реку Вилию; а русские приступили к Вильне и овладели этою столицею Литвы. Царь стоял в деревне Крапивне, за 50 верст от Вильны, когда прискакал к нему гонец с этим радостным известием. 9 августа пригнали новые сеунчики (вестники победы): Ковно был взят; 29 августа пришла весть о взятии Гродна.

В то же время, в июле, Бутурлин и Хмельницкий выступили в поход и беспрепятственно вошли в Галицию; гетман коронный

Потоцкий потерпел поражение подле Гродка; русские подошли ко Львову, но ничего не сделали городу по явному нежеланию Хмельницкого действовать решительно: он взял с осажденных 60 000 злотых и удалился от города, а Выговский прямо писал горожанам львовским, чтоб не сдавались на царское имя. Решительнее действовала под Люблином часть соединенного войска, бывшая под начальством Данилы Выговского, брата Писарева, и Петра Потемкина; люблинцы присягнули царю. Московские воеводы одни, без козаков, с двух сторон воевали Литву. В сентябре вышел на судах из Киева князь Дмитрий Волконский; 15 числа пришел он под Туров; туровцы вышли к нему навстречу с образами и присягнули царю. Не останавливаясь в Турове, Волконский отправился сухим путем под город Давыдов; с версту от города встретило его литовское войско и завязало бой; литва была втоптана в город, который запылал, и литва бросилась бежать из него (16 сентября). Победители возвратились к судам своим и поплыли вниз по реке Горыне к реке Припяти, Припятью шли вверх до реки Вятлицы, от Вятлицы шли сухим путем до города Столина, которого достигли 20 сентября; литва, вышед из города, учинила бой большой, была побита, бежала, город был занят и сожжен русскими. От Столина Волконский возвратился к Припяти, к судам своим, Припятью плыл до реки Пины и 25 сентября достиг Пинска. Литва не пустила русских пристать к берегу, и Волконский должен был высадиться ниже города, у села Пенковичей; после большого бою русские по следам литвы вошли в Пинск и литву выбили. Простоявши в Пинске двое суток, чтоб дать отдохнуть людям, Волконский 27 сентября сжег город и слободы, пошел назад к судам своим и поплыл вниз по Припяти, в селе Стахове разбил отряд литовского войска, привел к присяге жителей городов Кажана и Латвы, и опять Днепром возвратился в Киев, и привел войско в целости: только у одного солдата под Пинском руку оторвало из пушки да двух человек из пищали ранили.

С другой стороны, 23 октября князь Семен Андреевич Урусов и князь Юрий Борятинский пошли с войском из Ковна к Бресту и побили поляков на Белых Песках, в 150 верстах от Бреста. 13 ноября подошли они к этому городу и встретились здесь с новым гетманом литовским – Павлом Сапегою; Урусов потерпел поражение, отступил от Бреста и стал обозом за рекою, но литва выбила его оттуда; Урусов стал в 25 верстах от Бреста, в деревне Верховичах, Сапега обошел его и тут,

дорогу и воду отнял и двое суток держал в осаде, требуя, чтоб все войско сдалось ему; Урусов не согласился и вступил в битву, которая окончилась блистательным торжеством для него: поразив литву наголову, русские гнали ее шесть верст, взяли четыре пушки, 28 знамен. После этого дела Урусов и Борятинский пошли к Вильне. Между этими воеводами и полчанами их было сильное неудовольствие. Новгородские дворяне и дети боярские били челом на Урусова, что, сказавши им государев указ выступить из обоза, из Подберезья в Вильно и дальше в Ковно, приказал им приготовить всем полком хлебных запасов на корм ратным людям, которые стояли в Ковно. Они, дворяне, подали за руками челобитную, что им этого хлеба и своих запасов, и конских кормов везти с собою в Ковно невозможно. Урусов вышел из шатра и, не принявши челобитной, бил их булавою и стрельцам велел бить их ослопьем до умертвия, а иных челобитчиков велел бить кнутом на козле без пощады. Они докладывали ему о полковых и расправных своих делах; боярин, не выслушав их челобитья, бранил их и бил булавою, и ослопьем, и кнутом, и плетьюми без пощады, не учиня никакой расправы и сыску, говорил им, будто указал государь, выбрав из них лучших людей, вешать, а иных бить кнутом, тогда как они перед государем вины своей никакой не ведают. Все это воевода мстит им прежнюю недружбу, потому что они били челом на него царю Михаилу Феодоровичу, а иным мстит за новгородскую недружбу. Узнавши, что у кого-нибудь из них есть пленники, воевода присылал друзей своих с стрельцами и сам выбирал лучших девиц и женщин, брал к себе силою и, подержав у себя, отсылал в Великие Луки на государевых подводах. Посылал голов с сотнями за лошадьми и часть приведенных лошадей взял себе, других роздал тем, к кому добр, остальных послал к государю в Вильну. Идучи дорогою, заставлял служивых людей ловить рыбу из прудов, выпусти воду. Приказал идти под Брест наскоро с вьюками, а дорогою свои и конские кормы и людей в плен брать: они, дворяне, услышав государеву милость, забыли свои великие нужды и бесконство, на государеву службу пошли с радостию, но, как только перешли реку Неман, Урусов и Борятинский запретили им под смертною казнию брать что-либо у жителей, а сами воеводы в благочестивых христианских церквах утварь, в костелах, по местечкам, в панских маетностях, в мещанских дворах всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы брали и, отягчась добычею, шли под

Брест очень медленно, а их поморили голодной смертью. К Бресту пошли воеводы скорым походом, а от Бреста за пять верст через реку и болота мост большой и худой, за которым стояли роты литовских людей. Воеводы велели за мост перебраться наскоро; литовские люди, пострелявшись, от мосту побежали к Бресту, а из русских многие за теснотою по мосту перебраться не успели, людей дворянских с простыми лошадьми по мосту не пропустили; наряд, казну и пеших людей воеводы велели оставить за рекою у моста, а в Брест послали атамана пана Свяцкого и козака, и приказал им Урусов занять себе двор, потом, не сождавшись со всеми ратными людьми, пошел за мост к Бресту с небольшим отрядом. Литовские люди присылали из города с просьбою съехаться и говорить о добром деле, но воеводы, не сказавши служилым людям ничего про битву, велели задор учинить луцким козакам, произошла битва, и вследствие такого нестройства и неизвестного боя государевых ратных людей многих побили, ранили и в плен взяли, и Животворящий Крест, который от государя был дан, достался врагу. Из-под Бреста отошли они ночью за реку в обоз, а поутру пришли к ним литовские люди и начали по ним из наряда стрелять; воеводы пошли от них в отход и пришли в деревню Верховичи; литовские люди дорогу у них отняли, и воеводы велели отступать другою дорогою; но они, служилые люди, говорили, что им за реками и топкими болотами в отход нейти, мосты худые и разметаны и на засадах много неприятелей, пусть воеводы велят им с литовскими людьми биться, вышли на бой с своими людьми и литовских начальных людей многих побили конных, а пеших побили без остатка. Урусов на бою лошадей и платья у литвы брать им не велел, сказал, что все будет на *черный пай*. Воеводы брали у шляхты подарки, что у кого полюбится или где что проведуют, и многие из шляхты, узнав, что берутся подарки большие, государю не присягали. Урусов не по нужде в постные дни ел мясо, их, дворян, бесчестил, называл неслугами и небойцами, а на самом у Бреста и сабли не было, в Верховичах, испугавшись пушечной стрельбы, с бою уехал и государево знамя с собою увез. Урусов и Борятинский отвечали, что запретили грабить жителей, когда шляхта поддалась и дала аманатов; сами нигде ничего не грабили, против Бреста действовали враждебно, ибо оттуда прислали им сказать, что Брест принадлежит шведскому королю; дворянам о предстоящей битве давали знать, задираться не приказывали, и когда начался бой, то

дворяне правой стороны подержались, а левой побежали и воевод выдали; под Брест идти дворяне отказались; лошадей и платье брать у неприятеля на бою не запрещали; у шляхты брали подарки, но и сами отдаривали; сабля на Урусове всегда была и боя никогда он не оставлял.

Ф. Солнцев. Боярская одежда. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Урусов завязал дело под Брестом в то время, когда уже шли деятельные мирные переговоры. Гетман польный литовский Гонсевский прислал к князю Якову Куденетовичу Черкасскому с вопросом: изволит государь с королем мирное постановление учинить? Государь послал к Гонсевскому любимца своего – стольника Федора Михайловича Большого-Ртищева. Посланный нигде не нашел Гонсевского, посаженного, как ему сказали, под стражу Радзивиллом, а в Бресте в конце сентября нашел нового гетмана литовского – Павла Сапегу, назначенного на место Радзивилла. Ртищев объявил Сапеге, что государь соизволяет на мирное постановление. Сапега отвечал, что он именем всего собрания бьет челом великому государю, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, о покое, покорно бьет челом за объявленное пожалование христианское. Ртищев, как посланный к Гонсевскому, а не к Сапеге, не объявил последнему присланных с ним мирных условий, говоря: «Что один начал, другой не может совершить потому: что человек, то разум». Он требовал, чтоб Сапега объявил ему свои мирные условия; тот отвечал, что им трудно дать статьи, не доложив королю. Положили до съезда великих послов прекратить неприятельские действия с обеих сторон. Ртищев привез к государю от Сапегы посланника Глядовицкого, с которым велено говорить о делах околичному князю Семену Романовичу Пожарскому да думному дьяку Лопухину. Глядовицкий от имени гетмана Сапегы и сенаторов бил челом, чтоб государь 1) велел кровь утолить; 2) велел назначить место, куда король тотчас отправит послов своих; 3) удержал от войны гетмана Хмельницкого и киевских воевод; 4) чтоб шляхте и другим людям вольно было на пепелища свои возвратиться; 5) чтоб учинена была размена пленных. Принявши статьи, Пожарский сказал посланнику, чтоб он, когда будет у государя, отнюдь не называл Сапегу гетманом Великого княжества Литовского, а если назовет, то его вышлют с великим бесчестьем и отпуску ему не будет: так он бы гордость свою отложил, да и то ему говорено, за какие гордости смирил Бог короля их и панов радных, как посылаемы были от великого государя великие и полномочные послы и посланники к королю, и король ни в чем не исправился, и за то, сами видите, как Бог его смирил: покинувши все, с немногими людьми убежал в венгерские горы, но и там ему места нет; сенаторам бы вашим и вам всем давно поискать государской милости,

ехать самим к великому государю и милости просить не пересылкою. «Ты говоришь, что королю присылать о мире к государю, но где вашего короля сыскать?» Глядовицкий отвечал: «Воля Божия совершилась; кто бывает на коне, тот бывает и под конем, а уж без пана нам не быть, не тот пан, так другой». Пожарский: «Время вам бить челом великому государю, а не искать другого государя, и великий государь вас пожалует каждого по вашему достоинству; скажи нам последнее: как тебе гетмана назвать?» Глядовицкий: «Изговоря государское именованье и титуло, скажу: посланный от Павла Сапеги, гетмана великих войск литовских». Пожарский: «Говори: гетмана великих войск, а литовских говорить тебе непристойно». Глядовицкий не согласился. 25 ноября он был у бояр и думных людей. Бояре отвечали Сапеге и сенаторам: «Вы в своей грамоте просите нас бить челом за вас великому государю, а Яна Казимира, короля польского, пишете великим князем литовским, и гетман подписался гетманом Великого княжества Литовского; но вам подлинно известно, что даровал Бог великому государю нашему взять у его королевского величества всю Белую Русь и стольный город Вильну, и государь наш учинился на всей Белой России, и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем. Вам так писать непристойно; лучше бы вам просить милости у его царского величества и быть под его высокою рукою, а государь веры, прав и вольностей ваших нарушить ни в чем не велит». То же писал и сам царь Сапеге. Если великий государь царь хотел быть великим князем литовским, то великий государь патриарх был честолюбивее: 29 июля он писал Алексею Михайловичу, чтоб тот не только оставил за собою Вильну, но доискивался Варшавы, Кракова и всей Польши, 1 сентября прислал он государю благословение писаться великим князем литовским.

Но, в то время как Алексей Михайлович считал несомненным, что все завоевания его останутся за ним, и называл себя всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем, литовским, волынским и подольским, явился ему опасный соперник: то был не Ян Казимир польский, но энергический преемник Христины шведской, Карл X Густав. Видя затруднительное положение Польши, он напал на нее под пустыми предлогами и овладел всею Великою Польшею, которая признала его своим королем; потом овладел Варшавою и Краковом; Ян Казимир бежал в Силезию. Но Карл X не хотел довольствоваться одною

Польшею: он обратил свои взоры и на Литву, где гетман Радзивилл, потерявши Вильну, поддался шведскому королю, к чему особенно склоняло его единоверие: Радзивилл был протестант; принимая под свою руку Радзивилла и других панов литовских, Карл обещал возвратить им все их владения, занятые русскими. Легко понять то раздражение, какое обнаружилось против шведского короля в стане царя московского. Еще в июле приехал к царю в Смоленск шведский посланник Розенлинд и подал грамоту, в которой король извещал о начатии войны с Польшею, потому что Ян Казимир в грамоте своей писал короля шведского не по достоинству и чинил ему убытки, сколько ему возможно; поэтому королевское величество причину имеет с оружием на Яна Казимира наступить и достать его земли, которые поближе к Швеции; ожидает король, что такие его достойные умыслы у царского величества хорошо приняты и истолкованы будут, ибо клонятся к тому, чтоб стоять против недруга, который с своими помощниками ищет обоим государям, и московскому, и шведскому, вреда и разорения. Царское величество изволил бы указать своим боярам и воеводам с шведскими генералами всякую дружбу держать. Царь отвечал: «За многие злые неправды к нам королей Владислава и Яна Казимира дал Бог нам взять всю Белую Русь и многие воеводства, города и места с уездами Великого княжества Литовского, да наш же боярин Бутурлин с запорожским гетманом Хмельницким в Короне Польской, на Волыни и в Подолии, побрал многие воеводства, города и места, и мы учинились на всей Белой Руси, и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем». Этим царь ясно показывал, чего Карл не должен был трогать, если хотел остаться в мире с Москвою.

Тщетные предосторожности! Столкновение было необходимо. Радзивилл величал себя великим гетманом шведского короля и Великого княжества Литовского, воеводою виленским. 18 августа отправлен был к нему дворянин Лихарев. Он нашел гетмана под Кайданами и говорил ему: «Писал ты к боярам царского величества и в грамоте своей написался шведского короля и Великого княжества Литовского великим гетманом, виленским воеводою. Царского величества бояре и воеводы удивляются, что ты так написал, потому что Великое княжество Литовское и город Вильна никогда не бывали за шведским королем. Вильна была польского короля, а за его неправды

взял этот город государь наш, и теперь Вильна и литовские города за государем нашим. Так ты даришь шведского короля чужим, а у государя нашего с шведским королем вечное dokonчание. Ближний боярин и воевода – князь Яков Куденетович Черкасский велел тебе говорить: если ты хочешь быть виленским воеводою, то поищи государской милости к тебе и будь в подданстве у царского величества: государь тебя пожалует гетманством литовским, воеводством Виленским, всеми твоими маетностями, да, сверх того, пожалует тебя великим своим царским жалованьем, а вольности вашей и веры нарушить не велит». Радзивилл отвечал: «Хотим мы быть у великого государя в подданстве, но посланцев наших задержали, и в уезде около Вильны ратные государевы люди крестьян, женок и малых ребят посекают всех и дома палят; видя, что посланцев задержали, а польский король нас покинул, я отдался в подданство шведскому королю». Гонсевский отвечал: «Государь показал бы милость, взял у польского короля к своему краю что хочет, а нас под польским королем не трогал». В другое свидание с Лихаревым Радзивилл сказал: «У нас мысль наша вся розно пошла, у всех наших людей мысль врознь». Сношения с Радзивиллом начаты были вопреки желанию Никона, который 19 июля писал государю: «Радзивилла не призывать: его и так Бог предаст».

В сентябре князь Яков Куденетович Черкасский отправил дворянина Нестерова к шведскому генералу, графу Делагарди, который дал знать боярину, что город Друя сдался шведам. Нестеров доносил: шляхта, которая поддалась шведскому королю, тужит и говорит: «Не знаем, как вперед будем жить, не привыкнуть нам жить в подданстве у шведского короля, мы шведского языка не знаем, а шведы нашего языка не знают, к русским же людям были мы привычны: с ними жили вместе и язык у нас один был». Представленный Делагарди, Нестеров говорил ему: «Тебе известно, что в 1654 году боярин Василий Петрович Шереметев взял города Друю, Дрису, Глубокое и людей привел ко кресту служить великому государю; а теперь Друю заняли шведы! Шведы приходят также к Ковно, занятому русскими; Радзивилл пишется воеводою виленским и гетманом Великого княжества Литовского, тогда как Вильну Бог дал великому государю нашему. А когда в 1654 году московские воеводы пошли было на владения курляндского князя и шведский король прислал просить государя, чтоб курляндского князя не воевать, то государь его просьбу исполнил».

Делагарди отвечал: «Если по сыску окажется, что русские прежде шведов заняли Друю и Дрису, то король за эти города стоять не будет, а без ведома королевского я об них ничего решить не смею. Не знаю, как шведы приезжали в Ковно, а если и приезжали, то царским людям вреда не сделали. С Радзивиллом я увижусь скоро и буду ему говорить, чтоб он воеводою виленским и гетманом не писался». Делагарди обещался также освободить всех московских пленников, находившихся у Радзивилла. Но эти учтивости не помогали; скоро явилась новая причина к досаде: узнали, что Карл переписывался с Хмельницким и Золотаренком.

Ф. Солнцев. Держава царя Алексея Михайловича цареградского дела. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Но чем сильнее было раздражение против шведов, тем охотнее склоняли слух к предложениям мира с Польшею, истерзанною, бессильною, уступчивою и неопасною. В октябре явились в Москве давно небывалые гости, цесарские послы Аллегретти и Лорбах. Опасно было для Австрии падение союзной католической Польши и усиление на ее развалинах враждебной, протестантской Швеции, и вот Фердинанд III поспешил явиться посредником между царем и Яном Казимиром, чтоб освободить Польшу от московской войны и, если можно, обратить царское оружие против Швеции. С самого приезда в разговоре с приставами послы уже начали толковать о коварстве шведов, о необходимости мира с поляками и всеми средствами задабривать русских, льстить им, зная, что каждое слово, сказанное приставам, будет донесено царю. «Едва ли Бог потерпит шведам, – говорил Аллегретти приставам. – Не дождавшись исхода перемирных урочных лет, они напали на поляков в то время, когда царское величество изволил наступить на Литву с своими ратными людьми. Издавна у шведов такой лукавый умысел, что они нападают на того, кто бессилен. А нам известно, какие неправды польского короля Яна Казимира к царскому величеству; поляки уклонились на гордость и никакого исправления во всех неправдах не учинили». Но потом Аллегретти начал делать намеки на то, что надобно защищать только свое, а не желать чужого: «У цесарского величества была война с Шведским королевством и с иными государствами тридцать три года, с обеих сторон людям учинилась погибель великая, государствам запустение и убытки; но сколько война ни велась, теперь успокоена миром, и стало это Богу любо и людям годно. За правду стоять надобно, это не грех пред Богом, но кто чужого захочет, то, думаем мы, это не будет прочно вперед». Боясь, однако, рассердить этим намеком, Аллегретти поспешил прибавить: «Мы это говорим с вами не договором, беседною речью, по приятельской дружбе». Потом Аллегретти начал речь о необходимости всем христианским государям соединиться против неверных: «Мне случилось быть в Царе-граде у турецкого султана в послах от короля испанского, и видел я там, как

татары продают русских и поляков в работу. Прослезился я, видя, что такое мучение чинили христианам. Мы надивиться не можем, как такие великие государи до сих пор терпят бусурманам? Мало того, что продают христиан в работы, на каторги: псы, ведомые враги Божии, жидаы покупают младенцев и в жидовство приводят! Как можно христианам терпеть такие злые беды и досады?» Приставы возразили: «Крымские татары берут много людей и из немецких государств, также продают в работы и на каторги». Аллегретти отвечал: «Дай, Боже, нам слышать и видеть, чтоб совокупились христианские государи, бусурман покорили и власть их разорили». Въезжая в Москву, послы удивлялись церковному строению, хвалили *стройство* ратных людей; но не понравилось им на квартире, хотя и велено было в ней поставить столы и скамьи, перекрыть горницу, которая капала, послать 10 тарелок оловянных да 36 тарелок деревянных. Аллегретти говорил приставам: «У нас послаам отводят жилые дворы, на дворах постели и одеяла изготовлены бывають стройные, скатерти и сосуды всякие, все готовое. Мы, думая, что и у царского величества будет нам так же, постели и сосудов с собою не взяли, и теперь нам без них быть нельзя». Приставы отвечали: «У великих государей наших того не повелось, чтоб ставить послов на посадских дворах, для них устроены посольские дворы, а сосуды всякие и постели послы привозят с собою».

В ноябре возвратился из похода государь и имел торжественный въезд в Москву: пришедши на Лобное место, Алексей Михайлович поклонился образу, поцеловал крест из рук патриарха, указал спросить о здоровье весь мир, всех, которые стояли тут, около Лобного места; весь мир в землю челом ударил и царскому величеству многолетствовали. 15 декабря Аллегретти с товарищами представлялся государю, которому поднес в двух склянках миро чудотворца Николая, два кувшинца золотых с жемчугами, две обьяри цветные, обьярь серебряную, часы золоченые, две коробки аромату, две коробки сахара составного. 17 числа послы были в ответе у бояр – князей Алексея Никитича Трубецкого, Григорья Семеновича Куракина, Юрья Алексеевича Долгорукого. Аллегретти говорил: «Цесарское величество прислал нас к царскому величеству поздравить великого государя на его преславных государствах и обновить прежнюю дружбу предков. Царское величество желает и того, чтоб укротилось кровопролитие между царским величеством и королем польским, и оружие их

обратилось бы на общих христианских неприятелей, на бусурман. Всякой войне бывает конец – мир, а к миру приводят посредники, и если царское величество не изволит заключить мир с польским королем посредством цесарского величества, а потом заключит мир посредством другого какого-нибудь государя, то цесарскому величеству будет это бесчестье». 20 декабря был другой съезд, на котором бояре отвечали послам, что государь принимает в любовь доброхотный совет цесаря и для братской дружбы к нему соглашается на мир с Польшею, но требует, чтоб ему немедленно дано было знать, на каких статьях быть миру, потому что у государя войска собраны многие и без дела держать их убыточно. Послы отвечали, чтоб государь назначил пограничное место для посольского съезда, они дадут знать об этом императору, а тот в свою очередь даст знать королю Яну Казимиру, и что пересылка эта больше двух месяцев не продлится. Бояре спросили: где теперь король Ян Казимир, паны радные при нем ли и нет ли между ними розни? Аллегретти отвечал: «Король Ян Казимир еще не сгинул, а при нем есть и паны радные и Речь Посполитая; теперь он стоит от Кракова близко, в Силезии. Цесарь с ним в близком свойстве – брат двоюродный, а что теперь отстали от польского короля Радзивилл да подканцлер Радзиевский, и это дело небольшое: тут не вся земля. А которые вместе с ними поддались шведскому королю, то дело это не может надолго состояться, потому что у поляков владеют всем сперва духовные люди, и им, католикам, с лютеранами и кальвинами как ужиться? И папа, и цесарь, и короли испанские и французский, и другие государи католической веры вступятся и самой вере сгинуть не дадут. Хотя теперь король польский и Кракова лишен, но и Москва была за поляками, а потом русские люди собрались и поляков из Москвы выгнали».

На съезде 24 декабря бояре спросили послов: «Если шведы Польшею завладеют, то цесарь польскому королю будет ли помогать против шведов?» Аллегретти отвечал: «Если польский король будет в крайности, т. е. если царское величество помириться с ним не изволит и цесаря в посредники не возьмет, то за польского короля не один цесарь, но и папа, и французский, и другие государи двинутся». Потом Аллегретти спросил: «Хмельницкий царскому величеству верен ли и вперед от него шатости в какую-нибудь сторону не чаять ли?» Бояре спросили: «Зачем он это спрашивает?» Посол отвечал: «У шведов речь

несется, будто Хмельницкий хочет поддаться под шведскую корону». Бояре отвечали: «Черкасы никогда от царского величества не отступят, нельзя этому быть».

В Москве хотели удостовериться, действительно ли Ян Казимир еще имеет какие-нибудь средства, узнать, как велика может быть надежда для царя удержать не только Великое княжество Литовское, но приобрести и Корону Польскую. В феврале 1656 года отправлен был дворянин Лихарев к литовскому гетману Павлу Сапеге и коронным – Станиславу Потоцкому и Станиславу Лянцкорнскому. В апреле Лихарев нашел Сапегу в Люблине, который по уходе русского войска занят был шведами, а теперь сдался литовскому гетману на имя Яна Казимира. На слова Лихарева, призывавшего его под высокую руку великого государя, Сапега отвечал: «На государевом жалованье челом бью: если бы я не слыхал про пана своего короля, если б он к нам не вернулся, то я бы со всею литвою к царскому величеству пошел в подданство; не мы его покинули, а он нас покинул. А теперь слышу, что он к нам возвратился, приехал во Львов и идет на шведа, так я своего пана короля, своей веры и своего сапегинского дома и права не могу покинуть, изменником быть не хочу; государь же меня назовет изменником, скажет: изменил ты королю, изменишь и мне; скорее горло свое дам, а так не сделаю. Княжество Литовское все хотело к царскому величеству, но Урусов нас задрал и дома наши запустошил. И теперь все княжество Литовское хочет миру с государем, а Польша хочет больше мира с шведским королем». Из Люблина Лихарев поехал во Львов. Здесь Потоцкий дал такой же ответ: «Неслыханное дело, чтоб королю покинуть государство свое или нам от него отступить: он тут родился, природный государь нам, на время отъезжал да и опять приехал».

Но в то время как Лихарев вел эти переговоры с гетманами, в апреле приехал в Москву польский посланник Петр Галинский. Государь указал посольскому думному дьяку Алмазу Иванову ехать к Галинскому и расспросить, с чем он приехал? Посланник объявил, что он привез статьи, на которых становить мир между королем и великим государем, и если царское величество согласится, то должен быть назначен пограничный съезд уполномоченных для окончательного постановления. Да он же, посланник, должен объявить о замыслах шведского короля против Московского государства: Карл X не только

обещал Радзивиллу с товарищами возвратить земли, занятые царскими войсками, но и хотел идти с войском прямо под Москву, обещал, что из Смоленска ни один кирпич не пропадет; все эти договоры и обязательства за рукою и печатями короля и графа Магнуса Делагарди у короля Яна Казимира и у полковников есть, и с этих подлинных листов присланы с ним, Галинским, списки. Без представления государю Галинского позвали в ответ к окольному Богдану Матвеевичу Хитрову и дьяку Алмазу Иванову, несмотря на то что посланник со слезами просил позволения сперва поднести королевскую грамоту самому царю. Галинский объявил следующие статьи: 1) король желает мира; 2) чтоб государь уступил королю все завоеванное. На замечание, что это дело нестаточное, Галинский сказал: «Если мало попросить, так незачем и уговору быть, а как много попросить, так есть из чего убавить, а все это в воле великого государя». Галинский больше всего старался произвести раздражение против шведов. «Королю и народу, – говорил он, – не так досадно на царское величество, хотя у них государство опустошено, как досадно на шведов, которые, видя их упадок и разоренье, не выждав перемирных семи лет, напали на них невинно и, сговорясь с еретиками венграми, разоренье сделали большое; мириться со шведами король и сенаторы без воли царского величества не будут, в том я дам письмо за своею рукою».

После этих объяснений Галинский был представлен государю и позван в другой раз в ответ к тем же Хитрову и Алмазу. Дьяк объявил, что хотя великому государю за многие грубости и досады к миру склонности учинить и не довелось, однако по прошенью цесаря Фердинанда на то изволяет. Галинский дал запись, что король без воли царской, до съезда великих послов, со шведским королем мириться не будет; Хитров же со своей стороны объявил, что если шведский король докончанье нарушит и на царские города наступит, то государь отпор ему давать велит. Условились, что до посольского съезда, который должен быть в одном из пограничных городов, с обеих сторон неприятельские действия прекращаются. С этим Галинский и отправился из Москвы.

Ф. Солнцев. Шлем царя Алексея Михайловича. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Отправлены были и австрийские послы: 25 апреля им было сказано, что 27 числа они будут у государя на отпуске и у стола, а отпуск им будет потому, что посланы от государя и от них гонцы к цесарю, положен им срок приехать к первому маю, май месяц близко, а про гонцов и вести нет; великому государю дожидаться нельзя, в первых числах мая он идет на своего неприятеля со многими войсками, и потому им, послам, теперь делать нечего; если же цесарь изволит для посредства прислать других послов, то те послы будут у царского величества в походе. Тщетно послы возражали, что отпуска не примут, потому что гонец их не бывал, а, не дождавсь гонца, ехать им к цесарю не с чем; тщетно били челом, чтоб государь взял их с собою в поход; им объявлено, что государь идет в свои новоприемные города, в Великое княжество Литовское, что посольский съезд будет в Вильне и никак не раньше последних чисел июля или первых августа, и потому им, послам, ждать долго, а в поход за царским величеством идти непристойно. Послы спрашивали: куда царскому величеству из литовских нововзятых городов поход будет? Думный дьяк отвечал: «Нам царского величества мысль ведать нельзя, да и спрашивать о том страшно». На это Аллегретти сказал: «У испанского короля однажды войска многие были изготовлены и корабли воинские; спрашивали у него ближние люди: куда он эти корабли и войско изготовил? Король отвечал: что у него сдумано, того им ведать ненадобно; если б он ведал, что рубашка его думу знала, то он бы ее сейчас в огонь кинул».

Отправлены были послы польский и австрийские, но оставались в Москве шведские, приехавшие еще в декабре 1655 года для подтверждения Столбовского dokonчания. Послы эти были: Густав Белке, Александр фон-Ессен и Филипп фон-Крузенштерн. С самого начала послы должны были увидеть, что Столбовское dokonчание не будет подтверждено. В ответе 17 января 1656 года послы сказали боярам: «Польский король хотя теперь, кажется, и пропал, только у него друзей много, которые с ним одной римской веры; они, надобно думать, за него вступятся, чтоб вера их, римская, не погибла; так царское величество изволил бы с государем нашим королем на этого общего неприятеля соединиться и укрепиться и стоять на него сообща: оберегаться от него надобно гораздо, чтоб за него иной какой недруг не встал и ссоры и лиха какого не учинил да чтоб царское величество

изволил послать к королевскому величеству своих послов». Начались споры за новые титулы: «Белой России, литовский, волынский и подольский», которых послы не хотели давать государю, отговариваясь новостью дела, своим незнанием об нем; особенно же казались послам *сомнительны* титулы: «восточного и западного, и северного», потому что владения королевские, говорили они, сходятся с владениями царского величества. На вопрос послов, зачем государь так начал писаться, бояре отвечали: «За великим государем нашим в тех странах государства есть: на востоке – царство Казанское и Астраханское, а на западе и севере – Сибирское царство и иные многие города и места». Бояре объявили решительно, что без грамоты, в которой вполне будут написаны царские титулы, не станут подтверждать вечного dokonчания; не скрывали и главной причины неудовольствия. «С королевской стороны, – говорили они, – делается многая неправда к нарушению вечного dokonчания: когда великий государь ходил на польского короля своею парсуною и многие земли взял, а другие хотели добить ему челом, в то время государь ваш, видя, как Польша и Литва под государеву высокую руку мало не все клонятся, не обославшись с царским величеством, пошел в польские города войною и у царских ратных людей от Полоцка дорогу велел перенять, и под которыми городами царские ратные люди стояли и на время по прошенью осадных сидельцев поотошли, королевские ратные люди, обольстя осадных сидельцев, те города взяли и, приезжая в уезды, занятые царскими войсками, берут всякие запасы самовольством; города, покорившиеся царскому величеству, презывают на свою сторону, бесчестя государя и все Московское государство; Делагарди писал к полякам, презывая их на шведскую сторону с устрашением, и в той же грамоте царское величество написал неприятелем». Послы по настоянию бояр отправили гонца к своему королю, чтоб позволил переменить грамоту, написать в ней новые титулы царские. Послы жаловались боярам: «Которые поляки поддались было королевскому величеству, и тех поляков они видели в Москве, и государем они пожалованы». Бояре отвечали: «Кто царского величества милости поищет и к государю приедет, тех царское величество жалует. Ведомо царскому величеству учинилось, что королевское величество ссылается с подданными царскими, с гетманом Богданом Хмельницким и с Васильем Золотаренком, призывает их к себе в подданство, отводя от

высокой руки царской». Бояре показали и грамоту королевскую к Золотаренку. Послы, посмотрев грамоту, сказали: «Переведена грамота не прямо: говорите, что король призывает Золотаренка в подданство, а король только призывает его к себе на помощь на общего недруга; а к Хмельницкому посылал король для того, что они сами королевскому величеству били челом в подданство и приказывали говорить: если король их не примет, то они опять поддадутся польскому королю. Но король и не мыслит принять их в подданство, писал к Золотаренку, чтоб подождал указа и никуда не ходил, а к Хмельницкому писал, чтоб козаки полякам не поддавались». Бояре: «Грамота переведена справливо: король пишет Золотаренку, что за его службу, за искание королевской милости похваляет, а Золотаренко писал к королю, поддаваясь ему нарочно, изведывая, какова королевская дружба к царскому величеству, и когда король его грамоту принял с радостью и отвечал с похвалою, то Золотаренко грамоту королевскую для обличенья неправды тотчас к царскому величеству прислал. Великое княжество Литовское Бог дал царскому величеству, и королю в поветы великого княжества вступаться не довелось: королевскому величеству Бог поручил в Короне Польской взять Краков и Варшаву в то время, как от царских ратных людей польские и литовские люди изнемогли; а когда польские и литовские люди были в целости, тогда король на них не наступал. И если король, забыв это, велел захватывать царские города и поветы, то хотя и малые места неправдою захватили, однако за малые придется отдать большие». Послы возражали, что о таких ссорах можно послать сыскать и дело исправить бесспорно, но бояре прямо указывали на необходимость войны: «Этого дела вершить нечем, кроме того, что за малые места отдавать вам большие места».

Чтоб заставить шведов за малые области отдать большие, царь хотел вооружить против Карла X Данию. В марте был отправлен туда стольник князь Данила Мышецкий, который объявил королю Фридриху III, что шведский король Карл Густав, услышав царского величества промысл над польским королем, видя поляков в большом утесненье, прислал тут же со стороны и, не обославшись с царским величеством, в то же время на польских людей войною наступил безвестно, у царских ратных людей в войне путь перенял и стал привлекать польские города на свою сторону, притворяясь союзником царского величества; шведские генералы перешли в области, занятые царскими войсками, за

Неман и Вилию, с жителей, поддавшихся царю, собирают стацеи и налоги чинят; король посылает грамоты к запорожским черкасам, презывает их от царя к себе в подданство, обещал покорившимся ему литовцам возратить им все завоевания царские. «Великому государю известно, – говорил Мышецкий Фридриху III, – что и вашему королевскому величеству с шведской стороны многие неправды; шведский король всякими мерами промышляет, чтоб ему Варяжским морем всем одному завладеть, в торговых промыслах всем большое утеснение сделать: время теперь пришло вашему королевскому величеству промысл над ним учинить и с великим государем нашим соединиться». Фридрих отвечал, что отправляет к государю своего посла. В то же время отправлен был стольник Алфимов к шведскому королю с выговором за неприязненные поступки в Литве. Карл X отвечал уверениями в дружбе, писал, что неприязненные столкновения случились не по его приказу, начальные люди поступали самовольно, обещал разыскать виновных и наказать их. Но эти уверения и обещания не могли остановить войны уже решенной, и это решение не могло долго оставаться тайною.

В мае Белке сказал думному дьяку Алмазу Иванову: «Вести носят в миру, будто царское величество хочет на Шведскую землю наступить войною». Дьяк отвечал: «Если такая молва в людях и есть, то говорят это глупые люди, и таких пустых речей не переслушать; а со стороны короля явная неправда: договариваясь с Радзивиллом, обещал он все имения литовских панов, которые теперь у царского величества, возратить назад». Ответ не мог успокоить послов, тем более что с ними стали обходиться дурно. 11 мая Белке прислал жалобу: «Запрещают нам ходить в город и в Немецкую слободу, людей наших и слуг держат, как пленных, не пускают со двора более четырех человек разом, не велят ходить со шпагами; о том же нечего и говорить, какое нам потчиванье в корму бывает». На жалобу эту послам отвечали: «Говорено вам было много раз, что со стороны королевского величества делаются многие неправды к нарушению вечного докончания; для исправления этих неправд послали вы к королевскому величеству секретаря, и тот секретарь до сих пор назад не бывал; потом отправлен к королю царского величества гонец, и тот задержан: поэтому видно, что королевское величество начинает и ищет того, чтоб учинить вечному докончанию нарушенье, да и, кроме того, многие с

королевской стороны неправды, и теми неправдами вечное докончание нарушено с королевской стороны». 17 мая велено объявить послам, что мирное докончание нарушено с шведской стороны, велено их перевести с посольского двора в Замоскворечье, корм давать против прежнего третью долю, но потом последнее приказание было отменено.

Неизвестный художник. Царь и великий князь Алексей Михайлович. XVII в.

Между тем 15 мая государь уже выехал из Москвы; отряд войска под начальством Петра Потемкина отправлен был для занятия берегов Финского залива, туда, где только спустя полвека суждено было русским стать твердою ногою; Никон, по обычаю своему, захватывал далеко: 25 мая он писал государю, что к Потемкину отправлены донские козаки, которых он, патриарх, благословил идти в Стокгольм и в другие места морем: знаменитых громителей берегов Черноморских хотели употребить для той же цели на Балтийском море! 30 июня Никон уведомил государя о взятии Канцев Потемкиным. 5 июля царь торжественно въехал в Полоцк и 15-го выступил с полками против шведов в Ливонию; 31 июля 3400 русских ратных людей приступили к Динабургу ночью, за два часа до света; за полчаса до света большой город был уже взят, потом взяли и меньшей, или верхней, где вырубали всех людей. Немедленно царь велел построить в Динабурге церковь св. Бориса и Глеба и город назвать Борисоглебовом. Потом был взят Кокенгаузен; этот старинный русский город Кукейнос переименован был в «Царевичев Дмитриев город». Об нем царь писал сестрам: «Крепок безмерно ров глубокий, меньшей брат нашему кремлевскому рву, а крепостию сын Смоленску граду; а побито наших 67 да ранено 430». 23 августа сам царь осадил Ригу; 1 сентября с шести русских батарей началась по городу сильная пальба, не прерывавшаяся ни днем, ни ночью, несмотря на то, губернатор рижский, граф Магнус Деллагарди, не сдавал города, а 2 октября осажденные ударили на укрепления осаждающих и нанесли им сильное поражение. Эта неудача, осеннее время, восстание крестьян, истреблявших русские отряды, посылаемые для кормов, слухи, что сам Карл X намерен приехать в Ливонию, – все это заставило царя снять осаду Риги и отступить в Полоцк. Дерпт сдался русским, но этим и кончились приобретения их в Ливонии.

В Полоцке Алексей Михайлович дождался конца переговоров своих уполномоченных с польскими. Еще 13 июля из соборной полоцкой Софийской церкви государь отпустил на съезд с польскими послами в Вильну боярина князя Ивана Никитича Одоевского, окольного князя Ив. Ив. Лобанова-Ростовского, дьяков Дохтурова и Юрьева; польские комиссары были: Ян Казимир Красинский, воевода полоцкий, и Христоф Завиша, маршалок великий; съезд был назначен у

Вильны, в двух верстах от города, а польским комиссарам стоять в деревне на речке Немеже, в шести верстах от Вильны. Посредине был поставлен государев шатер для переговоров, около него – особые для московских, цесарских и польских послов. В то же время разосланы были царские грамоты в поветы Лидский, Слонимский, в воеводство Новгородское, в повет Ошмянский, в воеводство Минское, в повет Гродненский, в воеводстве Троцкое, в повет Волковский, Мозырский, Речицкий, в воеводство Виленское. Грамоты были такого содержания: «Вам бы, верным и подданным нашего царского величества отчины полковникам, ротмистрам, всяким урядникам и всей урожденной шляхте и всему рыцарству, учинить между собою сеймик и выбрать двух человек добрых и умных, которых бы с наше царское дело стало, а выбрав, послать их на съезд в Вильну к нашим полномочным послам. И те бы выборные люди, будучи на съезде, нам, великому государю, по своему обещаю служили, Великого княжества Литовского и Корона Польской сенаторам, полковникам, ротмистрам и всей урожденной шляхте, и всему рыцарству, и духовного всякого чина людям, которые будут на съезде с польскими послами, нашу государскую милость и жалованье к себе выславляли, что мы вас пожаловали, веры вашей, прав и вольностей ни в чем нарушить не велели, прежними маетностями владеть велели да и, сверх прежних маетностей, пожаловали иными многими, чтоб, слыша нашу государскую милость к вам, литовские и польские сенаторы и всяких чинов люди нашей милости поискали, к покою были склонны и были под нашею высокою рукою, и от нашего Великого княжества Литовского Корона Польская не отлучилась бы. Да и про то выборные люди объявили бы, что мы, великий государь, Великого княжества Литовского польскому королю Яну Казимиру не уступим, потому что мы города и места его взяли своею государскою особою и жители их, кроме нас, никого государем иметь не хотят. Если же польские и литовские сенаторы и всяких чинов люди станут отговариваться, что им от короля Яна Казимира, пока он жив, отступить нельзя, ибо они ему присягали, то говорить, чтоб они имели королем своим Яна Казимира, пока он жив, а нас бы, великого государя, на Корону Польскую царем себе выбрали, нам и сыну нашему присягнули и, кроме нас, на королевство Польское по смерти Яна Казимира другого государя никого себе не выбирали, и в конституцию бы это напечатали. А когда это

доброе дело совершит Бог, то мы пожалуем вас нашим государским жалованьем, чего у вас и на уме нет».

12 августа был первый съезд. Одоевский потребовал, чтоб король уступил царю все Великое княжество Литовское и заплатил военные убытки, которые в 1654 году простирались до 800 000 рублей, а в 1655-м – до 500 000 рублей. 14 числа польские послы потребовали, чтоб государь возвратил королю все завоеванное и заплатил убытки. Одоевский отвечал: «Что великому государю Бог подаровал, того он никогда не уступит». Начался длинный спор о том, имел ли право Алексей Михайлович начать войну с королем; Одоевский доказывал это право с большим вычетом; комиссары настаивали на своем, что нестерпимые обиды учинились им от нарушенья вечного мира с царской стороны, но что они полагают это дело на волю Божию: попустил на них Бог такое разоренье за грехи их. Комиссары дали понять послам, что слишком большие требования их могут заставить короля заключить мир с Швециею при посредстве французского короля. Одоевский отвечал: «Нам известно, что французский король предлагает Яну Казимиру королю мир с Швециею на трех условиях: 1) чтоб прусскому князю быть удельным князем; 2) чтоб Богуславу Радзивиллу быть с своим же уделом; 3) чтоб по смерти Яна Казимира быть королем польским шведскому королю». Комиссары сказали на это: «Тому статья нельзя, чтоб по смерти королевского величества быть в Польше шведскому королю; нам надобен король, который бы ходил в нашей польской ферязи, а не в немецких флюндрах, а эти нам флюндры и так придокучили».

16 августа был третий съезд вместе с австрийскими послами. Комиссары объявили прежние запросы, бояре отказали им впрямь и пошли было из государева шатра вон. Тут вступились австрийские послы. «Надобно, – говорили они, – старые всякие причины, за что война началась, оставить и говорить бы о том, как мир учинить». Посредники объявили от имени комиссаров, что они отказываются от вознаграждения за убытки, причиненные им войною, поэтому и государевым послам следует сделать также какую-нибудь уступку. «Полякам, – говорил Аллегретти, – бедным и разоренным людям, царскому величеству уступить нечего, города княжества Литовского почти все за великим государем; если же от вас уступки им никакой не будет, то доброе дело не состоится и посредничать нам нечего; лучше

ли будет, если польский король вместо мира с царским величеством помирится с шведским королем?» «Царскому величеству, – отвечал Одоевский, – не страшно, если Ян Казимир помирится с шведским королем: у царского величества войска много, есть с кем и против обоих государств стоять». Тогда австрийские послы, осердившись, хотели было уже выходить из шатра, но Одоевский остановил их и объявил, что царь соглашается не требовать от поляков вознаграждения за военные убытки, пусть только отдадут все литовские города. «Запросы слишком тяжелы, – отвечал Аллегретти, – за такими запросами миру статья нельзя».

18 августа был четвертый съезд. Одоевский объявил, что государь отступается от тех литовских городов, которые еще за королем. «Это не уступка», – возражали комиссары. После споров Одоевский наконец объявил настоящее дело: «Государь ваш в совершенных летах, а наследников у него нет: так пусть Речь Посполитая по совету с королем пришлет к нашему великому государю послов с избранием его, великого государя, и писать его обранным Короны Польской великим государем, потому что Великое княжество Литовское под царскою рукою утвердилось; а великий государь хочет вас держать в своей большой милости и вольностей ваших нарушить ничем не велит». Комиссары отвечали: «Это дело великое: скоро ответу дать нельзя». Назначив новый съезд 20 августа, комиссары начали говорить об успехах своего короля против шведов и потом сказали: «Королевское величество велел вам объявить, что гетман Хмельницкий ссылку держит с шведским королем и с семиградским князем Рагоци, потому что теперь между царским и королевским величеством начались мирные переговоры, и Хмельницкий, опасаясь за свою измену всякого зла, хочет от царского величества отстать». Одоевский отвечал, что это несхожее дело.

20 августа, на пятом съезде, комиссары объявили, что предложение послов об избрании царя в наследники польского престола принимают любительно, но что это дело великое, без короля его сделать нельзя, а королевской инструкции насчет его им нет никакой; кроме того, Польше без Литвы быть нельзя, а послы от литовских городов не отступаются; пусть царское величество покажет свою любовь, уступит королю Литву, Белую и Малую Русь. В спор вступился Аллегретти и принял явно сторону польских комиссаров, требуя уступок от бояр;

Одоевский заметил ему, что он вместо посредничества царскому делу только помешку чинит; Аллегретти осердился и говорил: «О королевстве Польском и прежде многие государи христианские старались, и теперь у цесаря есть братья и дети, и другие арцыкняжата одной с поляками римской веры, и им не иного чего ожидать; государь, который хочет быть государем другого государства, не отнимает у него старого, но прибавляет новое». Одоевский опять заметил, что Аллегретти вместо посредничества говорит такие вещи, которых и сами польские комиссары не говорят.

Шестой съезд, 22 августа, прошел в спорах об условиях избрания царя в короли; бояре требовали, чтоб польский престол был наследственным для царя и его потомства; паны утверждали, что поляки никак не откажутся от права избрания: кроме того, паны настаивали, чтоб Поляновский договор остался во всей силе. 25 августа, на седьмом съезде, Аллегретти объявил, что он об избрании царя на польский престол и слышать не хочет, присланы они от императора для посредничества о мире, а не об избрании. Одоевский отвечал, что он, Аллегретти, говорит непристойные речи, и объявил комиссарам, что царь требует навеки Малую и Белую Русь, Волынь и Подолию, а Литовского княжества требует только на 20 лет за военные убытки. На осьмом съезде, 27 августа, цесарские послы так посредничали, что сами польские комиссары объявили Одоевскому: «Съехаться бы нам завтра и о покое христианском поговорить между собою, а цесаревым послам тут не быть, потому что от них на обе стороны, кроме ссоры, добра никакого нет, не желают, чтоб был на польском престоле Алексей Михайлович, а прочат цесарева сына или брата». 28 августа комиссары начали говорить боярам: «Цесарские послы на нас досадуют, зачем мы начали говорить об избрании царского величества, у императора есть дети и братья и на королевстве Польском есть кому быть, но нам цесарева племени австрийского дома короли уже наскучили: как у нас государствовало потомство Ягайла короля, то мы благоденствовали, а когда начали у нас быть короли немецкой природы, то мы от их потомства теперь мало что не нищие и государству своему видим запустошение. Цесарские послы рады не соединению, а разорванью между нами; так мы станем между собою говорить о добром деле сходительным обычаем, и початок доброму делу мы объявляем такой: государь наш уступает царскому величеству

все то, что уступлено было вами по Поляновскому договору; о Малой и Белой Руси, о Волыни и Подолии пошлем гонца к королю, и вы пошлете с своей стороны к царскому величеству; что же касается Литвы, то царское величество поступился бы ею королю, потому что и так государство наше почти все разорено; об избрании царского величества мы уже писали к королю и ожидаем ответа». Одоевский отвечал, что они, послы, обо всем этом отпишут к великому государю. Комиссары начали было толковать о возвращении в королевскую сторону запорожских козаков с их землями, но послы им отказали: то дело несхожее; черкасы государю присягали, что быть под его рукою вовеки, и отступить от них государю нельзя, да и потому нельзя отпустить черкас к королевскому величеству, что у них с поляками давняя вражда и усмирить их никак невозможно, и только царскому величеству от себя их отлучить, и они тотчас поддадутся или турецкому, или крымскому, или шведскому и, соединясь с ними, обоим государствам станут чинить всякое зло и разоренье, а как будет на Короне Польской государем его царское величество, то и запорожские черкасы будут заодно же.

С. Бурдон. Карл X Густав, король Швеции. 1652–1653 гг.

29 августа получили послы государеву грамоту; царь писал, чтоб дело об избрании его на польский престол и о мире отложить до другого времени, войска с обеих сторон задержать на полгода или больше и обратить их на общего неприятеля, шведа, с которым не заключать отдельного мира; и только 18 сентября пришел царский ответ на грамоту посольскую, отправленную после съезда 28 августа; царь писал, чтоб послы продолжали дело об избрании. 20 сентября был десятый съезд. Комиссары объявили, что об избрании к ним наказа еще не прислано, прислан наказ о мирном постановлении. Одоевский отвечал, что в таком случае лучше всего всякое дело отложить и двинуть войска на шведа, с которым порознь не мириться. Но комиссары предложили вопрос: если царское величество избран будет в короли, то уступит ли Малую и Белую Русь королевству? Послы отвечали, что всего лучше это дело отложить на полгода или больше. Комиссары не согласились. Одоевский предложил последнюю меру: в государеву сторону Малую и Белую Русь, Волынь и Подолию навеки, а Вильну с другими городами литовскими на 18 лет. Комиссары отказали и хотели вместе с австрийскими послами разъехаться без дела. Тогда послы, чтоб царскому избранию на польский престол помешки не учинилось, предложили: избрание царя в наследники Яну Казимиру и уступку Малой и Белой Руси Московскому государству; паны останутся при всех своих правах и при вольном избрании короля; государь обещается возвратить Польше Ливонию по Двину, кроме городов, принадлежавших царю Ивану Васильевичу; обещается отыскивать и наследственное Яна Казимира королевство Шведское; обещается возвратить всех пленников, все пушки, взятые в городах литовских; имения, отнятые у православных церквей и монастырей, возвращаются; духовенству православному быть в прежней чести; уния должна быть уничтожена, ибо она Богу всемогущему грубна: это не вера, но замысел злых людей, которые отступили от греческого закона и между греческим законом и католическою верою чинят ссору; православные имеют одинакие права с католиками. Комиссары отвечали на это, что прежде надобно заключить мир, а потом уже вести дело об избрании, иначе избрание будет невольное; австрийские послы говорили, что об избрании они и слышать не хотят, ибо присланы быть посредниками только при заключении мира. С этим все и разъехались.

После этого разрыва австрийские послы прислали сказать, что они переговорам об избрании царя мешать не будут и как скоро начнутся об этом рассуждения, то они будут выходить из шатра; польские комиссары не соглашались на это и предложили Одоевскому съехаться без австрийских послов на каком-нибудь особенном месте, и поэтому 24 сентября съезжались за слободою, на загородном шляхетском пустом дворе, в двух верстах от Вильны. Комиссары объявили, что получили от короля грамоту: Ян Казимир пишет, что по вопросу об избрании царя ему в наследники назначен сейм, который начнется 15 сентября нового стиля; но чем сейм кончился, о том они, комиссары, ничего не знают. Комиссары говорили также: «Пишут к нам приятели, что они избранию царя в короли рады, но не все сенаторы на это согласны: одни хотят выбирать царевича Алексея Алексеевича, другие – цесарева сына или брата, иные – венгерского; но если бы великий государь уступил Польше Белую Русь, то думают они, комиссары, что все сенаторы согласятся на царское избрание или на избрание царевича; о Малой России они способов искать станут, без Белой же царскому избранию никак не состояться, потому что у многих сенаторов и шляхты города и маестности в Белой России за рекою Березою. Сенаторы пишут к нам тайно, что королева хочет избрания царевича Алексея, король часто бывает нездоров, и когда умрет, то она останется от него бесплемянна и царевич будет у нее вместо сына, а она станет оберегать его здоровье». В заключение комиссары объявили, что запорожские козаки согласились с крымским ханом, волошским господарем и Рагоци мешать царскому избранию в короли, ибо в таком случае им будет тесно, а запорожцы опасаются мести от поляков, и шведский король с Хмельницким ссылается: козаки – люди шаткие, хотя и присягают, но в правде не стоят. Австрийские послы по требованию Одоевского объявили, что они, и не выходя из шатра, не будут мешать переговорам о царском избрании, не будут ничего говорить ни за, ни против.

С 24 сентября по 6 октября не было съездов: комиссары дожидались королевского указа; предполагая, что они проволакивают дело, Одоевский назначил съезд 6 октября и потребовал отложить переговоры о мире и об избрании на полгода или на год, прекратить войну и обратить войско на шведов. Но комиссары настояли, чтоб ждать еще королевской грамоты до 9 октября, а цесарские послы прислали сказать Одоевскому, что будут способствовать царскому

избранию в короли. На съезде 9 октября комиссары объявили, что указ им прислан: король и паны соглашаются на избрание царя или царевича, если будет заключен мир по Поляновскому договору; что же касается до вечного мира без избрания, то король уступает царскому величеству Смоленск и все города, уступленные по Поляновскому миру. Ответ был прежний, что царское величество без Малой и Белой России миру не заключит. 19 октября пришла к послам царская грамота: договариваться, чтоб учинить рубеж по реку Березину, также Полоцку, Витебску и лифляндским городам быть за государем; о Божиим деле промыслить с большим раденьем, а иное и купить, сулить тысячи многие, пятьдесят и шестьдесят и больше обоим послам, а если дело не сделается, то как-нибудь укрепиться, чтоб войне на обе стороны не быть и с шведом без обсылки не мириться, укрепиться хотя малою крепостью, но непременно на то привести, чтоб послов отпустить с ласкою, войне не быть и с шведским королем не мириться. Комиссары никак не согласились на уступку Малой и Белой Руси и потому положили, что по делу об избрании государя отправятся к королю на сейм царские полномочные послы, а пока договор совершится, положили рать с обеих сторон задержать, никаких зацепок не чинить и с шведским королем не мириться.

По всему было видно, что в Москве всеми средствами хотели поддержать нерешительное положение и не начинать войны с Польшею, не окончив войны шведской, а между тем подготавливать избрание царя в наследники Яну Казимиру; для этого хотели приобрести себе сильную сторону между вельможами, из которых склоннее других к Москве казался гетман Гонсевский.

4 ноября 1656 года из Полоцка государь отправил любимца своего – стольника Артемона Матвеева с семьей сороками соболей, ценою на 700 рублей, к гетману Винцентию Корвину Гонсевскому. Матвеев нашел гетмана в Кайданах и, упомянув о виленском договоре насчет избрания царя в короли польские, прибавил: «Ты бы, гетман, служил и свою братью наговаривал, чтоб они также великому государю служили и то дело привели к совершенью». Гетман отвечал: «Тому делу чинится помешка, шведский король в союзе с королем французским, который помогает ему деньгами и людьми и хочет, чтоб шведский король был на Короне Польской, а шведский король ссылается с гетманом Богданом Хмельницким и с Рагоци венгерским, и дума у них одна. Писал ко мне

маршалок надворный Юрий Любомирский, что гетман Хмельницкий присягал пред послами Рагоци быть во всей их воле, а ездит от Хмельницкого к шведу беспрестанно чернец. Великий государь изволил бы послать к курфюрсту бранденбургскому, чтоб оторвать его от шведа, и тогда швед будет бессилен, но, что будет писать курфюрст к государю, тому бы государь не верил, потому что курфюрст – человек не крепкий, а вблизи при нем живут шведские люди; да послал бы царское величество к цесарю, чтоб цесарь наступил на шведского короля; писал бы к датскому королю и к Голландским Штатам, чтоб помешали на море шведскому королю, который хочет захватить в свои руки зундскую пошлину. Цесарь присылает, чтоб выбрали сына его на Корону Польскую; брат цесарев, Леопольд, присылает, чтоб выбрали его; того же просит курфюрст баварский, и у сенаторов разные мысли; но я их наговариваю всячески, чтоб избрали царское величество».

Матвеев стал уговаривать гетмана постараться, чтоб рубежу от Московского государства быть по реку Березину, а от Короны Польской – по реку Буг. Гетман отвечал: «Не только мне сенаторов наговаривать, и помянуть об этом деле нельзя, назовут меня изменником». Потом Гонсевский говорил: «Изволил бы государь послать королеве подарок и слово ей дал: как будет царевич Алексей Алексеевич в совершенных летах, то женится на ее племяннице: этим всего лучше государь утвердит свое дело». Матвеев возразил: «Царевич мал, а вера греческая далека от римской, и этому делу отнюдь нельзя статься». Гетман отвечал: «Учинил бы государь соединение вер, как прежде была единая благочестивая вера, король Владислав больше всего хотел соединения вер; изволил бы государь послать об этом деле к королю, цесарю и папе, чтоб учинить съезд духовным и мирским людям и об этом великом деле разговор иметь. Как узнают, что царское величество старается о соединении вер, то многие народы покорятся ему. Самые сильные люди в короне: Юрий Любомирский маршалок, который хочет цесаря или сына его, воевода познаньский Лещинский, который хочет Рагоци: кроме них сильны Конецпольский и Чарнецкий: этих людей великому государю надобно пожаловать; когда они будут служить царскому величеству, тогда все будет по его воле. Да чтоб царское величество приказал послам своим на сейме не спешить отдачею городов; велел бы и ратным своим людям приблизиться к Вильне, чтоб этими ратями сенаторов поусумнить. Если я буду годен в службу к

великому государю, то чтоб царское величество пожаловал меня маетностями, которые прежде за мною были, да чтоб пожаловал, велел мне дать 5000 мушкетов, 3000 барабанов, 3000 пар пистолей; да чтоб пожаловал, дал средства приехать на сейм людно, потому что у них, кто люднее, того больше боятся и слушают».

Война с Швециею была начата потому, что Польша почти не существовала, и неблагоприятно казалось усиливать на ее счет Швецию, с которою предстояла потом опасная борьба. Но теперь обстоятельства переменились: как Москва в начале века спаслась от внутренней смуты и внешнего порабощения благодаря религиозному одушевлению, обхватившему весь народ и объединившему его, так теперь религиозное одушевление обхватило народ польский и спасло государство. Карл X выгнал Яна Казимира из Польши; отнял у него Варшаву и Краков, провозгласил себя королем польским, но он был протестант: католическая Польша в XVII веке, при господстве религиозного интереса, не могла признать королем своим протестанта, тем более что этот протестант и подданные его давали чувствовать католикам свой протестантизм; они решились напасть на главную святыню королевства – монастырь Ченстоховский, который теперь в Польше имел такое же значение, какое Троицкий монастырь имел в Московском государстве в Смутное время. Церковь призвала народ к восстанию против врагов иноверных, и народ повиновался; знаменитый полководец Чарнецкий начал действовать с успехом против шведов. Карл X увидел, что польская корона ускользает от него, Ян Казимир, поддерживаемый энергическою женою своею, ободрился.

Ф. Солнцев. Одежда боярская и одежда царская XVII в. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Вследствие этих перемен должна была перемениться и политика московская: жар к войне со шведами, охлажденный под Ригою, охладился еще более, когда в Карле X перестали видеть опасного соперника, когда усиление Яна Казимира и особенно отношения малороссийские начали грозить опасностью более важною. 23 февраля 1657 года царь и бояре приговорили: промыслять всякими мерами, чтоб привести шведов к миру; это поручение было возложено на воеводу Царевича Дмитриева города Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Ордин-Нащокин, псковский помещик, в царствование Михаила Феодоровича упоминается как участник в посольских съездах при размежевании и поправлении границ; в начале возмущения Нащокин жил в Пскове; когда гилевщики после разговора с воеводою Собакиным на дворе архиепископском начали шуметь, то из их скопу прибежали на двор к Нащокину площадной подьячий да стрелец и сказали ему: «Выезжай из Пскова в свою деревню: хотят убить тебя да Федора Емельянова». Нащокин выехал в деревню, а оттуда в Москву, куда привез подробные известия о бунте. Но когда Хованский пошел под Псков, Нащокин отправился с ним: ему поручил воевода уговаривать крестьян, чтоб они обратились, из лесов вышли и жили по-прежнему. Как Нащокин исполнил свое поручение, видно из отзывов Хованского, который писал к царю о его службе, работе и раденье во всяком деле. Еще сильнее высказались усердие и способности Нащокина во время шведской войны; он сделался воеводою Царевича Дмитриева города и по удалении царя из Ливонии стал главным лицом здесь. Но, навлекши на себя прежде негодование псковских гилевщиков, как дворянин, приверженец правительства московского, теперь Нащокин возбудил против себя ненависть людей, которым не нравилось, что человек, сравнительно с ними незначительный, успел личными достоинствами возвыситься и стать на первом плане. Эти люди стали мешать ему; не посылали нужного войска, разрушали то дело, о котором хлопотал Нащокин, а хлопотал он о том, чтоб стать твердою ногою в прибалтийских областях.

В июле писал Нащокин государю: «Известно мне, что из Риги бурмистры и лучшие люди от морового поветрия выбежали, а служилые люди вышли к Волмерю с Магнусом Делагарди, но и в обозе шведском также тяжелая болезнь, сам Делагарди умер. Писал ко мне Яков, князь курляндский, что теперь удобное время для мира с королем

шведским; я отвечал ему: за нарушение вечного мира многие земли встали на шведского короля, и, кроме видимой рати, теперь от Господа Бога послана на Ригу война невидимая, и если рижане покорно к подданству приступят, то от надлежащего страха избудут и без печали в свои дома возвратятся; и писал я с большим подтверждением, чтоб курляндский князь промышлял о подданстве рижан. Но курляндский князь манит, дружа шведам, чтоб время без промыслу прошло. А промысла чинить нам некем: твой, государев, указ с осени послан в Полоцк, Витебск и Псков, чтоб выслали в Царевичев Дмитриев город ратных людей и хлебные запасы, и до сего времени твой указ не исполнен, и тем на твоих государских людей многие крови наведены. Если б сначала твой указ исполнен был, то шведам из Риги нельзя было бы выходить ко псковским местам. Если б шведы не боялись ратных людей из Царевичева Дмитриева города, то съездов и перемирья безотступно не просили бы, а других твоих государевых городов рижане не бояся, потому что далеко от них. Но помощи мне не дают по моей причине, твое государево дело возненавидели для меня, холопа твоего. Четвертое лето без перемены я покинут в самых дверях неприятельских, и этим путем литовские и немецкие люди на твои города не прихаживали; а которым ратным людям по твоему указу со мною быть велено, и во все лето государев указ не исполнен, в городах ратные люди и запасы полковые задержаны. Тебе, помазаннику Божию, Господь Бог обо мне явно учинил: «Аще бы от мира был, мир убо своя любил бы». Из чужих неприятельских земель послушание и вспоможение твоему государеву делу чинят, а из твоих городов ни малой части твоего указа не исполняют, в твоем государевом деле многий промысл разрушают и вовремя промыслу делать мне не дают. И в том твоя царского величества воля! По твоему государеву указу велено город Друю ведать в Царевичеве Дмитриевом городе, и после твоего указа, не списываясь со мною, из Полоцка памяти посылают к бурмистрам и многие налоги чинят и убытки многие друянам делают, волости друйские на разоренье козакам отдали, Друю хотят запустошить и от твоей высокой руки отогнать. В Резицком и Лужском уездах полоцкие козаки твои государевы волости без остатку разоряют, о твоих государевых грамотах бьют челом в Полоцк, зная, что их за самовольство в Полоцке не унимают, а мне уберечь уездов от таких самовольных людей нельзя. В ближних к Риге уездах от немцев столько

разоренья нет, сколько в Друйском, Резицком и Лужском уездах от козаков запустело. За мною во все четыре года приставства нигде не бывало, и по твоему государеву указу оберегаю я не выбором, и где в разоренных местах крестьян собрал, а из Полоцка пустошат. В грамотах великого государя писано: которые уезды в Ливонии добровольно в подданство не учинятся, те места ратным людям без остатку велено разорять. И ратные люди, слыша такой указ, не оставят живущему нигде места. А ныне Господь Бог помазаннику своему явными знаками без крови ту землю предает, ничего иного не требует Господь Бог, только милосердия к покорным, а противные сами на себя жестокий суд нанесут. У служилых людей тот обычай, чтоб непротивных пленить без остатка, за что им и смертная казнь бывает, а нрава своего не откладывают. Этою зимою из Пскова служилые люди соседних с Юрьевым присяжных крестьян посекали и деревни пожгли, и, то видя, в иных местах от подданства бегут, а немцам то и надобно, уездных людей к себе привозят и полки свои пополняют, а пехота лучшая у шведов – лифляндские люди. Рейтарам Царевичева Дмитриева города за разоренье крестьян много наказанья было, но они не унялись, зная, что в других городах от такого разоренья их не унимают; о таком их самовольстве писано в Рейтарский приказ, и по 5 июля государева указа об этом не прислано, а вперед сдерживать рейтар от разоренья над уездными людьми нельзя. А если уезды пусты будут, то государевым служилым людям в новоприобретенных городах держаться нельзя, а хлебные запасы из русских городов туда возить убыточно. Для нынешнего посещения Божия над Ригою покинуть без промыслу невозможно. Прошенье рижан о съезде и присылке теперь частые в Царевичев Дмитриев город, а начальные люди и бурмистры еще при Магнусе Делагарди тайными ссылками к милости великого государя приведены. Доброму делу пакостник Магнус был, но живот его на земле згинул, и если рижан вскоре не захватить, показав грозу ратных людей, то они станут искать других средств к получению помощи. Надобно Лифляндскую землю занять прежде, чем шведы оправятся от разрушенья, причиненного смертию Делагарди».

Когда Нащокин хлопотал об утверждении Ливонии за царем, князь Мышецкий вел переговоры с Даниею о войне шведской. Летом 1656 года князь Мышецкий вместе с датским посланником Германом Косом нашли государя в Ливонии. Кос объявил, что королевские ратные люди

теперь не в собрание, а когда соберутся, то король выступит в поход против шведов. Царь отвечал ему: «Князь Мышецкий нам извещал, что люди у королевского величества готовы, и королевское величество шел бы, не испустя времени, а только теперь не пойдет, и время пройдет». 7 августа из стана своего под Кокенгаузенем царь отпустил того же Мышецкого опять в Данию с *грамотою за свою самодержавною рукою*. Объявив королю об успехах царя в Ливонии и о походе его под Ригу, Мышецкий говорил: «И вашему бы королевскому величеству со своей стороны также идти на общего недруга нынешним летом; и быть в войне обоим великим государям, и одному без другого года два или три не мириться». Король отвечал: «У меня ратные люди готовы, и я пойду на шведов четырьмя полками: три полка пойдут сухим путем, а четвертый – на Варяжское море с корабельным сбором. Прошу государя вашего в прибавку к датским кораблям нанять еще у голландцев 20 кораблей воинских». Король стал требовать у Мышецкого, чтоб тот заключил подробный договор о союзе, но посланник отвечал, что без царского указа сделать ему этого не уметь. Все лето 1657 года Мышецкий прожил в Копенгагене, при нем Фридрих III начал войну со шведами, но поляки, а не русские явились ему в ней союзниками: в Москве совершенно охладели к войне шведской, ибо все внимание сосредоточилось на юге.

В то время, как царь, задержавши войну польскую, обратил все свои силы против Швеции, из Белоруссии слышались сильные жалобы на черкас, которые в свою очередь жаловались на воевод московских. Самые сильные жалобы слышались на чауского наказного полковника Ивана Нечая, который прибрал к себе многих гультаев, а иных мещан и пашенных крестьян захватил силою и записал в козаки; во многих городах, селах и деревнях поставил козацкие заложники без царского повеления; шляхту, мещан и пашенных крестьян, которые не хотели записываться в козаки, приказывал грабить, мучить и побивать до смерти; писался полковником белорусским, гомельским и иных городов. Другой полковник, Федор Константинов, приходил под Копыс и побивал государевых людей; третий, Иван Дорошенко, покинул Новый Быхов без государева указа и не видя на себя прихода ратных людей ниоткуда.

Для поверки этих жалоб в апреле 1656 года отправился в Белоруссию от Хмельницкого полковник Антон Жданович вместе с

московским сотником стрелецким Сивцовым. Спросили они Ивана Дорошенка: зачем покинул Новый Быхов? Тот отвечал, что сделал это по приказу Василия Золотаренка, который по смерти брата своего Ивана был полковником нежинским; все подтвердили показание Дорошенка: но спросить Золотаренка было нельзя: он находился в это время в Чигирине у гетмана, и дело осталось нерешенным. Спросили Федора Константинова: зачем побивал государевых людей? Тот отвечал: «Был я полковник польский, передался к Войску Запорожскому с шестью хоругвями и шел с ними через город Копыс к гетману Богдану; в Копысе велели мне ехать в Москву; но я в Москву ехать отказался; тогда меня хотели силою поворотить в Москву, напали на меня ночью и стали бить моих людей, я также отбивался, но приступа к городу никакого не делал». Но малороссийский сотник Дроздович уличил его: по его показанию, Федор, пришедши в Копыс на посад, стал бить и мучить жителей; воевода Толочанов призвал его к себе, угостил и стал ему говорить: «Для чего ты царского величества людей бьешь?» Тогда он на воеводу *фукнул*, пошел за город и на другой день в город стрелял и приступал; Толочанов послал в Могилев за войском; явились московские солдаты, подошли к отряду Федора и послали сказать полковнику, чтоб он переговорил с ними, показал бы им царскую грамоту или приказ гетманский. Федор отвечал: «Я вам покажу такую грамоту, что никто из вас ног не унесет». Начался бой, и солдаты заставили Федора уйти. Спросили Нечая: как смел свести царские солдатские гарнизоны и поставить свои, козацкие? Нечай отвечал: по гетманскому приказу, и показал грамоту, где Хмельницкий писал, чтоб Нечай поставил козацкие гарнизоны везде, где стояли прежде Золотаренковы. Козаки-разбойники оправдали Нечая, показавши, что он не знал об их разбоях. Двое старших из них были повешены, другие биты в два кия до полусмерти по приказу Ждановича. Сотника Жуковского за разбой велел он казнить смертию; велел вывести отовсюду козацкие гарнизоны.

Ф. Солнцев. Одежда боярская XVII в. Портреты князей Репниных. Рисунок из книги «Древности Российского государства». Ранее 1853 г.

Но надобно было удовлетворить и малороссиян, ибо сотни Войска Запорожского, стоявшего в Белоруссии, со всеми товарищами били челом царю с кровавыми слезами, что нестерпимые обиды и смертное убийство терпят они от начальных и ратных людей московских, находящихся под властью князя Ивана Борисовича Репнина, воеводы могилевского, Мстиславского воеводы Дашкова и других. При челобитной подан был длинный список пограбленному.

Стольник Леонтьев отправился для сыска. Могилевцы – священники, шляхта и чиновные горожане объявили Леонтьеву, что ничего не знают о насилиях воеводы князя Репнина черкасам. Сотенные люди сказали: «Воевода человек по сту черкас в тюрьму сажал ли, не знаем; а нежинских четырех козаков кнутом в проводку бил, за что – не знаем, и других человека по два и по три бивали. Написаны в росписи резаные черкасы, но мы знаем, что их четверых порезали у вина, а кто резал – не знаем; знаем, что воевода взял имение по смерти одного козака, тогда как после него остался брат, имение и этого брата было взято также вместе с имением умершего. Мстиславцы объявили, что не знают об обидах черкасам от государевых людей; но они, мстиславцы, и маетности их все разорены черкасами. Жданович обвинял шкловского воеводу, Василья Яковлева, что посылал солдат, которые выжгли деревни. Шкловцы на повальном обыске объявили, что ничего об этом не знают и не слышали, но что теснота им была от черкас большая, нельзя было за город выехать: непременно ограбят черкасы.

Нечай по отъезде Ждановича продолжал рассылать гультяев по городам и селам, силою писать в козаки шляхту и мужиков, а в январе 1657 года сам прислал в Москву жалобу, что стоял он под Быховом вместе с князем Иваном Андреевичем Хованским, пошел на приступ и был отбит, потому что Хованский не помог ему. Но важнее были столкновения с самим Хмельницким.

Мы видели, как поляки при каждом удобном случае старались внушить, что Хмельницкому нельзя верить, что он пересылается с шведским королем. Русские отвечали им обыкновенно, что это дело недостаточное, но другое было у них на сердце. Василий Васильевич Бутурлин дал знать царю, что Хмельницкий во время похода своего с ним подо Львов действовал вовсе не так, как бы следовало. Когда после виленской комиссии царь дал знать гетману о ее решениях, то Богдан 9 декабря 1656 года отвечал: «Как верные вашего царского величества слуги, мы этим договором усердно тешимся; только, как верные слуги, о неправдах и хитростях ляцких ведомо чиним, что они этого договора никогда не додержат: они и прежде ничего не хотели сделать с людьми, обвиненными в бесчестии вашему царскому величеству, от сейма до сейма через десять лет все отволакивали и никакого исправленья не чинили, хотя это дело крестным целованьем и конституциею остережено было. Столь явная неправда ляцкая пред Богом и пред

тобою оказывается, что они на веру нашу православную давно воюют и ей никогда желательными быть не могут, а теперь они этот договор для того сделали, чтоб, немного отдохнув и наговорившись с султаном турецким, с татарами и другими посторонними, на ваше царское величество снова воевать: ибо если они, ляхи, в самом деле ваше царское величество на Корону Польскую и Великое княжество Литовское выбирают, то для чего же воеводу познаньского и каштеляна Войницкого послали к цесарю римскому просить брата его родного на королевство; послы эти 12 октября приехали в столицу цесарскую и вели переговоры во время конца комиссии виленской; прежде еще посылали Пражмовского к Рагоци с короною, скипетром и яблоком (державою), призывая его на королевство: все это знак явной неправды ляцкой!

Ясно, что они виленского договора не додержат, и кто знает, будет ли еще этот договор принят на сейме от всех чинов? Для вышереченной неправды мы ляхам никак верить не можем, ибо знаем подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны. Вторично тебя, великого государя, единого в подсолнечной, православного царя, молим: не подавай православного народа на поругание, о котором ляхи помышляют».

Но православный царь не нуждался в этой просьбе и предостережениях: он также хорошо, как и Хмельницкий, знал, что избрание его в короли более чем сомнительно; оно могло состояться только при новых успехах его оружия, а для этих успехов было необходимо, чтоб силы Великой и Малой России были соединены как нельзя крепче. Но гетман запорожский, преследуя свои особые интересы, нарушая единство государственного движения, наносил удар могуществу царя и тем самым усиливал ляхов, к которым питал такое нерасположение. 12 декабря киевский воевода Андрей Бутурлин дал знать в Москву: сказывал ему наказной киевский полковник Василий Дворецкий: «Гетман опасается гнева государева, сильно сомневается насчет черкас, отправленных им в виленскую комиссию и еще не возвратившихся, думает, что их задержали, что государь приказал отдать козаков по-прежнему польскому королю и велел на них идти войною; опасаясь этого, гетман созвал сейм, на котором все полковники, есаулы и сотники дали слово стоять заодно на всякого, кто на них наступит. Кроме того, Хмельницкий посылал к Рагоци, к

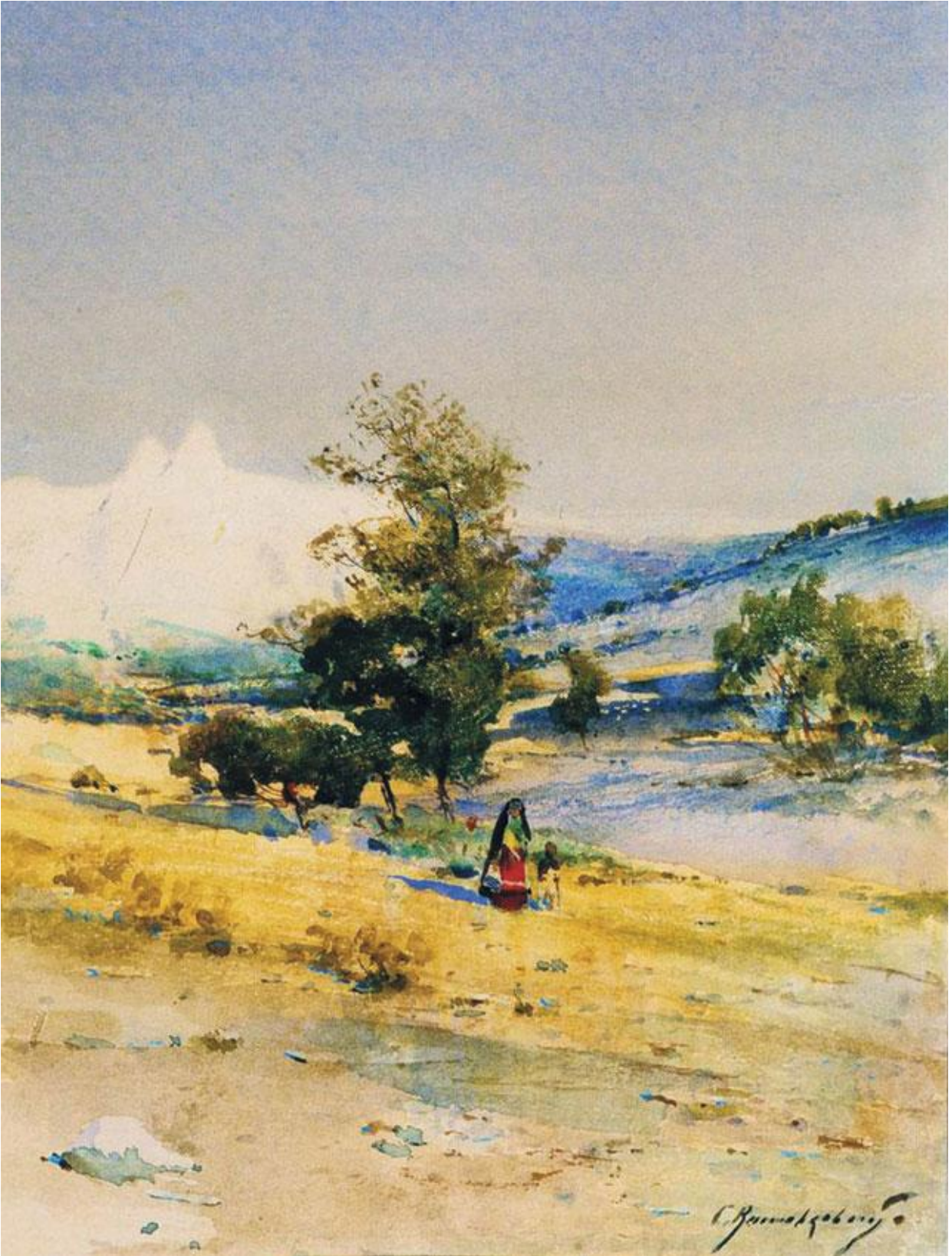
воеводам волошскому и молдавскому, к хану крымскому, чтоб они были с ним в соединенье; ото всех этих владетелей были у него послы и учинили договор: если кто на него наступит, то они будут ему помогать; послы крымские у гетмана бывают часто». Приехал в Киев отец писаря Выговского Астафий; воевода зазвал его к себе, подпоил, и старик подтвердил ему слова Дворецкого. Люди, посланные для вестей в Чигирин, доносили, что Хмельницкий договорился с Рагоци помочь ему овладеть польским престолом; замышляют отступить от государя гетман да писарь, и с ними немногие начальные люди, замышляют они это потому, что государь помирился с королем, опасаются, что их выдадут полякам; гетман хочет отложиться при первом гневе государевом, но козаки и черные люди на такую неправду ему не помогают; наконец, Хмельницкий посылал к быховцам, чтоб государю не сдавались, а сдались на его гетманское имя.

Карл X, когда еще мечтал быть королем польским, отправил к Хмельницкому посла с таким наказом: просить Хмельницкого, чтоб дал знать, какого чина и какой власти ему хочется? Хочет ли он от вольного удельного княжества при польском рубеже или хочет с козаками своими вместе с Короною Польскою под шведскую защиту поддаться и при прежних правах и вольностях оставаться, или хочет он вассальных прав, с обещанием помогать королю и государству его ратными людьми и другими средствами. Указывать выгоды, которые будут козакам, если они соединятся со шведами, потому что они от поляков никакой безопасности надеяться не могут; если же соединятся со шведами, то стеснят так поляков, что те никакого зла им сделать не будут в состоянии, шведы будут оберегать козаков от насильства шляхты, а козаки за это будут стараться, чтоб Польша никаким образом не отлучилась от шведского короля. Договариваться с Хмельницким о разделе рубежа от Польши и от Москвы. Главное условие договора должно состоять в том, чтоб он возбранял татарам вход в польские и литовские рубежи, чтоб не ходили через Днепр, Днестр и Буг; кроме того, при всякой войне Хмельницкий выставляет на помощь королю 40 000 человек на свой счет и держит их в службе три месяца, по прошествии которых они, продолжая службу, будут получать на прокорм из королевской казны, как и другие ратные люди. Козаки должны обещаться ни с каким государством не соединяться и не договариваться без ведома королевского. Хмельницкий всякими мерами

должен привести Москву к тому, чтоб она далее Березины не искала себе владений и чтоб вся Литва осталась за шведами. Хмельницкий и козаки должны обещаться не начинать ни с кем войны без воли королевской. Требовать, чтоб в больших городах можно было строить протестантские церкви. Для удобства торговли выпросить часть земли у рек Днепра, Буга и Днестра, где бы строить амбары; также требовать мест над Днепром, где король хочет построить крепости против татар; козаки не должны позволять крестьянам, которые теперь на тех местах живут, бегать и к ним переезжать, а если перебегут, отдавать назад; земля эта, которой хочет король, простирается на 12 миль от истоков реки Тетери до ее устья в Днепр, по Днестру на острове и по обеим сторонам на 4 мили, а еще б лучше, если б уступили Киев. Если Хмельницкий захочет быть удельным, то вольно ему постановить у себя Речь Посполитую козацкую, дал бы козакам права и уложение, как им жить и как наследникам его властвовать. Остается у него во владении только воеводство Киевское, а воеводство Черниговское надобно уступить Москве; если же Хмельницкий не согласится, то уступить ему воеводство Брацлавское до Буга или даже до Ямполья, также можно уступить ему четвертую часть или половину торговых пошлин. Если Хмельницкий захочет быть под королем шведским голдовником (вассалом), то уступить ему воеводство Киевское и писаться ему князем киевским и черниговским и гетманом Войска Запорожского. Хмельницкий должен быть в таком же отношении к королю, как курфюрст бранденбургский или герцог курляндский к Польше. Каждый новый гетман должен давать королю по 300 000 золотых польских; каждому новому королю должен давать 30 000 золотых червонных, также должен дарить королевских сыновей, когда будут жениться, и дочерей, когда замуж пойдут. Хмельницкий будет волен раздавать служилым своим людям маетности наследственно или пожизненно; хорошо было бы, если б Хмельницкий всем крестьянам, которые у него в подданстве, велел оставаться в домах своих, чтоб они ему и начальным его людям давали оброки денежные и пашни не пустошили; впрочем, это полагается на волю Хмельницкого. Относительно духовного чина все будет по-прежнему; митрополит киевский не может быть поставлен без воли королевской.

Но в начале 1657 года Карл X уже потерял надежду удержать за собою все королевство Яна Казимира, должен был искать союзников и

поделиться с ними добычей: между Карлом, Рагоци и Хмельницким заключен был договор, по которому Украина признавалась навсегда отдельною от Польши. Великая Польша, Данциг и Приморье переходили к Швеции, Малая Польша, Литва, Мазовия и Русь Галицкая доставались Рагоци; отряд козацкого войска отправился к последнему, чтоб действовать вместе против поляков.

С. Васильковский. Ай-Петри. Конец XIX в.

Как же Хмельницкий оправдывал свой поступок пред царем московским? В феврале 1657 года он писал, что приезжал к нему каштелян волынский, Станислав Беневский, с предложением передаться на сторону Яна Казимира, но что он, гетман, никак на это не решится; этот Беневский сказывал ему, что статьи виленской комиссии никогда не состоятся; приходил к нему, гетману, и писал от цесаря бискуп Марцианополитанский также с убеждением перейти на сторону короля польского. «Вследствие таких хитростей и неправд, – писал Хмельницкий, – пустили мы против ляхов часть Войска Запорожского». Понятно, что в глазах царя это письмо нисколько не оправдывало своеволия и явного нарушения статьи, определявшей поведение гетмана относительно послов иностранных, а тут еще вести из Крыма: «Сказывал московским посланникам переводчик: как он был у ближнего ханского человека Сефергазыаги, то при нем были посланники от Богдана Хмельницкого пять человек и говорили, чтоб хан по-прежнему стоял за черкас и оберегал их. Ближний человек заметил, что гетман учинился в холопстве у государя московского: тогда черкасские посланцы отвечали ему: «Как гетман бил челом в подданстве московскому царю, с тех пор от великого государя никакой нам помощи, заступленья и обереганья нет».

23 апреля Хмельницкий писал государю с посланцем Коробкою: «Турецкий султан собирается на Украину в союзе с королем польским и императором Фердинандом; хан крымский также готов со всеми ордами, только не знаем, где хочет ударить. Все это делается по научению ляхскому, потому что ляхи искони извыкли прелестями своими разные монархии губить: так православных российских князей прельстили и седалища их пресветлые ни во что обратили; а теперь ни о чем больше не промышляют, как только о том, чтоб разорить православие, что не раз и ваше царское величество узнал. Теперь ляхи, видя свою свыше от Бога назначенную погибель, вашему царскому величеству покоряются, а в сердцах у них яд змеиной ярости кипит. Покоряются вашему царскому величеству, а сами к султану турецкому послов отправляют, просят, чтоб помогал им христиан воевать, и за эту помощь все вашего царского величества украинские города обещают, от Каменца Подольского начиная. Узнавши об этом от владельца молдавского, извещаем тебе и молим твое царское величество, не верь

отступникам ляхам. И то тебе, великому государю, извещаю, что, будучи недосужным, за изволением всех полковников, поручил я гетманство сыну своему Юрию Хмельницкому, о котором низко челом бью, молю, чтоб твое царское величество милостив к нему был».

Посланец Коробка говорил в приказе, что Богдан за старостию и болезнию гетманство сдал сыну своему – Юрию, за радостью полковников и всего войска; Юрию Хмельницкому 16 лет; булаву гетманскую ему дали, только власти никакой не будет иметь при жизни отцовской, владеть всем и гетманом называться и писаться будет отец его, Богдан Хмельницкий. Гетман и войско, все от мала до велика, желают того, чтоб изволил приехать в Киев великий государь, святейший Никон патриарх, и там бы митрополита на митрополию, а гетманского сына на гетманство благословил. Царь отвечал Хмельницкому, чтоб он старался не перепускать турок через Днестр; относительно Юрия писал: «Вам бы, гетману, сыну своему Юрию приказать, чтоб он нам, великому государю, служил верою и правдою, как вы, гетман, служили; а мы, увидя его верную службу и в целости сохраненную присягу, станем держать его в милостивом жалованье».

Хотя Хмельницкий и писал, что передал гетманство сыну по изволению всех полковников, однако не все полковники изволили на это. Богдан сведал, что миргородский полковник Грицка Лесницкий прочит гетманство Выговскому. Старик велел призвать их обоих к себе. Лесницкого хотел казнить смертью, а Выговского велел перед собою расковать по рукам лицом к земле и держал его в таком положении мало не целый день, «пока у Богдана сердце ушло»; писарь лежал на земле, все плакал, и гетман наконец простил его.

19 апреля отправился к Хмельницкому окольный Федор Васильевич Бутурлин да дьяк Василий Михайлов. 23 мая приехали они в Гоголево, где были встречены стариком Астафьем Выговским и священниками с образами и хоругвями; Выговский просил послов проводить честные иконы до церкви, а из церкви позвал их к себе обедать. За обедом Бутурлин начал спрашивать старика о делах малороссийских, и Астафий, выславши всех людей вон, начал говорить: «В прошлом году, когда царские послы, князь Одоевский с товарищами, заключили с поляками мирный договор, то по указу царского величества отправлены были туда, в Вильну, и посланцы от гетмана Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского. Когда эти

посланцы приехали назад, то, ухватя гетмана за ноги и облившись слезами, завопили: «Сгинуло Войско Запорожское в Малой России, нет ему помощи ниоткуда, некуда ему деться! На каких мерах у царских послов с польскими комиссарами учинился договор, про то нам отнюдь ничего неведомо: царские послы не только с нами ни о чем не советовались, не только в посольский шатер не пускали, но и до шатерных пол далеко не допускали, словно псов в церковь; а ляхи нам сказывали, что царские послы постановили договор по поляновским статьям, и Войску Запорожскому со всею Малороссиєю быть в королевской стороне по-прежнему, и если козаки в послушании у ляхов не будут, то царское величество станет ляхам на козаков помогать». Выслушав эти вести, полковники начали быть в великом сомнении, какими это мерами так над ними учинилось? А гетман Хмельницкий, как шальной, в исступлении ума завопил: «Дети, не горюйте, я уже знаю, как сделать; надобно отступить от царской руки, а пойдем, где великий владыка повелит быть, не под христианским государем, так под бусурманом». И велел посылать по всем полковникам, звать на раду. Тут сын мой, писарь Иван, ухватясь за ноги гетмана, стал говорить ему наедине: «Гетман, надобно это дело делать без запальчивости, разузнать, как что сделано, послать к царскому величеству и проведать подлинно, за какие наши вины так сделано? А присяга дело великое, нарушить ее нельзя, за это сам высший творец будет мстителем». И к полковникам, которые в то время были при гетмане, сын мой забежал и говорил с плачем, чтоб не отлучаться от высокой руки царского величества и не слыть по всему свету изменниками. Гетман сына моего не послушал, прямо отказал, что никак нельзя остаться под царскою рукою за такое государево немилосердие. Дети мои, Иван и Данило, уговаривали полковников, чтоб не делать этого, собрали раду, и на раде полковники гетману отказали впрямь, что они от государя не отступят и по всему свету изменниками слыть не хотят: недостаточное дело, говорили они, чтоб царское величество, показав свое милосердие надо всеми нами, высвободи нас от неприятельских рук, отдал бы опять врагам христианским. И едва гетмана уговорили. А Богдан Хмельницкий сильно ошалел и в болезни на всякого сердится: лучше умереть или побежать куда, чтоб только его не видать. Сын мой, писарь Иван, говорил мне, что «на гетманово злодейство и неправду никакими

мерами угодить нельзя: если б не ты да не matka, то я бы давно от горести сердечной побежал к царскому величеству или в иные государства; и для верной услуги царскому величеству теперь сын мой, Иван, женился на шляхтянке благочестивой христианской веры, на дочери Богдана Станеевича, у которого маетности в Оршанском повете, на своих землях они и Кутеинский монастырь построили, а другой мой сын, Константин, женился на дочери Ивана Мещерского, и хотят бить челом великому государю, чтоб велел маетности их дать им, так же как царская милость была и к иным шляхтичам».

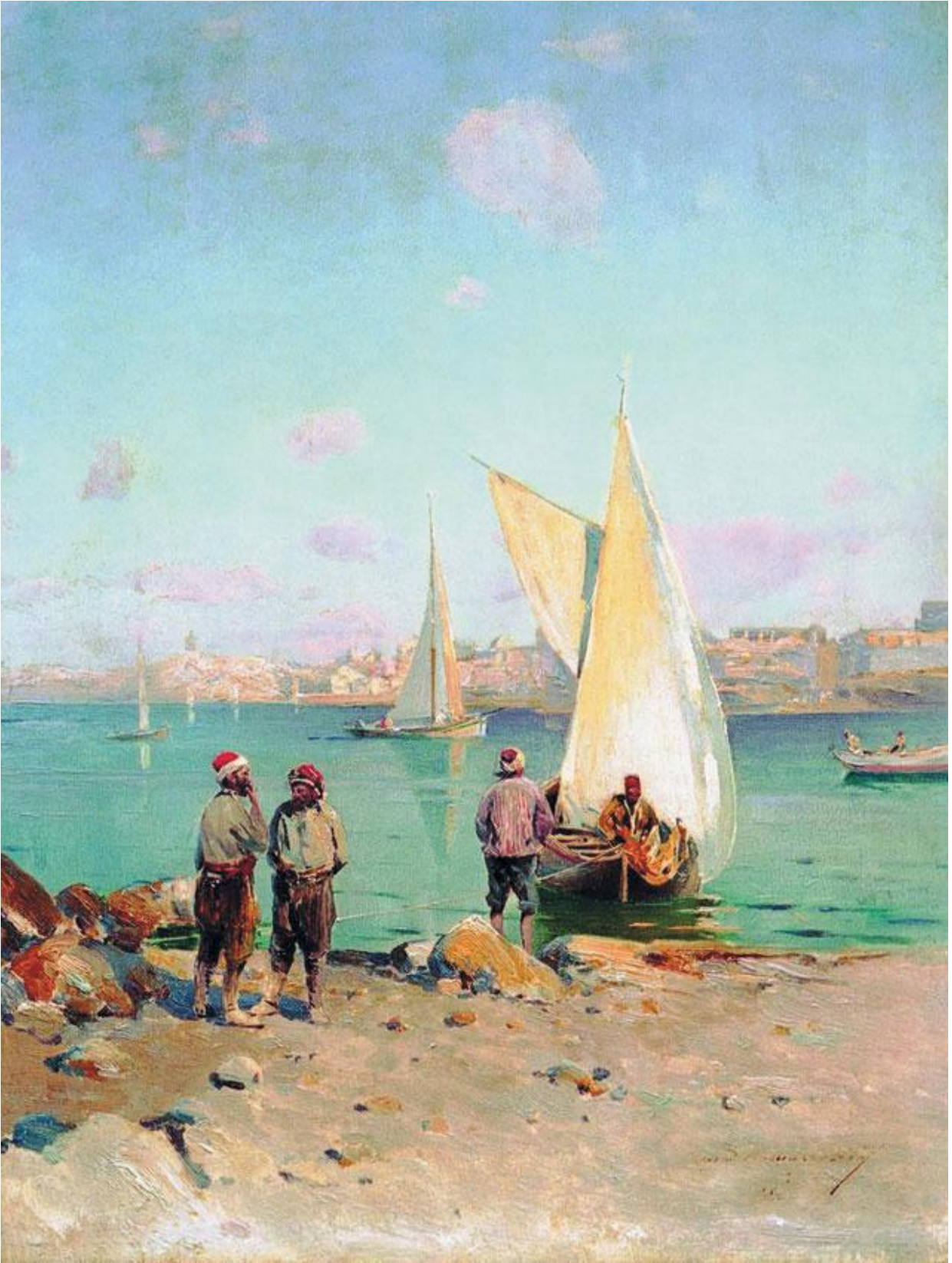
3 июня, не доезжая до Чигирина верст за десять, Бутурлин был встречен миргородским полковником Григорием Лесницким, который объявил о себе, что он сделан наказным гетманом над всем Войском Запорожским, чтоб идти против крымского хана; стоит он в десяти верстах от Чигирина и собирается с войском, а крымский хан со всеми ордами переправился за Днепр под Очаковом и стоит в недалних местах. «Теперь, – говорил Лесницкий, – слух до нас доходит, что его царское величество, неизвестно по каким нашим винам, гнев свой на нас положил и хочет послать на нас ратных воинских людей; однако мы жен своих и детей оставим без всякого спасенья, хотя и постигнет нас меч его царского величества; мы подложим головы свои под меч этот безо всякого сопротивления: буди во всем воля великого государя нашего».

Бутурлин отвечал: «Это вам кто-нибудь наговорил воровски, на ссору: великий государь держит вас в своей милости и жалованье, и вам бы ему служить, а воровским речам, смутным речам не верить, а служба ваша у великого государя забвенна не будет».

Верст за пять от Чигирина встретили Бутурлина сын Хмельницкого Юрий, писарь Выговский, есаул Иван Ковалевский, с ними козаков конных человек с двести; Юрий сказал Бутурлину: «Не прогневайтесь, что отец мой сам не выехал к вам навстречу: он очень болен». На другой день Бутурлин был у гетмана, которого нашел в постели. По причине болезни Богдан отказался слушать речи посольские о великих государевых делах, отложил до другого раза; Бутурлин за это отказался было обедать у него, но потом согласился, когда гетман объявил, что он почтет это за знак государевой немилости к нему. За стол сели и потчивали послов гетманова жена Анна и дочь Катерина, жена Данила Выговского, писарь Иван Выговский и есаул

Иван Ковалевский, а сам гетман за столом сидеть не смог, лежал на постели. В половине стола Богдан велел налить себе кубок венгерского, встал и, поддерживаемый слугами, пил за здоровье государя, царского семейства, за патриарха Никона, милостивого заступника и ходатая.

На другой день Бутурлин расспрашивал писаря Выговского о вестях; тот, взирая на образ Спасов, перекрестя лице свое, с великими клятвами говорил, что Хмельницкий и он, писарь, и все Войско Запорожское великому государю во всем истинные слуги и подданные без всякой шатости; с шведским королем, с Рагоци, с молдаванами и волохами гетман соединился не для чего иного, только на славу, честь и хвалу великому государю. Великий государь с поляками договор велел учинить по поляновским статьям, Войску Запорожскому быть по-прежнему в Короне Польской; гетман и все Войско Запорожское о том опечалились, а поляки обрадовались покою, начали злохитрствовать, забегать во многие государства, чтоб они вместе с ними Войско Запорожское и православных христиан воевали. Тогда гетман послал к венгерскому, молдавскому и волошскому владетелям о дружбе; те обрадовались и присягнули в вечной дружбе. Это сделано великому государю на вечную славу, что такие честные владетели царского величества подданным учинились в дружбе и братстве и на недругов великого государя в соединении; а полковник Антон Жданович ходил на поляков не для того, чтоб Рагоци быть на Короне Польской, а только для того, чтоб поляки с окрестными государями дружбою не сносились и подданных царского величества не разоряли. Бутурлин отвечал: «Нам в великое подивленье, какими мерами то чинится, что у гетмана и Войска Запорожского с неприятелем царского величества, шведским королем, ссылка и соединение, и всякое доброхотство от великого государя переносится на шведского короля да на Рагоци венгерского, и Войско Запорожское всякое вспоможенье чинит неприятелям царского величества без воли и повеленья великого государя. Делаете вы это, забыв страх Божий и свое обещание, данное пред св. Евангелием; Корону Польскую, на которую избрали великого государя нашего, разоряете, крови христианские проливаете, православным церквам Божиим и православным христианам, живущим в Польше, от кальвинов разорение и осквернение чинится многое, так что и слышать страшно: блюдитесь, чтоб вам за такие неправды не навести на себя гнева Божия!»

С. Васильковский. Морская бухта. Конец XIX в.

Наконец Богдан прислал звать к себе Бутурлина на личное свидание. Посол повторил и ему те же самые слова, какие говорил Выговскому. Богдан вспыхнул. «От шведского короля, – сказал он, – я никогда отлучен не буду, потому что у нас дружба давняя, больше шести лет; шведы люди правдивые, всякую дружбу и приязнь додерживают, слово свое держат; а царское величество надо мною и надо всем войском учинил было немилосердие свое: помирясь с поляками, хотел было нас отдать им в руки; а теперь слух до нас доходит, что государь изволил послать из Вильны против нас, шведов и венгров, ляхам на помощь 20 000 ратных людей; а мы, когда еще и не были у царского величества в подданстве, великому государю служили, крымского хана воевать московские украины не пускали девять лет, и теперь мы от царской высокой руки неотступны и идем воевать с неприятелями царского величества, хотя бы мне от нынешней моей болезни и смерть приключилась, для того везем с собою и гроб. Вере христианской никогда я разорителем не буду: были с нами в союзе и бусурманы, крымские татары, и те меня слушали, бились за церкви Божии и за веру православную. Великому государю во всем воля; только мне диво, что бояре ему ничего доброго не посоветуют: Короною Польскою еще не овладели и мира в совершенье еще не привели, а уже с другим государством, со шведами, войну начали, а шведский король силен, у него в союзе шестнадцать земель; и если бы я не соединился со шведами, венграми, молдаванами и волохами, то соединились бы с ними поляки, и нас всех в Малой России вырубил бы и выжгли, царского величества рати к нам на помощь не подоспели, мы бы все сгинули, а потом и Российскому государству было бы нерадостно ж».

Бутурлин отвечал: «Гетман! Стыдно тебе говорить такие непристойные слова! Надобно бы тебе помнить Бога и присягу свою, как обещался великому государю служить и прямить и всякого добра хотеть; надобно было тебе помнить царского величества милость и от неприятелей оборону; а теперь за помощь Войска Запорожского шведский король и Рагоци побрали в Польше много городов и великое, неизреченное богатство пограбили; блюдитесь, чтоб вам за ваши неправды не навести на себя гнева Божия! Когда победою царского

величества поляки учинились бессильны, то на разоренье и на грабеж много у вас друзей стало; а как неприятели ваши, польские и литовские люди, вам были страшны и сильны, то освободиться от них никто вам не помог, только один великий государь наш. Когда вам от неприятелей было тесно, то ты, гетман, с послами великого государя говаривал поласковее, а теперь ты говоришь с большими пыхами, неведомо по какой мере. Тебе самому памятно, как приходил я со многими ратными людьми тебе на помощь против поляков и крымских татар: в то время ты был очень низок и к нам держал любовь большую; носи платье разноцветное, а слово держи одинакое. Неправды шведского короля не только великому государю нельзя было терпеть, но и ты бы не стерпел; а служба твоя великому государю известна и никогда у него забвенна не будет; теперь великий государь тебя держит в милости и великой чести, и вперед на царскую милость будь надежен, а непристойные и высокие меры от себя отложи. У великого государя и в мысли того не было, чтоб отдать вас польскому королю, да и то дело несхожее, что государь послал на вас из Вильны 20 000 ратных людей: это кто-нибудь сказал на ссору, так тебе бы этому не верить; царское величество вас всех, православных христиан единоверных, держит в своей милости».

Резкая правда в начале речи и мягкий конец произвели свое действие; старик приутих и отвечал: «Я верный подданный царского величества и никогда от его высокой руки не отлучусь; царского величества милость и оборона нам памятна, и за то готовы мы также царскому величеству служить и голов своих не щадить. Только теперь дайте мне покой; подумавши обо всем, вам ответ учиним в другое время потому: я страдаю от тяжкой болезни, не могу говорить». Постлали скатерть на стол, и больной попросил Бутурлина по-приятельски отобедать у него чем Бог послал; жена и дочь его по-прежнему потчевали.

На другой день, 10 июня, пришел к Бутурлину писарь Выговский и сказал: «Гетман велел вам сказать добрый день и о вашем здоровье спросить, на вчерашнее же не сердитесь, потому что гетман очень болен, простите, что в тяжкой своей болезни запальчиво говорил: в болезни своей теперь на всех сердится, уже нрав такой, нас всех бранит, подойти нельзя! Гетман велел спросить: донес ли царскому величеству стольник Кикин о желании гетманском написать к шведскому королю о его неправдах?» Бутурлин отвечал, что Кикин донес об этом: пусть

гетман пишет к королю и пусть тот исправится пред государем. «Но, — прибавил посол, — перехвачена литовскими людьми грамота гетманская к шведскому королю, в которой Хмельницкий пишет, подкрепляя договор свой с королем и ожидая от него великих послов». Выговский отвечал: «Шведские послы должны быть сюда скоро; но в грамоте не написано, что гетман подкрепляет договор свой, гетман писал только о дружбе, приязни и любви». Бутурлин сказал на это: «Писарь Иван Выговский! Помни к себе милость и жалованье великого государя, служи и работай ему истинным сердцем, правою душою, безо всякой хитрости и обману, а у царского величества твоя служба и работа незабвенна!» Выговский по обычаю своему клялся страшными клятвами, что служит великому государю всею душою, гетмана и полковников укрепляет и от всякой шатости отводит, и в знак прямой службы и верного подданства женился на православной, и хочет просить, чтоб тестевы имения в Оршанском повете перешли к нему и жене его, а он великому государю верный подданный до конца жизни.

12 июня приехали к гетману шведские и венгерские послы; Бутурлин послал за Выговским и спросил его: зачем приехали послы? Писарь отвечал, что Карл X прислал о дружбе и любви с гетманом и со всем Войском Запорожским. 13 числа гетман прислал звать к себе царских посланных на разговор и встретил их такую речью: «Уверяю, что ни я, ни кто другой из живущих в Малой России от высокой руки царского величества не отступен; просим вас донести до царского величества наше моление и просьбу, чтоб великий государь не верил обличениям на нас, а что мы прибрали к себе в товарищество шведа и Рагоци, не обославшись с великим государем, то это сделали мы из страха, потому что ляхи задают фантазии великие, под клятвою утверждают, что царское величество нас отдал им, да и для того, чтоб ляхи не соединились со шведом и Рагоци. Думаем, что швед мирному договору будет рад, а если мириться не захочет, то в то время на шведского короля иной способ учиним; а теперь бы начатое дело с ляхами к концу привести, чтоб всеми великими потугами с обеих сторон, и с царского величества, и с шведской, ляхов бить, до конца искоренить и с другими государствами соединиться не дать; а мы знаем наверное, что словом ляхи великого государя на корону избирали, а делом никак то не случилось, как видно из грамоты их к султану, которую я отослал к царскому величеству».

Бутурлин, ничего не отвечая на это, начал свои речи. «В прошлом, 1655 году ходили вы на ляхов вместе с боярином Васильем Васильевичем Бутурлиным, пришли под первый город Гусятин, боярского полка люди начали к нему приступать и на город взошли, а ты, гетман, велел их от города отбивать, и на том отбое многих людей посекали, а по тем людям, которые взошли было на город, из пушек стреляли. Боярин послал к тебе дворян спросить, что это значит? Ты отвечал, что гусятинцы прислали к тебе бить челом, что сдадутся. Когда подо Львов подошли государевы ратные люди и хотели над ним чинить промысл, то ты, гетман, промысла никакого чинить не дал, а взял с города пятьдесят тысяч золотых червонных; а как посылали под Люблин Данила Выговского да Петра Потемкина, то в Люблине взяты взятьем только посады, а замочек сдался, и в замочке этом тамошним людям тесноты никакой не чинили же и людей не выводили. А теперь, которая шляхта великому государю присягнула и на маетности свои получила жалованные грамоты, чтоб жить безопасно, то черкасы Нечаева полка разоряют ее, из маетностей выгоняют, иных побивают, крестьян от пашни отлучили и произвели такой голод, какого давно не слыхано, не только что мертвечину и всякую нечистоту, но и человеческое мясо едят: и, на то смотря, другим полякам в Литве под царскую руку поддаваться опасно. Когда полномочные царские послы говорили с польскими комиссарами в Вильне об избрании царского величества на Корону Польскую и польские комиссары соглашались, лишь бы только права и вольности их не были нарушены и маетностей не отнимали, в то время ты, гетман, во всем полагался на государское изволение, а теперь говорил стольнику Кикину и дьяку Фомину, что если царское величество с польским королем и помирится, то ты с поляками никогда в согласии не будешь, либо их разоришь, либо сам пропадешь. Таким образом, в словах твоих нет постоянства: сперва ты под Гусятином говорил: хотя бы поддавались не только поляки, но и татары и жида, и тех для чего не принять? Теснить их ни в чем не годится; а теперь поляки сами желают быть под царскою рукою, и тебе какое приобретение, если от вашего гонения и тесноты они поддадутся шведскому королю или Рагоци?»

Гетман отвечал: «Правда, что под Гусятином города добывать мы не давали, не потому, что ляхов берегли, а потому, что в тех городах много православных христиан, а мыслили мы начальное и главное

дело: вой ска кварцяные и гетманов побивши, идти далее, в Польшу, и там добывать коронных городов, в которых ляхи живут. Но этому нашему замыслу послушными быть не захотели, пошли за грабежом и гонялись за корыстью. А со Львова хотя что и взято, и то роздано ратным бедным людям. Мы знаем, кто сами себе честь получили больше того, но мы их перед царским величеством не выдаем, чтоб царское величество над нами милость показал, тем, которые доносят на нас невинно, верить не велел; а я хотя бы и шальной был, то не мог бы велеть побивать из пушек царских людей, единовверных православных христиан. К Ивану Нечаю послал я нарочно листы, чтоб шляхте кривд никаких не чинили».

Бутурлин продолжал: «В дороге мы слышали от всяких людей, что была у тебя рада, и на той раде сдал ты гетманство сыну своему Юрию: и тебе бы велеть сыну своему в церкви Божией, пред святым Евангелием, при нас присягнуть на подданство великому государю, государыне и царевичу Алексею Алексеевичу». Гетман отвечал: «Видите сами, что я сильно болен и в старости, и я поговорил с полковниками, чтоб попомнили свою службу, промысл и раденье, по смерти моей выбрали на запорожское гетманство сына моего Юрия; а ныне, пока жив буду, гетманство и всякое старшинство держу при себе, а когда по моей смерти сделается гетманом сын мой Юрий, то он царскому величеству присягу учинит».

Следовала статья потруднее. «По указу великого государя, – говорил Бутурлин, – велено в Киеве стрельцам жить с женами и детьми и дать им под двory места и под пашни земли, чтоб стрельцы в Киеве от неприятельских безвестных приходов всегда были готовы; но в Киеве полковник и войт без твоего гетманского письма под стрелецкие двory мест не дают, и стрельцы с женами и детьми живут по шалашам, и вы сами городу от неприятелей разоренье навести хотите, потому что стрельцы в Киеве без дворов жить не станут и побредут врознь, и если без ратных осадных людей что над Киевом учинится, и то будет от вас: так ты бы отписал в Киев поскорее, что места и земли велел отвести». Гетман отвечал: «В Киеве я давно не бывал; у кого и под городом отняты земли, от тех до сих пор хлопоты и плач великий, на чужих землях трудно поселить, это значит право нарушить». Тут писарь Выговский и есаул Ковалевский стали кричать: «Как это можно отнимать собственные стародавние места, которые даны церкви

прежними князьями русскими и королями польскими, также собственные дома и земли козацкие и мещанские отнять и отдать стрельцам! Этим наведем на себя лютую беду! Ляхи у гетмана отняли стародавнюю маетность Субботову, и за эту кривду до сих пор кровь льется; в Киеве можно пробыть и без московских стрельцов, такими малыми людьми от неприятеля не оборониться». И отказали впрямь. Бутурлин возражал: «Отговариваетесь мимо всякой правды не делом; можно дать стрельцам земли митрополичьи, монастырские, козацкие, мещанские, а старым владельцам дать взамен земли где-нибудь в другом месте, хотя бы и больше прежнего. Пристойное ли вы дело говорите, что стрельцам и солдатам в Киеве не быть; где по указу царского величества честные люди бывают в городах воеводами, и для их чести и для обороны, и для неприятельских безвестных приходов живут конные и пешие рати многие. Ты, гетман, сам пишешь к государю, что турки и татары идут на Малороссию, а в Киеве осадные люди только одни мещане, и тех немного, для своих торговых промыслов в беспрестанных разъездах. Царские стрельцы и солдаты приехали в Киев другой год и до сих пор не имеют, где головы приклонить, скитаются с женами и малыми детьми между дворов, и мороз, и дождь, и слякоть, и солнечный жар терпят, и многие помирают. Вам, писарю и есаулу, приставать к гетмановым словам непригоже и говорить шумно не годится: это обычай негодных людей. В домах своих вы не только челядникам своим покой строите, но и псам конуры, и лошадям конюшни, и скотине хлевы; а царского величества ратные люди не имеют, где головы приклонить. Как вы Бога не боитесь и стыда не имеете: это ли братская любовь?» Гетман отвечал: «Подумавши, как это сделать, дам вам знать».

У Бутурлина была еще статья: «Царскому величеству ведомо учинилось: говоришь ты, гетман, что царское величество к тебе и ко всему Войску Запорожскому милостив, а бояре вас ненавидят и службы прямые ваши до государя не доносят; это тебе про бояр кто-нибудь сказывал на ссору, ложно; боярам тебя ненавидеть не за что, а служба твоя великому государю и боярам его вся известна, и ничто от великого государя не утаено: и тебе бы таким смутным воровским речам не верить».

На другой день, 14 июня, пришел к Бутурлину Выговский и объявил, что в Киев уже отправлен Иван Волович для приискания

места стрельцам. Бутурлин выговорил Выговскому за его вчерашние *шумные и развратные* речи, но Выговский отвечал: «Говорил я так по гетманову приказу, а всех пуще в том деле помешку чинит есаул Иван Ковалевский: со мною перед гетманом сильно спорит; хотя бы ему какой-нибудь подарок дать, чтоб он в этом деле не мешал».

Это были последние переговоры с Богданом: 27 июля знаменитого гетмана уже не было в живых.